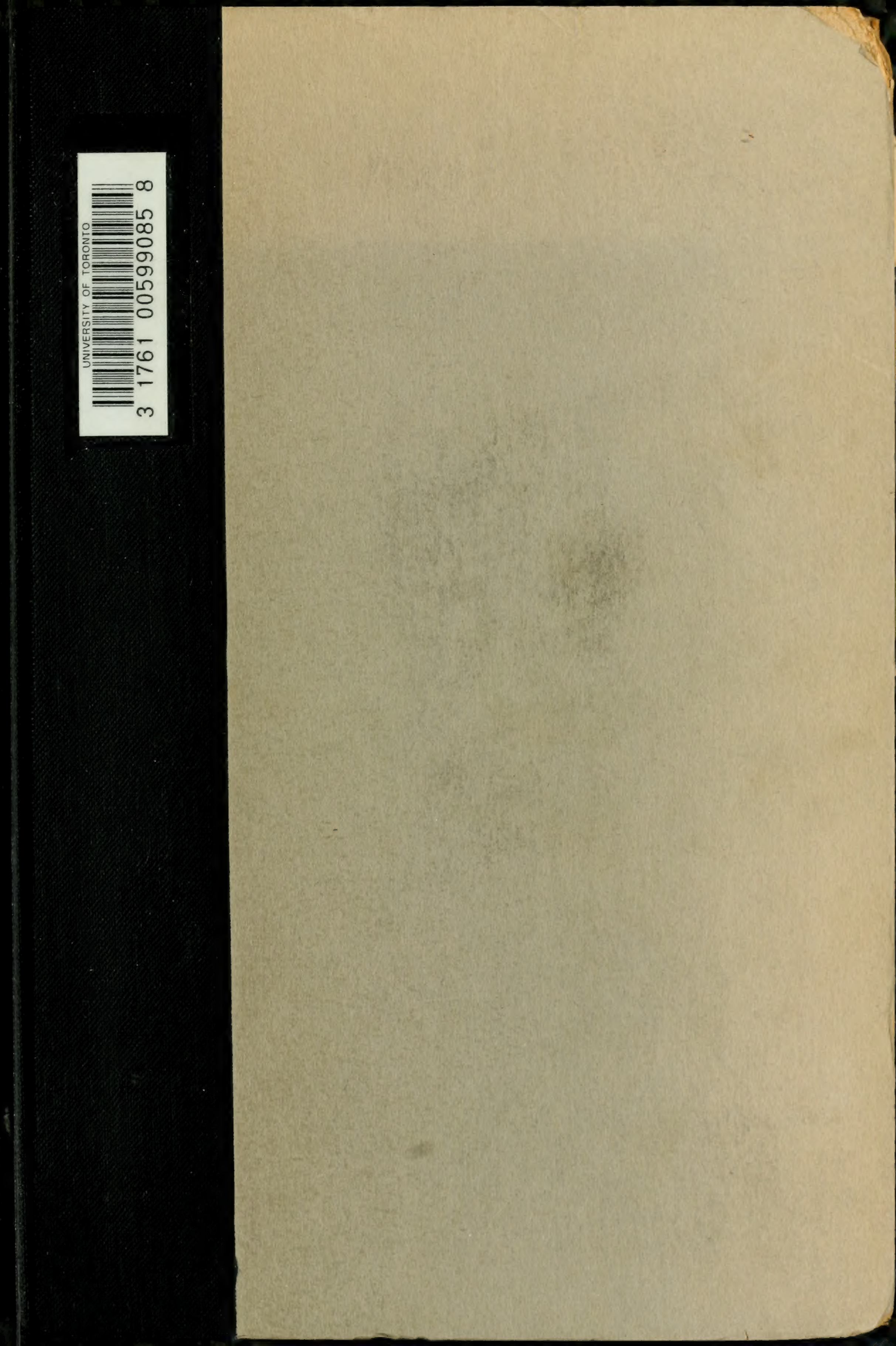

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00599085 8

ПЕТР КРОПОТКИН

СБОРНИК СТАТЕЙ

под редакцией
А. БОРОВОГО,
Н. ЛЕБЕДЕВА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГОЛОС ТРУДА"
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА
1922

ПЕТР КРОПОТКИН

Петр Кропоткин

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ

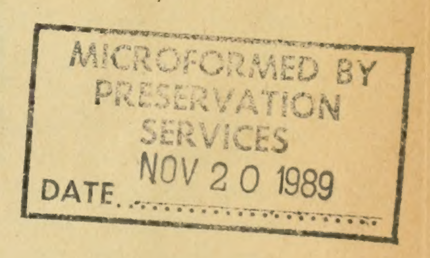
П. А. КРОПОТКИНА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. БОРОВОГО и Н. ЛЕБЕДЕВА

с двумя портретами

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА“
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА
1922

Типография „Голос Труда“
Петроград, Ярославская, 1/9.
Р. Ц. № 1575. 3000 экз.

От редакции.

Настоящий сборник — далек от какого-либо идейного единства.

Авторы статей, помещенных в сборнике, не связаны однородностью общественной платформы и общностью мировоззрения, их спаивает лишь единство глубочайшего уважения к творчеству и жизненному подвигу покойного вождя анархической мысли.

Редакция полагает, что лучший способ выявить ценное и жизнеспособное в мировоззрении Петра Алексеевича — заключается в том, чтобы предоставить на страницах сборника полную свободу суждения о великом революционере и ученом и тем, кто не только не разделяет до конца анархических концепций Петра Алексеевича, но, быть может, и враждебен им.

Различные неблагоприятные условия помешали редакции осуществить намеченный план в желательном масштабе. Некоторые статьи не были доставлены к сроку, другие редакция по разным соображениям вынуждена была отклонить.

Тяжким ударом для редакции сборника, как и для будущего его читателя, должна быть утрата драгоценной рукописи старого товарища Петра Алексеевича и авторитетнейшего историка анархической мысли доктора Макса Нетлау. Рукопись была похищена при пересылке ее из Москвы в Петербург и осталась неразысканной. За недостатком времени и ввиду крайне трудных сношений с Западной Европой в данный момент редакции не удалось получить от Нетлау дубликата утерянной рукописи.

Алексей Боровой.

Июль, 1922 г.

Николай Лебедев.

П. А. Кропоткин.

Человек.—Мыслитель.—Революционер.

(КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).

Среди борцов за лучшее будущее человечества Петр Алексеевич Кропоткин занимает, бесспорно, одно из первых мест. Он принадлежит к самым выдающимся социалистам мыслителям нашего времени и является пламенным апостолом нового общества, основанного на свободе, справедливости и солидарности.

К сожалению, имя и идеи П. А. Кропоткина более известны и популярны в Европе, в Америке и даже в Китае и Японии, чем в его родной стране России. Причина этого заключается в том, что целых сорок лет П. А. прожил изгнанником на чужбине, и его имя, вместе с именами Герцена и Бакунина, долгие десятилетия было «под запретом».

Только революция 1905 г. отчасти и на короткое время дала возможность появиться в России некоторым сочинениям П. А. Но большая часть его произведений оставались недоступными для широких слоев русского народа вплоть до революции 1917 г., когда стало возможным не только свободно печатать все, что писал П. А., но и вернуться ему самому в родную страну...

Кропоткин мало известен в России; о нем только слышали, но его не знают трудящиеся массы, а между тем он всю свою жизнь посвятил на служение этим массам.

Но, П. А. не только борец за идеалы анархии, он не только теоретик безгосударственного свободного социализма, но, он в то же время является, как Герцен и Толстой, выдающимся выразителем русского национального гения.

В настоящий момент, когда прошел только год после смерти П. А. Кропоткина, еще трудно выяснить все культурное и революционное значение Кропоткина. Он еще слишком близок к нам, и нет еще той исторической перспективы, которая помогла бы нам охватить во весь рост и во всей ее многогранности личность П. А-ча. Полная и всесторонняя оценка Кропоткина—дело будущего. В настоящей

статье я попытаюсь дать лишь краткую характеристику личности и творчества П. А. Кропоткина.

В лице Кропоткина мы видим сочетание большого ума с великим сердцем и беззаветной преданностью революционному делу. Кропоткин является удивительно цельной и законченной натурой. На склоне своих лет, как и на заре своей юности, он оставался верен своим идеалам, которые он пронес через долгие и тяжелые годы тюремного заключения и необеспеченной эмигрантской жизни. Великий немецкий поэт-философ, Гетэ, сказал: «благо тому, кто сумеет соединить конец своей жизни с началом ее». Кропоткин сумел сделать это, он гармонически сочетал все свои действия в единую и стройную симфонию.

Жизнь Кропоткина полна драматизма и совершенно был прав один английский журналист, который в своей статье о Кропоткине, сказал: «Личность и жизнь Кропоткина кажутся принадлежащими к области героических сказаний... На заре истории, Кропоткин, несомненно, стал бы предметом легенды, каким-нибудь Аяксом, вызывающим на бой молнии деспотизма, или Прометеем, прикованным к скале за то, что принес на землю светоч свободы. Поэты сделали бы его деяния предметом народных песен и детское воображение воспламенилось бы рассказами о его жизни»...

На самом деле,—жизнь Кропоткина необычна:—родовитый потомок великих князей Смоленских, ведущих свой род от первого русского князя Рюрика, камер-паж императора Александра Второго, путешественник по глухим дебрям Восточной Сибири и северного Китая, ученый географ и исследователь, секретарь Русского Географического общества, революционер, эмигрант и теоретик самого крайнего течения в социализме—анархического коммунизма—какая гамма переживаний! Какой размах творческой мысли!..

Революционер и анархист—бунтарь, которого русское правительство считало одним из самых страшных своих врагов, и в то же время обаятельный по своим личным качествам человек, заставлявший своей безупречной жизнью уважать себя даже противников,—таков П. А. Кропоткин.

Родившись и выросши в мрачную эпоху царствования Николая Первого, в эпоху крепостного права, или, вернее, бесправия, П. А. уже с ранних лет возненавидел органически весь уклад крепостной жизни...

В своих «Записках Революционера», описывая картины своего детства, П. А. просто и бесхитростно, без излишних эффектов, рассказывает о том, какое на него произвело впечатление наказание, по распоряжению его отца, слуги Макара розгами. Когда «Макар вернулся после экзекуции, говорит П. А., я не мог смотреть ему в глаза» и когда он встретил Макара в корридоре, то бросился к нему, поймал его руку и хотел ее поцеловать.

«Макар, рассказывает П. А.. быстро отдернул руку и не то с упреком, не то вопросительно, пробормотал: «оставь меня, небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь?»

«Нет, нет, никогда!»—взволнованно сказал потрясенный мальчик.

И он свято сдержал свое слово, данное им высеченному рабу и не только не сделался крепостником, но стал величайшим проповедником братства и равенства людей и борцом против всякого гнета и насилия.

Уже в молодые годы П. А. отказался от всех привилегий своего класса и ушел в ряды трудящихся. Он не хотел жить привольной жизнью социального паразита, а избрал карьеру скромного ученого.

Но, отрешившись и отказавшись от всех привилегий и зажив трудовой жизнью простого ученого, П. А. сознавал, что он еще не выполняет целиком своего долга перед народом... И он отказывается и от этой жизни и становится в ряды борцов за лучший общественный строй... он становится социалистом...

Не пылким юношей, ослепленным красивой утопией, пришел П. А. к социализму, но взрослым, много видевшим человеком. Прежде чем перейти на другую сторону социальной баррикады, П. А. долго изучал историческую и общественную жизнь народов. Благодаря этому он сразу занимает в русском революционном движении семидесятых годов выдающееся место, а когда в 1876 г. он эмигрировал за границу, то стал вскоре идейным вождем европейского анархизма.

Представляя собою крупного ученого, и достигнув мировой известности, П. А. остался, однако, все таким же скромным и приветливым человеком, каким он был раньше.

Основной чертой характера П. А. была доброта, вытекавшая из всей его натуры; он любил человечество и эта любовь была естественным состоянием его души. Но он любил не абстрактное, отвлеченное человечество, а живых людей, человечество во плоти и крови со всеми его недостатками. Его революционность, его возмущение существующим строем, его бунт против гнета и эксплоатации вытекали именно из этой любви к человечеству, прежде всего к угнетенным и трудящимся массам.

Кропоткина очень многие сравнивают с Л. Н. Толстым. Действительно, между ними, несмотря на диаметрально противоположную разницу их мировоззрений, есть много общего. Толстой, как и Кропоткин, тоже «мятежник» (révolté) и борец против «неправды» современного строя. Сам Толстой, сильно интересовавшийся личностью П. А., неоднократно в разговорах, когда упоминалось имя Кропоткина, говорил, что «он очень хотел бы познакомиться с Кропоткиным» и что он «многому у него научился».

Но между Толстым и Кропоткиным есть и огромная разница. Разница эта состоит в том, что в своем протесте и в своих идеалах Толстой исходил из *божественного* авторитета и стремился из-

менить современный строй жизни путем отказа от земных благ, опрощением и пассивным непротивлением. Кропоткин, наоборот, строит все свои теории, всю свою социальную философию, только на *человеке* и его природе, и ищет счастья в гармоническом и абсолютно свободном удовлетворении всех потребностей человека, считая, что новый более совершенный строй жизни будет достигнут только благодаря активной творческой деятельности и борьбе.

Кропоткин был прежде всего *человек*. Он любил жизнь, любил прекрасное и стремился к тому, чтобы все блага жизни, искусство и наука, были доступны всем людям, без исключения. Он хотел, чтобы жизнь в будущем строе, была, по выражению Чехова, «изящной и красивой». Вот почему он так сильно ненавидел все препятствия, мешающие народным массам прикоснуться к источникам правды и красоты.

Недавно ушедший от нас художник-гуманист, В. Г. Короленко, характеризуя Льва Толстого, назвал его «иудеем первого века», пытающимся восстановить над душами людей власть «простого и бедного галилейского христианства». Кропоткина мы можем назвать, в этом отношении, «эллином» эпохи расцвета древней Греции, так как в его мировоззрении именно было много светлых и оптимистических черт, присущих эллинскому гению.

Существует две формы восприятия внешнего мира и два вытекающих отсюда мироощущения, два различных отношения к природе. Одни люди чувствуют в природе что-то враждебное, она действует на них устрашающе, а другие, наоборот, испытывают от созерцания природы светлое радостное чувство, для них в природе открывается мировая гармония и в этом космическом концерте они не выделяют себя, не противопоставляют себя природе, а как бы сливаются с нею и сознают себя ее частью.

Первое мироощущение мы можем лучше всего характеризовать словами Тургенева из его рассказа «Поездка в Полесье». Тургенев говорит так: «из недра вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет дела до тебя,—говорит природа человеку,—я царствую, а ты хлопочи о том, чтобы не умереть»... Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтания молодости смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; вся душа его никнет и замирает; и чувствует, что последний из его братий может исчезнуть с лица земли—и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность»...

Кропоткин принадлежал к людям другого мироощущения. Для него в лике природы не было ничего устрашающего и он не чувствовал на лоне природе ни одиночества, ни слабости. В своих «Запи-

сках Революционера» он говорит, что еще в детские годы он находил неиз'яснимое наслаждение от созерцания красот природы и уже тогда смутно чувствовал гармонию вселенной. В своем последнем произведении «Этика» П. А. доказывает, что в природе есть даже нравственное начало и что природа не а-моральна, как это утверждали почти все естественники.

В своей системе этики П. А. об'единяет в одно целое мир людей и мир животных, которых он называет «немыми братьями» человека. Он говорит, что первобытный человек жил в тесном общении со всеми животными, а с некоторыми из них даже делил свою пищу и жилище. Человек долгое время не выделял свое племя из животного мира и тогда уже, живя совместной и единой жизнью со всеми живыми существами, он научился первым основам общежития и морали [1]). Отделившись от мира животных, человек вынес оттуда наиболее ценные приобретения «взаимопомощи и солидарности», благодаря которым человек не чувствует своего одиночества и беспомощности перед лицом природы.

Как мыслитель, Кропоткин считал себя позитивистом и реалистом. Его миросозерцание складывалось, главным образом, в шестидесятые годы, в эпоху под'ема естественных наук и расцвета материалистических идей; в эпоху, когда настольной книгой каждого мыслящего реалиста была книга «Сила и Материя» Бюхнера, книга, которую Базаров советовал читать вместо Пушкина.

«Эпоха шестидесятых годов, как говорит Владимир Соловьев, была в России эпохой смены двух катехизисов—когда обязательный ранее авторитет митрополита Филарета был внезапно заменен столь же обязательным авторитетом Людвига Бюхнера. Новый катехизис учил, что нет ничего в мире, кроме материи и силы, что на земле царит «борьба за существование», которая произвела сначала птеродактилей, а потом плешивую обезьяну, от которой произошел и человек. Но из этих символов материалистической веры русская молодежь шестидесятых годов выводила не совсем логический вывод: «Итак, всякий да полагает душу свою за други своя» и самоотверженно шла «в народ», неся туда свет и знание.

П. А. Кропоткин, приняв этот символ веры, почувствовал, однако, своим критическим умом несоответствие и нелогичность вывода и после многих лет размышлений и наблюдений над жизнью животных и людей, он, не отрицая основ естественно-научного миросозерцания, внес в него большую поправку. В дополнение к закону «о борьбе за существование», формулированному Дарвином, Кропоткин обосновал новый био-социологический закон «взаимной помощи».

---

[1]) П. А. Кропоткин. Этика, том I. Происхождение и развитие нравственности. Гл. III, стр. 42.

«Взаимная помощь» и «солидарность» являются основными идеями Кропоткинского миросозерцания. В своей книге, посвященной взаимной помощи, он говорит, что только благодаря недостаточно внимательному наблюдению над жизнью животных и людей ученые исследователи могли придти к тому заключению, что в мире живых существ царит, главным образом, борьба и соперничество; тогда как более близкое знакомство с жизнью большинства животных приводит исследователя как раз к обратному заключению, то-есть к признанию, что среди почти всех видов животных взаимная помощь и взаимная поддержка являются господствующими фактами.

Обобщая закон взаимной помощи, П. А. говорит: «природа не делает ни одного движения, общество не выполняет ни одной цели, космос не подвигается ни на шаг вперед без зависимости от кооперации... Только в соединении друг с другом,—будут ли то соединения атомов, клеточек, животных или человеческих существ,—могут индивидуальные единицы совершать какой-либо прогресс»...

Распространяя этот закон взаимной помощи на мир людей, он добавляет: «вся общественная жизнь людей зиждется на сознании, хотя бы инстинктивном, человеческой солидарности, на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех и на чувстве справедливости». «Без взаимной поддержки, добавляет П. А. в другом месте своей книги, человечество не могло бы прожить даже нескольких десятков лет».

Конечно, нет надобности здесь прибавлять, что выдвигая как фактор эволюции и прогресса «закон взаимной помощи» П. А. не отвергал закон «борьбы за существование» и самый факт борьбы в мире живых существ. Он только расширял и углублял основные идеи Дарвина, и, ставя на первое место творческий фактор взаимную помощь и солидарность, видел в этом факторе лишь более этический, более прогрессивный и более действительный способ борьбы за существование.

П. А. признавал, что жизнь природы и социальная жизнь людей проникнуты началом борьбы. Борьба есть неизбежная форма человеческой деятельности, и человек, чтобы он ни созидал, всегда наталкивается на естественные, природные или социальные препятствия, которые он так или иначе должен устранить или преодолеть. Борьба неизбежна и необходима, но она плодотворна и этически законна лишь в том случае, когда она носит творческий характер, когда она разрушает, уничтожает или устраняет естественные или социальные препятствия, мешающие свободному проявлению творческих сил. В частности социальная борьба только тогда благотворна и прогрессивна, когда она, уничтожая старые формы социальной жизни, способствует возникновению новых учреждений, основанных на более широких принципах свободы, справедливости и солидарности. Прогрессивным фактором он считал поэтому борьбу трудящихся против

гнета и эксплоатации, но всегда предостерегал пролетариат, чтобы его борьба не выродилась в борьбу за власть и господство.

«Борьба за существование» есть действительно закон сохранения человеческого рода, но под этим, говорит П. А. скорее нужно понимать борьбу человека с природой, а не человека с человеком. Борьба за свое существование есть борьба организма, каким является человечество, в его стремлении приспособиться к окружающему миру. В этой борьбе выживают и прогрессируют те виды, у которых более развита взаимная помощь и поддержка среди отдельных особей. Те, кто пытается жить вне общества своих ближних, тот неизбежно обречен на гибель, чем же полнее кооперация и взаимная помощь, тем больше жизнеспособность как всего организма, так и его частей.

Свое учение П. А. называет анархическим коммунизмом, то-есть безгосударственным или безвластным социализмом. Его учение полярно противоположно учению Карла Маркса. Кропоткин—отрицатель всякого централизованного государства, даже социалистического. В государстве он видел только союз эксплоататоров для эксплоатации народных масс. Идеалом общественного устройства для Кропоткина является федерация или свободный союз свободных самоуправляющихся коммун и общин. «Новое общество, говорит П. А., будет состоять из множества ассоциаций, об'единенных для совершения таких действий, которые требуют общих усилий... благодаря взаимному соглашению все эти группы будут свободно комбинировать свои усилия... полная свобода будет направлять развитие новых форм производства, изобретения и организации; частная инициатива будет поощряема и всякая тенденция к однообразию и централизации будет устранена...

Таким образом, анархизм Кропоткина—это свободная кооперация, вольные союзы, основанные на взаимной помощи и солидарности... анархическое общество, по Кропоткину, это ассоциация равных, для которой нет надобности ни в какой власти, ни в каком насилии...

Свое анархическое мировоззрение П. А. стремился обосновать и подкрепить данными биологических и исторических наук; оправдание своих теорий он находил даже в самой природе.

«До сих пор, говорит он в одной из своих статей, о солнце говорилось как о владыке планетной системы. Его могущественному притяжению приписывалась власть над землей, планетами, кометами и их орбитами. Оно было сердцем, душой и королем системы. Строгий порядок царил благодаря его власти; и если случались какие либо пертурбации, сила его притяжения вскоре приводила вновь все в порядок.

«Теперь наука установила, продолжает П. А., что безконечные пространства между планетами наполнены безконечно малыми части-

цами материи, циркулирующими во всех направлениях, обладающих собственной жизнью, и влияние которых безконечно малое для каждого в отдельности достигает грандиозной величины в их сложности. Кант и Лаплас приписывают происхождение планет некоторой центральной аггламерации. Теперь доказано, что само центральное светило есть лишь результат деятельности безконечно малых частиц и оне, эти незаметные атомы создают планеты, поддерживают температуру солнца и своим движением поддерживают всю жизнь»...

Переходя затем в область наук биологических и доказывая, что всякий индивидуум, растение или животное, есть *федерация* органов, из коих каждый состоит из колоний клеточек, в свою очередь представляющих колонии атомов, П. А., говорит, что нигде в органическом мире мы не видим «управляющего центра» Власти, которой было бы все подчинено. Всюду мы видим лишь взаимодействие, сотрудничество, всеобщую зависимость одних частиц или существ от других...

Перенося эту философию в область общественной жизни, П. А. признает главным фактором в истории *творческую роль масс,* деятельность незаметных тружеников, трудом которых создается и поддерживается культура и цивилизация, подобно тому, как безчисленными поколениями моллюсков создают целые материки и большие острова.

Кропоткин является выразителем положительных, творческих, сторон анархизма. «Революция, говорит он, должна не только разрушать старые формы жизни, но прежде всего созидать новые формы общежития, проникнутые духом свободы и равенства.

В анархизме, как и в революции, П. А. видел прежде всего созидательное творчество самих народных масс, свободное проявление личной и коллективной инициативы.

Переходя к характеристике Кропоткина, как революционера, мы прежде всего должны сказать, что к революции Кропоткин пришел не благодаря своему темпераменту, как, напр., Бакунин, но по рассудку. В психике Кропоткина разум, рассудок, преобладал над эмоциональной стороной. Я уже указал выше, что Кропоткин стал революционером уже когда ему было тридцать лет; он перешел в лагерь революции только после того, как он побывал за границей и познакомился с европейским рабочим движением. Только после долгого размышления, «я ясно увидал, говорит П. А., что великие перемены, долженствующие передать все необходимое для жизни и производства в руки общества,—все равно будет ли то народное государство социал-демократов, или же союз свободных групп, как хотят анархисты,—не могут совершиться *без великой революции*, какой еще не знает история»... [1])

---

[1]) «Записки Революционера», изд. Сытина, 1917 г., стр. 224.

«Я постепенно начал понимать, продолжает П. А., что революции, т. е. периоды ускоренной эволюции, ускоренного развития и быстрых перемен, так же сообразны с природой человеческого общества, как и медленная постепенная эволюция, наблюдаемая теперь в культурных странах. И каждый раз, когда темп развития ускоряется и начинается эпоха широких преобразованій, может вспыхнуть гражданская война в более или менее широких размерах. Таким образом, заключает П. А. свое рассуждение, вопрос не в том, как избежать революции—ея не избегнуть,—а в том, как достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, тоесть с наименьшим числом жертв и, по возможности, не увеличивая взаимной ненависти»...

Для того, чтобы всякая революция увенчалась успехом, необходимо, чтобы революционные массы были проникнуты высоким, вдохновляющим идеалом.

«Если в развитии человеческого общества, говорит П. А. существуют периоды, когда революции неизбежны и когда гражданская война возникает помимо желания отдельных личностей, то необходимо, по крайней мере, чтобы она велась во имя точных и определенных требований, а не смутных желаний. Необходимо, чтобы борьба шла не за второстепенные вопросы... но во имя широких идеалов, способных воодушевить людей величием открывающегося горизонта.

«В последнем случае, добавляет П. А., исход борьбы будет зависеть не столько от ружей и пушек, сколько *от творческой силы*, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть в особенности от *созидательных* общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей»...

Кто же совершит эту великую социальную революцию? Ее могут сделать только сами трудящиеся—рабочие и крестьяне и трудовые элементы из интеллигенции. В этом отношении П. А. расходился с социал-демократами и даже многими анархистами, которые признавали носителем революции только городских рабочих, пролетариат, а в крестьянстве видели лишь мелко-буржуазную стихию. Еще в 1881 г. П. А. писал в своей газете «Le Revolté» «Только в тот день, когда рабочий и земледелец пойдут рука об руку завоевывать равенство для всех, революция победит мир и принесет счастье всему человечеству, как в убогую хижину крестьянина, так и в рабочие кварталы больших городов».

Но, прибавлял он тут же, революция может восторжествовать лишь в том случае, если она будет направлена не на установление новых привилегий, не к завоеванию власти, а к разрушению всех форм гнета и к организации общественной жизни на началах свободы и равенства. Как анархист, он не признавал никакой револю-

ционной диктатуры, так как при диктатуре, по его мнению, революция неизбежно вырождается в произвол и деспотизм.

Апостол социальности и солидарности, Кропоткин был революционером в высоком смысле этого слова и требовал, как от себя, так и от других, бескорыстного и героического служения революционной идее.

«Мы все, говорит он, должны жить для великого дела торжества справедливости и свободы, но для этого необходимы мужественные и нравственные личности». Вот почему Кропоткин, придававший главную творческую роль в истории «народным массам», призывает в то же время и каждого отдельного человека воспитывать свою волю, свою мощь и отдать свои силы на служение обществу. Каждый из нас должен стремиться, чтобы стать цельной и интегральной личностью, но никто не должен забывать, что его сила не в одиночестве, а в союзе с другими личностями, с народом, с трудящимися массами...

Проповедуя такие идеи, П. А. показал своей жизнью, своим примером, что проведение в жизнь таких идей возможно. Считая анархизм как бы результатом всего научного и культурно-социального развития, он требовал, чтобы человек, называющий себя анархистом, был велик в своих поступках и служил бы образцом для окружающих.

Таков был сам П. А. и даже его идейные враги никогда ничем не могли попрекнуть этого апостола свободы и справедливости. Непреклонный в отстаивании своих убеждений, неутомимый искатель новых путей, ведущих человечество к счастью и свободе, П. А. пользовался уважением всех его знавших и даже не разделявших его социальные идеи. Такова была моральная сила его личности.

Свою неполную характеристику П. А. как человека, мыслителя и революционера, я закончу словами самого П. А., которыми он характеризовал в своей «Этике» Огюста Конта и которые больше подходят к нему самому:

«Из мира умозрений и мечтаний он звал ученых и мыслителей на землю, к людям, бесплодно бьющимся из века в век, чтобы наладить лучшую жизнь, более многообразную, более полную, более могучую своим творчеством, чтобы они могли умом *познать* природу, наслаждаться ее вечно бьющей жизнью, использовать ее силы и освободить человека от эксплоатации, сделав его труд более производительным» [1]).

Н. Лебедев.

Март, 1922 г.

---

[1]) П. А. Кропоткин. «Этика». Том I. Происхождение и развитие нравственности. Глава X. Стр. 186.

Мысли о творчестве П. А. Кропоткина.

Чтить память Кропоткина — это для анархиста означает — определить те условия, которые наложили свою печать на творчество Кропоткина, понять задачи, которые поставила перед ним история, оценить трезво и серьезно, что именно внес мыслитель в сокровищницу пролетарской борьбы и мысли. Но *понять* ни в коем случае не означает *только* продумать основные положения, необходимо еще критически осмыслить, классифицировать, и преодолеть все то, что устарело и мешает дальнейшему развитию мировоззрения. Перед Кропоткиным стояла определенная задача, — изгнать из анархизма элементы туманной метафизики и дать твердое, научно-позитивное обоснование анархизму. Разумеется, Кропоткин при всей широте ума, при всем богатстве интуиции, не мог выскочить из пределов своего века, не мог создать заново *все* естествознание и понятно, что и ошибок науки не избег и П. А. Кропоткин.

Критика должна пересмотреть естественно-научную аргументацию П. А. и согласовать ее с новыми данными науки и философии. Полагаю, что формально логическая конструкция учения Кропоткина нуждается в коренной переработке. Критика должна выяснить, насколько естественно-научный метод применим к анархизму, являющемуся несомненно *философией оценок*; выяснить, насколько *материализм* совместим с признанием роли *личности*.

Ошибочно полагать, будто самая суровая критика имеет своей целью «упразднить» критикуемую теорию. Можно с уверенностью сказать, что всякая критика, которая поставит целью «упразднение» системы Кропоткина, выродится неизбежно в пустое зубоскальство, в бесплодное критиканство. Творческая критика должна исходить из глубокого понимания значимости критикуемого, только эта интеллектуальная симпатия, это желание яснее выявить творческий лик писателя дает твердую базу дальнейшей плодотворной разработке мировоззрения. Надо помнить, что критиковать методы обоснования, формально логическую конструкцию, еще нисколько не означает отрицать значимость выводов, жизненность самих *утверждений*. Полагаю, что в ближайшем будущем появятся работы, посвященные анализу формально-логических предпосылок учения Кропоткина. В

настоящей же статье хотелось бы только уяснить кое-какие элементы мировоззрения Кропоткина. Критические замечания, которые я делаю в начале статьи только способ наилучшего понимания концепции П. А. Кропоткина.

Не глубокий, но честный Эльцбахер недурно формулирует теорию прогресса, выдвигаемую П. А. Кропоткиным: «Наивысшим законом для человека является закон развития человечества от менее счастливой жизни к возможно более счастливой; из этого закона Кропоткин выводит требование справедливости и требование энергичной деятельности».

Эта формула прогресса поражает крайней неопределенностью и расплывчатостью. Когда определяют прогресс, как наивысшую степень дифференциации, как переход от однородного к разнородному, как максимальное разделение труда,—то конечно эти формулы могут быть подвергнуты строжайшей критике. Мы знаем, какой жестокой критике подверг учение Спенсера идеолог труда, Н. К. Михайловский, указавши на принципиальную разницу между общественным и физиологическим разделением труда. Но одно остается незыблемым: указанные формулы поддаются об'ективному анализу, об'ективной проверке. Формула же Кропоткина поражает именно отсутствием об'ективного мерила. Как определить максимально возможное счастье?.. Существует ли такой закон в применении к человечеству?.. Как в классовом обществе отыскать «местожительство» этого единого человечества?.. Не есть ли это возврат к утопическому социализму?..

Дело нисколько не подвинется вперед, если мы от абстрактного человечества перейдем к пониманию счастья отдельной личности. Здесь-то мы несомненно очутимся в области случайной, неустойчивой и капризной. Но быть может, Кропоткин, предрешает понятие счастья, отождествляя понятие счастья с понятием свободы? . Но тогда слово «счастье» приобретает чисто метафорический смысл и вряд ли можно говорить о «законе» высшего счастья.

Гораздо важнее этих формальных неясностей вопросы, возникающие уже по существу. Ведь трудно доказать, что *счастье и свобода совпадают*. Мы знаем, что очень часто свобода повелевала пренебречь счастьем, а счастье являлось могилой свободы. Опять-таки можно утверждать, что кем-то счастье было неправильно понято, но тогда надо говорить о какой-то специфической структуре душ, в недрах которых установилась эта гармония между счастьем и свободой. А это бывает так редко. Вы помните гениальную сказку Щедрина—«Баран Непомнящий». Жил-был баран, нисколько не лучше и нисколько не хуже других представителей этой славной породы. Пищи он получал вдоволь, обязанности свои перед «родом» выполнял исправно,—чего лучше... Да на беду баран во сне увидел свободного барана... Хрупкая ли была организация у почтенного барана, или сон уж был так пронзи-

тельно ярок, только затосковал наш баран, все о свободном коллеге думал. Потерял аппетит, сон, затосковал и... умер, снедаемый тоской. Если бы почтенный баран был менее хрупок и впечатлителен, не покончил бы земных счетов, то ему самому наверное было бы трудно определить, где собственно счастье,—в настоящем, где есть и корыто и овцы или в призрачно-туманном будущем, где мелькает профиль свободного барана...

Не мешает указать и на то, что не только различные люди, но и различные классы имеют свою формулу прогресса, свое понимание счастья, которое они не прочь выдать за «справедливость», за «закон» для всего человечества.

Вы помните слова римского патриция (А. Н. Майкова):

...«Если есть душа вселенной—она во мне
И если, чтобы ей развернуться нужно, чтоб гибли
Сотни, тысячи пустых и невежественных—пускай гибнут!
Им счастье их неволя:
Лишь как он в рабство впал
И раб для мира нечто стал»...

Формула Кропоткина заключает еще в себе требование энергической деятельности. И разумеется, под энергической деятельностью Кропоткин разумеет не простую трату энергии, не энергическое делячество, а сознательную работу в пользу человечества. П. А. Кропоткин, после тщательной, продуманной, напряженной работы над фактами этической жизни, над проблемами этики приходит к заключению, что моральным двигателем к действию фактически является и должно явиться стремление «к благу рода». И энергическая деятельность в направлении к «благу рода» и даст личности максимальное счастье. Кропоткин говорит о новой свободной нравственности, новой науке о нравственности, которая не насилует, а лишь разъясняет. Вот его слова: «будь силен, будь страстен в мышлении и в действиях и тогда твой разум, твоя любовь и энергия передадутся другим» и еще:—«Будь силен, будь велик во всех твоих поступках, развивай свою жизнь во всех ее направлениях, будь, насколько это возможно, богат энергией, и для этого будь самым общественным и самым общительным существом,—если только ты желаешь наслаждаться полной, цельной и плодотворной жизнью. Постоянно руководясь широко развитым умом, борись, рискуй—риск имеет свои огромные радости, смело бросай свои силы, давай их, не считая, пока они у тебя есть, на все то, что ты найдешь прекрасным и великим,—и тогда ты насладишься наибольшей суммой возможного счастья. Живи, за одно с массами и тогда, чтобы с тобой ни случилось в жизни, ты будешь чувствовать, что за одно с твоим бьются те именно сердца, которые ты уважаешь, а против тебя бьются те, которые ты презираешь. Когда мы это говорим, чему мы учим,—альтруизму или эгоизму»... и еще:—«Чем будет эта высшая нравственность, мы по-

пытались указа основываясь на изучении человека и животных. И мы отметил гу нравственность, которая уже рисуется в умах масс и отдельных мыслителей. Эта нравственность, ничего не будет предписывать. Она совершенно откажется от искажения индивида в угоду какой-нибудь отвлеченной идее, точно также, как откажется уродовать ее при помощи религии, закона и послушания правительству. Она предоставит человеку полнейшую свободу. Она станет простым утверждением, фактом, наукой.

И эта наука скажет людям: «Если ты не чувствуешь в себе силы, если твоих сил как раз достаточно для поддерживания серенькой монотонной жизни без сильных ощущений, без больших радостей, но и без больших (желаний) страданий,—ну, тогда придерживайся простых принципов равенства и справедливости. В отношениях к другим людям, основанным на равенстве, ты все же найдешь наибольшую сумму счастья, доступного тебе при твоих посредственных силах. Но если ты чувствуешь в себе силу юности, если ты хочешь жить, если ты хочешь наслаждаться жизнью: цельной, полной, бьющей через край, если ты хочешь познать наивысшее наслаждение, какого может только пожелать живое существо,—будь силен, будь велик, будь энергичен во всем, чтобы ни делал».

Воодушевленные, полные веры и юношеской бодрости, слова все же вызывают наше законное недоумение. Формально: действительно ли задачей науки является указание человеку, что без бурной и щедрой траты сил на пользу великого будущего человек, в лучшем случае, проживет нищенски-убогую, тусклую жизнь? Ведь наука только *констатирует закономерность* и связность явлений. Наука вряд ли не перестала бы быть наукой, если бы она посоветовала упомянутому «непомнящему барану» бросить свой верный и уютный облюбованный уголок и помчаться вдаль, за неведомой свободой неведомого барана. Наука вряд ли не выйдет из своих компетенций, если она захочет *доказать*, что Молчалин менее *счастлив*, чем Чацкий, что Сократ просто счастливее своих судей. Придется дать какую-то иную формулировку и счастья и науки. Ведь Кропоткин настаивает на естественно-научном методе. Неужели же можно через *естественно-научный* метод доказать, что Христос был *счастливее* Иуды... По существу: наука о нравственности которая, якобы, ничего не навязывает на деле даже очень и очень «навязывает» человеку свой идеал. Разве навязывать значит применять физическое насилие? Разве религия, морально истязавшая своих адептов, не являлась духовным застенком для якобы свободной личности даже тогда, когда религия не прибегала к помощи св. инквизиции?..

Разве наука, буржуазная наука, располагает иными средствами, чем силой убеждения?.. Разве Гегель не угрожает личности полной гибелью, если она не приобщится к разуму абсолютного духа?.. А свободная нравственность Кропоткина терроризирует личность уж

тем, что классифицирует ее, как нищенскую, на увядание и прозябание обреченную: В одном месте Кропоткин сравнивает участь не щедрой и благу рода не соответствующей личности с участью горбатого...

Повторяю: мы не имеем в виду дать критику Кропоткина,—мы хотим лишь рельефнее выяснить некоторые внутренние моменты творчества Петра Алексеевича.

Не случайно мы упомянули выше имя Гегеля. Думается нам, что проведение параллелей между учением Кропоткина и философией Гегеля в сильнейшей степени помогут нашей задаче.

Принято думать, что Гегель отрицал роль личности в истории и значение суб'ективного фактора. Ведь Гегель возмущался наглостью личности, осмеливающейся восстать против свободы воплощающего, свободу утверждающего, абсолютного разума.

Все это не то, что не верно, а хуже того, приблизительно верно. Гегель самым настоятельным образом подчеркивает важность суб'ективного сознания, осознание личностью смысла и значения об'ективного хода вещей. Гегель настолько придает важное значение этому суб'ективному моменту, что не считает историческими народами те, среди которых об'ективировавшийся разум не вызвал соответствующего сознания в душах людей. В чем же здесь дело?..

По Гегелю, *мотивом человеческого поведения является личный интерес, корысть.* Эти индивидуальные интересы, сплетаясь и смешиваясь, *не* могли бы ни в коем случае дать, в результате какое-либо разумное, *органическое целое.* Только абсолютный разум использовывает человеческие поступки, продиктованные корыстью и вожделениями и из этого материала создает об'ективно *общеобязательное*, в котором абсолютный разум достигает высшей ступени своего развития. Одной из этих ступеней является государство. Недаром теоретики государственности восхваляют Гегеля за то, что он впервые дал великую моральную санкцию государству. Государство есть воплощенный разум на земле, противопоставляемый случайным, слепым, неразумным инстинктам и вожделениям индивидуума. Получается своеобразное участие индивидуума в построении государства. Точно также, как из элементов природы—глины, воды—воздвигается дом, который защищает против разрушительных сил природы же, точно также инстинкты и страсти человека создают государство, которое борется с произволом, случайностью, изменчивостью, неразумностью человеческих же инстинктов. Но вот дом — государство воздвигнуто. Индивидуум великолепно использован для целей построения разумного начала на земле—государства. Кончается ли этим роль личности?.. Является ли личность *всегда* только материалом бездушным для строительства? Нет. Здесь начинается своеобразное признание Гегелем значения личности. Личности как бы предоставляется свобода выбора, такая же свобода выбора, какую на-

учная нравственность, по мнению П. А. Кропоткина, представляет автономной личности. Личность, по Гегелю, может или продолжать руководствоваться в своих поступках одними только животными интересами, тогда она невольно и фатально будет только бездушной глиной, из которой абсолютный разум вылепит все, что нужно для дальнейшего развития об'ективного духа, либо личность возвысится до об'ективного понимания разумной необходимости и тогда она делается сотрудницей и сознательным агентом об'ективного разума. Значит Гегель признает роль личности, но только лишь после того, как об'ективный разум использовал сырой материал инстинктов и вожделений; личность ставится перед *совершившимся фактом* и тогда ей дается возможность быть творцом истории, но Гегель отрицает роль личности *до того момента,* пока об'ективный разум не создал как бы некоторого показательного учреждения—государства, которому должна подражать личность...

Вернемся к Кропоткину. Кропоткинская этика предлагает личности свободу выбора: нищенство духа и жалкое прозябание в случае прияния программы малых дел, бурную, прекрасную, счастьем и радостью пронзенную тем, которые живут по принципу «давай не считая». Однако же какая глубокая разница в выводах и в основном подходе у государственника Гегеля и безгосударственника Кропоткина. Центральным пунктом, конечно, являются глубоко антигосударственные выводы Кропоткина: об'ективированное государство для Кропоткина—бездушная казарма, гроб повапленный, могила разума и творчества. Но для понимания основных элементов творчества П. А. Кропоткина несравненно важнее вопрос о мотивах человеческого поведения. Мы видели, что для Гегеля двигательным фактором является корысть, вожделение, личный интерес. А для Кропоткина человек есть «существо, практикующее взаимопомощь».

Что такое взаимопомощь?.. В введении к своей замечательной работе «Взаимопомощь, как фактор эволюции» Кропоткин противопоставляет свой взгляд на взаимную помощь взгляду Луи Бюхнера: «книга Бюхнера начинается гимном любви и почти все ее примеры являются попыткой доказать существование любви и симпатии между животными». П. А. Кропоткину кажется, что такой взгляд отчасти суживает, а во многом черезчур точно определяет более широкие и более неопределенные чувства взаимопомощи. Кропоткин думает, что взаимопомощь базирует на инстинкте общительности, возникновение же, точнее, расширение этого инстинкта стоит в тесной связи с тем фактом, что только в обществе человек может получить наибольшую сумму к счастью: существует глубокая связь между счастьем одного и счастьем другого. Если Кропоткин не может согласиться с Бюхнером, то еще в меньшей степени может согласиться с Гегелем, что будто бы в основе лежит только корысть и личный интерес. «Любовь», быть может, есть сплошное отрицание личного

начала, личного интереса, жажда личного счастья. Эта любовь не навеяна ли романтикой христианского аскетизма? Но не менее ложно, не менее извращает человеческую природу взгляд, будто бы только инстинкт, рассчет—двигатели человеческого поведения. Аскетизм любви и корысть лавочника на деле чистейшая абстракция; в основу человеческого поведения Кропоткин кладет *взаимопомощь*, нечто «менее определенное»,—как будто бы не корысть и не любовь. Здесь-то и возникает серьезная методологическая проблема: не является ли просто Кропоткин эклектиком бессильно старающимся примирить непримиримое—корысть и любовь?.. Можно ли положить в основу человеческого поведения такое бесформенное недифференцированное понятие, как взаимопомощь?.. Ведь фактически, в дальнейшем развитии, повинуясь закону дифференциации, корысть и любовь отделяется от своего «первоисточника» взаимопомощи. А главное, ученый должен всякое сложное, точнее, бесформенное «начало» разложить на свои простые, составные элементы. И взаимопомощь подлежит дальнейшему разложению на свои составные части.

Этот вопрос в высшей степени важен и нам необходимо остановиться на нем несколько обстоятельнее.

Петражицкий в основу психических актов кладет не одно какое-нибудь начало, а так сказать, двойную систему двигателей и мотивов, *пассивно-активные «элементы»*. Г. Кистяковский, полемизируя с Петражицким, весьма победоносно и нравоучительно замечает, что методологически необходимо эти двойные элементы и моменты разложить, расчленить, упростить, добраться до первичного, простого мотива. Но г. Кистяковский обнаруживает полнейшее непонимание сущности основной проблемы Петражицкого.

До-научное мышление оперировало универсальными, всеоб‘емлющими, всесодержащими «категориями». Когда древняя философская мысль даже пыталась найти первичный и простейший элемент бытия—воду, воздух—то и эти физические силы мыслились по аналогии со всемогущим, всесозидающим началом. Наука раньше всего оперирует с бесконечно малыми. Правда, роль этих бесконечно малых была указана гораздо ранее хотя бы Лейбницем, но это нисколько не мешало тогдашней философии оставаться в тисках всепожирающей абстракции. Научная мысль экспериментально—в лабораториях—разлагает все сложное на простое. Научная мысль усматривает в элементарном, всеобщем, элементы, подлежащие дальнейшему почкованию и разделению. Но эта же мысль, находившаяся под сильным влиянием *буржуазного индивидуализма и атомизма*, занялась дроблением, почкованием и не заметила, что в своем автоматическом беге, она испепеляет материю, не разлагает уже более сложное на простое, а убивает целое во имя какой-то призрачной «части», при чем эта часть в свою очередь подлежит дальнейшему распылению. Получилась новая метафизика: если древняя метафизика искала Единое, Цельное,

то буржуазная метафизическая атомистика все искала наиболее элементарное, какое-то начало всех начал, какой-то элемент обескровленный и не существующий—в науке начал торжествовать азарт дробления и расщепления, воцарился своеобразный «меонизм»,—*дитя буржуазной специализации*.

Петражицкий совсем иначе подошел к своей задаче. Чуждый азарта специализации, он ищет такого «первоначала», которое подтверждается опытом и самонаблюдением. Дробление психических «элементов» для него не самоцель, а только средство об'яснить реально наибольшее количество явлений. Потрошить *до бесконечности* вовсе не означает упрощать и добраться *до реальности*. Наоборот, такое бесконечное почкование нас уносит прочь от понимания реальных психических двигателей. Мы могли бы сказать так: одно дело считать первосилой, перводвигателем бесформенное многосодержательное начало и другое дело положить в основу начало *синтетическое*. Таким синтетическим началом является «взаимопомощь» Кропоткина. Также, как федерализм Кропоткина является не сделкой между мелко-буржуазным *сепаратизмом* и государственным централизмом, а самостоятельным принципом, точно также взаимопомощь не есть механическое соединение корысти и любви, а над ним лежащий самостоятельный и единственно правильный подход к изучению двигателей и мотивов человеческих действий. Это формальная сторона вопроса. Но тут мы подходим и к существу проблемы.

Кропоткин не знает такого момента, когда бы трудовая личность, тесно связанная *с массами*, повиновалась *только* вожделениям и не была способна к синтетическому творчеству жизни. Понятно, что оголенная, вожделениями руководимая, корыстью подхлестываемая личность, нуждается во властной силе абсолютного разума, способного внести гармонию, устойчивость социальной среды. Если сама личность знает только бешеные припадки своего необузданного инстинкта, то всеспасительное государство должно ввести эту личность в границы и создать об'ективные преграды и об'ективные нормы. Но Кропоткин такой личности не знает, это—пустая абстракция. Под прикрытием этой абстракции государство фактически извращает и искажает массовое творчество и насаждает об'ективные нормы рабовладельцев, биржевиков, «ученых» гешефт-махеров и злые вожделения властелинов. Ясно также почему Кропоткин не знает двойственного отношения к личности: личность для него не прах земли до появления и воплощения государства. Поэтому личность не должна, после появления государства, брать это государство, как прообраз. Чего боялся Гегель—голого инстинкта личности, но это фикция буржуазного индивидуализма, тайного друга государства. В чем видел Гегель избавление? В государстве? Но государство, под мантией об'ективизма и есть оргия и разгул бешеного «суб'ективизма» господствующих и имущих. Государство есть бешеная оргия вожделений «ликующих, обагряющих

руки в крови»; и его об‘ективные нормы только об‘ективная преграда для массового творчества, для революционного бунтарства. Вот эта-то своеобразная роль государства дает нам ключ к пониманию механизма исторических явлений хотя, вообще говоря, механика исторического процесса оставалась вне внимания Кропоткина. Практика взаимопомощи сталкивалась с противодействием жрецов, магов, правоведов и личность должна была защищаться против этих врагов, извращающих характер взаимопомощи. Личность, взятая в тесной глубочайшей связи с творческой массой, никогда не знала моментов абсолютного покоя и благополучия и никогда личность не была мнимой величиной в истории. Все это коренным образом изменяет и формальный подход к истории. Личность для Гегеля была ранее ничем: историческая пыль перешла в свою противоположность и создала государство. Засим личность опять может сделаться из ничего—*чем-то*, приняв государство. Ясно, почему Гегелю столь необходимо учение о противоположностях, диалектический метод в истории. Но по той же самой причине этот метод не нужен Кропоткину, ибо противоречия между государством и массовым творчеством, повышение и понижение, расширение или сужение размаха массового творчества поддается учету иными методами познания.

Разум не переходит у Кропоткина в «безумие», право в бесправие не потому, что разум и право какие-то обособленные метафизические категории, а потому что между разумом—взаимопомощью и безумием—эксплоатацией происходит то яркая революционная, то скрытая невидимая молекулярная борьба. Знаменитый диалектический переход разума к безумию на деле означает вот что: в истории борется государственное начало с началом свободного массового творчества, государство искажает лик этого массового творчества закрывая и как будто бы искупая свой «грех» тем, что оно создает чисто формальное бездушное единство и видимость об‘ективного мерила социального добра и зла; это-то превращение и санкционируется идеологами государства, как неизбежный и правомерный диалектический закон.

Сколько шума наделала знаменитая формула: «все действительное разумно». Действительность в понимании Кропоткина никогда еще не была разумной, ибо до конца никогда еще не торжествовало вольное массовое творчество; но эта действительность и не была сплошным безумием, ибо всегда с той или другой силой, но это творчество всегда боролось за свое существование. Личность, живая участница в великой борьбе, то сознательно, то стихийно вела «борьбу за *индивидуальность*»—против гетерономной культуры за автономную, за право и силу—определять, а не быть определимой ходом вещей.

П. А. Кропоткиным, к сожалению, не был разработан глубочайший и важнейший вопрос философии истории,—вопрос о внутрен-

нем рабстве самих масс, о дуализме, искажающим и засаривающим потоки массового творчества. Кропоткин не проследил этого раздвоения, которое характерно для массы, ищущей прироста материальных благ и массой, исходящей из синтетической проблемы свободы. Гениально поставленная Достоевским проблема о взаимоотношении «хлеба и воли» не нашла психологического освещения. П. А. Кропоткин прошел мимо *основной* проблемы социологии—о надиндивидуальном характере социальных явлений. Но Кропоткин дал материал для этой проблемы и между прочим поставил и глубокий вопрос о «добре и зле» в истории. Если Прудон путался между аморальной диалектикой Гегеля и моральным догматизмом Канта, то Кропоткин указал, как именно следует группировать явления «добра и зла» в истории, не прибегая ни к головоломной диалектике, ни к бесплодному морализированию.

Мы как будто бы приближаемся к более конкретному пониманию прогресса и счастья. *Под прогрессом мы очевидно понимаем такой рост и развитие взаимопомощи, такую степень универсальности, которые делают ненужным отдачу в руки государства монополию на выработку об'ективных норм. Под счастьем мы, очевидно, разумеем реальную борьбу за то, чтобы определять, а не быть только определимым ходом вещей и внешними силами. Показателем и способом борьбы за право определять судьбу свою является целостность личности. На эту целостность сделает немедленно покушение Государство, предварительно распылив душу личности на аскетические и животно-эгоистические моменты.* Социальный прогресс будет немедленно искажен, как только «взаимопомощь» будет практиковаться в узких пределах, ибо тогда выработка универсально-об'ективных норм перейдет в руки того же государства. Если «взаимопомощь» застынет в традиционных нормах и, следовательно, остановит процесс выработки высших хозяйственных форм и многогранность личности,—опять-таки выиграют только прокурор, палач и законодатель. Теперь уж понятно, почему Кропоткин «грозит личности», потерей счастья, *если она оторвется от массы* и судеб ее творчества: оторванная личность или очутится в социальной пустыне или же погибнет от рук государства. Личность, не сумевшая отстоять свою душевную целостность и распылившаяся на «эгоистическую» и «аскетическую» половинки,—эта личность—дробь теряет свое *счастье*, ибо она будет *определяема* и потеряет всякую способность и волю *определять* историю: ее третируют, как ничто, до образования государства, личности «нагло» ставят ультиматум на ее костях выросшее государство... Так за *преступлением* сдачи своих позиций врагам следует немедленное *наказание*, ибо история не прощает, у нее свое грозное: «Мне отмщение и Аз воздам»...

Борьба за целостность личности в тесной связи с массой освещает и то значение, которое Кропоткин придает личному началу. Многие индивидуалисты склонны думать, что Кропоткин коммунист не дооценивает роли самоутверждения личности в истории—это ошибка. Мне уже приходилось писать об этом. В упомянутом уже замечательном введении к книге «Взаимная помощь» Кропоткин пишет: «Я, конечно, менее всего склонен недооценивать роль, которую самоутверждение личности играло в развитии человечества». Но этот вопрос, по моему мнению, требует рассмотрения гораздо более глубокого, чем какое он встречал до сих пор. В истории человечества самоутверждение личности часто представляло и продолжает представлять нечто совершенно отличное и нечто более обширное и глубокое, чем та мелочная, неразумная умственная узость, которую большинство писателей выдает за «индивидуальность» и «самоутверждение». Равным образом, двигавшие историю личности вовсе не сводились на одних тех, кого историки изображают нам в качестве героев. И так, самоутверждение личности играло и играет роль в прогрессивном развитии человечества. Но есть «самоутверждение» обширное и глубокое и самоутверждение «мелочное», плод «умственной узости».

Каково различие между этими двумя типами (индивидуальностями) индивидуалистов. «Узкий» индивидуализм характеризуется эгоцентризмом. Человек знает только лишь себя. Чужие радости, чужое горе ему недоступны. На всякое событие, чуть ли не на всю историю, узкий индивидуалист смотрит порой бессознательно—как на иллюстрацию к своей жизни, своего только переживания. Психологию узкого индивидуалиста и характеризующий его эгоцентризм вскрывает перед нами Л. Н. Толстой в лице Наполеона. И делает это он так глубоко, так поразительно просто. К Наполеону приезжает Балашев, посланник Александра I. Наполеон выходит к нему. «Очевидно было—говорит Толстой—что его (Наполеона) нисколько не интересовала личность Балашева. Видно было, что только то, что происходит в его душе, имело интерес для него. «Все, что было вне его, не имело для него значения, потому, что все в мире, как ему казалось, зависит от его воли». Ошибочно думать, что эта черта присуща только «великим» людям; нет, в этих кратких словах дана чуть ли не общая формула эгоцентризма, свойственная и великому и малому. А как типично и глубоко описание уродливой бестактности, грубости и об'яснение этой грубости Наполеона, даваемое Толстым. «За столом, посадив около себя Балашева, он обращался с ним не только ласково, но обращался так, как будто он и Балашева считал... в числе тех людей, которые сочувствовали его планам и должны были радоваться его успехам». Не забудьте, что перед Наполеоном—представитель враждебной страны, что предложения Балашева Наполеон не принял и кровавая развязка делается почти неминуемой. Но само-

упоение, эгоцентризм стирает все, затемняет все, и Наполеон в это мгновение уверен, что все должны радоваться его успехам.

Казалось бы, что понять и об'яснить корни узкого индивидуализма очень легко: ясно, что мы имеем дело с людьми, ищущими наслаждения, только наслаждения и—только для себя. Но это не так. Такой взгляд—поверхностен, ошибочен: узкий индивидуализм в его резко выраженной форме, часто служит источником глубоких страданий для самого индивидуалиста. И хотел бы человек заглушить назойливый крик своего «я», слиться душой с радостями других, да не может он этого сделать. Он прикован к своему «я», как каторжник к тачке...

Для индивидуалиста его «я» порой является тяжким бременем.

Хочется сбросить тяжелую ношу... И тогда-то на сцену выступает антипод и вместе с тем *родное дитя уродливого индивидуализма*—аскетизм. Аскетизм—больное томление больного духа. Раз это «я»—бремя неудобоносимое, то его следует свергнуть, надо отречься от самого себя: не удалось *самоутверждение*, авось удастся *самоотречение*.

Этот момент перехода самоутверждения к самоотречению прекрасно передан Гаршиным в его рассказе «Ночь». Герой рассказа, накануне самоубийства осуждает свое прошлое; только теперь он ясно понял, как надо жить, с чем ему надо бороться. «Надо не ставить на первое место себя. Вырвать из сердца этого скверного божка, уродца с огромным брюхом, это отвратительное «я», которое, как глист, сосет душу и требует себе все новой и новой пищи. Да откуда же я ее возьму... Ты уже все с'ел. Все силы, все время было посвящено на служение тебе... Хоть ненавидел тебя, а все-таки поклонялся, принося тебе в жертву все хорошее, что мне было дано. Мы видим здесь пример распыления на эгоистическое—членовское и аскетические начала, это распыление и делает личность, жертвой «внешних сил». А мы уже убедились, что отказ от исторического первородства и есть потеря *счастья*.

Аскетическое самоотречение в последнем счете также мало способно давать счастье, как и предыдущее индивидуалистическое озверение. Очевидно, что борьба за счастье будучи борьбой за индивидуальность может базировать только на том слиянии с творческими потоками массовой самодеятельности, которые в корне уничтожают само противопоставление такой деятельности личности с таким общественным целым. Эта же точка зрения дает Кропоткину возможность совершенно оценивать роль героя в истории. Поистине «героям» как-то не везет на русской почве, хотя героизма в русской революционной борьбе не занимать стать. Толстой безжалостно развенчал Наполеона указуя, что он, якобы, двигатель в самом деле движим чуждыми ему силами, что герой есть олицетворенное неведение тех бесконечно малых, которыми управляются судьбы истории, что этот

герой, по мановению которого, как будто бы, падают царства, гибнут люди, что этот герой получает от истории картонный меч, дабы он не видел и не ведал, что герой даже не слуга, а марионетка сил истории. Михайловский предполагает, что сила героя прямо пропорциональна слабости, порабощенности толпы. Герой лишь показатель болячки масс, показатель царящей унылой монотонности, серой повторности среды и преступной раздробленности души. Кропоткин чересчур хорошо знает, что не вокруг творцов нового шума вращается мир и потому так скептически относится к многим официальным героям. Не даром он осторожно подчеркивает, что «двигавшие историю личности вовсе не сводились на одних тех, кого историки изображают нам в качестве героев».

Героями мы так часто называем тех, которым удалось возвыситься благодаря «принципу»—подальше от толпы, повыше в иерархической лестнице, побольше грохоту и шуму,—разве это часто недостаточно, чтобы быть героем?.. Но для Кропоткина официальный герой в сущности означает олицетворенный государственник: это ему, «герою», удалось под видом выработки общеобязательных норм, парализовать, извратить характер массового творчества. Не верит Кропоткин и мало ценит эти великие дела этих великих (людей) вождей, о которых шумят-галдят историки. Для Кропоткина, герой империалист, желающий мять и лепить по образу и подобию своему чужую душу—жалкая каррикатура, низменный и прогнивший честолюбец. Кропоткин ценит, любит тихие безшумные подвиги. Любит тех, которые неведомо, где-то, в глуши, не ожидая рукоплесканий и бурных восторгов не столь очарованной, сколь идиотизированной толпы ткут ткани жизни. Кропоткин этих тружеников «вовсе не жалеет», наоборот, в них и только в них он видит соль земли. И никогда, ни при каких условиях, он бы не променял творческую ценность и бесконечное величие этих бесшумных подвигов на мишурный блеск и славу этих жалких Неронов, у которых грязь властолюбия принимает форму империалистического эстетизма. Эту любовь Кропоткина к бесшумным подвигам ни в коем случае не следует мешать с смиренной слезливостью христианской любви к малым делам.

И здесь-то мы подходим, опять-таки к интересному моменту разрешенному не столько теоретиком-Кропоткиным, как самой личностью Кропоткина. Любовь к бесшумным подвигам характеризует часто упадочные эпохи. После гибели «Народной Воли» все чаще и чаще стали раздаваться голоса, требовавшие отказа от великих подвигов и безумной расточительности безумных душ. Давайте жить по-маленьку, по-легоньку и авось, кое-как доберемся до вожделенного конца—до куцой конституции. А там, Бог даст, «последние тучи рассеянной бури» согласятся не туманить либерального небосвода; там, в тумане, дали, несколько ярче засияет звезда «просвещения» и «прогресса». После падения великой Парижской Коммуны эти же

умеренные, приниженные, расслабленные, скупые души пытались,—увы, с каким громадным успехом!—привить яд постеленовщины рабочим массам. Реформизм, экономизм, трэд-юнионизм, меньшевизм—вот звенья длинной и позорной цепи самопорабощения масс. Надо ли говорить о том, что П. А. Кропоткин, звавший к великой социальной ликвидации, был чужд этого декадентского реформизма? В мировоззрении Кропоткина много-много научно для нас неприемлемого, в тактике Кропоткина—особенно это проявилось в период империалистской войны, много такого, что необходимо побороть и преодолеть, но мелким реформатором Кропоткин не был и быть не мог.

Это отношение к бесшумным подвигам означает лишь, что по Кропоткину—малейший из малых, отдающий силу свою на преодоление драконов Закона, Власти; Капитала величественнее и глубже величайшего из великих, прославившихся утверждением власти закона и капитала... Бесшумные подвиги подготовляют великие события, эти тихие и бесшумные подвиги для глубокого наблюдателя—сами по себе великое событие. Эти творцы подготовляют великие перевороты и великие перевороты, в свою очередь, ценны и прочны только тогда, когда опираются на безымянные творчества масс и подвиги *таких* героев. Этим героям не нужен блеск, у них для этого через-чур много внутреннего сияния, им не нужно памятников на площадях, они воздвигают памятник «нерукотворный» тем, что в скорби и радости творят историю. И понятно, что ни узкий индивидуалист и ни кающийся аскет не поймут великих заветов синтетического коммунизма. Диалектика этих изломанных душ требует или власти над другими или самопорабощения перед кумирами. Им чужд лозунг «Давай не считая свои силы на все, что считаешь прекрасным». Значит, не поймут они и учения П. А. Кропоткина.

П. А. Кропоткин подобно Бакунину, Марксу, Лассалю, пришелец из другого, господствующего класса,—деклассированный интеллигент.

Естественно, что П. А. Кропоткин выражает своеобразно некоторый общий национальный момент, некоторый «элемент» русской культуры и русской литературы.

Два течения как будто бы наметились в русской культуре: струя Пушкина и струя Достоевского. Светлой радостью пропитано творчество Пушкина. Какая то изначальная—не вера, не надежда, не ожидание, а внутренняя уверенность в том, что удел земного—безмерное счастье безмерной гармонии. И никакие ужасы и скорби мира сего не способны хоть чуточку и надолго затемнить эту веру. Пушкин знает и тиранию закона и «коварство измены» и тупость черни и неизбежность смерти, тиранию страстей. Но он даже во время Чумы благословляет «пир», ибо чума начинается только там, где зачумлены души людские, запуганы злой дисгармонией мира сего. Там же, где душа поет «хвалу даже чуме», где радость кло-

клочет и пенится, где поются гимны жизни, не смущаясь суровой проповеди сурового монаха, там даже бездны являются только гипотезой возможного бессмертия («бессмертья может быть залог»).

Другое начало идет от Достоевского. Задача Достоевского— скомпрометировать наш Эвклидовский мир, мир трех измерений: здесь все каррикатурно, жестоко, безобразно и бессмысленно.

Достоевский, как и Гегель диалектик, только метафизической диалектикой Гегеля мир, как будто, устрояется, а сумрачно-иронической диалектикой Достоевского мир наш разрушается: великие мироустроители — фурьеристы-оуэнисты в сущности «идиоты», а «Идиот», больной князь Мышкин, и есть мироискупитель, ибо он сопричастен «мирам иным»,—только разрушением тесных пределов тесного мира и приобщением его к «мирам иным» уничтожается комизм и трагикомедия мировой истории. *Между* Пушкиным и Достоевским *находятся:* Лермонтов очень близкий Достоевскому и Толстой, очень близкий Пушкину; посредине, разодранный на две части, находится Гоголь (Гоголь первого и второго периода творчества).

В области революционной мысли и революционной воли носителем Пушкинского начала и является П. А. Кропоткин. В нем нет ничего ни от Достоевского, ни от Лермонтова и почти все от Пушкина. То, что в Пушкине есть иль может казаться просто песнопением,—то у Кропоткина приняло форму определенной философии истории, определенного мировоззрения.

Толстой где-то говорит, что вопрос, остающийся без ответа, есть просто неправильно поставленный вопрос. Для Кропоткина метафизика, религия, учение о вечной трагедии индивидуальной души, о вечной категории собственности и власти,—это, просто на просто, неправильно поставленные вопросы, ибо подобно Пушкину, он не то, что верит, а *уверен* в победе гармонических начал массового творчества.

Больше, он чует и сейчас уже эти мощные аккорды гармонического миростроительства, носителями которого являются блузники,—каменьщик, пахарь, литейщик. Потому то так гадливы ему эти позолоченные, напудренные интеллигентские герои миротворцы. Душевный уклад Кропоткина замечателен именно тем, что он, *не забывая ни на одну секунду о реальном зле и борьбе с ним,* как то чувствует человеческую историю не как переход от мрака к свету, а от света менее яркого, менее всеохватывающего к более яркому, щедро весь мир заливающему. И ближе всего душа Кропоткина и в этом отношении родственна душе недавно умершего В. Г. Короленко. Кропоткин, как и Короленко, удивительно сумели великим усилием творческого внимания, чувствовать и утверждать мировую историю, как наростающую гамму радости и свободы, как будто бы вся мировая трагедия была не борьбой братоубийцы Каина с Авелем, а вольное соперничество той хохлацкой дудки Иохима и «венского ин-

струмента» матери слепого музыканта. Вы помните это изумительное место из «Слепого Музыканта», где дудка Иохима борется с мощным инструментом «милостивой пани». Какой великолепный символ всего мироощущения и психологической ясности пушкинского начала в истории. Я попрошу прощения у читателя: приведу длинную цитату из «Слепого Музыканта». Но, право, трудно удержаться от этого искушения. Редко, где так просто, наивно и глубоко дается символ души Короленко и Кропоткина и как будто художественный очерк философии истории, изучаемой не по линии *сущего*, а при свете *должного*.

Эта дудка Иохима,—точно символ примитивного массового творчества, по своему замечательна: «Иохим был совершенно доволен своей дудкой. Казалось, она была частью его самого, звуки которые она издавала, лились будто из собственной его согретой и разнеженной груди и каждый изгиб его чувства, каждый оттенок его скорби и тотчас же дрожал в чудесной дудке, тихо срывался с нее и звучно несся вперед вслед за другими, среди чутко слушавшего вечера... Иохим был влюблен в свою дудку и праздновал вместе с ней свой медовый месяц...

Прежде чем Иохим срезал своим ножом и выжег ей сердце раскаленным железом, она качалась здесь, над знакомой мальчику родной речкой, ее ласкало украинское солнце, которое согревало его, и тот же обдавал ее украинский ветер пока зоркий глаз украинца-дударя подметил ее над размытой кручей. И теперь трудно было иностранному пришельцу бороться с простой местной дудкой, потому, что она явилась слепому мальчику в тихий час дремоты, среди таинственного вечернего шороха, под шелест засыпавших буков, в сопровождении родственной украинской природы»... Мать «слепого музыканта» смущена: она не знает, как овладеть снова сердцем сына, плененного не хитрой дудкой. «Наконец, она приобрела достаточно смелости, чтобы выступить в открытую борьбу, и вот по вечерам, *между барским домом и Иохимовой конюшней началось странное состязание*. Из затененного сарая с нависшей соломенной стрехой тихо вылетали переливчатые трели дудки, а навстречу им из открытых окон усадьбы, сверкавшей сквозь листву буков отражением лунного света, неслись певучие, полные аккорды пианино».

В истории, реальной человеческой истории, все это было не так. Прогресс не характеризуется переходом от гармонии дудки к высшей гармонии «венского инструмента»... Повторяю это философия *должного*, а не *сущего*.

Открылась бездна, пропасть, дисгармонические аккорды черной мести, лютой, а временами святой ненависти огласили все пространство человеческой истории. Завязалась адская борьба за то, кто овладеет душой «слепого музыканта»— стихийным ходом вещей. И активнейшим участником этой борьбы, знаменосцем ея был и есть

П. А. Кропоткин. Но эта борьба, которая кончится несомненно *поражением* «венского инструмента»,—нисколько не затуманила ясности пушкинского начала. Больше, вот это умение, чувствовать мир и историю, не как провал, а как развертывающийся свиток свободы как переход от менее счастливого к более счастливому,—одухотворили и окрылили борьбу. Не надо Кропоткину никаких миров иных, не нужна ему вера в железные законы «технической необходимости». Не нужен ему рай и его песнопения, не нужен ему ни разум косной государственной необходимости, ни безумие религиозного чуда.

Он строитель земли.

Это отличает Кропоткина отчасти и от Михаила Бакунина.

Бакунин тоже знал, что «дух разрушающий» не является самоценностью, а важен постольку, поскольку он «дух созидающий». Но в Бакунине был элемент, берущий свое начало от Достоевского и Лермонтова, перенесенный, конечно, на классово-революционную почву. Стихия бунтарского разрушения в этом смысле, исходит из того положения, что социальный порядок, коллективная или индивидуальная душа, нашедшия уже свою *Форму*—этим самым изменили своей динамической природе, как бы застыли, омещанились... Мир—порядок, душа—форма—это уютненький уголочек, это канареечка и беленькие занавесочки, это мировое мещанство. Задача анархизма—деформировать мир, т. е., сорвать покров формы, нарушить порядок, дабы выявить бесконечные творческие силы социального космоса. И потому то Бакунин пел гимны и романтизированному «разбойнику» и восхвалял «аморфность»: это от Достоевского. Но, повторяю, дух Достоевского был только частицей души Бакунина, ибо в общем и целом в Бакунине преобладала творческая логика классо-строителя.

У Кропоткина дух разрушения был *всецело и всемерно* подчинен духу творчества, духу созидания.

Поэтому то сейчас, когда стало так ясно, что победит пролетариат только тогда, когда он, необузданный в разрушении, будет также неистов и неисчерпаем в созидании, теперь *созидатель* Кропоткин играет особенную роль дая мирового пролетариата.

Полагаю, что наилучшим способом чествования Кропоткина было бы—организация Института имени П. А. Кропоткина. Плодотворное, критическое, вдумчивое изучение работ Кропоткина быть может помогло бы нам пережить мучительный кризис анархического движения. В этом Институте необходима работа эмпирическая, фактическая, необходимо наполнить конкретным содержанием основной принцип Кропоткина—«массовое творчество», критически пересмотрев всю историю вообще и рабочее движение в частности. Необходима не в меньшей мере работа отвлеченной философской мысли.

Будем надеяться, что такой Институт будет организован.

И. Гроссман-Рощин.

Проблема личности в учении П. А. Кропоткина.

Процесс общественного развития—в известном смысле—может быть сведен к борьбе личности за свои цели и к борьбе личности собственно за себя, как самостоятельную самодовлеющую цель.

Личность есть единственная, подлинная, вечно движущаяся и потому неповторимая реальность общественного процесса. Исторические конкретные формы общественности есть средство в осуществлении личностью ее творческих целей.

И потому у личности к коллективу—стихийно ли слагающемуся или устрояемому сознательной волей человека—возможна двоякая форма отношения.

Или личность сливает свои цели с целями коллектива, причем безразлично—действует ли коллектив под влиянием личности или личность сознательно подчиняет себя задачам и методам коллектива.

Или цели личности и средства, избираемые ей, как единственно целесообразные и морально допустимые для осуществления этих целей, вступают в резкий антагонизм с целями коллектива и одобренными им средствами.

Подобные антагонизмы личных и общественных целей не случайны; наоборот, они носят принципиальный характер, ибо вытекают из самой сущности этих взаимоотношений.

И антиномия эта, известная всем доселе существовавшим историческим обществам, представляется нам неразрешимой, ибо ни в какой конкретной форме общественности гармоническое слияние целей—невозможно. В самой природе общежития—хотя бы благосклонного к личным устремлениям, чтущего героев, кланяющегося вождям, благодарного сильной индивидуальности даже в тех случаях, когда последняя ставит обществу трагические проблемы, опрокидывает привычные ценности, сомнениями и страданиями подменяет дорогой всем покой—есть нечто, принципиально отрицающее ее самостоятельность, ее своеобразие.

Не занимаясь сейчас решением вопроса об антиномии личных и общественных целей по существу, отметим только, что проблема эта

наибольшую заостренность получает в системах индивидуалистического характера, в то время как традиционная социалистическая доктрина или вовсе игнорирует принципиальный характер указанного антагонизма, относясь равнодушно и к подчинению личных целей общественным и подчинению личности, как цели, общественному целому, или довольствуется благочестивыми, но недоказуемыми заверениями о возможности именно в социалистическом союзе полной гармонии между индивидуалистическими устремлениями личности и задачами общественного союза.

В анархистском мировоззрении проблема личности выдвигается на первый план.

Личность—естественный центр этого мировоззрения. Именно в нем должно найти себе место—категорическое утверждение личности, как цели, ее право на адекватное ей выявление своих индивидуальных возможностей, ибо только анархизм может отказаться от гипостазирования процессов надиндивидуального характера в самостоятельные и самодовлеющие сущности и до конца разоблачить фетишизм общественных образований [1]).

И хотя у крупнейшего из основоположников анархизма—Бакунина—человек и движется по общему руслу замкнутого в себе материального потока—«всемирной причинности, определяющей существование всех вещей», однако, непогрешимый революционный инстинкт Бакунина подсказал ему выход из этой зависимости в развитии своеобразной историко-философской теории, указавшей человеку особое место в мировом процессе [2]).

Хотя «человек—животное и не может уничтожить свою животность», но он «может и должен ее переработать и очеловечить через свободу». Человечество же есть «последнее, совершеннейшее... наивысшее проявление животного начала»... и вместе «все возрастающее отрицание животного начала в людях». Человек—животное, но вместе человек—мыслитель, человек—бунтарь, «рожденный, созданный природой, творящий для себя, среди этой самой природы и даже в ее условиях, второе существование, согласное с его идеалом и совершенствующееся вместе с ним», свой новый «человеческий мир» [3]).

В этой борьбе человек находит свою волю, утверждает свою свободу, свое человеческое достоинство, завоевывает необходимое и высшее из возможных для него благ—человечность.

Так, не взирая на общематериалистическую концепцию, человеческая личность, как таковая, является в учении Бакунина свое-

[1]) Подробнее об этом см. в моем этюде «Личность и общество в анархистском мировоззрении». Изд. «Голос Труда». М. 1920.

[2]) Мы не касаемся здесь вопроса о неустраненном и неустранимом противоречии, раз'едающем гносеологию Бакунина.

[3]) М. А. Бакунин. Собрание сочинений. Изд. «Голос Труда», т. IV, стр. 86, т. II, стр. 144, т. III, стр. 168—169.

образным исключением в общем строе природы. В нашем сознании, в нашей творческой деятельности она действительный центр живого космического потока, безусловная самоцель. Уважение человеческой личности есть «высший закон человечества»...; «великая настоящая цель истории, единственно законная, это—гуманизация и эмансипация—очеловечение и освобождение, реальная свобода, реальное благосостояние, счастье каждого живущего в обществе индивида» [1]).

Бакунин не остался одинок. Вся последующая русская социалистическая мысль проблеме личности всегда отводила первенствующее место.

П. А. Кропоткин в этом смысле—как это ни представляется парадоксальным именно для анархистской системы—занимает своеобразную позицию.

В многочисленных его творениях вы не найдете и следа ни того пламенного восторга перед личностью и «волей» ее, как источником истории, которым кипят творения Герцена, ни той убежденной горячности, с которой говорит о природе личности, ее идеалах, ее правах Лавров в «Исторических письмах» или «Введении в историю мысли», ни того страстного пафоса, с которым защищает «святость», «неприкосновенность», «интересы», «мыслящей», «страдающей» и «наслаждающейся» личности Михайловский в рассуждении—«Что такое прогресс» и особенно в «Письмах о правде и неправде».

П. А. Кропоткин, конечно, весьма далек от того, чтобы трактовать личность, как «социологически ничтожную» величину. С всепокоряющей страстностью в обращении «К молодым людям» («Речи бунтовщика») говорит он об огромной положительной роли, которую призваны они сыграть на разных поприщах в проложении путей революции, уничтожении рабства, завоевании свободы и счастливой жизни. Глубочайший и яркий гуманизм проникает все его творения.

Но несомненно, что личность, как самостоятельный творческий агент истории и в общей социологической концепции П. А. Кропоткина и в ряде его отдельных принципиальных утверждений не только отступает на второй план, но прямо стирается пред тем, что может быть названо истинным центром его анархистского мировоззрения, властителем его социологических дум—творческой ролью масс.

В этом смысле П. А. Кропоткин был верным последователем и продолжателем воззрений Кондорсе, Конта, Бокля, Спенсера и всей вообще плеяды позитивно настроенных писателей, которые в массовых процессах склонны были видеть всю сущность социальной жизни и для которых своеобразие и самостоятельность личности были прежде всего своеобразием социальной среды, ее породившей и для

[1]) Ibidem. Т. II, стр. 195—196.

которых, как у Д. С. Милля, даже великий человек был не более как одной из «случайностей» социального процесса.

Для П. А. Кропоткина, как и для одного из современных социологов—Изуле,—«L'âme est fille de la cité» [1]).

Поэтому, он с таким увлечением занимается исследованиями «психологии масс». Блестящие образцы таких исследований рассыпаны почти по всем его крупным сочинениям; наиболее же законченным трудом в этом смысле, несомненно, является его «Великая французская революция».

И в увлечении творческой ролью масс П. А. Кропоткин не раз, как будто, вовсе забывает строгие методологические позиции позитивиста, забывает и столь горячо утверждаемую им самим, неизбежную условность социологического закона.

Массы перестают быть для него — определенной, исторически обусловленной, этнографической связностью подлинных реальностей—личностей. Они вырастают в универсальное, всеоб'емлющее, всеоб'ясняющее, почти мистическое понятие.

Массы—условие и источник положительного творчества. Только им дано магическое сочетание инстинкта и разума, вне которого нет творчества. Они—стихийная космическая сила, созидающая «человеческий мир», складывающая его быт. Только они умеют чутко следить за выбивающимися ростками народной воли, умело выхаживать их, не дать им захиреть, помочь взойти пышным цветом.

«Народный инстинкт не ошибается» [2]). Его требования и веления—непреложны. Творчество масс и все, что с ним, источник живого, разумного, благого. Ему и только ему обязаны своим существованием—свобода, справедливость, любовь, радость.

Все же, что пытается вступить с ним в конкурренцию или ему противопоставить свою волю—или отмечено заранее роковою печатью бессилия или отрицается, как противное разуму, морали, общественному благу [3]).

И анархизм есть также исключительно продукт народного творчества.

«Если анархия и коммунизм—пишет он—были бы продуктами научных исследований и философских размышлений, то, быть может,

---

[1]) Izoulet. La cité moderne et la métaphysique de la sociologie. Та же точка зрения поддерживается и многочисленными социологами неопозитивной складки—Дюркгеймом (L'âme collective), Драгическо и др.

[2]) «Речи бунтовщика». Изд. «Освобожд. Мысль». Вып. I. СПБ. 1906, стр. 176.

[3]) В этом отношении, не говоря о методологических различиях, П. А. Кропоткин не имеет ничего общего с трудами признанных авторитетов в области исследования «психологии масс»—Тардом, Сигеле, Ратценгофером и особенно Г. Лебоном. Последний с его утверждением о способности масс только к разрушению (La psychologie du socialisme) является настоящим антиподом П. А. Кропоткина.

они не нашли бы себе отклика. Но эти два принципа возникли в среде народа... Он радостно приветствует каждого, излагающего в понятной форме эти идеи, зародившиеся в его среде. В этом сочувствии народа и заключается настоящая сила анархического коммунизма»... [1]).

Эти положения приобрели законченный характер в его последней историко-методологической работе — «Современная наука и Анархия».

«Анархия, конечно, ведет свое происхождение не от какого-нибудь научного открытия и не от какой-нибудь системы философии... Анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным» [2]).

И далее П. А, Кропоткин развивает свои общие философско-исторические взгляды, легшие в основу всего его последующего исторического анализа.

«Во все времена в человеческих обществах сталкивались в борьбе два враждебных течения. С одной стороны, народ, народные массы вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной,— чтобы поддержать мир, улаживать ссоры и оказывать друг другу помощь во всем, что требует соединенных усилий... С другой стороны во все времена существовали колдуны, маги, вызыватели дождя, оракулы, жрецы. Они были первыми обладателями знания природы и первыми основателями различных религиозных культов... Рядом с этими первыми представителями науки и религии мы находим также людей, которые... рассматривались, как знатоки и хранители преданий и старых обычаев, к которым все должны были обращаться в случае несогласия и ссор. Они хранили законы в своей памяти..., и в случае разногласий к ним обращались, как к посредникам. Наконец, были также временные начальники боевых дружин, владевшие, как предполагалось, колдовскими чарами, при помощи которых они могли обеспечить победу; они владели также тайнами отравления

---

[1]) «Речи бунтовщика». Цит. изд. стр. 47.

[2]) «Современная наука и анархия». Изд. «Голос Труда». М. 1921, стр. 9.

Интересно сопоставить эти утверждения с его характеристиками «анархистов» в Французской революций: «Прежде всего, анархисты—не партия..., эти последние находятся вне Конвента... Это—революционеры, рассеянные по всей Франции. Они отдались революции телом и душою... Но настоящее их место, это—секция, в особенности—улица. В Конвенте их можно видеть на трибунах, откуда они руководят дебатами. Их способ действия, это—давление народного мнения, но не «общественного мнения» буржуазии... В тот день, когда революционный порыв народа истощится, они вернутся в неизвестность». «Великая французская революция». Изд. Сытина. М. 1918, стр. 353. (Курсив везде—П. А. К.).

оружия и другими военными секретами. Эти три категории людей всегда, с незапамятных времен составляли между собой тайные общества, чтобы сохранять и передавать следующему поколению... тайны их специальностей... Они сплачивались между собой, вступали в союз и поддерживали друг друга, чтобы господствовать над народом, держать его в повиновении, управлять им—и заставлять его работать на них».

И П. А. Кропоткин заключает: «Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений—то-есть, творческую созидательную силу самого народа, вырабатывавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства. Именно силою народною творчества и народной созидательной деятельности, опирающейся на всю мощь современной науки и техники, анархизм и стремится теперь выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества—в противоположность тем, кто возлагает всю свою надежду на законодательство, выработанное правительством, состоящим из меньшинства и захватившим власть над народными массами при помощи суровой жестокой дисциплины» [1]).

Еще более категорически выражает он ту же мысль в главе—«О роли закона в обществе».

«...*Научное* изучение развития человеческих обществ и учреждений... нам показывает, что обычаи и приемы, созданные человечеством в целях взаимной помощи, защиты и мира вообще, были выработаны именно «толпой» без имени..., что так-называемые руководители, герои и законодатели человечества ничего не внесли втечение истории кроме того, что было уже выработано в обществе обычным правом. Лучшие «среди них только дали формы и санкцию этим учреждениям» и, наконец, «все необходимые гарантии для жизни в обществах, все формы общественной жизни в родовом быту, в сельской общине и средневековом городе, все формы отношений между отдельными племенами и позднее между республиками-городами..., одним словом, все формы взаимной поддержки и защиты мира, включая сюда суд присяжных, были созданы творческим гением безыменной народной толпы» [2]).

И социальная революция, поскольку она «*должна быть созидательницей новых форм общественной жизни*», есть также продукт народного гения.

«...Эта созидательная сила—пишет он—может явиться только из самой среды народных масс—от тех, кто сам своими руками добывает, обрабатывает и изменяет продукты природы и образует в своей совокупности общество производителей. Созидательная сила

[1]) «Современная наука и анархия» стр. 9—11.
[2]) Ibidem. Стр. 38 и 40. (Курсив—П. А. К.).

социальной революции не может явиться из книг и ученых трактатов. Книги—это прошлое, они могут, иногда, разбудить дух критики и возмущения. Но они совершенно не способны предсказать будущее и начертать план новой жизни. Для этого необходимо следовать внушениям *самой жизни*» [1]).

Этими утверждениями и определяется роль личности.

Она должна идти к массам—проникаться их запросами, угадывать их потребности, вдохновляться их жизнью и страданиями и запечатлеть незримо зреющую народную волю в пламенной формуле. «Идите к ним не как учителя, а как товарищи по борьбе; не руководить ими, а вдохновляться в новой для вас в среде; не поучать, а впитывать в себя стремления масс, их предугадывать и формулировать. Возьмитесь за эту работу с юношеским пылом и постарайтесь провести в жизнь те принципы, которые вы почерпнули у народа. Тогда, и только тогда, вы будете жить полной рациональной жизнью» [2]).

Что же такое личность? Есть ли она целиком продукт общественности, гармонический плод ее собственных тенденций или ее цели враждебны целям общественности и между личностью и обществом возможен разрыв принципиального характера?

Разумеется, от изощренного социологического глаза П. А. Кропоткина не могла укрыться мучительнейшая проблема революционного мировоззрения—проблема антиномии личности и общества.

Уже из предыдущего изложения мы знаем, что антиномия эта коренится в общественных свойствах человеческой природы. Внутренний антагонизм неизбежен и принципиален именно потому, что не все содержание личности может быть выведено из социальных отношений. И этот «остаток» личности есть вечный бунтарь против общественности. Поскольку он неразложим, постольку бунт, антагонизм не может быть вычеркнут из истории их взаимоотношений.

П. А. Кропоткин несомненно чувствует проблему.

В «Современной науке и анархии» он категорически ставит вопрос: «...является ли жизнь в обществе средством освобождения личности или средством порабощения? ведет ли она к расширению личной свободы и к увеличению личности или же к ее умалению?

---

[1]) Джемс Гильом. Интернационал. Изд. «Гол. Труда». Пет.—М. 1922. Т. I—II. Предисл. П. Кропоткина стр. 12. (Курсив везде—П. А. К.).

«Парламентская история революции, ее войны и ее политика изучены и рассказаны во всех подробностях. Но народная история революции еще не написана. Роль народа—деревень и городов—в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, течение умственное известно; но другое течение—народное действие—еще очень мало затронуто. Наше дело—дело потомков тех, кого современники называли «анархистами», изучить это народное движение, или, по крайней мере, указать его главные черты». «Великая французская революция». Стр. 4. (Курсив—П. А. К).

[2]) «Речи бунтовщика». Стр. 36.

Это основной вопрос всей социологии и, как таковой, он заслуживает самого глубокого обсуждения» [1]).

В книге о «Взаимной помощи, как факторе эволюции» он говорит о «самоутверждении личности», как «влиятельном факторе общей эволюции», как «элементе прогресса».

Однако, вопреки этим категорическим заявлениям, проблеме этой не только не суждено было занять хоть сколько-нибудь видного места в систематическом изложении его учения, но фактически она—или просто снимается с очереди или лишается своего принципиального характера.

П. А. Кропоткин пытается растворить ее в утверждениях грядущих совершенств коммунистического общества [2]), не замечая, что совершенства эти, при всей значительности их, в смысле расширения сферы индивидуальных прав, являются тем не менее лишь частными коррективами и не могут претендовать на разрешение основной антиномии. Последняя—неустранима никаким «идеальным» строем и напрасны мечты о «рае на земле».

Лучше всего отношение П. А. Кропоткина к интересующей нас проблеме характеризуется теми беглыми строками, которые он уделяет ей в введении и финале своей «Взаимной помощи» [3]).

«Я, конечно, менее всего склонен недооценивать роль, которую самоутверждение личности играло в развитии человечества. Но этот вопрос, по моему мнению, требует рассмотрения, гораздо более глубокого, чем какое он встречал до сих пор. В истории человечества, самоутверждение личности часто представляло, и продолжает представлять, нечто совершенно отличное и нечто более обширное и глубокое, чем та мелочная, неразумная умственная узость, которую большинство писателей выдает за «индивидуализм» и «самоутверждение». Равным образом, двигавшие историю личности вовсе не сводились на одних тех, кого историки изображают нам в качестве героев».

И далее П. А. Кропоткин признает, что «никакой обзор эволюции не может претендовать на полноту, если в нем не будут рассмотрены оба эти господствующие течения» (т. е. взаимная помощь и самоутверждение личности) «Но—добавляет он—дело в том, что самоутверждение индивидуума или групп индивидуумов, их борьба за превосходство и проистекавшие из нее столкновения и борьба были уже с незапамятных времен разбираемы, описываемы и прославляемы. Действительно, вплоть до настоящего времени одно это течение и пользовалось вниманием эпических поэтов, историков, летописцев и

---

[1]) «Современная наука и анархия» стр. 119.

[2]) См., напр., «Завоевание хлеба». Изд. Социалист. Библ. № 2. СПБ. 1906. Глава, посвященная «Возражениям» (стр. 130—148).

[3]) «Взаимная помощь, как фактор эволюции». Изд. научно-анархич. библиот. М. 1918. Стр. 9—10, 211—212.

социологов... Мы можем, поэтому, считать, что значение индивидуального фактора в истории человечества вполне известно, хотя и в этой области остается еще не мало поработать в только-что указанном направлении».

Попробуем разобраться в этих замечаниях.

Конечно, П. А. Кропоткин указывает совершенно правильно, что «самоутверждение личности» требует «рассмотрения гораздо более глубокого, чем какое он встречал до сих пор» и что изучение этого фактора не может быть сведено к изучению роли «героев» в истории.

Однако, эти замечания находятся в странном противоречии с стоящими рядом заключениями о том, что «значение индивидуального фактора в истории человечества вполне известно».

И невнимание П. А. Кропоткина к основной проблеме—антиномии личности и общества—идет еще глубже.

Так прежде всего его исследованию как будто безразлично, что следует понимать под «самоутверждением личности»—«самоутверждение индивидуума» или «самоутверждение группы индивидуумов». Между тем, это безразличие приводит к очевидному смешению проблем и основная проблема подменяется иной—занимающейся не коллизией между личностью, как таковой, и коллективом, а конфликтами разнородных коллективов.

И здесь же мы наталкиваемся еще на другое методологическое недоразумение. Едва ли правомерно говорить о выясненности «значения индивидуального фактора в истории человечества», если этот фактор доселе был изучаем вне какой-либо связи с другим фактором эволюции, в частности «взаимной помощи». Исследование «самоутверждения индивидуума» вне той социологической обстановки, где такое самоутверждение только и может иметь место, едва ли имеет какой-либо положительный смысл. При искусственной изоляции «индивидуального» фактора, очевидно, самая сущность проблемы должна была остаться за пределами исследования.

И, наконец, проблема исчезает вовсе в той общей формуле исторического процесса, которой он заключает свои беглые замечания о самоутверждении личности. «В этой тройственной борьбе,—между двумя разрядами возмутившихся личностей и защитниками существующего,—и состоит вся истинная трагедия истории».

Слишком очевидно, что в этих беглых строчках, посвященных «индивидуальному фактору», нет и речи о принципиальном антагонизме личности и общества, тем более, что и, согласно общему смыслу учения П. А. Кропоткина, все искания, сомнения и противоречия индивидуальности должны искать высшего гармонического разрешения в том синтетическом начале братства (взаимопомощи), которое стихийным образом определяет человеческие судьбы с первых шагов исторического существования человека и должно найти свое подлинное завершение в будущем коммунистическом обществе.

При этом—начало взаимопомощи, выростающее в учении П. А. Кропоткина во всеопределяющую синтетическую формулу развития человеческих обществ, не анализируется им вовсе. Оно просто постулируется как основной первичный инстинкт человеческой природы. Солидарность, братство—есть элементарное необходимое условие социального отбора, выживания, прогресса. Вся сложная гамма взаимодействий, глубокая дифференциация целей, связанных с всепроникающим началом взаимопомощи—для П. А. Кропоткина не существуют. Из всех мотивов, определяющих начало взаимопомощи, он знает мотивы только альтруистического свойства—чувства симпатии, сострадания, действенной любви.

Это отсутствие положительного анализа явилось несомненным источником той надисторической идеализации «народа», «творческих масс», «общинного» начала, которые характеризуют философско-историческую концепцию П. А. Кропоткина вообще [1].

После этих предварительных замечаний проследим учение о личности П. А. Кропоткина в собственном смысле этого слова.

В работе, устанавливающей философские основы его миропонимания, П. А. Кропоткин, оставаясь на строго биологической почве и вместе в духе Бакунинского миропонимания—его воззрений на жизнь, как на закон «всемирной причинности», «всеобщей солидарности»—останавливается на той роли, которую начинает играть исследование «бесконечно малых» в эволюции современной науки.

«В науках, изучающих живые существа, постепенно исчезает понятие о виде и его изменениях, и его место занимает понятие об индивидууме, особи. Ботаник и зоолог изучают индивидуума—его жизнь, его приспособление к среде... Изменение вида представляет теперь собою для биолога ничто иное, как равнодействующую, как сумму изменений, происшедших в каждом индивидууме в отдельности... Каждый индивидуум представляет собою целый мир федераций, заключает в себе целый космос... Каждый индивидуум... представляет собой мир органов, каждый орган—целый мир клеток, каждая клетка—мир бесконечно-малых, и в этом сложном мире благосостояние целого зависит вполне от размеров благосостояния, которыми пользуются мельчайшие микроскопические частицы организованного вещества» [2].

[1]) Критические замечания по адресу «монистических теорий» образования «коллективных единств» в том числе и Кропоткинского учения о «Взаимной помощи» см., напр., П. Сорокин. Система социологии. Т. I. 1920. Стр. 282—283, 312 и passim.

[2]) Анархия, ее философия и идеал». Изд. «Свобода». М. 1906. Стр. 8—9.

И то же самое, по убеждению П. А. Кропоткина, можно наблюдать и в «психологии».

«Еще совсем недавно психолог говорил о человеке, как о едином и нераздельном целом... Но что сказали бы в наше время ученые, если бы психолог заговорил теперь о чем-нибудь подробном? Человек представляет собою теперь для психолога множество отдельных способностей, множество независимых стремлений, равных между собою, функционирующих независимо друг от друга, постоянно уравновешивающих друг друга, постоянно находящихся в противоречии между собою. Взятый в целом, человек представляется современному психологу, как вечно изменяющаяся равнодействующая всех этих разнообразных способностей, этих независимых стремлений мозговых клеток и нервных центров. Все они связаны между собой и влияют друг на друга, но каждый и каждая из них живет своею независимою жизнью, не подчиняясь никакому центральному органу, никакой душе» [1]).

Не останавливаясь на оценке этих замечаний по существу—в смысле соответствия их данным современной «позитивной» науки, отметим, что здесь заложен фундамент Кропоткинского представления о личности.

Итак, всякое человеческое общество, независимо от исторических условий, есть прежде всего федерация элементов его образующих. Личность, таящая в себе целый самостоятельный космос (в биолого-психологическом смысле этого слова), есть бесконечно-малая в отношении к общежитию, которому она принадлежит.

И, совершенно подобно тому, как каждый отдельный орган, имеющий свои собственные физиологические задания, имеет и самостоятельную «особую» жизнь, так личность, как член общения, выполняя некоторые, специально ей усвоенные функции, именно в силу неизбежной дифференциации, вытекающей из сущности федеративной связи, приобретает возможность самостоятельной «особой жизни».

И—продолжая ряд аналогий, бесспорных для П. А. Кропоткина—если в мире органическом благосостояние животного и растительного вида зависит от благосостояния образующих его особей, то и в нашей социальной жизни благосостояние общества неразрывно связано с благосостоянием элементов ее образующих, т. е. благосостоянием отдельных личностей.

Так забота о судьбах личности, об условиях, наиболее благоприятных для полного выявления ее особенностей, выростает в специальную самостоятельную проблему.

И все современное научное знание, по убеждению П. А. Кропоткина, соответственно новому миропониманию, перестраивает и свои методологические позиции.

---

[1]) Ibidem. Стр. 9—10.

История, бывшая когда-то «историей царств» «стремится сделаться историей народов и изучением личностей». Политическая экономия, «бывшая в начале своего существования изучением богатства народов, становится теперь изучением богатства личностей».

Так слагается новое мировоззрение и анархизм является «одной из составных частей его», «новым способом понимания прошедшей и настоящей жизни обществ и новым «взглядом на их будущее...» [1])

И это «новое» прежде всего заключается в совершенном преобразовании взглядов на личность, ее особенности, ее интересы.

П. А. Кропоткин неустанно обличает современное общество за его цинизм, жестокость, его тупое равнодушие к человеческой жизни.

«Все, решительно все в современном обществе учит полному презрению к человеческой жизни—как к товару, который слишком дешево стоит ни рынке»! [2]).

«Полное развитие личности» разрешается только тем, кто не угрожает никакою опасностью буржуазному обществу,—тем, кто для него занимателен, но не опасен» [3]).

Наоборот, анархизм, поскольку он вообще может формулировать какую-либо окончательно-закрепленную и бесспорную социальную догму, предполагает в анархистском обществе осуществление возможно полного, всестороннего развития личности.

Будущее общество—говорит он—«стремится к наиболее полному развитию личности...», оно «ищет гармонии в постоянно-изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности свободно проявляться и взаимно уравновешиваться и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять всю свою энергию в этом направлении».

Это—общество, где «каждым управляет исключительно его собственная воля [4])»...

Это—коммунистическое общество. Разумеется, это—не «государственный коммунизм», который, по убеждению П. А. Кропоткина, просто невозможен, так как таит в себе глубокое внутреннее противоречие и неминуемо преобразуется в государственный капитализм, но коммунизм «анархический», «свободный», «безгосударственный». И в этой форме коммунизма личности будет предоставлен широкий простор для выявления ее особенностей.

---

[1]) Ibidem. Стр. 12—13.

[2]) Ibidem. Стр. 57.

[3]) «Современная наука и анархия». Стр. 80.

[4]) «Анархия, ее философия и идеал». Стр. 14—15. Впрочем, и здесь П. А. Кропоткин считает нужным подчеркнуть детерминистическую точку зрения, определяя индивидуальную волю, как «результат испытываемых каждым индивидуумом общественных влияний».

П. А. Кропоткин очень далек мечтаниям тех безответственных индивидуалистов, которые говорят о никем и ничем, никакими «об‘ективными нормами» неограниченной свободе [1]). Такой свободы не знает и не может знать человек, с одной стороны, детерминированный космической причинностью, с другой, определяемый в своих намерениях и актах условиями общежития.

«Даже Робинзон—пишет он—не был абсолютно свободен»; современный же человек неизбежно должен принимать в расчет интересы других людей [2]). И эта взаимозависимость неизбежно возрастает с самым общественным прогрессом. Ибо в самом требовании равенства заключается уже зародыш известного ограничения намерений и поступков отдельной индивидуальности.

Поэтому, П. А. Кропоткин, неудовлетворенный уже существующими—то слишком широкими, то слишком узкими—определениями «свободы» дает свое собственное, единственно возможное, с его точки зрения: «Свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания».

Это чисто психологическое определение не говорит ничего о внешних об‘ективных условиях, определяющих индивидуальный поступок и совершенно игнорирует общественность, которая также может и должна иметь свое определение свободы.

П. А. Кропоткин даже не пытается доказывать, что в коммунизме, хотя бы безгосударственном, анархическом, было возможно чувство и утверждение *именно такой свободы* и совершенно оставляет в стороне другой важный вопрос—как возможна в обществе, оперирующем его определением свободы, реакция на антисоциальные поступки его членов?

Если П. А. Кропоткин признает, а он это действительно признает и не может не признать, что общество и самое свободное должно реагировать в той или другой форме на антисоциальные поступки своих членов [3]), то ясно, что «свобода» определенная им, как «возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания» фактически невозможна. Ибо боязнь, или, по крайней мере, соображение о возможной реакции общества на поступок не могут быть чужды ни одному из членов этого общества, если не допустить чудесного и совершенного преображения известной нам сейчас человеческой природы.

---

[1]) «Современная наука и анархия». Стр. 87—90 passim.

[2]) Ibidem. Стр. 137—138.

[3]) См., напр., «Завоевание хлеба». Стр. 142—143. И надо согласиться, что в данном смысле совершенно безразлично, какой именно тип общества реагирует на антисоциальный поступок—общество, регулирующее свою социальную жизнь при помощи правовых принудительных норм или же свободных конвенциональных правил. Об этом см. Р. Штаммлер. «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории». Изд. «Начало» 1907, т. II, отд. II. § 92.

Но и независимо от его определения свободы, П. А. Кропоткину представляется несомненным, что «сама коммунистическая форма общежития отнюдь не обусловливает подчинения личности». Вопрос о свободе, ее характере, ее пределах решается исключительно в зависимости от «тех воззрений на необходимость личной свободы, которые вносятся людьми в то или другое общественное учреждение». Коммунизм, поэтому, «может принять все формы, начиная с полной свободы личности и кончая полным порабощением всех» [1]).

Коммунизм «начальнический», принудительный» есть гибель человеческой свободы, подчинение ее централизационной воле [2]).

Коммунизм «анархический», «свободный», наоборот, создает наилучшие условия для обеспечения свободы.

Однако, путь к «анархическому» коммунизму далеко не так прост, как думают многие.

Достаточно ли одного просвещенного и в нужной мере интенсивного волеиз'явления личности, чтобы создать среду, необходимую для образования свободной индивидуальности?

Рационалист П. А. Кропоткин этого не думает. Он знает, что для обеспечения свободного анархического строя необходимо предварительное осуществление некоторых техно-экономических предпосылок.

«Полное развитие личности и ее личных особенностей —говорит он—может иметь место только тогда, когда первые, главные потребности человека в пище и жилье удовлетворены, когда его борьба за жизнь против силы природы упростилась, когда его время не поглощено тысячами мелких забот о поддержании своего существования. Тогда только ум, художественный вкус, изобретательность и вообще все способности человека могут развиваться свободно» [3]).

Но эти необходимые техно-экономические требования могут быть осуществлены, по убеждению П. А. Кропоткина, только коммунистическим обществом. Оно—дает досуг. А досуг, «сам по себе, уже составляет громадное расширение личной свободы» [1]). И освобождение личности будет одновременно сопровождаться maximum'ом экономического эффекта, в виду высшей производительности свободного труда. Далее, коммунистическое общество, устанавливая равенство и упраздняя историческое деление людей на пастырей и пасомых, является источником нового расширения прав личности. Наконец, коммунистическое общество предполагает «разнообразие занятий», также расширяющее творческие возможности индивидуальности.

---

[1]) «Современная наука и анархия». Стр. 139--140

[2]) Несостоятельным оказывался коммунизм и в мелких общинах, «скол-ках с патриархальной и подчиненной семьи», где он приводил к порабощению членов и полному их обезличению. См. ibidem. Стр. 129—130, 143.

[3]) «Анархия, ее философия и идеал». Стр. 48.

[4]) «Современная наука и анархия». Стр. 142.

Таким образом, очевидно, что коммунизм и анархизм не только не противоречат один другому, но могут служить «необходимым дополнением друг для друга». И вольный, анархический коммунизм должен дать «...полный расцвет всех способностей человека, высшее развитие всего, что в нем есть оригинального, наибольшую деятельность его ума, чувств и воли» [1]) он должен сделать все возможное, чтобы «расширить свободу личности во всех возможных направлениях» [2]), чтобы дать личности возможность «развить все свои естественные способности, свою *индивидуальность*, т. е. все то, что в нем может быть *своего*, личного, особенного» [3]).

Этим идеалом определяются характер и формы самой анархической тактики. Она состоит «в развитии наибольшей возможной *личной инициативы* в каждой группе и в каждой личности, причем единство действия достигается единством цели и силой убеждения, которую имеет каждая идея, если она свободно выражена, серьезно обсуждена и найдена справедливой» [4]).

И, наконец, как бы вступая в некоторое противоречие с предшествовавшими своими рассуждениями о творческой роли масс, он и в самом историческом процессе, особенно же, например, в стадии подготовки революции, начинает отводить личности выдающееся место.

Указав, что «ни одна революция не вытекла из сопротивления, или из нападения парламента, или какого-либо другого представительного собрания», что «*все революции начинались в народе*», что никогда ни одна революция не появлялась вооруженною с головы до ног, как Минерва», он отмечает, что все они «имели, кроме подготовительного периода, свой период эволюции, в течение которого народные массы, формулировав свои, в начале очень скромные требования, проникались мало по малу, очень медленно, все более и более революционным духом. Они становились смелей, дерзновенней, чувствовали более доверия к своим силам и, выйдя из летаргии отчаяния, постепенно расширяли свою программу» [5]).

Но в чем же заключался процесс этого революционного созревания народных масс? Кто и что мог стимулировать и направлять их революционную энергию в течение этого неизбежного «подготовительного периода»?

Здесь, как будто, неожиданно в связи с прежними уничтожающими замечаниями по адресу «руководителей, героев и законодателей», не сумевших внести «в течение истории ничего, кроме того, что было уже выработано в обществе обычным правом» [6]), он пи

---

[1]) «Анархия, ее философия и идеал». Стр. 48.
[2]) «Современная наука и анархия». Стр. 144.
[3]) Ibidem. Стр. 47. (Курсив—П. А. К.).
[4]) Ibidem. Стр. 103—104. (Курсив—П. А. К.).
[5]) Ibidem. Стр. 107—108. (Курсив—П. А. К.).
[6]) Ibidem. Стр. 38.

шет: «Сначала отдельные личности, глубоко возмущенные тем, что они видели вокруг себя, восставали поодиночке. Многие из них погибали без всяких видимых результатов, но равнодушие общества было уже поколеблено, благодаря этим отдельным героям... Мысль работала. Мало по малу небольшие группы людей также проникались революционным духом. Они восставали... Не одно, не два и не десять таких восстаний, но сотни бунтов, предшествуют каждой революции»... «Ждать, поэтому—заключает он—чтобы социальная революция наступила без того, чтобы ей предшествовали восстания, определяющие характер грядущей революции, лелеять эту надежду—детски нелепо» [3]).

Оставляя в стороне ярко рационалистический характер всех этих рассуждений, мы видим, что роль личности, роль «инициативного меньшинства» в истории, по крайней мере, в подготовительный период революции, становится чрезвычайно значительной.

«Дело не в том, что мы составляем меньшинство. Это не важно. Успех будет на нашей стороне, если только наши идеи анархического коммунизма соответствуют современной эволюции человечества» [4]).

Так личность, осмыслив совершающееся кругом, становится влиятельным агентом исторического процесса: вырабатывает программу действий, стимулирует волю окружающих, ломает равнодушие «общества», заражает революционным настроением сперва отдельные группы, потом массы и тогда... родятся революционные бури.

Не есть ли это хотя частичное признание положительной роли «вождей», «героев»? И разве наивысшее, что занимает П. А. Кропоткина,—нравственное не принадлежит также, между прочим к «бескорыстным порывам людей, наиболее сильных умом и сердцем...»? [5])

Попробуем подвести итоги.

Изложенное выше учение П. А. Кропоткина о личности, о творческой роли народа, о взаимоотношении личности и масс, вызывает невольно ряд вопросов.

Итак—в глубоких недрах народной жизни идет великая, многовековая, неостанавливающаяся работа. День за днем, верные своему творческому инстинкту, пусть незаметно для близоруких глаз, упрямо, непрестанно, строят народные массы свою жизнь. В их потребностях, желаниях, их жажде справедливости бьет могучий чистый родник

[3]) Ibidem. Стр. 108—109. Ср. т. великолепные строки, посвященные «подготовительному периоду» и роли «инициативного меньшинства» в нем в гл. «Дух восстания» и «Революционное меньшинство» в «Речах бунтовщика».

[4]) Ibidem. Стр. 46.

[5]) «Справедливость и нравственность». Изд. «Голос Труда». Пет.-М. 1921. Стр. 52.

социального творчества. Все, что имеет своей целью утверждение мира, взаимопомощи, братства, все это—дело «анонимной толпы», ее непогрешимого творческого инстинкта, ее «коллективного разума».

В этой героической борьбе за свободу и правду массовый инстинкт встречает непримиримых врагов. Вся человеческая история есть неразрешимый принципиальный антагонизм между положительным творчеством «народа» и предательской, себялюбивой политикой магов, жрецов, законников, ученых, апостолов и прислужников государства.

Мотивы их деятельности—корысть, интересы эксплоататора, воля к власти мутят чистые струи народного творчества. Огромную, пеструю, непосредственную, сочащуюся кровью народную жизнь, втискивают они насильственно в заранее заготовленные уродливые формы, продиктованные то метафизическими бреднями утописта, то хищническими вожделениями социального паразита.

Но... прежде всего, что же такое эти «народные массы», этот «народ», эта «толпа» без имени, которым принадлежит все творческое в истории, на стороне которых и сила и правда и которым, тем не менее, после многовековых усилий все еще приходится вести трагическую и пока—увы—за редчайшими исключениями, безнадежную борьбу с насильниками? Не попирается ли вольное народное творчество еще повсюду и в современных культурных обществах—его палачем, его могильщиком—государством?

Ответа на эти вопросы в учении П. А. Кропоткина мы не найдем.

Он ничего не говорит нам о внутреннем составе «народа», народных «масс». Вся предшествующая работа анархистской (Бакунин) и социалистической мысли по утверждению и изучению классового строения общества для него как-будто не существует. Он, созидатель нового строя, как будто, забывает труднейшую для всякого созидателя проблему — тактическую. Он игнорирует причудливый переплет современных антагонистических групп; для него существуют лишь «страждущие» и «угнетенные», «народ» с его «титанической борьбой, с его притеснителями»; он мечтает порвать старую социальную ткань—лишь силой мощного убеждения, способностью «инициативного меньшинства» пробудить сознание необходимости борьбы «за истину, за справедливость, за равенство» во всех «честных людях», во всех, в которых не умерло «все человеческое».

Так—подобно океану, мятущийся хаос народной воли, в который льются потоки разнороднейших групповых вожделений, в котором бьются с равной напряженностью, страстностью и убежденностью в своей правоте самые противоречивые устремления, в котором жажда подвига, самопожертвования, борьба за свободу и радость других сочетается с разгулом низменных инстинктов, триумфами торгашеского утилитаризма, холодным цинизмом безразличия к судьбам других—и есть в творении П. А. Кропоткина - «народ».

Кипение массовых инстинктов, столкновение противоборствующих сил, возвышение одних, гибель других, стихийная надчеловеческая сила общего устроения над всеми этими частными антагонизмами—и есть то «творческое», о котором он говорит?

Нет! И в его отрицательном ответе на наш вопрос кроется другой крупнейший недосмотр его общей социологической концепции.

Нет! Мы знаем уже: народное творчество—по убеждению П. А. Кропоткина—не может ошибаться, оно свободно от утопизма, от метафизических бредней; оно верно определит свои пути, оно утверждает истинное справедливое право. С ним несовместимы—косность и зло. Они приходят извне. И здесь открывается та беспощадная критика государства и его «благодеяний», которая не кажется банальной даже после вдохновенных сарказмов Бакунина.

Государство для П. А. Кропоткина—ответчик за все зло, от которого страдало и доселе страдает человечество и в этом пламенном походе на государство П. А. Кропоткин забывает о своих ранее установленных методологических конструкциях, об условности своего «социологического закона», о необходимости конструирования социального знания, как «естественной науки», как «физиологии обществ», об изучении экономических отношений, как «явлений естественных наук», о полном и решительном изгнании телеологии и метафизики из социологии [1]).

Он не знает и не хочет знать в самом народе, в самих массах—ничего косного, нетворческого, порождающего то историческое зло, против которого он зовет к борьбе революционную мысль. И потому он не ищет, почти не касается причин, которые могли бы нам об'яснить, почему история любого человеческого общежития, начав с «свободы», кончает неизбежно «государством-смертью», которое у П. А. Кропоткина является внезапно, как deus ex machina, разрушая все созданное предшествующими творческими эпохами.

После увлекательного повествования о средневековой общине П. А. Кропоткин говорит, что в XVI в. пришли новые варвары и остановили, по крайней мере, на два или на три столетия все дальнейшее культурное развитие. Они поработили личность, разрушили все междучеловеческие связи, провозгласив, что только государство и церковь имеют монополию об'единить разрозненные индивидуальности. Кто же они эти варвары? Это—государство, тройственный союз военачальника, судьи и священника. Хотя далее П. А. Кропоткин и дает некоторое историческое об'яснение этому внезапному вторжению варваров, однако, об'яснение далеко недостаточное [2]).

---

[1]) «Современная Наука и Анархия». I. § XIV. «Некоторые выводы Анархизма».

[2]) См., напр., беглые замечания в «Речах бунтовщика», стр. 103—104. «Современная наука и анархия», стр. 168 и дал. и в других местах.

И именно здесь—слабый пункт всей исторической аргументации П. А. Кропоткина. Он почти не изучает или не интересуется процессом внутреннего разложения тех общежитий, которые представляются ему, если не идеальными, то наиболее целесообразными. Он исследует внешнюю политику по отношению к средневековой коммуне, городу, ремеслу и не замечает внутреннего раскола, находящего себе часто иное об'яснение, чем злая только воля заговорщиков против соседского мира. В развитии общественного процесса он почти игнорирует его техно-экономическую сторону, он не входит в изучение причин, повлекших внутреннее разложение цехового строя (по крайней мере, настолько, чтобы смерть его представлялась нам неизбежной), для него остается мало выясненным промышленный взрыв конца XVIII века и еще ранее блестящее развитие мануфактуры. Остановившись бегло на меркантилистической эпохе и сделав общие указания на однобокую политику государства, он делает категорическое заверение об умирании промышленности в XVIII веке. Этой неполнотой исторического анализа об'ясняется и некоторая романтичность в его характеристике средневековья.

В результате у П. А. Кропоткина является стремление к идеализации всякой коммуны, на какой бы низкой ступени правосознания она ни стояла.

С этим едва ли можно согласиться, оставаясь прежде всего на строго исторической почве.

Вырвем наудачу один пример.

Совершенно справедливо П. А. Кропоткин в своем труде о «Взаимной помощи» пишет: «В восемнадцатом веке было в ходу идеализировать «дикарей» и жизнь «в естественном состоянии». Теперь же люди науки впали в противоположную крайность... начали обвинять дикаря во всевозможных воображаемых «скотских» наклонностях. Очевидно, однако, что такое преувеличение еще более ненаучно, чем идеализация Руссо» [1]).

С этим нельзя не согласиться.

Однако, во всем очерке, посвященном дикарям (гл. III) П. А. Кропоткин тщательно отмечает все, что так или иначе служит «реабилитации» дикарской «нравственности» или дикарского «анархизма», готов подыскать достаточные мотивы для об'яснения их обычаев детоубийства или убийства стариков, но очень мало и неохотно говорит о внутренних антагонизмах родовой жизни.

...«Никогда ни в какой период жизни человечества, войны не были *нормальным* условием жизни»—заключает он свой очерк. «В то время, как воины истребляли друг друга, а жрецы прославляли эти убийства, народные массы продолжали жить обыденной жизнью и отправлять обычную свою повседневную работу» [2]).

[1]) «Взаимная помощь, как фактор эволюции» стр. 89.
[2]) Ibidem стр. 91.

Итак, опять—мирные, трудящиеся массы с одной стороны, злодеи-воины и жрецы с другой. Но откуда они, кто их породил, об этом ни слова.

Но мы знаем—микробы власти рассеяны всюду. Во всем течении мирового процесса нет ни одного реального исторического момента, когда в той или другой форме не существовали бы уже зародыши авторитарной психологии. И это чувство авторитарности было, очевидно, одинаково близким и понятным как тем, кто венчался на власть, так и их верноподданным.

Едва ли можно и ныне еще поддерживать сладкий и, якобы, «возвышающий» нас «обман» о некиих давних первобытных идиллиях, где все дышало буколической простотой, кристальной яркостью отношений, любовью.

Новейшие исследования—этнографов, антропологов, социологов—не оставили уже камня на камне от этого последнего уголка, на котором пыталась себя успокоить тревожная, сверлящая мысль о неравенстве, эксплоатации, насилии...

Годы, проведенные на австралийском материке или американском континенте—среди уцелевших еще тотемических групп—исследователями, как Балдуин Спенсер, как Гиллен, Файсон, Хаунт и др. [1])—произвели переворот в наших доброжелательных представлениях о «золотом веке».

Не было осознанных антагонизмов, не было того группового самосознания, которое является неизбежной предпосылкой классовой борьбы в современном понимании этого слова, но всегда были вожди, герои, пастыри, как бы их ни называли и какие бы функции им ни принадлежали в общежитии, и были пасомые, руководимые, исполнители велений.

Пусть поднятие на щит было своеобразной премией за организаторский талант, военную доблесть, ораторский блеск на советах—но и те, кого премировали и те, кто премировал—чувствовали и знали, что между героем и признавшим его таковым лежит пропасть и горе ждет пасомого, если он преступит закон добровольно признанного или принудительно навязанного ему господина.

И в самом раннем первобытном обществе—изгнание, тяжкое членовредительство, смерть грозили ослушнику на каждом шагу: за нарушение правил о тотемических пищевых площадях, о тайне чурингохранилищ, о междугрупповом браке и т. д. Между тем и П. А. Кропоткин едва ли бы стал отрицать, что все эти и подобные им правовые институты родового общежития были плодом творчества масс, а не результатом спекулятивной мысли вождей общежития.

---

[1]) П. А. Кропоткин знает и цитирует труды Файсона и Хаунта в «Взаимной Помощи».

Таким образом, не всякая коммуна и не всякое творчество масс могут быть напоены освобождающим, любовно-радостным смыслом [1]).

Притом с идеализацией коммуны, стоящей на любой ступени правосознания, едва ли можно согласиться, оставаясь на почве именно анархистского миросозерцания.

Если современному передовому правосознанию претит государственная форма общежития, убивающая личную инициативу, налагающая на освободившуюся внутренно личность путы внешнего принуждения, бесплодно расточающая человеческие силы, утверждающая общественную несправедливость своим пристрастным служением господствующим экономическим интересам, то *в отдельных догосударственных формах общежития мы найдем ту-же способность убивать свободную личность и свободное творчество*, как и в современном государстве. И, конечно, у государства, играющего у П. А. Кропоткина бессменно роль гробовщика свободного общества, были причины появления, более глубокие, чем он рисует.

Общество истинно свободных людей не породит рабства. Истинно свободная коммуна не привела бы к рабовладельческому государству. Но смешанное общество, где наряду с свободными были и несвободные, где свобода другого ценилась и уважалась постольку, поскольку это не вредило собственным интересам, где взаимопомощь диктовалась не любовью, а грубым эгоистическим расчетом—не могло не породить эксплоататоров и эксплоатируемых, прийти к разложению и закончиться государственным компромиссом.

Необходимо признать, что в самом «народе», в самих «народных массах» могут также жить и развиваться освободительные стремления, как и лукавый страх пред благосостоянием текущего

---

[1]) Нам представляется, поэтому, не лишенным справедливости следующее замечание социолога, убежденного «государственника»: «Ошибка анархистов (pars pro toto—А. Б.) и состоит в том, что они рисуют себе догосударственное состояние более или менее в том виде, в каком представлял его себе Руссо, сомневавшийся, однако, не менее их в том, чтобы оно когда-либо существовало. Когда взамен этого естественного состояния и подчиняясь очевидности самого факта существования до государства родовых порядков, Эли Реклю или Кропоткин пытаются нарисовать картину отношений, лишенных еще центрального руководительства публичной власти, они видят только одну сторону их: проявление общественной солидарности, и закрывают глаза на те последствия, которые для индивида вытекают из такого широкого понимания ее требований. Если принять во внимание, что этот последний не может ни вступить в брак, ни разойтись с женой, ни простить ей измены иначе, как следуя во всем родовому *обычаю, постоянно приносящему в жертву его личные чувства интересам целого*, то можно будет усомниться в том, чтобы родовая среда была той сферой неограниченной независимости личности, какой рисуют себе догосударственное состояние сторонники упразднения государства». М. М. Ковалевский. Учение о личных правах. М. 1905. Стр. 8. (Курсив—мой А. Б.).

дня, грошевый утилитаризм, способный и самую свободу сделать предметом торга. Тенденции «минимализма», прежде чем отлиться в формулы государственности, живут в духе «народа». И само государство есть также продукт творческих сил масс, а не выдумка случайных, прирожденных «злодеев», желающих во что бы то ни стало портить человеческую историю.

Анархизм требует исключительно высокой—этической и технической культуры. «Массы» еще нигде не стоят на этом уровне. И то, что «массы» доселе терпят чудовищный гнет и уродства «капиталистической системы», «государственности», и пр. есть плод не только их чрезмерной доверчивости, непросвещенности или боязни дерзаний, но того, что им действительно еще нечего поставить на место существующих систем. Если было бы иначе, никакие «злодеи» не с‘умели-бы удержать их в покое.

Если абсолютный индивидуализм пришел к гипертрофическим изображениям конкретной личности, до поглощения ею всех остальных индивидуальностей и всей общественности, то анархизм П. А. Кропоткина, несомненно, погрешает гипертрофическим представлением о роли масс в инициативе и подготовке социального акта. Массы не заключают ни «естественных» ни «общественных» договоров. Анархизм сам уже давно высмеял тщету подобных утверждений. Напрасно, поэтому, отдавать творческую инициативу целиком мистической легендарной силе масс. И тем менее это возможно для того мировоззрения, которое устами же П. А. Кропоткина об‘являет себя свободным от каких-либо «религиозных» или «метафизических» пережитков.

Между тем, это гипертрофическое представление о творческой силе масс—в учении П. А. Кропоткина невольно привело не только к недооценке роли личного начала в общественном процессе, но и к противоречивой постановке самой проблемы личности.

Алексей Боровой.

Закон и право.

Бывают кратковременные эпохи, когда события развертываются с такой неожиданной быстротой, а главное, с таким грандиозным размахом и гениальным буйством, которые неожиданны, пожалуй, для самых дальновидных и проницательных личностей.

Такова и переживаемая нами эпоха с 1914 года.

Сперва необузданная империалистическая бойня, затем бурная революция.

И первая и вторая упорно, с какой то убийственной, потрясающей последовательностью вскрывали неожиданно для многих, для огромного большинства, гиперболические, баснословно-злокачественные гнойники, нарывы, флюсы на холеном барском теле нашей культуры, культуры новых времен.

Прилизанная, напомаженная, припудренная, чистенькая, вся в беленьком, до сих пор всегда такая «нравственная» культура вдруг дико, пьяно, взвизгнула, раскорсетилась, пошла канканить и разрушать Реймский собор, взрывать храм Василия Блаженного, сжигать Лувр, сносить дворцы и музеи.

Апологеты культуры сперва в ужас пришли, остолбенели сперва. Бросились к полочкам. Толстых, Достоевских, Гегелей, Марксов, Михайловских, Чернышевских, великих и малых отцов культуры стащили и пытать стали. Пытать стали: как быть и что делать?..

А война и революция нагромождали той порой горы трупов, заливая между ними долины кровью, слезами и страданиями человека..

И благородная аристократия культуры от Зиммеля и до Бергсона по колена в крови, в болоте и вони разлагающихся людских тел стала искать выхода, анализировать и синтезировать—подводить идеологию под бойню культуры:

Культура об'единяла людей лишь физически, война же об'единит и духовно; в окопах душа солдата и генерала сольются в одно целое. Война—духовная гармония..

А на полочках все такие же чистенькие, в переплетах и без оных, чинно стояли Достоевские, и по прежнему дерзко и нагло вопрошали:

«Стоит ли прогресс хотя бы одной слезинки ребенка»?...

И раздался тогда «из прекрасного далека» громовой, обличающий голос благородного рыцаря культуры, Ромена Роллана, удалившегося

в самом начале войны «В сторону от схватки», в нейтральную Швейцарию, на Альпийские высоты и лазуревые синевы Женевского озера: «Убивайте людей, но чтите их произведения. Произведения рук человеческих, подобные Реймскому Собору, ценнее человеческой жизни». И эхом вторил ему через три года под грохот пушек «Авроры», при чарующем свете луны другой голос, другого благородного рыцаря все той же культуры из Смольного:

Не трогайте храма Василия Блаженного!..

И странным и непонятным казалось: еще не так давно певцы культуры даже под звуки охрипшей шарманки, на задних дворах распевали: «Человек—это звучит гордо»...

Как видно, под трескотню пулеметов и винтовок, грохот пушек и взрывов, лязг шашек и сабель, в атмосфере удушливых газов и дыма пожаров по иному, совсем по иному, далеко от гордости, зазвучал человек:

Убивайте его, и чтите лишь произведения рук его...

Но и этой гнилой идеологии, с ее «чтите произведения рук человеческих», война и революция, эти достойные детища культуры, дали достойную отповедь: сквозь разлагающуюся идеологию, через горы трупов и море крови, меж корчившихся в муках людей шествовала культура в тумане удушливых газов, прямо к проволочным заграждениям, в окопы, на фугасы, под мины, шествовала, уничтожая на своем пути все—и людей, и животных, и музеи, и дворцы, и храмы, и соборы, и лувры, и памятники,—все, что запрещала даже ролановская и луначарская культурная идеология.

Все разрушали война и революция. И разрушением своим вскрывали скрытое в культуре, вскрывали ее сущность, ее замыслы, ее принципы, ее законы...

Иначе и быть не могло....

И разве об этом не предупреждали?

Разве об этом не говорили?

И предупреждали и говорили, но одни не верили, у других была надежда, что, авось, как нибудь да обойдется при помощи законов гаагских и других бутофорских конференций. Надеялись, что все выйдет по закону.

Вышло то по закону, да только совсем по иному.

Законность ведь тогда реальна только, когда за ней пушки, пулеметы, дредноуты, танки, порох, динамит, пироксилин, удушливый газ, кровь и смерть.

За законностью культуры все это было.

А что было за законностью гаагских конференций?!.

Культура с ее законами и с ее крупповскими заводами—вот что.

Да потом, собственно, для чего и собирались гаагские и другие конференции как не для того лишь только, чтобы установить *культурно-законные* способы массового убийства.

Тридцать слишком миллионов здоровых, цветущих и сильных человеческих жизней заклала война и революция по ритуалу гаагских и иных конференций у жертвенника идола Культуры. И идол все пожрал, и еще пожрет. Бресты, Версали и Вашингтоны—тому знаменье....

Нужен выход.

Но ни на „полочках" этой культуры, ни взакоснелой ханжеской любви фетишистов к обожествленным началам этой культуры, даже ни в самой коренной реформе ее не найдет человек выхода. Нужно другие средства, другие пути—нужно разрушение всей этой культуры до основания; нужна подлинная, настоящая, революция в культуре, которая переосуществит ее, изменит ни ее форму, ни ее внешний вид, а существо, внутреннее содержание, смысл ее. Нужно разрезать, вырезать и выбросить все гнойники, все нарывы, все флюсы. Болезненна будет операция,—запущена болезнь.

Среди выброшенных гнойников первым должен быть закон. Закон—это в нашей культуре—все: он — ее почва, основа, он —один из трех китов, он—защитник и покровитель ее.

«Закону,—говорит П. А. Кропоткин,—воздвигают храмы, ему назначают первосвященников, которых сами революционеры не смеют тронуть; и если революция сметает какое-нибудь старое установление, она тотчас же, новым законом, освещает свое дело», «Холопство перед законом так привыкли представлять добродетелью, что я сомневаюсь,—говорит он далее,—найдется ли хоть один революционер, который в молодости не начал бы с защиты законов против того, что называется «злоупотреблениями»,—т. е. против неизбежности последствий самих же законов».

Причина этого холопства перед законом кроется в самой структуре современного общества. «Отец и мать воспитывают детей в этих мыслях. Школа подтверждает уроки родителей... Общество и литература, подобно капле, долбящей камень, продолжает всечасно поддерживать в них тоже почитание власти. Большая часть ученых сочинений по истории, политике, экономике полны уважения к закону.... Газеты работают в том же направлении.... Искусство тоже плетется вслед за официальной наукой».

И «замечательно, что обоготворение закона стало особенно развиваться с тех пор, как ко власти пришла буржуазия. В них она видела свой якорь спасения против народной волны; духовенство дало им благословение, чтобы спасти свой корабль от ярости бунтовавших народных волн» [1]).

Короче говоря, закон стал базой, фундаментом всей современной культуры.

---

[1]) «Речи бунтовщика».

Позвольте, скажут апологеты культуры, закон не только «якорь спасения» буржуазии и духовенства, его сила не в этом, его сила в основных принципах современной культуры — свободе и равенстве, сущностью которых он и является.

«Перед законом все равны,—говорит Вл. Соловьев, — без этого он не закон.... Исходя из равенства, как необходимой формулы права, мы заключаем к свободе, как его необходимому содержанию».

«Суб‘ективное право, – говорит Чичерин,—есть законная свобода что либо делать или требовать; об‘ективное право есть сам закон, определяющий свободу и устанавливающий права и обязанности. Оба значения связаны неразрывно, ибо свобода тогда становится правом, когда она освящена законом, закон же имеет в виду признание и определение свободы». Вот что такое закон и вот в чем его сила.

С этим «научным» обманом П. А. Кропоткин, один, среди многочисленного протестующего хора, вступает в бой, срывая красивую маску свободы и равенства с закона, разоблачая его лживую сущность, доказывая, что провозглашенный Великой французской революцией принцип равенства и свободы остался и до сих пор все еще только голым принципом. «Равенства экономического,—«равенства на деле», как тогда говорили,—закон не установил. Точно также не установил закон и свободы: он лишь поместил работника полей и фабрик в такие условия, которые уничтожают это начало». «Свобода, столь дорогая сердцу рабочего, остается все время воображаемой и призрачной, благодаря тому, что он вынужден продавать свою силу капиталисту.... Современное государство есть могучее орудие для удержания рабочего в таком вынужденном положении и достигает оно этого при помощи привилегий и монополии, которые оно постоянно дает одному классу граждан, к невыгоде и в ущерб рабочему».[1]) И теперь, как в дни Великой французской революции рабочий умирает на баррикадах за свободу и равенство. Это ясно всем, кто не хочет лгать, обманывать других и себя. И даже те, в плоть и кровь которых в‘елась и впиталась культурная идеология, даже они подвергают порой сомнению *свободную сущность* закона. Но подвергая этому сомнению они, ради спасения закона, являющегося фундаментом идеи «правого государства», этого бога современной культуры, ищут его содержание в другом направлении—в интересе. А интерес, как известно,—это душа частно-капиталистической системы общества и смысл нашей культуры.

«Охраняемые интересы общества мы называем правом». Право есть «защищенный интерес», «защита интересов» — так определяет Иеринг право, которое у многих ученых тождественно с законом. «Установление принципа для разграничения интересов различных личностей есть задача права», говорит другой видный юрист—Коркунов.

[1]) «Современная наука и анархия».

Но так ли это в действительности—вот вопрос. И беспощадно П. А. Кропоткин срывает и эту маску с лица закона, показывая, что его задача не защита интересов общества, не разграничение интересов различных личностей, а защита и разграничение интересов эксплоатирующего класса. «Покровительство эксплоатации.— прямое, путем законов о собственности, и косвенное, путем поддержания Государства,—вот сущность и суть современных законов».

«Если изучать законы, управляющие теперь человечеством, то оказывается, что их можно разделить на три главных разряда: охрана собственности, охрана правительства и охрана личности...

Законы собственности написаны не для того, чтобы обеспечить личности, или же обществу, плоды их труда. Напротив того, они писались для того, чтобы отнять у производителя или у общества часть того, что они произвели, и отдать эту часть другим»....

«Половина теперешних законов—все гражданские законы всех стран — имеют целью поддержать именно такое присвоение, такую монополию в пользу немногих, против всех остальных. Три-четверти дел, разбираемых в судах, — не что иное, как споры между монополистами: два грабителя спорят из-за дележа добычи. И добрая доля уголовных законов преследует ту же цель, так как они стремятся удержать трудящихся в подчиненном положении относительно предпринимателей.

Законов же, обеспечивающих трудящемуся плоды его собственных трудов, таких законов даже вовсе не имелось, и по сию пору имеется очень мало...

То, что сказано о законах, касающихся права собственности, вполне прилагается и ко второму крупному разряду законов, т. е. к законам, поддерживающим и охраняющим правительства....

Остается третий разряд законов, -- самый главный, так как относительно их держится наиболее предрассудков: это—законы уголовные для защиты личности, для наказания преступлений и предупреждения их.

И вот, несмотря на все существующие предрассудки давно пора анархистам открыто заявить, что и этот разряд законов также бесполезен и вреден, как и остальные.

Начать с того, что из так называемых преступлений против личностей две-трети, а может быть и три-четверти вызываются желанием овладеть чужою собственностью. Этот громадный разряд «преступлений и проступков» исчезнет только тогда, когда исчезнет личная собственность»...

Что же касается вопроса о наказаниях, то «есть один неоспоримый факт: строгостью наказаний преступность не уменьшается. Вешайте, четвертуйте, если хотите, убийц,—число их не уменьшится. Наоборот, уничтожите смертную казнь, и число их не увеличится. Умные статистики и законоведы отлично знают, что никогда еще

усиление строгости уголовных законов не уменьшало числа покушений на чужую жизнь...

«Страх наказания обыкновенно не останавливает убийц. Тот кто идет убивать соседа из мести, или потому что дошел до отчаяния, обыкновенно не рассуждает о последствиях; и нет убийцы, который не расчитывал бы избежать преследования»...

«Кроме того, нужно понять, что наши современные «исправительные» тюрьмы вносят в сто раз более разврата, чем подземелья и башни средних веков...

Разберите все это, и вы вероятно, согласитесь с нами, когда мы говорим, что закон и наказание суть безобразия, которым пора положить конец...» [1])

Такова оценка законов, «охраняющих интерес», данная П. А. Кропоткиным.

Интересно отметить, что «факт эксплоатации права в интересах одного сословия» настолько очевиден, что его признает даже такой представитель науки «о праве» как Иеринг.

«Как согласовать, — спрашивает он, — факт эксплоатации права в интересах одного сословия с тем положением, что право имеет своей целью жизненные условия целого общества? «И действительно, как согласовать, если «устройство и порядок общества (речь идет, конечно, об обществе покоющемся на властных началах, другого общества Иеринг не представляет себе.—Примечание—мое) будут всегда соответствовать взаимному властному положению различных слоев общества и классов, из которых оно состоит», и «право будет всегда являться приказом сильного слабому?»

И одно лишь слабое, очень слабое утешение находит Иеринг всему этому противоречию. «Право,—говорит он, — продиктованное сильным слабому, сколько бы не было оно сурово, представляется последнему.., в сравнении с бесправным состоянием, все-таки благодеянием: благодеянием давления подающегося измерению сравнительно с безмерным» [2]).

Конечно, забитому, порабощенному, вечно-эксплоатируемому, слабому подвластному может *представляться* что угодно, и даже, что давление права благодеяние, ибо его давление измеримо (при помощи скажем пятизначных логарифмических таблиц Пржевальского). Но что сказал бы Иеринг, если бы тому самому подвластному *представилось*, что он не слабый, а сильный, и что нужно и пора пустить в тар-тарары всю эту лживую науку о праве, *законах и власти* с ее лживыми жрецами, порабощающими все его существование? Что бы тогда сказал в утешение самому себе Иеринг?!..

---

[1]) «Речи Бунтовщика».
[2]) Иеринг „Цель в праве».

Да, много можно выдумать лжи, но задача науки не поддерживать эту ложь, а разоблачать ее. Суть не в том, что представляется слепому, угнетенному, подвластному, а в том, чем по существу является право для этого подвластного.

Действительно, когда на потухающих пепелищах Великой Французской революции возникало «правовое государство», в муках рождалась «законная» власть, «народ принял новое положение, созданное для него законом, видя в нем некоторое улучшение против насилия и своеволия прежних времен».

«Человек, до тех пор не имевший никаких прав, с которым обращались хуже, чем с животным, человек, который не мог найти никакой расправы против дворянина, кроме, разве личной мести, вдруг слышит, что в своих личных правах он равен дворянину. Что каков бы не был закон, он одинаково грозил и барину, и его бывшему рабу; что закон провозглашал *равенство* богатого и бедного перед судом.

Теперь мы знаем, что в таком обещании не было всей правды. Но для того времени это уже было громадным шагом вперед, — это было первое признание *правды*. Народ с радостью принял эту сделку тем более, что его революционный порыв уже истощался под напором врага, все более и более прочно организованного. Народ подставил свою шею под ярмо закона, видя в этом спасение от своеволия придворных и помещиков»... Но спасаясь от своеволия одних подвластный попал в лапы другим. Что же неужели он должен оставаться в этих лапах всегда? Да, отвечает современная наука, поскольку этот подвластный темен, поскольку, ему *представляется*, что «факт эксплоатации права» есть благодеяние, поскольку, иначе говоря, он обманывает себя, постольку и мы его должны обманывать, а он должен оставаться в этих лапах. К счастью, человек не слепо следует за этой «наукой» свои решения и суждения он выводит из жизни, из реального положения вещей, а не кажущегося, представляющегося: «За последние сто слишком лет кое-что все-таки изменилось. Теперь, везде уже появляются бунтовщики, не желающие повиноваться закону, не осведомившись о его происхождении, о степени его теперешней полезности и о причинах, почему его окружают таким почтением, — почему ему повинуются?...

А узнав все это, мы не повторяем, как попугаи, «Уважение к закону»! а кричим: «Презрение к нему и его атрибутам!» Вместо трусливого «повиновения законам», мы говорим: — «Бунт против всех законов!» Взвесьте зло, делающееся во имя каждого закона, и то добро, которое он мог дать людям, взвесьте их, и вы увидите, что мы правы. — Вы поймете, что надо искать чего то другого!“ [1]).

---

[1]) «Речи Бунтовщика».

На что же то другое, что предлагает искать П. А. Кропоткин? Беззаконие, бесправие?!.

Да, беззаконие, но отнюдь не бесправие. Эту безграмотную ошибку, смешение права с законом делают, даже ученые. Цокколли и Эльцбахер в своих «ученых исследованиях анархизма» утверждают, что большинство теоретиков и обоснователей анархизма в том числе и П. А. Кропоткин отрицают право. Это свое утверждение они выводят из отрицания анархизмом законов. Конечно, если признать, что право и закон это одно и тоже, тогда это утверждение будет правильно. Но современная наука о праве знает, что это отнюдь не одно и тоже, что право и закон далеко не совпадают. Определяя право, как совокупность двусторонних правил поведения, вытекающих непосредственно из определенных наших эмоциональных убеждений, приписывающих правомочие одним и обязанности другим, современное правоведение отмечает следующие главные составные элементы всякой правовой нормы: 1) суб'ект права, 2) суб'ект обязанности, 3) об'ект права, 4) об'ект обязанности и 5) ссылку «на источник права», т. е. на тот авторитет, который превращает данное правило поведение в правовую норму. Совокупность правовых норм, обязательных для всех членов данного государства, охраняемых и защищаемых авторитетом государственной власти и называется оффициальным правом или законами данного государства. Нужно заметить, что законы в настоящее время являются основным и почти исключительным источником признаваемого государством права.

Но кроме этого оффициального, признаваемого государством права, существует еще другое право, неоффициальное, источником которого являются нравы, обычаи, привычки. Роль этого неоффициального права в т. н. повседневной жизни огромна в сравнении с ролью оффициального права. Долгое время человечество жило, а некоторые народы и сейчас живут, без всякого закона. Руководящими правилами поведения в их общественной жизни являются обычаи, нравы и привычки, как прирожденные человеку, так и развивающиеся в нем в силу самой общественной жизни П. А. Кропоткин лучше многих ученых юристов знал все это! он различал право и закон и понимал роль и значение их в общественной жизни.

«Закон,—говорит он,—продукт сравнительно новый, так как громадные массы человечества прожили многие тысячи лет, не имея еще никакого писаного закона.

Все человеческие общества прошли через эту ступень, и по сию пору значительная часть людей живет без писанных законов. Множество племен имеют нравы и обычаи—т. е. «обычное право», как говорят законники, — установившиеся привычки общественной жизни. И этого достаточно, чтобы поддерживать хорошие отношения между членами рода, племени, или сельской общины. Тоже самое еще держится в значительной мере даже среди цивилизованных, бла-

гоустройственных» народов. Достаточно выйти из наших больших городов, чтобы убедиться, что взаимные отношения крестьян держатся не писанным правительственным законом, а издавна установившимися обычаями. Русские, итальянские, испанские крестьяне и даже значительная часть французских и английских живет еще, не имея почти никакого дела с писанным законом. Он вмешивается в их жизнь только для того, чтобы определять их отношения к государству; что-же до их взаимных отношений—иногда очень сложных—они устраиваются на основании обычая. В древности так жило все человечество».

«Когда же общества начали разростаться, и в них все резче обозначалось разделение на два враждебных лагеря, — из которых один стремился закрепить свою власть, а другой уже пытался освободится от нее, — тогда начались столкновения, началась борьба. Тот, кто в данную минуту оказывался победителем, стремился закрепить свою победу, сделать ее несомненной, неоспоримой, священной в глазах побежденных. И тогда являлся «Закон», освященный жрецом, или первосвященником, и на защиту его выступали топор и секира воина. Прежде всего, закон, конечно, заботился о том, чтобы сделать незыблемыми, неоспоримыми те нравы и обычаи, которые были выгодны для правящего меньшинства».

«Конечно, если бы Закон содержал только правила, полезные для власть имущих, он не мог бы утвердиться; ему скоро перестали бы повиноваться.

Желая закрепить свою власть и устанавливая обычаи, полезные для них самих, законодатели искусно смешивали нужные им законы с обычаями, полезными *для жизни общества*, (в сущности, не нуждавшимся в защите закона, так как их и без того уважали).

«Не убивай» говорил закон, и тут же прибавлял:—«Приноси жертвы богам и плати жрецу десятину»—«Не воруй» и вслед за тем: —Неплатящему налога королю—отрубить, руку» и т. д...

Таким образом создавалось то, что *бытовые обычаи, ставшие законом,* так сказать, *окаменевали. Являлось препятствие их естественному развитию по мере развития человеческого разума и его изобретений; налагалась узда на дальнейшее развитие.* Но вместе с тем, твердо укоренялась власть духовных руководителей и светских правителей.» [1])

Повторяем, П. А. Кропоткин лучше многих «ученых юристов» понимал роль и значение права, но он не смешивал его с законом. И о тех, которые этого не видят или не хотят видеть, можно только сказать что они или просто невежественны и глупы или, что гораздо хуже, нечестны и подлы.

Итак, беззаконие, но отнюдь не бесправие, предлагает П. А. Кропоткин положить в основу новой жизни, нового общества, новой

[1]) «Речи бунтовщика».

культуры. Нет сомнения, что огромное большинство даже тех, которые понимают, что «чувствуется потребность в перестройке жизни на новых началах» и что «требуется что-то новое в устройстве» [2]) ее,—даже огромное большинство таких людей, все-таки будут тупо качать головой и бормотать: «Нн....ет,.. нельзя без закона». Слишком уж проникла насквозь современного человека законность...

Закон, повторяем, для современного человека это основа, фундамент культуры, он выше всего, он над всем, он божество цивилизованной жизни. И как непонятна суеверному человеку жизнь без лешего, домового, русалки, добрых и злых «духов», без жрецов и колдунов, без заклинаний и знахарства, без угодного и неугодного «духам» без молений и жертвоприношений, так непонятна современному человеку жизнь без законов, судов, судей, тюрем, виселиц, пыток и «стенок». Первый не поймет просвещенного, второй не поймет анархиста, не поймет П. А. Кропоткина. Как для первого является «порченым» всякий просвещенный человек, так для второго «порченым», ненормальным является всякий анархист. Предрассудки, фантазмы еще сильнее разума. И нужны, еще не одна, а несколько великих, грандиозных по своему размаху и глубине революций, таких революций перед которыми и Великая Французская и наша революция будут казаться пигмеями, прежде чем человечество перейдет к подлинно-человечной человеческой жизни—к анархии.

Значение всякой революции не в том, конечно, что она переобразовывает ту или иную сторону (политическую, экономическую) общества, а в том, что она ураганом сметает вековые предрассудки, сдвигает закоснелую человеческую психику с места на путь ее дальнейшего развития. И чем могущественнее революция, чем шире и выше ее взмах, тем глубже она врезывается в психику человека, тем реальнее там результаты ее.

Почти четыре года уже прошло с тех пор, как пытаются государственники и законники, ввести русскую жизнь в русло законности из которой она вылилась в августе и сентябре 1917 г... И пройдет еще, быть может не одно четырехлетие, сотни партийных и общих мобилизаций тысячи «субботников» и «недель» будут брошены в помощь, прежде чем жизнь наша потечет по руслу законности. И тогда, когда она потечет, станет многим ясен, и новый уклон русла законности и его обмеление. Прежнему дореволюционному, слепому подчинению закону не будет долго места в русской жизни. Революция, если даже и признать ее с точки зрения социальной проигранной, сделала свое великое, пока еще не учтенное, дело в психике народных масс и прежде всего в их правовых эмоциональных переживаниях, источником коих служил закон.

Всякая революция противозаконна. С свержения законного образа правления начинается она. И этим своим противозаконным актом:

---

[2]) «Справедливость и нравственность».

дает она начало беззаконию вообще, которое тем шире и глубже запускает свои корни в психологию масс, чем смелее она идет, чем величественнее и грандиознее ее лозунги и принципы. В этом смысле роль и значение всякой революции безмерно в сравнении с ее значением в других областях жизни. Но все-таки последняя революция. которая сметет последние остатки законности, еще далека. Ибо нужны еще целый ряд предшествующих революций, прелюдий, которые подготовили бы окончательно психологическую почву для восприятия новой беззаконной жизни. И только после этой революции будут разрешены раз навсегда все эти маленькие, но насущные вопросики экономии и политики, кои так старательно хочет разрешить человечество в течении многих веков.

Все это П. А. Кропоткин понимал лучше многих из великих и малых мира сего. Недаром он в «Речах бунтовщика» «прежде чем говорить о той организации, которая является результатом свободной группировки», считает нужным остановиться на необходимости разрушения «многих политических *предрассудков*, которыми мы еще заражены» и останавливается прежде всего на законе. В нем, именно вся суть.

«Все мы до того испорчены нашим воспитанием, которое с ранних лет убивает в нас бунтовский дух и развивает повиновение властям; все мы так развращены нашею жизнью из под палки закона который все предвидит и все узаконяет: наше рождение, наше образование, наше развитие, нашу любовь, дружбу и т. д.,—что если так будет продолжаться, то *человек скоро утратит всякую способность рассуждать и всякую личную предприимчивость Наши общества, повидимому, совсем потеряли веру в то, что можно жить иначе, чем под руководством законов, придуманных Палатою или Думою, и прилагаемых сотнями тысяч чиновников.* Даже тогда когда люди освобождаются от этого ярма, они сейчас же спешат вновь надеть его. «Первый год Свободы», провозглашенный Великою Французской Революциею, не продолжался более одного дня. На другой же день общество уже само шло под ярмо нового закона и власти».

Тот же урок дала нам и русская революция. И ее свобода «не продолжалась более одного дня. На другой же день общество уже само шло под ярмо нового закона и власти». Такова уж видно судьба наша и будет таковой до тех пор, пока не будет задушен в душе нашей закон, этот управитель нашей судьбы. «И мы надеемся, что в будущей революции раздастся такой крик:

«В огонь Гильотину, давайте ломать тюрьмы и прогоним скверную породу судей и их полицейских доносчиков!.. Не надо нам законов, не надо судей. Свобода, Равенство и Круговая Порука, проведенные в жизнь,—единственная верная помеха развитию противообщественных наклонностей» [1]).

Январь 1922 г. **Б. Стоянов.**

---

[1]) «Речи Бунтовщика».

П. А. Кропоткин
(УЧЕНЫЙ).

В нашей рабочей и анархической среде Петр Кропоткин больше всего известен своей жизнью, проведенной в тюрьмах и изгнании, жизнью, полной добровольных лишений, посвященной на служение обездоленным. Очень мало знают о том, что Кропоткин, еще до того, как он избрал себе революционное поприще, приобрел мировую известность, как ученый.

Молодым казацким офицером, во время стоянки на Амуре, где у него было мало дела, он принял предложение исследовать географическое положение Манджурии. Позднее, отказавшись от военной карьеры, вследствие отвращения к ней, вызванного подавлением восстания польских ссыльных в Сибири, Кропоткин поступил в петербургский университет, где он занялся, в 1867 г., составлением точной географической карты сибирских гор. И если в 1871 г. он отказался принять предложенный ему пост секретаря Русского Географического Общества, то это потому, что отныне он окончательно принял решение посвятить свою жизнь рабочему делу.

В 1873 г., когда он сидел в Петропавловской крепости, он усердно работал над своей книгой о ледниковом периоде.

И после, во время всей своей пропагандистской жизни, Кропоткин не оставлял своих научных изысканий и сущность этих изысканий видна во всех его революционных произведениях.

Заключенный в 1883 г. в лионскую тюрьму, он пишет там статьи для *Британской Энциклопедии* и английского журнала *Nineteenth Century*; и мы знаем, что уже в это время известность Кропоткина, как ученого, была настолько велика, что несколько сотрудников *Британской Энциклопедии*, а также Герберт Спенсер и Суинберн послали президенту Республики петицию требуя освобождения русского ученого. Петицию эту подписал также Виктор Гюго.

Но мы хотим здесь обратить внимание главным образом не на известность Кропоткина, как ученого, а на то значение, какое его научная карьера имела для его пропагандистской деятельности.

Это тем более полезно отметить, что в тот период, когда Кропоткин активно принялся за пропагандистскую деятельность, эконо-

мические и социалистические теории во всей Европе почти целиком находились под влиянием старой диалектической школы, которую называют обыкновенно по имени ее наиболее выдающегося представителх «марксистской» школой.

Старые философы гегельянцы, известные «социалисты», Маркс и Энгельс, разрешали экономические и рабочие проблемы в своем мозгу—так называемым *дедуктивным* путем.—Они искали в том, что они наивно называли «человеческою мыслью» (однако, каждый раз речь шла лишь о их собственной «мысли»), каким путем должно итти развитие общества; но они слишком пренебрегали научным изучением—*индуктивным* путем—этого развития в действительной жизни.

Благодаря этому отжившему методу, ученики марксистской школы создали целый ряд ошибочных теорий. Эти теории были с одной стороны экономического характера, каковы: концентрация капиталов в руках все более и более уменьшающегося числа крупных «магнатов» капитала, возрастающее обеднение масс, необходимость существования все возрастающей «резервной армии» безработных, и т. д. С другой стороны, речь шла о политических догматах, каковы понятие о всех буржуазных партиях, как об одной реакционной массе, знаменитая «Диктатура пролетариата» и т. д.

Кропоткин немедленно столкнулся с лжеучеными международного социализма. И с тем высокомерием, какое характеризует этих последних, они обозвали его, конечно, «вертопрахом» (слово это выдумано Жюлем Гедом).

Кропоткин сказал мне однажды, и я помню, что читал то же замечание где то в его произведениях, что сам Маркс, конечно, не так бы углубился в этот ложный путь диалектики, если бы он менее исключительно занимался математическими науками и немного больше естественными. Я часто думал об этом замечании, потому что оно сразу отличает Кропоткина от его противников.

Даже основная концепция марксизма, «материалистическое понимание истории», как его толковали марксисты, и по которому «экономическая структура общества есть действительная основа, на которой воздвигается затем юридическое и политическое здание», грешит незнанием природы человеческого общества.

В самом деле, общество не является «зданием», с фундаментом, «надстройкой» и крышей. У него свои законы развития, как у всякого продукта природы. Кропоткин мог понять это развитие во всей его глубине и, оставаясь «материалистом», он не терял из виду, того воздействия какое юридические, политические, интеллектуальные и эстетические факторы, оказывали и всегда будут оказывать на «экономическую структуру» общества. Противники Кропоткина, социалдемократы, не понимали этого. И оппозиция, в какой Дмитровский отшельник находился до конца своих дней по отношению к

Московскому большевистскому правительству, доказала, что с той и другой стороны имелись два основным образом различных понимания не только истории, но и всей природы общества.

Приведем личное воспоминание, характеризующее научный и критический подход Кропоткина. Недавно я нашел в лондонской газете *Freedom* критическую заметку Кропоткина по поводу моей статьи о марксистской теории земельной ренты, появившейся в 1901 г. в *Revue socialiste*.

Основываясь на примерах этой теории, я следующим образом охарактеризовал плохой диалектический метод в социальной науке:

«Строится экономическая теория на основах действительно существующих и серьезно анализированных социальных фактов; но сначала ее строят с некоторыми ограничениями «предположив то-то и то-то». Потом в своей собственной диалектической голове развивают теорию, забывая сделанные вначале ограничения, и в заключение выводы теории провозглашаются, как социальная теория, представляющая общую действительную тенденцию».

Кропоткин согласился со мной и расширил сейчас же проблему. «Если вы тщательно изучаете Маркса, говорит он, отмечая в одно и то же время его предпосылки и заключения, вы увидите, что именно это он и сделал, когда, например, для упрощения, он исключил элемент спроса и предложения на рынке в своем изложении теории стоимости труда Адама Смита и когда позднее, он предположение брал за действительность; или когда в своем изложении теории прибавочной стоимости Томсона он заранее предположил, что рабочая сила продается по себестоимости (этого *никогда* не бывает; мы имеем целый арсенал законов и такс, вынуждающих рабочих *продавать свою силу дешевле*), и дальше это предположение рассматривал, как действительное выражение фактов действительной жизни».

Короче говоря, между Кропоткиным и его противниками социалдемократами существовала разница целого поколения в области научной концепции: или, сравнивая его личность с личностями *современных лидеров* марксизма в России, была та разница, что у Кропоткина была современная западная научная концепция, тогда как *лидеры* русского социализма (как *меньшевики*, так и *большевики*), еще более отсталые, довольствуются старыми научными понятиями, какие существовали восемьдесят лет тому назад.

Как бы Кропоткин далеко не заглядывал в будущее, в области экономических и социальных возможностей, при том под его пером будущая общественная жизнь представлялась в образе чистой идиллии, наш великий и добрый товарищ оставался всегда *исследователем*, тщательно изучающим действительные явления человеческой жизни.

В качестве исследователя естественных фактов, он пришел к заключению о необходимости *децентрализации* общественной жизни и видит в *коммуне* ячейку будущего общества: стоит за возможно

большее перенесение заводов в деревню и создание городов—садов; провозглашает здоровое соединение умственного и физического труда, защищает то, что он называет «анархической нравственностью», и так далее.

Можно не соглашаться с Кропоткиным о значении выгод и невыгод для каждого разбираемых им социальных проблем, но нельзя отрицать, что перед вами всегда остается добросовестный мыслитель, внимательно изучающий общественную жизнь и человеческую душу. И поэтому нельзя отрицать также, что чтение его произведений раскрывает всегда новые горизонты перед тем, кто хочет понимать.

Неважно, что этого благородного мыслителя называли *утопистом*. Разве не называли также утопистами Сен-Симона, Роберта Оуена, Фурье и Прудона? И разве это помешало следующим поколениям осуществить многое из того, что было жизненного в гуманитарных теориях этих великих людей?

То, что было утопией вчера, так часто является возможностью сегодня и действительностью завтрешнего дня!

Что касается меня, то, знакомый с различными лагерями социологов, я считаю своего глубокочтимого друга Петра Кропоткина менее «утопистом», чем многих из тех—пусть они называются «коммунистами»—которые ищут в Парламенте, то поле сражения для революционеров, то действительное средство для глубокого преобразования действительной общественной жизни.

Христиан Корнелиссен.

Кропоткин и Бакунин.

Вы предложили мне, дорогие товарищи, принять участие в сборнике, который вы посвящаете памяти Петра Кропоткина. Я это делаю от всего сердца, выражая лишь сожаление, что был слишком поздно извещен, чтобы послать вам что нибудь получше, чем эти несколько наскоро написанных страниц.

Бакунин, сказал однажды, восхищаясь великой фигурой Бланки, который, одновременно великий мыслитель и неукротимый бунтарь, был верной моделью революционеров во Франции девятнадцатого века: «Природе нужно тысячелетие, чтобы создать такую натуру». По счастию он ошибся, к чести человеческого рода. Не считая великих безыменных работников революции, среди которых встречаются часто самоотверженные герои, не отмеченные историей, появляются другие благородные предтечи, не дожидаясь, когда кончится тысячелетие. Сам он, крупный мыслитель, хотя у него и не было времени писать книги, эпический борец и вдохновитель масс, со своей сильной и страстной индивидуальностью, был одним из таких. Его соотечественник и почти современник, Кропоткин, был тоже из числа последних.

Менее страстный, но такой же революционер, как и Бакунин, Кропоткин как бы дополняет его. Первый прославлявший дух возмущения, на протяжении веков восстававший против фетишей: богов и королей, казался гением всеразрушения, проносящимся над старым миром; второй провидел после неминуемого разрушительного фазиса фазис социального логического и неизбежного строительства.

Они, жили в двух различных эпохах: одни только фанатики, поклоняющиеся неизменному догмату, могут отрицать различие времен и среды, требующих различные образ действия и мысли. Бакунин видел, как после мимолетного проблеска, каким была Коммуна, Европа погрузилась в мрак политической и социальной реакции; как французская республика попала во власть реакционеров монархистов и клерикалов; как три императора образовали как бы новый Священный Союз, который должен был потом превратиться в Тройственный Союз; как папство так же, как и до потери светской власти, продолжало отравлять умы; как Соединенные Штаты, спустившись с высоты гума-

нитарного идеала Томаса Пэна и Джефферсона до плутократической олигархии, превратились в новый Карфаген, тогда как «Свободная Гельвеция», забыв героическую легенду о Вильгельме Телле из страха перед военными и средневековыми государствами, превратилась в их жандарма.

Такой мир заслуживает только ненависти, и понятна знаменитая фраза, приписываемая Бакунину (я не знаю, правда ли, что он произнес или написал ее), и которую повторяет Эмиль Золя, влагая ее в уста своего Суварина, в *Жерминале*: «Все рассуждения о будущем преступны, потому что они мешают чистому разрушению и замедляют ход революции».

И, однако, Бакунин сам чувствовал, что если бесполезно заранее строить детальный план будущего общества, которое будет не творением какого нибудь пророка-законодателя, нового Магомета, замыкающего в тесные рамки будущие поколения, но созданием времени, среды и людей, с их потребностями, чувствами и идеями, то всетаки необходимо наметить главные штрихи его. Он очень ясно понимал необходимость не полагаться на случай или провидение, и подготовлять элементы этого будущего общества, новые организмы, призванные то незаметным образом и постепенно, то быстро, занять место отживших организмов. Ибо ничто не создается из ничего: сегодняшнее сделано из вчерашнего и завтрешнее будет сделано из сегодняшнего.

Передо мной сейчас номер женевского *Risveglio*, от 19 декабря 1903 г., в котором приводится письмо Бакунина, написанное в октябре 1873 г. В этом письме Бакунин причиной своего ухода из Юрской Федерации выставляет свою физическую слабость. Братски прощаясь с своими друзьями по борьбе, он напоминает им, что центром международной реакции является не «бедная Франция, обреченная Сердцу Иисусову» своими правителями монархистами, а, бывшая тогда огромной, Германия с авторитарным социализмом Маркса и бисмарковской полицией. В заключение он дает двойной совет:

«1. Сохраняйте неприкосновенным свой принцип широкой народной свободы, без которого равенство и солидарность будут лишь ложью;

2. Все больше и больше организуйте практическую и боевую международную солидарность рабочих всех ремесл и всех стран и помните, что бесконечно слабые в одиночку вы найдете огромную непобедимую силу в этой мировой сплоченности».

Бакунин, умерший три года спустя, под конец своей жизни готовил проект этики. Он видел, что анархическому движению угрожали вместе с правительствами, и больше, чем правительства, честолюбивые карьеристы, искавшие в нем шумную рекламу, чтобы стать потом простыми политиканами, а также беззастенчивые личности,

которые во все времена сбивали с истинного пути, эксплоатируя их, самые благородные движения. Не будучи буржуазным моралистом, великий агитатор анархист не допускал, чтобы оскверняли революционный идеал. Та же самая идея воодушевляла Кропоткина, когда он в одном реферате и брошюре провозгласил *Анархическую Мораль*, стоящую выше всякой религиозной морали, которая ждет вознаграждения на «том свете».

Он также, написав: *Речи Бунтовщика, Хлеб и Воля, Взаимная Помощь, Современная Наука п Анархия*, за несколько месяцев до смерти готовил труд об этике, который он тоже не мог закончить.

В самом деле с какой грустью он, князь, всей душой отдавшийся народу, живущий его трудовою жизнью, сопряженной с лишениями и часто с нищетой, должен был смотреть на низкие существа, проповедующие под прикрытием анархизма кражу и эгоистическое удовлетворение своих самых грубых аппетитов! Существа безответственные, конечно, рассуждая с точки зрения абсолютного детерменизма, но безответственные в той же степени, как змея или бешенная собака, от которых обстоятельства вынуждают нас освободиться. Существа, которые вызвали бы ненависть к революции если бы им удалось доминировать в ней.

Однако, Кропоткин в своем страстном стремлении к социальной справедливости никогда не падал духом. Пожалуй даже в этой прекрасной жизни, проведенной в добровольно принятых на себя материальных лишениях, вознаграждение которым он находил в одобрении своей совести, в этой жизни, проведенной в тюрьме, изгнании и постоянном труде, вызывавщем уважение со стороны его самых непримиримых противников, критик мог бы его упрекнуть в излишнем оптимизме. Источником этого оптимизма было великодушие его сердца. Обладая синтетическим, ясным умом, предвидящий задолго естественный ход событий, Кропоткин, находивший в глубоком знании истории ключ к разгадке будущих эволюций, в своей огромной любви к порабощенному, эксплоатируемому, униженному народу возвеличивал этот последний, иногда приписывая ему свои собственные идеи, свои собственные чувства. Увы, управляемые не всегда лучше своих правителей, и народ очень часто бывал худшим врагом самому себе. Впрочем, Кропоткин хорошо знал это; страницы, посвященные им в *Речах Бунтовщика* роли революционного меньшинства, показывают, что, несмотря на свою тенденцию поэтизировать массы,—этот историк-философ был поэтом, как Мишле, которого он иногда напоминает своим стилем,—он не полагался в разрешении всех вопросов на прозорливость, инициативу и всеведение масс. Опасная иллюзия, которой долго грешили анархисты.

Но Кропоткин, в особенности считал, что если народ, веками лишенный возможности материального и нравственного развития, не может быть непогрешимым, то и не диктаторским способом, ведя

его, как стадо, и навязывая ему церковные и государственные догматы, можно освободить его. Диктатура, фактически, может оказаться необходимостью на короткий промежуток времени, в период борьбы: она не может быть modus'ом vivendi народа на неопределенное время.

Он страстно любил движение, которое не было чисто французским, но общечеловеческим, Великой Революции, и написал историю последней, составляющую капитальный труд. Движение это, за которым последовали вспышки 1830, 1848, 1870—71 годов, послужило основой для мыслителей и революционеров девятнадцатого года и оно подготовит не сухую политическую республику, построенную на началах государственности, а свободную федерацию народов, освободившихся от всех видов рабства.

Так же как и интернационалист Бакунин, интернационалист Кропоткин достаточно понимал действительность и эволюцию, чтобы видеть в тот момент, когда разразилась последняя война, серьезные различия между западными демократическими странами *даже буржуазными*, но в которых революции проложили борозду, и центральными империями, торжество которых было бы несчастьем для всего человечества. Ибо тогда дело было бы не в кратковременной реакции, как та, которую переживает в настоящий момент Франция, и близкий конец которой можно предвидеть, но в наступлении нового средневековья. И кто знает насколько поколений!

Это ясное и обоснованное убеждение Кропоткин громко высказывал во время войны, несмотря на то, что оно должно было вызвать раскол между ними его старыми товарищами, несмотря даже на оскорбления, каким он подвергался со стороны некоторых.

Разделяя вполне его точку зрения и действуя соответствующим образом, я отдаю дань глубокого уважения нашему дорогому покойнику за то, что он до конца своих дней имел мужество и прямоту оставаться верным своим взглядам, а не старался просто принять красивую позу для истории.

Ш. Малато.

Педагогические идеи П. А. Кропоткина.

Вопросы воспитания представляют одну из наиболее важных проблем, стоящих перед человечеством.

В особенности эти вопросы приобрели чрезвычайно важное значение в наше время, когда под влиянием прогреса техники, науки и промышленности, старые формы жизни разрушаются и все устои старого мировоззрения рушатся и колеблются. Наше время характеризуется исканием новых путей во всех областях человеческой жизни, это искание мы наблюдаем и в области педагогики, то-есть науки о воспитании человека.

Втечение последних десятилетий целый ряд мыслителей и педагогов пытались возможно всесторонне осветить вопросы воспитания и основать педагогику на научных экспериментальных основах и на данных психологии.

Современные педагоги сумели заглянуть в душу ребенка, ближе подойти к детской природе и понять психологию ребенка; но, тем не менее выводы науки о воспитании остаются почти целиком в области теории и современная школа точно также не отвечает требованиям жизни, как и школа прошлого столетия. Техника и наука изменили жизнь, но школа остается как бы вне жизни и в ней царит по-прежнему мертвящий дух отвлеченной схоластики.

В эпоху социальных сдвигов это несоответствие между школой и жизнью выявляется с поразительной яркостью и вопросы воспитания приобретают особую остроту.

Приблизить школу к жизни, устранить несоответствие между школьным воспитанием и действительностью, сделать воспитание более практическим, реальным и отвечающим условиям современной жизни—таковы проблемы, которые ставят себе современные педагоги. Над этими проблемами задумывался и П. А. Кропоткин. Хотя он и не был педагогом по профессии, но вопросы воспитания глубоко интересовали его и он едва ли не первый из современных социалистов (не считая Фурье и Прудона) придавал огромное значение воспитанию для ускорения прихода нового социального строя более справедливой жизни.

П. А. не написал специального сочинения по воспитанию, но он был истинным «учителем жизни“ и мысли о воспитании, о роли образования и т. п. мы находим на многих страницах его произведений. В частности, свои взгляды на воспитание и образование П. А. изложил в книге «Поля, Фабрики и Мастерские», где он целую главу посвятил «умственному и ручному труду». Позднее свои педагогические воззрения П. А. изложил в письме к Франциску Ферреро (1908 г.) и в своей речи «Ручной труд в школе», сказанной им в 1917 г. на юбилейном заседании книгоиздательства «Посредник», а также и в речи на с‘езде учителей Дмитровского уезда в 1918 г.

Но еще ранее, в своем известном труде «Хлеб и Воля» П. А. затрагивает в некоторых главах вопросы воспитания и говорит о необходимости об‘единить умственный труд с ручным; начав это об‘единение уже в школе. В «Хлеб и Воле» П. А. разбирает также и больной вопрос школьной жизни-вопрос о *лени* и он утверждает, что нет прирожденных лентяев, а есть только люди, или не способные к труду в силу физических причин, или же люди, которым воспитатели не смогли в детстве привить любовь к труду.

«Неужели вы не видете, говорит П. А. обращаясь к современным педагогам, что с вашими методами преподавания, выработанными министерством сразу для миллионов учеников, представляющих собою столько же миллионов различных способностей, вы только навязываете им систему, годную для посредственностей и созданную посредственностями. *Ваша школа становится школой лени,* точно так же как ваши тюрьмы представляют школы преступности...[1])

В этой же главе „Хлеб и Воли“ П. А. пишет: «прежде чем набивать голову ребенка знаниями, дайте ему здоровье... а затем начните учить его геометрии на открытом воздухе—не по книжке, а измеряя с ним вместе растояние до ближайшей скалы; учите естественной истории, собирая цветы и ловя рыбу, физике—помогая строить ту лодку, на которой он поедет на рыбную ловлю. Но прежде всего, —не набивайте его мозг пустыми фразами и древними языками: не делайте из него «лентяя»...

В знании Петр Алексеевич видел могучую силу и он звал «приобщить массы к благам культуры и науки, считая, что в тот день, когда наука станет достоянием масс, человечество далеко двинется вперед, черпая безконечные силы в свободном коллективном труде. Но для этого *надо перестроить народное образование на новых началах, надо чтобы создалось новое воспитание, чтобы переродилось сознание каждого* насчет его отношений к другим».

Пламенный борец за полное освобождение человека от всякого гнета и насилия, П. А. стоял за свободное трудовое воспитание. Придавая огромное значение творчеству личности в построительной ра-

[1]) «Хлеб и Воля», стр. 205, изд «Голос Труда», 1920 г.

боте нового общества, П. А. чутко относился к росту самосознания ребенка, к его самобытности, признавая за ребенком право на свободное развитие и проявление его способностей.

«Надо дать возможность каждому свободно выявить свои силы, говорит П. А., надо воспитать из каждого человека гармонически развитую, критически мыслящую и активно действующую личность. Для этого необходимо дать ребенку свободу и суметь пробудить в учениках доверие к собственным силам, к инициативе и действию, чтобы он стал не пассивным созерцателем жизни, а активным строителем ее.»

В своей книге «Поля, Фабрики и Мастерские», П. А., говоря о современном воспитании, пишет: «мы не научаем детей самому главному—*как* надо учиться». Научить ребенка как следует наилучшим образом приобретать знания—такова, по мнению П. А., роль преподавателя. Преподаватель должен хорошо помнить слова Сократа, который говорил, что если кто скажет, что Сократ дал кому нибудь образование, то это будет ложь, так как Сократ в действительности никому никакого образования дать не может, а может быть только акушером мысли. Как акушер не родит младенца, а только помогает появлению его на свет, так и преподаватель не может дать мысль, а а может только *навести* на нее или облегчить ее зарождение и появление.

«Успешно заниматься наукой может только тот, говорит П. А., кто усвоил хорошие приемы научного исследования. Если ученый не выработал в себе уменья *наблюдать,* точно *описывать* то, что он наблюдал, и способности *открывать* взаимные отношения между, повидимому, совершенно разнородными фактами, а также способность делать, на основании проверенных фактов, индуктивные гипотезы и проверять их,—он не может быть хорошим ученым. Так же точно хорошим рабочим нельзя сделаться не привыкнув к лучшим методам ручной работы... Поэтому, прибавляет П. А., при изучении наук, ремесл и искусств—главная цель школы состоит вовсе не в том, чтобы сделать специалиста из начинающего ученика, но, в том чтобы познакомить его с основами науки и хороших методов работы: и, главным образом, дать ему такое общее направление, которое при дальнейших его занятиях влекло бы его к истине, к любви к красоте формы и содержания, к сознанию необходимости стать полезной единицей на ряду с другими людьми и слить свое сердце с общечеловеческой жизнью[1])».

«Не пассивное усвоение научных истин, а вооруженное опытом и знанием научное проникновение в тайны природы и развитие активности и самодеятельности. Тогда только вырастет цельная личность, творящая новую гармоническую жизнь...»

По мнению П. А-ча, каждый человек должен в школе научиться не только *наукам*, но и какому нибудь *ремеслу*. «Мы требуем, говорит он, *интегрального* образования для всех, полного и всесторонне-

---

[1]) «Поля, Фабрики и Мастерские», стр. 205, изд. «Голос Труда».

го воспитания, которое уничтожило бы бы наконец, пагубное деление людей на представителей *умственного* труда и на представителей труда физического».

«В интересах науки и промышленности, а равно и всего общества, каждый человек без различия прав рождения и состояния должен получать научное образование наряду с серьезным обучением ремеслу».

«Пора обществу, говорит П. А., поставить себе основной задачей приготовить из каждого юноши и из каждой девушки способных работников, умеющих производить то, что нужно для всех».

Практические работы, пишет далее П. А. приучают человека мыслить конкретно, доходить до сути дела, не путаясь в отвлеченностях, *в словах* и диалектике, затемняющих мысль. Практика помогает составить человеку *вещественное* представление обо всем, чего приходилось ему касаться, будь то в области общественного хозяйства, истории, запутанных вопросов биологии, философии.

Одной из задач воспитания должно быть приучение ребенка к *уважению своего и чужого труда*. Всякий труд, как бы он скромен ни был, имеет право на уважение.

Нужно также, чтобы уже в школе дети учились *организации труда*. Дети должны учиться сами, говорит П. А., организоваться для работы в школьных мастерских, в школьных огородах, в играх, экскурсиях и хозяйстве, во всей своей жизни с ея мелкими затруднениями и столкновениями».

Вся жизнь теперешнего общества развивает в молодых людях собственнический индивидуализм. *Не индивидуализацию*, не полное развитие способностей личности, которое безусловно необходимо и важно, а именно *индивидуализм*, то-есть стремление каждого к удовлетворению только своих интересов.

Школа должна развивать, особенно теперь, в противовес индивидуализму, захватывающему и буржуазию и массы,—сознание *солидарности* людей, *взаимности*, нераздельности всех их усилий в общей работе для жизни общества.

Школа должна также развить в детях чувства взаимопомощи и солидарности, укрепить в них сознание о взаимной зависимости всех и каждого от своих ближних. «Теперешняя школа, говорит П. А. все еще верная традициям старины, слишком много помогает развитию в детях *собственнического начала*; (детей учат Пифагоровой теореме, законам Ньютона и т. п., а между тем нет ни одного открытия в науке или технике, которое не было плодом целого ряда предыдущих открытий.» Поэтому нужно, чтобы с самого юношеского возраста человек приучался к мысли о коллективной жизни, о коллективном творчестве и солидарности.

«Нужно, чтобы мысль: «все за каждого икаждый за всех», которую в вольной природе ежедневно практикуют в своих обществах милли-

оны общительных животных, даже хищники, стала также лозунгом людей. Нужно, чтобы эту мысль перестали считать праздной мечтой, проводили ее в жизнь каждый по мере своих сил».

Необходимо развивать в детях *дух общественности*, устраивая всевозможные ученические общества (как, напр., общество для собирания коллекций, наблюдения над природой, и т. д). Такие общества приучают своих членов к уважению и к исполнению добровольно принятых на себя обязанностей, к работе сообща. «Как редко, замечает П. А., говорят юношам и детям, что индивидуальная жизнь, индивидуальное счастье, будет неполным и непрочным без тесного общения человека с другими».

Таким образом, воспитание *ума* (приобретение чисто научных знаний), должно идти наряу с воспитанием *сердца*, с развитием в ребенке воли, нравственного чувства. Но нравственное воспитание не должно выливаться в формы обучения детей какому либо догматическому кодексу морали. Нравственное воспитание должно быть практическим и свободным. Под нравственностью П. А. понимал не то, что под нею обычно понимается, т. е. совокупность установленных моральных требований, но проявление человеком чувств взаимной помощи, справедливости и великодушия или самопожертвования. Воспитатель должен способствовать развитию этих чувств у детей, чтобы ученик смог сам позднее *творчески* выработать на их основе нравственный идеал и путем свободного творческого труда реализировать его в возможно более широких размерах в своей жизни.

Резюмируя все сказанное выше, мы можем сказать, что три великих задачи поставлены П. А-чем в области воспитания: 1) освобождение ребенка от ига Власти и Авторитета; 2) сочетание в школе и в жизни труда умственного с трудом физическим, и 3) развитие в детях инстинктов общительности и чувств взаимопомощи, солидарности и справедливости.

Все эти три задачи находятся в теснейшей связи друг с другом, и все они должны быть разрешены одновременно, так как только их разрешение будет способствовать приближению нового светлого вольного и справедливого строя жизни, за осуществление которого П. А. боролся всю свою долгую жизнь. Только при разрешении этих задач возможно появление на земле свободного, сознательного, человека—творца и создание свободного безвластного общества, где не будет ни принуждения, ни гнета, и где исчезнет эксплоатация одного человека другим.

Н. А. Критская.

К развитию революционного мировоззрения П. А. Кропоткина.

„Часто случается,—пишет П. А. Кропоткин в своих воспоминаниях,—что люди тянут ту или другую политическую, социальную или семейную лямку, только потому, что им некогда разобраться—некогда спросить себя: так ли устроилась их жизнь как нужно? Соответствует ли их занятие их склонностям и способностям, и даст ли оно им то нравственное удовлетворение, которое каждый в праве ожидать от жизни?.. Жизнь проходит, и нет времени подумать, некогда обсудить ее склад» [1]).

То же самое случилось и с П. А. до 1871 г. Обстоятельства жизни как-то складывались все так, что не было времени серьезно подумать о жизни. Но в 1871 г., «во время путешествия по Финляндии у меня был досуг. Когда я проезжал в финской одноколке по равнине, не представлявшей интереса для геолога, или когда переходил с молотком на плечах от одной балластной ямы к другой, я мог думать, и одна мысль все более и более властно захватывала меня, гораздо сильнее геологии» [2]). Это была мысль о жизни и ее путях. Сложна, уродлива, непонятна, несправедлива была эта жизнь, и много путей лежало на ней. Но лишь два из них рельефно выступили перед П. А.: один — это тот, по которому он уже некоторое время шел, это—наука, путь косвенного служения человечеству, другой—путь непосредственного служения человечеству, путь революционной борьбы со всеми врагами угнетенных и оскорбленных. По какому же из этих двух путей нужно было ему идти?

Наука—великое дело. И он уже знал высшие радости, доставляемые ею и ценил их не меньше своих собратьев... «Но какое право имел я,—спрашивает он,—на все эти высшие радости, когда вокруг меня—гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба, когда все истраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо-рта

---

[1]) «Записки революционера».
[2]) Тоже.

сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей?» [1]) Правда, знание—могучая сила, освобождающая человека от нищеты, голода и холода, оно его могущественный союзник в борьбе с природой. И люди понимают это: они стремятся к знанию, «они хотят учиться, они могут учиться», но для этого им нужен прежде всего досуг, который пожирает у них аренда, подати и налоги—весь уклад современной социально-экономической жизни. «Крестьянину нужно, чтобы я жил с ним, чтобы я помог ему сделаться собственником или вольным пользователем земли. Тогда он и книгу прочтет с пользой, но не теперь». «Нужно помочь народу завоевать себе досуг. Вот в каком направлении мне следует работать, и вот те люди, для которых я должен работать» [2]). Таковы были его тяжелые думы на свободе, в Финляндии.

И когда в это время он получил от Географического общества извещение о своем избрании ученым секретарем этого общества, он послал отказ. Интересной научной работе он предпочел тернистый путь непосредственного служения народу,—освобождение угнетенного человечества.

Но найдя свой путь, смысл своей жизни, свою задачу, Петр Алексеевич не мог ограничиться одними лишь словами о прогрессе, цивилизации, культуре и филонтропической деятельности угнетенным. Идти к народу с аптечкой, библиотечкой, да громкими словами о прогрессе—этот путь, свойственный современной интеллигенции, не удовлетворял в семидесятых годах не только П. А., но многих, почти всю передовую русскую интеллигенцию того времени. Семидесятник и шестидесятник знал, что «все эти звонкие слова насчет прогресса, произносимые в то время, как сами делатели прогресса держатся в стороне от народа, все эти громкие фразы—одни софизмы. Их придумали, чтобы отделаться от раз‘единяющего противоречия» [3])...

Цельная, всегда гармоничная и активная натура П. А. требовала соответствующего гармонирующего с его миропониманием активного мироотношения. Бессознательно уже в то время тянулся он к жизни новой, где «все будет достоянием всех», где каждый будет «давать по своим способностям и получать по своим потребностям». И к этой жизни пошел он в сером тумане метафизических начал диалектики, романтичеекого «хождения в народ», вылившегося затем в террор у одних и в стремлении к реформизму у других.

«Хождения в народ», захватившее в то время лучшую часть русского общества, не давало как показывал уже опыт ожидаемых результатов. Становилось ясно, что оно одно недостаточно, что оно

---

[1]) «Записки революционера».
[2]) Тоже.
[3]) Тоже.

одно слишком паллиативно. Одностороннее увлечение работой в народе (и только там) вело лишь к усилению централизованного деспотизма. Необходимо было следовательно, как можно сильнее, расшатать эту машину не только на переферии, но и в центре, необходимы были, иначе говоря, революционные средства борьбы со всем миром крови и лжи. Только при этом условии «хождение в народ» имело свой смысл, а главное, могло бы принести ожидаемые результаты. Реакцией на романтическое увлечение «хождением в народ», не принесшего чаемых и ожидаемых результатов был другой *односторонний* путь—террора. В противоположность первому этот путь пытался разрешить задачу в центре, игнорируя переферию, забывая народ. Ни тот, ни другой путь, как и путь либерального реформизма, по которому уже шел П. А. некоторое время в Сибири, не могли удовлетворить его. Он выбрал иной путь, путь всемогущей революционной борьбы с современным миром лжи и крови, выбрал и пошел по нему, но пошел не ощупью, не наугад, как шло большинство революционеров того времени, а прямо и уверенно: его миросозерцание покоилось на естественных, более или менее точных, науках, методы которых к этому времени далеко уже ушли от гадательности. «Я хочу действовать, но я хочу знать где и как мне действовать», говорило его проснувшееся и прозревающее «я».

И казалось, что он, естественник-материалист, скорее всего мог бы пойти путями материалистического понимания истории, путями марксизма, который в то время овладевал постепенно умами большинства революционеров. Но ни тогда, ни к концу своей жизни П. А. не подошел к марксизму: к этому его не допускало не только его миропонимание, но и мироощущение, роль которого в целостном, едином по своему существу, мировоззрении—велика.

Кажущаяся на первый взгляд стройность, выдержанность и логика марксизма не находили себе отклика в душе П. А. Кропоткина. Внутренняя противоречивость марксизма, не воспринимаемая, быть может, в то время еще его сознанием, вызывала в его мироощущении целую бурю протеста, всякий раз, когда он пытался уложить марксизм как-нибудь в свое мировоззрение. Искусственная спайка между гегельянством и дарвинизмом, а главное, признание принципа «борьбы за существование» основным и *единственным* двигателем человеческого общества не могло найти себе места, в стремящейся всегда к ясности и определенности, личности Кропоткина.

Исходя из диалектики Гегеля, марксисты в об'яснении исторического процесса вынуждены были признать бессилие диалектического метода. И тогда ему на помощь был насильственно, в принудительном порядке, по социалистически, притянут модный закон Дарвина «борьба за существование», перефразированный в «классовую борьбу». Эта «классовая борьба» была признана единственным двигателем прогресса. Утверждение «борьбы за существование» основ-

ным фактором истории было понятно в устах аполлогетов рынка, «гениев буржуазного тупоумия», возводящих борьбу в звание фактора прогресса в целях оправдания крови и лжи, но абсолютно было непонятно и не приемлимо для того, кто держал путь в царство *равенства и братства.*

Кроме этого, Кропоткин чувствовал, а может быть даже уже понимал, что фатализм, к которому приводил экономический материализм со своей теорией последовательных стадий развития—по существу глубоко реакционны. В нем находило и находит и сейчас себе оправдание все подлое и трусливое, из него выростали и выростают все виды принудительного, покоющегося на порабощении человека полицейского или государственного социализма, он же порождает и питает так называемый буржуазный, лояльный социализм [1]). Всего этого, повторяем, не мог не чувствовать и не понимать Кропоткин. Вот почему он не примкнул к марксизму ни тогда, ни позже, а присоединился к другому течению социализма, выявленному в Юрской Федерации, деятели которой шли путями, установленному вехами их революционного миросозерцания, выкованного в борьбе как с буржуазией, так и с благонамеренными и государственными социалистами, т. е. марксистами. Путь Юрской Федерации был путь практического освобождения, далекий от туманных, полных метафизики и политиканства теорий. Ее задача была «заняться делом федеративной организации ремесл, так как это—единственное средство обеспечить успех социальной революции. Такая федерация создаст истинное представительство труда; она должна быть совершенно независимой от всякой правительственной политики. «Если к этому прибавить, что этот путь был тот путь, на котором каждый всегда мог сверять свои действия с своими мыслями, мог, так сказать, достичь гармонии между мироощущением, миропониманием и мироотношением, иными словами, мог избежать раз‘едающего внутреннего противоречия, этих последствий всяких программных, из партийной дисциплины вытекающих, действий, то станет понятным сближение П. А. с Юрской Федерацией.

Последующие затем годы упорной, сознательной и серьезной работы над собой выковывали окончательно его *безвластно-социалистическое* мировоззрение. И то, что некогда не укладывалось в его мировоззрении лишь вследствие интуитивно-протестующего его мироощущения,—«борьба за существование», как единственный фактор истории—становилось все яснее и понятнее. «Когда, позднее внимание мое было привлечено к отношениям между Дарвином и социологией, я не мог согласиться ни с одной из многочисленных работ, так или

---

[1]) Редакция не разделяет вполне такого взгляда автора на теорию экономического материализма.

Прим. редакции.

иначе обсуждавших этот, чрезвычайно важный, вопрос. Все они пытались доказать, что борьба за средства существования каждого отдельного животного против всех его сородичей и каждого отдельного человека против всех людей, является «законом природы». Я, однако, не мог согласиться с этим взглядом, так как убедился раньше, что признать безжалостную внутреннюю борьбу за существование в пределах каждого вида, и смотреть на такую войну, как на условие прогресса,—значило бы допустить и нечто такое, что не только еще не доказано, но и прямо-таки не подтверждается непосредственным наблюдением» [1]). Наблюдения привели его к другим выводам. Он понял, что считать борьбу за существование двигателем, единственным фактором эволюции, не только однобоко-неправильно, но и безусловно вредно.

Понятие «борьба за существование», внесенную в науку Дарвиным, было с'ужено многочисленными его последователями и подражателями до крайних пределов. В то время как Дарвин понимал борьбу, как борьбу против неблагоприятных условий, стоящих на пути развития животного мира, как приспособление живых существ к среде, их физическое, духовное и нравственное развитие и прогресс, его последователи свели это понятие к беспощадной борьбе между живыми существами, жаждущими крови своих собратьев. Борьбу живого существа с природой, в самом широком смысле, за свое существование они свели к борьбе отдельных индивидов одного и того же вида.

Принимая «борьбу за существование», конечно с соответствующими коррективами, П. А. Кропоткин нашел, что наряду с этим есть другой *основной* закон в жизни—солидарность, взаимная помощь. «Едва только мы начинаем изучать животных... как тотчас же замечаем, что хотя между различными животными видами и в особенности между различными классами животных, ведется в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление,—в то же самое время, в таких же, или даже еще больших размерах, наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду, или по крайней мере, к тому же сообществу» [2]). Анализируя коллективную жизнь животного мира от простейших форм ее и до сложнейших—человеческого общества и наблюдая то прямое поражающее обилие фактов солидарности, коими богат животный мир вообще, П. А. понял то огромное значение, какое имеет во всех областях коллективной жизни животного мира закон солидарности, закон *любви* в самом широком смысле последнего слова. И значение этого закона тем более велико, что солидарность двигает коллективную жизнь человека—общество

[1]) «Взаимная помощь».
[2]) Тоже.

всегда *вперед* (такова, по крайней мере, роль любви была до сих пор и такова будет она, безусловно, еще долго); между тем как движение производимое «борьбою за существование» идет всегда по двум направлениям—вперед и назад. Принятие закона «борьба за существование», как двигателя общественной жизни, вынуждает нас мириться с диалектически сменяющимся прогрессом и регрессом при огромном количественном и качественном преобладании последнего. Человеческое же сознание не может и не хочет мириться с регрессом: вместе со всей природой человека оно самым категорическим образом протестует против всякого регресса.

Найдя один из основных законов коллективной жизни—взаимопомощь, Кропоткин всю свою жизнь посвятил борьбе за торжество этого закона, за торжество не только в теории, но и на практике, не только в умах людей, но и в их жизни. Но проповедуя этот закон в то же время всю свою жизнь боролся с диким законом «борьбы за существование», проповедуемого и словом и делом сторонниками кровавого и лживого мира сего, гениями буржуазного и государственно-социалистического тупоумия. В этой своей активности против мира сего, его крови и обмана, его пота и лжи, его деспотизма и подхалимства, коренное отличие Кропоткина от многих других учителей и проповедников любви, активно относящихся лишь к своей идее, но остающихся безразличными или даже пассивно воспринимающих противоположную идею — идею дикой кровожадной борьбы, вкоренившуюся и прочно обосновавшуюся в жизни.

Петр Алексеевич любил человечество, любил угнетенных, чего не достает почти всем революционерам нашего времени, как показали и прежние и современная нам русская революции, сорвавшие маски лицемерия почти со всех революционеров, маски благожелателей угнетенного человечества, и показавшие их истинное лицо самых заурядных изголодавшихся в подполье властолюбцев.

Но любя П. А. умел и ненавидеть, ненавидеть угнетателей человечества, чего не достает большинству проповедников любви, теоретически и практически не воспринимающих закона действия и противодействия. Он умел страстно любить, любить человека, но в то же время ему была знакома ненависть, которая порою бывает священнее и чище самой любви. Он был полный революционер и в этой полноте основное значение его не только для нашего времени и для нашего народа, но для всех времен и для всех народов.

Б. Ст—в.

1921 г., февраль.

П. А. Кропоткин—как геолог и географ.

Кропоткин П. А, был не только великим революционером и гуманистом, творцом теории безвластного или анархического коммунизма, но и выдающимся ученым, внесшим большой вклад в науку. Он работал в области естественных наук и истории, но главной его научной специальностью были геология и география.

Интерес к географии и вообще к наукам о земле проснулся в душе П. А. еще в юношеские годы. Будучи мальчиком и живя по летам в деревне своего отца в Калужской губернии, он любил проводить целые дни в лесу и в поле, и уже тогда, говорит П. А. «зародилась во мне любовь к природе и смутное представление о бесконечной ее жизни». Еще в пажеском корпусе П. А. мечтал стать ученым и посвятить свою жизнь науке.

Но, повинуясь голосу своего сердца, П. А. не пошел всецело по пути служения науке, а встал в ряды борцов за освобождение трудящихся масс. Чисто научным работам П. А. посвящал лишь часы своего досуга и очень часто заставлял себя прерывать какую нибудь заинтересовавшую его работу в области чистой науки, чтобы сесть за писание статей по анархизму... Когда нибудь биограф П. А-ча расскажет нам о борьбе, происходившей в душе П. А-ча между влечением к чисто научной деятельности и революционным долгом. Об этой борьбе в молодые годы отчасти кратко упоминает и сам П. А. в своих «Записках Революционера». Как мы знаем, победа в этой борьбе осталась не на стороне ученого, а на стороне революционера.

Однако, *революционер* в Кропоткине не мог совершенно и окончательно заглушить *ученого* и всю последующую свою жизнь П. А. с одинаковым увлечением работал и в области науки и в области анархизма. Конечно, во многих случаях революционер и анархист оттеснял ученого на второй план.

Но и при всем этом П. А. внес в науку много ценного и нового и его научные заслуги в области геологии и географии доставили ему вполне заслуженную мировую известность.

К сожалению, по очень многим причинам, у нас, в России, мало знают о научных работах П. А-ча. В настоящей статье я и

постараюсь кратко познакомить с тем, что было сделано П. А-чем в области геологии и географии и что им было внесено нового в науку землеведения.

Свои занятия по географии П. А. начал еще будучи в Пажеском корпусе. Он с увлечением читал произведения Гумбольдта и Карла Риттера и мечтал путешествовать. Обдумывая это решение, П. А. как говорит он сам, «все более и более останавливался на мысли о Сибири».

Вот почему он, тотчас же по окончании курса в Пажеском Корпусе, к удивлению всех своих родных и знакомых, выбрал местом своей службы не Петербург, где ему открывалась широкая возможность сделать блестящую карьеру, но отдаленную окраину России—Восточную Сибирь.

Об'ясняя свое решение, П. А. говорит: »я решил поехать в Сибирь, там путешествовать, увидать новую природу, новые племена людей, пожить жизнью близкой к природе, увидеть горные страны и такие великие реки, как Амур и Уссури, в области которых тропическяя природа странным образом смешивается с полярной,—где лианы и дикий виноград вьются вокруг северной ели и где тибетский тигр встречается с якутским медведем [1])».

В Сибири и на Дальнем Востоке П. А. пробыл целых пять лет (с 1862 г. по 1867 г.). И здесь, среди дикой природы, вдали от всяких культурных центров, там, где большинство людей спиваются или пропадают от тоски и скуки, двадцатилетней П. А., выросший в довольстве, получивший аристократическое воспитание, недавний камер паж императора всероссийского, неутомимо исследует глухие дебри непроходимой тайги и путешествует в сопровождении полудиких казаков и тунгузов по горным областям Дальнего Востока.

П. А. инстинктивно сознавал, что ученый, а тем более географ не должен быть кабинетным человеком; он чувствовал, что всякий ученый должен быть ближе к жизни, ближе к природе. Вот почему, заинтересовавшись геологией и географией, он не стал изучать эти науки только по книгам и по образцам в геологических музеях, а отправился в глухие дебри еще почти неисследованной в то время восточной Сибири.

Путешествуя по горам и равнинам Сибири, Манджурии и северного Китая, П. А., как он сам говорит, «много думал и размышлял» Уже в то время у него проявилась удивительная способность к великим обобщениям единичных фактов и когда ему было только 25 лет, в его уме, после открытия им на Патомском плоскогории следов ледниковых отложений, сложилась в общих чертах теория о великом ледниковом периоде—теория, доставившая впоследствии П. А-чу мировую известность. В это же время у него наметилась и

[1]) Из ненапечатанных дополнений к «Запискам Революционера».

теория о строения Азиатского материка и о расположении горных хребтов Восточной Сибири [1]).

Во время своего пребывания в Сибири П. А. совершил шесть больших путешествий по Амуру, Дальнему Востоку, Манджурии, Восточной Сибири и северному Китаю. Я не буду останавливаться здесь на описании этих путешествий, не буду также говорить о тех лишениях и опасностях, которым подвергался П. А., путешествуя по диким местностям, редко заселенным полудикими племенами и ссыльными поселенцами.—Рассказы об этом завели бы нас далеко в сторону от нашей главной цели—показать научные заслуги П. А-ча в области геологии и географии. Всякий, кто интересуется путешествиями П. А-ча, может прочитать об этом великолепные страницы в его «Записках Революционера» или же его отчеты в «Записках Русского Географического Общества».

Здесь, для характеристики П. А. как путешественника, я укажу лишь на то, что он, в противоположность большинству исследователей, путешествовал по диким областям почти без всякого оружия и без вооруженной охраны. Когда мне приходилось беседовать с ним о его экспедициях по Сибири и Китаю, то П. А. неоднократно говорил, что вид оружия у путешественника только раздражает полудиких туземцев и заставляет их сразу же относиться к путешественнику подозрительно. П. А. добавлял, что всякий человек может без всякого страха путешествовать по самым диким странам и быть в полной безопасности среди дикарей, если он будет смотреть на них как на своих полноправных собратьев и относиться к ним дружелюбно. В этом отношении П. А. напоминает другого русского путешественника Н. Н. Миклуху—Маклая, который прожил более года один среди диких папуасов на острове Новой Гвинеи.

Другой характерной чертой П. А. как путешественника является его крайняя нетребовательность к комфорту во время путешествий. Обыкновенно, отправляясь в путешествие, иногда на два на три месяца, П. А. не брал с собою больших запасов провизии и других вещей. «Мои продолжительные путешествия, во время которых я сделал более семидесяти тысяч верст, говорит П. А., научили меня тому, как мало, в действительности, нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими фунтами хлеба и маленьким запасом чая в переметных сумах, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть ею постель из свеже-нарезанного молодого листвяка,—человек чувствует себя удивительно независимым, даже среди неизвестных гор, густо поросших лесом, или же покрытых глубоким снегом»...

---

[1]) Тогда же в уме П. А-ча зародилась и теория «о взаимной помощи—как факторе эволюции», в противовес теории Дарвина «о борьбе за существование» которая в 60-тые годы вызывала огромный интерес.

Прожив в Сибири и на Дальнем Востоке пять лет и сделав много важных географических открытий, П. А. почувствовал недостаточность теоретической научной подготовки для дальнейших работ и исследований; отчасти под влиянием этого, а отчасти и благодаря другим причинам, он вышел в отставку и решил вернуться в Петербург и поступить в университет.

В Петербурге его заслуги в области географии были сразу же признаны Русским Географическим Обществом, которое избрало его своим членом, и вскоре пригласило секретарем отделения Физической и Математической географии. Живя в Петербурге, П. А. горячо отдается научным работам по географии и намечает целый план больших сочинений. В 1870 г. Русское Географическое Общество поручило ему выработать проект полярной экспедиции и П. А., при содействии Н. Г. Шиллинга, А. И. Воейкова и М. А. Рыкачева, написал обширный доклад по этому поводу [1]).

В этом докладе П. А., разбирая вопрос о плавающих льдах Ледовитого океана, высказал предположение, что к северу от острова Новой Земли должна находиться *«еще неоткрытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена и удерживает за собою льды* [2]).

Действительно, это предположение оказалось верным; и два года спустя, в 1873 г. австрийская полярная экспедиция под начальством Пайера и Вейпрехта открыла целый архипелаг островов в той области Ледовитого океана, где указывал П. А. Этот архипелаг был назван Пайером и Вейпрехтом в честь австрийского императора «Землей Франца-Иосифа». Историческая справедливость требует, чтобы этот архипелаг был бы переименован в «Землю Кропоткина», который открыл ее теоретически в 1870 г. и, по всей вероятности, открыл бы эти острова и фактически, так как Географ. Общ. назначило его начальником предполагавшейся полярной экспедиции, которая не осуществилась только благодаря отказу Министерства Финансов ассигновать на эту экспедицию 40.000 рублей.

Вместо путешествия в полярные моря, П. А. получил в 1871 г. командировку для производства геологических исследований в Финляндию и Швецию. Во время путешествия по Финляндии и Швеции

---

[1]) Этот доклад, по распоряжению Совета Геогр. Общ. был напечатан отдельной брошюрой (in—8°, 91 стр. мелкого шрифта) Насколько тщательно были разработаны П. А. все вопросы о полярной экспедицни можно видеть из краткого оглавления доклада. Доклад разделяется на 8 глав: 1) вопросы географические, 2) вопросы земного магнетизма, 3) морские течения в Ледовитом океане, 4) вопросы климатологии, 5) вопросы геологические, 6) вопросы зоологии и 8) вопросы промышленные и экономические. В конце доклада П. А. подробно говорит о маршруте, снаряжения и т. п.

[2]) «Экспедиция для исследования русских Северных морей. Доклад составленный П. А. Кропоткиным. СПБ. 1871 г. стр. 41.

в уме П. А-ча окончательно сложилась теория о ледниковом периоде. В Швеции П. А. познакомился с знаменитым шведским ученым естествоиспытателем и путешественником Нордельшильдом, который может быть, под влиянием разговоров с П. А. о проблемах Ледовитого океана и о возможности плавания вдоль северных берегов Европы и Азии, решил предпринять смелую попытку открыть северо-восточный морской проход из Атлантического океана в Великий.

Эту географическую задачу тщетно пробовали разрешить многие путешественники и иследователи втечение целых трех столетий. В 1878-80 г.г. Норденшильду удалось обогнуть Европу и Азию с севера и таким образом разрешить вопрос о северо-восточном проходе.

Возвратившись из Финляндии в Петербург П. А. принялся за обработку своих наблюдений. В это же время он решил приступить к составлению подробной географии России. Перед ним вырисовывался план обширной работы, которая требовала многих лет усидчивого труда. В это время Географ. Общ. избрало его Генеральным секретарем и перед П. А. открывалась широкая дорога научной работы.

Но, в этот момент в душе П. А. происходила уже борьба между революционером и ученым, о которой мы говорили в начале нашей статьи. Страдание народных масс не давали покоя чуткому сердцу П. А-ча. Его совесть подсказывала ему, что и отрекшись и отказавшись от всех привилегий своего класса и зажив скромной трудовой жизнью простого ученого, он еще не выполняет целиком своего долга перед народом. Он сознавал, что необходимо помоч народу освободиться от оков гнета и насилия... и он категорически отказывается от звания оффициального ученого и уходит в ряды трудового народа, чтобы вместе с ним идти на борьбу за завоевание *хлеба и воли.* Он становится социалистом.

Социально-революционная деятельность П. А. в России продолжалась, как мы знаем, недолго. Вскоре он был арестован и по распоряжению императора Александра II был заключен в Петропавловскую крепость. Александр Второй не мог, конечно, простить своему бывшему камер-пажу такого страшного преступления, как стать социалистом и революционером.

Просидев в крепости более двух лет, П. А. совершил в 1876 г. из военного тюремного госпиталя смелый побег и благополучно эмигрировал заграницу. В Европе он становится вождем анархизма и принимает деятельное участье в революционном движении.

Однако и здесь революционная деятельность не смогла заглушить в Кропоткине ученого. Живя в Швейцарии, он уделяет свои досуги научным занятиям, главным образом географии. В 1880 г. Элизе Реклю пригласил П. А-ча. сотрудничать в своей обширной Всеобщей Географии» и поручил П. А-чу составить и обработать пятый и шестой томы этого произведения посвященные географии России и Сибири.

В настоящее время трудно установить, что принадлежит в этих томах перу П. А-ча и что самому Реклю, но можно с уверенностью сказать, что большая часть этих томов написано всецело П. А-чем это можно заключить и из подстрочных указаний источников, где мы видим чуть ли ни на каждой страницы ссылки на «рукописные заметки П. А. Кропоткина» (notes manuscrites).

Поселившись в 1886 г. в Англии П. А. писал географические статьи и заметки во многих английских журналах и в знаменитой «Британской Энциклопедии», а также в Энциклопедии Чемберса и в «Географическом журнале» Лондонского географического общества.

Свои занятия географией и геологией П. А. не прерывал почти вплоть до смерти и уже поселившись в Дмитрове и работая, главным образом над этикой, он иногда, как говорил он, «ввиде отдыха» брался за работу по географии. Так, напр., в 1919 г., в Дмитровском Краевом музей П. А. прочитал большую лекцию о Ледниковом и Озерном периоде и подробно остановился остановился на геологии Дмитровского уезда. По просьбе друзей он затем написал популярный очерк о Ледниковом периоде (размером около двух печатных листов). Для пояснения текста П. А. дал к этому очерку около 40 рисунков, нарисованных им самим. Вообще он не переставал следить за развитием геологии и географии, и неоднократно мы беседовали с ним на эту тему.

П. А. понимал географию широко и связывал ее с социологией и историей; он не раз говорил, что на географических основах можно было бы создать величественную картину развития человечества, и дать научную теорию социального развития [1]) Но, другие работы отвлекали его от этой темы. Однако, и то, что П. А. сделал в области геологии и географии вполне достаточно, чтобы его имя стояло в числе выдающихся географов всего мира.

В области геологии и географии П. А. является творцом трех оригинальных теорий. Эти теории следующие:

1) Теория о строени азиятского материка:

2) Теория о ледниковом периоде и о происхождении лесса.

3) Теория о высыхании Евразии (Европейско-Азиатского материка).

Сущность этих теорий я и постараюсь кратко изложить в настоящей статье.

Путешествие по горам Восточной Сибири и Северной Манчжурии и Китая, П. А. между прочим обратил свое внимание на направление этих гор и это скоро превело его к важному открытию в области физической географии северо-восточной Азии и послужило

---

[1]) Это отчасти попытался сделать Лев Ильич Мечников, старший брат Ильи Ильича Мечникова, анархист и революционер, сподвижник Гарибальди, близкий друг и секретарь Элезе Реклю, в своей книге «Цивилизация и великие исторические реки». Мечников, был дружен также и с П. А-чем.

основой для его теории о строении Азиатского материка вообще. До того времени относительно строения и направления азиатских гор в географии господствовали теории знаменитого Александра Гумбольдта. Гумбольдт, на основании изучения древних и новых китайских географических карт покрыл Азиатский материк сетью горных хребтов, из которых одни шли с севера на юг, а другие с запада на восток. П. А. во время своих путешествий пришел к заключению, что в действительности, многих горных хребтов, помеченных на картах, не существует совсем, а существующие имеют другое направление.

После своих экспедиций, П. А. вполне убедился, что теории Гумбольдта не согласны с действительностью. Он стал собирать барометрические данные и вычислять на основанни их высоты разных областей Восточной Сибири. Свои личные наблюдения он стал проверять с данными других путешественников по Сибири и Азии, и после двухлетней упорной работы, П. А. вывел общие заключения о строении и направлении горных хребтов северо-восточной Азии.

Эти выводы совершенно расходились с теорией Гумбольдта, который считался в то время непогрешимым авторитетом в области географии. В то время, как согласно Гумбольдту, основные хребты Азии тянутся с запада на восток, П. А. доказывал, что они идут с юго-запада на северо-восток. Только некоторые второстепенные хребты простираются с юго-востока на северо-запад. Но, это еще не все. Работая над теорией о строении азиатских гор, П. А. создал еще более обобщающую и грандиозную теорию о строении северо-восточной части Азии вообще. Он первый из геологов высказал предположение, что северо-восточная часть Азии образовалась вокруг древнего первичного массива, который сам, в свою очередь, представлял обломок еще более древнего около полярного материка. Этот древний массив, говорит П. А., тянулся по направлению с юго-запада на северо-восток, и вокруг него, как застывшие гигантские волны вокруг утеса, теснились и откладывались втечении тысячелетий более поздние складки земной коры.

П. А. доказывал, что Сибирь не является обширной равниной, простирающейся от Урала до Великого океана, а представляет скорее громадное плоскогорье, похожее по своей форме на Южную Америку, лишь повернутую своим узким концом к Берингову проливу. На этом плоскогорье П. А. различает две ступени или уступа: один из них идет от Тибета до границ России и имеет высоту в 10 — 12 тысяч метров, а другой уступ занимает значительную часть восточной Сибири, имея в среднем, от 3-х до 5-ти тысяч метров высоты. По краям этих основных террас поднимаются окраинные хребты из позднейших осадочных пород, увеличивая, таким образом, материк Азии в ширину.

Свою теорию о строении азиатского материка и о направлении горных хребтов П. А. изложил в большом очерке, напечатанном в 1876 г. в «Записках Русского Географического Общества». Этот очерк был переведен на французский язык, а часть его была напечатана по английски в журнале Лондонского Географического Общества. В 1904 г. П. А. изложил эту теорию в книге «L'Orographie de la Sibérie», а также и в статье «Orographie de l Asie, ses rapports avec la Géologie et la Flore du continent».

Теория П. А. о геологическом строении азиатского материка и его схема горных хребтов северо-восточной части Азии были приняты почти всеми географами и в том числе известным немецким географом и картографом Петерманном, который первый внес в географические карты своих атласов изменения согласно схеме П. А-ча.

Позднейшие исследователи Азии и Восточной Сибири, хотя и доказали, что геологическое строение Азии и в частности Восточной Сибири гораздо сложнее, чем рисовал себе Петр Алексеевич, но, тем не менее, все последующие открытия нисколько не поколебали основных положений теории П. А-ча.

П. А. считает эту работу «главным своим вкладом в науку». Но, по моему мнению, ценность теории П. А-ча заключается не в том, что он опроверг господствующую до этого теорию Гумбольдта, а в том, что он, хотя и косвенно, высказал в высшей степени гениальную мысль, что *материк Азии возник не сразу, а состоит из целого ряда частей других ранее существовавших материков.*

Эта идея, *впервые* высказанная П. А-чем, позднее была самостоятельно разработана и многими другими европейскими геологами, а знаменитый австрийский геолог Эдуард Зюсс, применив ее ко всем материкам земного шара, произвел настоящую революцию в области геологии и в своем капитальном труде «*Лик Земли*» (Das Antlifz der Erde) нарисовал гениальную картину развития и строения всех материков нашей планеты.

Согласно теории Зюсса относительно строения северо-восточной части Азии, в глубокой древности на месте восточной Сибири, от Селенги до Ледовитого океана существовал первичный материк из кристаллических пород, которому Зюсс дает название Ангарского. Вокруг этого материка, в последующие геологические эпохи нарастали и откладывались пласты позднейших осадочных пород, и, благодаря различным причинам, поднимались высокие окраинные хребты, направление которых определялось вышеназванным обломком первичного материка, вытянутого по направлению с юго-запада на северо-восток. Эта теория вполне совпадает с идеями П. А-ча, высказанными им еще в семидесятых годах.

Во время путешествий по Сибири, в особенности после Олекминско-Витимской экспедиции в 1866 г., в уме П. А-ча стала складываться и другая геологическая теория о «ледниковом периоде».

Вопрос о ледниковом периоде, т.-е. о периоде, когда значительная часть поверхности земного шара была покрыта ледяным покровом, был в первой половине XIX столетия самым спорным вопросом в геологии. Геологи того времени никак не могли об‘яснить себе того явления, что во многих местах земного шара, вдали от морских берегов, как, например, в центральной России, в почве местами встречаются многочисленные так называемые «эрратические» валуны и округленные, отполированные гранитные «булыжники». Исследования этих валунов у нас, в России, показали, что они состоят из тех же каменных пород, из каких образованы Скандинавские горы.

Но, каким же образом эти обломки Скандинавских гор, округленные и отполированные, попали на поля России?

Для об‘яснения этого факта знаменитый в то время английский геолог Чарльз Ляйель создал гипотезу разноса валунов и булыжников плавающими льдинами. Он говорил, что в древности равнины Европы были покрыты морем, по которому плавали ледяные горы с вмерзшими в них валунами, которые они и роняли при своем таянии.

Такое об‘яснение не удовлетворяло ищущий ум П. А-ча, особенно, после того, как он встретил валуны и округленные булыжники на высоком Патомском плоскогорьи, где не замечалось никаких следов, что эту область когда либо покрывало море. Каким же образом попали эти валуны сюда?

И вот в уме П. А-ча для об‘яснения этого факта зародилась грандиозная теория о великом ледниковом периоде. В своем отчете об Олекминско-Витимской Экспедиции, П. А. высказал впервые предположения о ледниковом периоде в следующих выражениях: «в предшествующие эпохи значительная часть поверхности земного шара была покрыта мощным ледяным покровом, который, двигаясь с севера на юг и сползая с гор в долины, отрывал и дробил скалы и утесы, сглаживал и полировал эти обломки, превращая их в валуны».

Вернувшись в 1867 г. в Россию, П. А. предпринял в 1871 г. с целью выяснения распространения ледников в Европе, изучение ледниковых наносов и валунных отложений в Финляндии и в Швеции. К сожалению, арест и заключение в Петропавловскую крепость не дали П. А-чу возможности обработать с достаточной полнотой свою теорию о ледниковом периоде. В 1876 г. старший брат П. А-ча, Александр Алексеевич, смог издать только первый том «Исследования о ледниковом периоде» с атласом чертежей и рисунков, сделанных самим П. А-чем. Материалы и рукописи второго тома, над которым П. А. работал в крепости, были захвачены после побега П. А-ча жандармами и находились до 1895 г. в архиве третьего отделения. В 1895 г. они были переданы Русскому Географическому Обществу, которое и переслало их П. А-чу в Англию.

В своем «Исследовании о ледниковом периоде» П. А. говорил, что ледяной покров (толщиной не менее 1000 метров) некогда по-

крывал значительную часть Европейской России и доходил до нынешней Воронежской и Киевской губерний. Этот ледяной покров простирался сплошным потоком от Скандинавии и медленно двигался с севера на юг, принося с собою из Скандинавии щебень и валуны.

Конечно, эта теория представлялась большинству тогдашних геологов ложной, тем более, что великие авторитеты в области геологии в первой половине XIX века Чарльз Ляйель и Леопольд Бух относились к подобным взглядам отрицательно. Однако, П. А., бывший революционером не только в области социальной жизни, но и в области науки, не останавливался в своей работе перед авторитетами, а стремился фактически доказать истинность своих взглядов. Вопрос, поднятый П. А-чем о ледниковом периоде сильно заинтересовал геологов и вскоре после него шведские геологи, с которыми П. А. вел беседы во время своих исследований ледниковых наносов на юге Швеции, в 1871 г., предприняли изучение ледниковых наносов в центральной Германии. В 1875 г., известный шведский геолог Торрель выступил в Германском Геологическом Обществе в Берлине с докладом, в котором подробно развивал идеи, высказанные П. А-чем о ледниковом периоде. Вскоре целый ряд геологов, после обстоятельного изучения ледников Гренландии, Швейцарии и ледниковых отложений Германии, Англии и Скандинавии, пришли к такому же заключению относительно Ледникового периода, как и П. А. и теория о ледниковом периоде получила окончательное подтверждение.

П. А. не ставил себе целью отыскать причины обледенения земного шара. Ответить на этот вопрос он представлял астрономам. Но, со своей стороны, в об'яснении причин ледникового периода на земле, он присоединился к теории знаменитого шведского физико-химика Сванте Аррениуса, который считает главной причиной великого Ледникового периода—увеличения содержание угольной кислоты в нашей атмосфере в конце третичного периода.

П. А. говорит, что вполне допустимо, что благодаря огромным вулканическим извержениям, которые имели место на земном шаре в конце третичного периода, в земной атмосфере получилось увеличение процентного содержания углекислоты; вследствие этого средняя температура на земле могла понизиться на несколько градусов и этого было вполне достаточно, чтобы в полярных и субполярных областях стали скапливаться большие массы снега, нижние пласты которого под давлением вышележащих слоев превращались в голубой лед. Этот лед, как показывают наблюдения, обладает большой пластичностью и, подобно тесту, может медленно сползать в долины и равнины. Толщина такого ледяного потока, по мнению П. А., могла быть не менее 1000 метров, т.-е. около одной версты (приблизительно

такой мощности ледяной покров достигает в настоящее время в Гренландии)[1])

Но, каковы бы ни были причины Ледникового периода, говорит П. А., достоверно одно, что значительные пространства Европы и Азии в начале четвертичного периода были погребены под толстым ледяным покровом. Эта теория, высказанная П. А-чем в начале семидесятых годах, когда она являлась непозволительной ересью, в настоящее время стала прочным завоеванием геологической науки.

В своих геологических гипотезах П. А. не остановился на Ледниковом периоде, но его ищущий ум пошел дальше и после долголетних размышлений П. А. создал новую геологическую теорию «высыхания европейско-азиатского материка». Эта теория, помимо своего чисто научного интереса, имеет еще, особенно для нас, русских, огромную практическую ценность.

Теория высыхания Евразии, которую П. А. в первый раз изложил в своем докладе Лондонскому Географическому Обществу в 1904 г.[2]), сравнительно мало известна в России и поэтому я изложу ее более подробно.

Под влиянием многих причин, говорит П. А., в первой половине четвертичной эпохи мощный ледяной покров в Европе и Азии стал медленно таять и отступать к северу. После таяния огромных масс льда, на юге, по южному краю ледяных полей, стала скапливаться огромная масса воды. Постепенно после таяния ледников стали образовываться на их месте *тундры*, затем *степи* и так называемые *урманы*, или болотистые леса, усеянные бесчисленными озерами, как это мы и сейчас видим в некоторых местностях Западной Сибири.

Вода, образовавшаяся после таяния ледников, заполнила собою все впадины и долины и на поверхности земли появились тысячи больших и малых озер. П. А. доказывает, на основании своих личных наблюдений, что уровень большинства озер, образовавшихся на месте нахождения ледников, был приблизительно на 250-300 футов выше современного уровня моря. В эту же эпоху образовалось и Балтийское море, которое тогда далеко вдавалось в Швецию и покрывало собою всю область, занимаемую ныне великими озерами Швеции. Финский залив простирался далеко на восток до Ладожского озера и он только узким водоразделом отделялся от Северного Ледовитого океана.

С другой стороны, Каспийское море в послеледниковой период простиралось далеко на восток и сливалось с Аральским морем, по-

---

[1]) Возможно также, что причиной ледникового периода на Земле было перемещение северного полюса; если допустить, что полюс мог, благодаря различным причинам, переместиться приблизительно на 10° до Шпицбергена, то этого было вполне достаточно, чтобы полярный северный покров передвинулся далеко к югу, вплоть до 50° сев. широты.

[2]) «The Desiccation of Eur-Asia»—The Geographical Journal. June, 1904 г.

крывая большую часть Закаспийской области. В то же время большие заливы Каспийского моря покрывали нынешние степи по течению нижней Волги, а один залив по Волге доходил на север до Казани и устья Камы. Этот факт подтверждается нахождением около Казани и устья Камы ископаемых, тожественных с моллюсками и поныне живущими в Каспийском море.

Следы великих изчезнувших ныне озер послеледникового периода были открыты американскими геологами и в северной Америке, а также в Азии и в других странах земного шара. На основании этого П. А. предложил ввести в геологию для обозначения послеледникового периода особый термин—*Озерной период*[1]).

Втечение последующих десятков тысячелетий многие из послеледниковых озер превратились в болота, а воды других промыли в мягком илистом грунте русла и образовали многочисленные реки. По мере того, как реки выкапывали и промывали для себя постоянные русла, и сток воды становился все более и более значительным, поверхности озер постепенно уменьшались, болота высыхали и на их месте выростали леса.

Таким образом, после Великого Озерного периода на земном шаре, или, по крайней мере, в северном полушарии, начался новый геологический период—«период высыхания». Этот период продолжается и теперь и будет продолжаться еще долгое время. Процесс высыхания идет с некоторыми колебаниями и отступлениями, но нет ни малейшего сомнения, говорит П. А., что в общем этот процесс прогрессирует и там, где мы теперь находим болота, в недавнюю геологическую эпоху были озера. Когда мы рассматриваем, добавляет П. А., топографическую или геологическую карту Центральной и Северной России большого масштаба, мы увидим там всевозможные степени процесса постепенного высыхания, превращающего озера в болота, а болота в периодически заливаемые луга [2])».

Процесс высыхания, говорит П. А. является для современной геологической эпохи таким же характерным фактом, каким для Ледникового периода было накопление из года в год неиспарявшихся и замерзавших атмосферических осадков. «Более того, прибавляет П. А., процесс высыхания является необходимым следствием предшествующего Ледникового периода».

В подтверждение своей теории П. А. приводит, помимо чисто геологических доводов, целый ряд исторических фактов. Так, например, он указывает, что согласно древним китайским историкам, огромное озеро Лоб-Нор в Тибете несколько тысячелетий тому назад было гораздо больше, чем в настоящее время. П. А. указывает

---

[1]) К сожалению, «озерной период» еще до сих пор не завоевал права гражданства в геологии.

[2]) P. Kropotkine. The desiccation of Eur-Asia. London 1904. стр. 12.

также, что согласно свидетельству древних греческих и арабских географов река Аму-Дарья, впадающая в настоящее время в Аральское море, катила свои воды на запад до Каспийского моря и была большой полноводной рекой.

Процесс высыхания, говорит П. А., совершается в некоторых местах земного шара с поразительной быстротой и протекает на глазах двух-трех поколений. Так, например, озеро Чаны в западной Сибири значительно уменьшилось в своем размере за последние сто лет и скоро разделится на два самостоятельных озера. В то же время озера Сумы, Молоки и Абишкан за время 1850—1880 г.г. сократились до размера нескольких мелких прудов. В Западной Сибири, замечает П. А., особенно в бассейне Ишима есть много поселков, которые когда то стояли на берегах больших озер, а теперь находятся иногда за несколько верст от берега.

Что касается Европейской России, то еще в 1238 г., замечает П. А. татары не могли добраться до Новгорода на лошадях, так как северная русская республика была окружена в то время непроходимыми болотами, доступными только зимою. За семь столетий, протекших со времени монгольского вторжения, болота Новгородского озерного района высохли на большом протяжении, то же самое произошло и по всей северной России. Точно также всем известен тот факт, что с каждым годом почти все русские реки мелеют. Конечно, добавляет П. А., этот процесс высыхания болот и обмеления рек Европейской России имеет много причин; здесь имело свое влияние и общее поднятие почвы северной части Европы, и вырубка лесов, и улучшение стока рек и т. д. Но все эти второстепенные причины не устраняют общей и главной причины—геологического высыхания всего материка.

Процесс высыхания, говорит П. А. не временное явление, а геологический факт. Высыхание не ограничивается лишь малой частью нашего материка; оно охватывает все области, которые когда то переживали ледниковый период. Пустыни и степи медленно, но неуклонно распространяются по лицу земли. Жертвой высыхания уже пала Центральная Азия и такое же будущее ожидает весь юго-восток Европейской России, Прикаспийские степи, нижнее Поволжье и юг России. Высыхание этих местностей становится все более и более очевидным... [1]).

Эта теория П. А-ча вызвала горячие возражения и многие геологи и географы отрицают процесс высыхания Европейско-Азиатского материка. Они указывают, что за последние полвека наблюдения уровня некоторых больших азиатских озер и Аральского моря

---

[1]) За последние годы многие американские геологи устанавливают факт высыхания и для многих областей сев. и южн. Америки.

показали, что уровень этих озер не понижается и размер их не уменьшается, а, наоборот, увеличивается [1]).

Основываясь на этих фактах, многие геологи ставят вопрос: не является ли высыхание, следы которого встречаются в некоторых областях земного шара, чисто местным и временным явлением? Не начнет ли геологический маятник скоро колебаться в обратную сторону и не станут ли страны, превратившиеся ныне в безводные пустыни, снова получать в изобилии влагу?

Ответить на эти вопросы мы можем только отрицательно. Все такие возражения нисколько не опровергают великой теории П. А. Повышение уровня, например, Аральского моря имеет также мало отношения к вопросу о «периоде высыхания» северного полушария, как мало имеют отношения периодические колебания величины современных ледников к вопросу о Ледниковом периоде и обледенении всей северной Европы, Азии и Америки.

Конечно, процесс высыхания нашего материка со времени Ледникового периода не мог идти равномерно и неуклонно вперед. Он имел свои периоды ускорения и замедления, а, может быть, и сравнительно долгие перерывы или даже отступления в обратном направлении, под влиянием, например, дождливых периодов, с теорией которых недавно выступил известный географ Брюкнер.

Не следует забывать, что в природе нет прямых линий; развитие и всякое движение в мире неорганическом и органическом происходит волнообразно, отклоняясь то в ту, то в другую сторону; всюду мы видим свои приливы и отливы. Точно также и в геологическом развитии нашей планеты, и в частности, в том периоде высыхания, в каком мы живем в настоящее время, были и есть, бесспорно, свои отклонения, но они, тем не менее, не уничтожают основной тенденции.

Спор может быть только о том, является ли процесс высыхания результатом уменьшения количества воды на земном шаре, или же высыхание материков происходит только благодаря тому, что расход влаги с данной части суши превышает ея приход, причем непоступившая обратно на сушу влага остается либо в морях, либо откладывается ввиде снега и льда в полярных областях, и таким образом, хотя и временно является «из‘ятой из обращения», но может быть когда нибудь снова оживит почву материков.

Но, при той и другой гипотезе все равно мы должны признать геологический факт высыхания нашего материка и распространить его на другие материки земного шара. Мы должны признать, что во,

[1]) Так, например, наблюдения над уровнем Аральского моря показали что с 1880 по 1908 г. уровень его поднялся почти на три метра. На основании этого некоторые геологи и географы утверждают, что никакого усыхания Аральского моря нет, так же как нет никакого процесса высыхания во всем Туркестане.

всех частях нашей планеты идет расширение степей и пустынь, и целые области, как, например, Палестина, бывшая в древности «страной обетованной», «текущей млеком и медом», представляет ныне почти бесплодную пустыню.

В подтверждении верности теории П. А. о высыхании нашего материка и его предположения о будущей судьбе нашей планеты мы можем привести примеры судьбы другой планеты нашей системы, старшего брата нашей Земли, планеты Марса.

На самом деле, новейшие наблюдения над планетой Марс твердо установили тот факт, что планета Марс покрыта обширными пустынями и страдает относительным безводием. Марс, вероятно, переживает последние фазисы своего геологического периода высыхания и жизнь медленно гаснет на нем. Большинство астрономов признают, что на Марсе должны обитать какие то разумные существа и, по всей вероятности, эти существа ведут упорную борьбу с высыханием своей планеты.

Согласно новейшим наблюдениям над планетой Марс, знаменитые каналы, которые так долго интриговали наших астрономов, являются действительно каналами, в которых проведена вода, быть может из полярных океанов, где еще сохраняются остатки живительной влаги. Современные астрономы утверждают, что все каналы на Марсе обсажены широкой полосой растительности, которая задерживает испарение воды.

Без сомнения, такая же судьба ожидает, в более или менее отдаленном будущем, и наш земной шар. Возможно, что нашим отдаленным потомкам придется, как и жителям Марса, предпринять грандиозную борьбу с геологическим высыханием суши и покрыть безводные пространства омертвелых пустынь такой же сетью каналов. Конечно, человечество не сможет устранить всецело естественный процесс высыхания планеты, так же как каждый из нас не может устранить своей смерти. Но, благодаря науке, люди могут продлить свою жизнь, они могут также продлить и жизнь планеты, которая служит им жилищем.

Конечно, современные поколения и целые сотни поколений наших потомков могут еще вполне спокойно жить и не бояться погибнуть от недостатка воды.

Однако, и для современного человечества, особенно, для нас, русских, грозные результаты высыхания могут отозваться и отзываются даже и в настоящее время. Для нас факт геологического высыхания материка имеет уже теперь важный практический интерес. Жертвой высыхания пала уже вся центральная Азия. Страшная и грозная пустыня медланно надвигается из Средней Азии на Европу и предвестники пустыни—периодические засухи становятся обычным явлением в прилегающих к Каспийскому морю местностях, в нижнем Поволжье и в Приуралье.

Периодические неурожаи в Самарской, Саратовской и в других приволжских губерниях и на юге России имеют, несомненно, прямую связь с процессом высыхания и если не будут приняты своевременно необходимые меры обводнения и искусственного орошения этих областей, то, может быть, через сто—двести лет житница России превратится в такую же бесплодную пустыню, как Голодная Степь в Средней Азии.

Рациональная борьба с высыханием, если мы хотим жить—вот практический вывод из грандиозной геологической теории П. А-ча, который был великим революционером не только в социальной жизни, но и в области науки.

В своем докладе Лондонскому Географическому Обществу П. А. намечает ряд практических мероприятий, которые могут отодвинуть или задержать на много столетий процесс высыхания для отдельных областей земного шара. В числе таких мер борьбы с высыханием он указывает на искусственное облесения безводных местностей, на шлюзование рек и на устройство артезианских колодцев в степях и пустынях. Благодаря устройству артезианских колодцев в пустыне Сахаре французам удалось превратить тысячи десятин пустыни в цветущие оазисы. В России вопрос о борьбе с засухами на юго-востоке становится с каждым годом острее и перед русским народом стоит неотложная задача борьбы с надвигающейся из Азии пустыней.

Свою геологическую теорию высыхания П. А. связывает с социальной историей народов и при помощи ее стремится об'яснить всю историю Европы. Он доказывает, что так называемое «великое переселение народов», имевшее место в первых веках нашей эры, было вызвано именно процессом высыхания Средней Азии.

Результаты высыхания, говорит П. А., прежде всего сказались в Средней Азии, как области наиболее удаленной от океана и наиболее возвышенной над уровнем моря... Здесь уже задолго до начала христианского летосчисления создались условия наиболее крайней сухости воздуха. Здесь травяная растительность степей на обширных пространствах постепенно исчезала и *степи* превращались в сплошную полосу безводных *пустынь*. На цветущие степи с каждым новым столетием неудержимо надвигалась страшная, мертвая пустыня, убивавшая все живое.

Обитавшие со времен ледникового периода в Средней Азии первобытные народы, не имея ни средств, ни знаний для борьбы с надвигающимся стихийным изменением климата, почвы и растительности, вынуждены были искать спасения в бегстве, в массовом переселении в другие страны. Для этого перед ними открывался только один путь—на запад, в область обширной Туранской низменности и далее в южно-русские равнины от Волги до Дуная. На восток и на юг путь был прегражден высокими горами Тибета и Гималаев.

И вот, говорит П. А., приблизительно около начала нашей эры из Центральной Азии на запад покатились волны человеческих племен; одни народы теснили других и те вынуждены были уходить все дальше и дальше на запад, в поисках новых более плодородных областей. Расы смешивались с расами, аборигены с пришельцами, арийцы с урало-алтайцами, и из этого смешения возникали новые европейские нации.

В пятом и шестом веке после Р. Х. эти человеческие волны докатились до стен древнего Рима и до берегов Атлантического океана. Несколько позднее другая волна азиатских народов, двигавшаяся через Малую Азию, разрушила Византию и докатилась до Вены. Когда возникло Русское Царство, то оно еще несколько столетий продолжало выдерживать натиск с востока остатков кочевых монгольских племен; теперь вся Центральная Азия представляет редко населенную страну, усеянную безводными и бесплодными пустынями. В древности все эти Голодные Пустыни были цветущими областями.

Путешественники-исследователи Монголии, Туркестана и других областей Центральной Азии, открыли в необозримых азиатских пустынях целые мертвые города, развалины обширных селений, русла высохших рек и следы огромных высохших озер. Все эти открытия подтверждают истинность теории П. А-ча.

П. А. в разговорах со мною не раз говорил, что если русский народ не предпримет своевременно борьбу с надвигающимся высыханием, то ему придется неизбежно или вымирать или бежать и очищать весь юго-восток, а через несколько столетий и центральную Россию. Это поистине пророческое предвидение невольно вспоминается в настоящий момент, когда, действительно, целые миллионы людей на юго-востоке России бросают свои родные места и целыми потоками двигаются куда глаза глядят, а другие миллионы людей, которые не в силах уйти из своих деревень, покорно умирают в глухих деревнях приволжских степей, поедая, страшно сказать, трупы своих родных и близких...

Заканчивая нашу статью о П. А-че Кропоткине—как геологе и географе приходится высказать сожаление, что он не систематизировал своих геологических и географических взглядов и теорий и не изложил их в специальном труде, который был бы доступен широкой массе. Без сомнения, если бы П. А. написал такое общее сочинение по геологии и географии, он соединил бы все свои идеи в единый обобщающий синтез и об'единил бы науку о земле с наукой о человеческом обществе, ибо в мировоззрении П. А-ча Земля и Человечество составляли единое целое и эволюцию нашей планеты он всегда связывал с эволюцией и судьбами человечества. В этом отношении П. А. напоминал своего великого друга, тоже революционера и гуманиста, Элизе Реклю, с которым П. А. долгие годы работал вместе и как географ, и как революционер.

Н. Лебедев.

П. А. Кропоткин как биолог.

Будучи геологом и сделав так много в геологии, П. А. Кропоткин проявлял большой интерес к биологическим наукам. Длинный ряд его статей в научном отделе Nineteenth Century с 1890 г. по 1914 г. с очевидностью свидетельствует не только то, что он следил неустанно за успехом биологических наук, но и то, что его особенно занимала эволюция органического мира. Его статьи в названном журнале представляют собою не простое изложение новых приобретений в области биологии, а систематическое изложение успехов биологии в области эволюционного учения, с точки зрения принятой автором.

Сильный ум П. А. Кропоткина указал ему то направление, в котором должна была пойти разработка эволюционного учения, и он смело пошел в этом направлении, хотя ему пришлось расходиться во взглядах с выдающимися дарвинистами. С точки зрения большинства, он был ламаркистом, но сам он считал себя дарвинистом и имел на это полное право. П. А. Кропоткин видел в Дарвине об'ективного искателя научной истины и ставил ему в особую заслугу то, что он всегда охотно признавал значение того или другого нового факта, хотя бы это не согласовалось с его взглядами. Так, Кропоткин отмечает большую разницу во взглядах Дарвина на значение естественного подбора, высказанных в 1-м и в 6-м издании «Теории естественного подбора». Тогда как в 1-м издании Дарвин придавал очень мало значения в эволюции органического мира прямому влиянию окружающих условий (среды) на животных и растения, в 6-том его взгляд на это меняется под влиянием новых добытых наукой фактов и под влиянием собственных детальных исследований над изменяемостью и домашних животных и культурных растений. Может быть Кропоткин и прав, говоря, что Дарвин в своих возражениях против ламаркизма имел в виду не столько соображения Ламарка о прямом влиянии среды на организмы, сколько его учение о прогрессивном развитии органического мира. Это учение содержало в себе в скрытой форме учение о предустановленном плане развития органического мира, в свое время пользовалось большой популярностью и конечно стояло поперек пути истинно научнаго изучения развития органического мира.

Так или иначе, Кропоткин был сторонником взглядов Ламарка на значение прямого влияния среды на организмы и потому в высшей степени интересны те общие соображения, которые легли в основу его биологических взглядов. Как известно, Дарвин положил в основу своего учения о происхождении видов 1) изменчивость живых существ в границах не поддающихся определению, 2) наследственную передачу особенностей родителей детям и 3) борьбу за существование вследствии размножения животных и растений в геометрической прогрессии. Значительная часть возражений против учения Дарвина со стороны его противников сосредотачивалась на пункте первом: с одной стороны, указывали, что изменчивость живых существ не безгранична, с другой стороны, считали невозможным, чтобы путем подбора безконечно малых случайных изменений могли выработаться в результате борьбы за существование новые виды.

П. А. Кропоткин стал на последнюю точку зрения. По его мнению нельзя допустить, чтобы естественный подбор мог справиться с множеством безконечно малых и совершенно случайных изменений, группируя их таким образом, чтобы из них создавались виды или единицы, обладающие гармоническим сочетанием особенностей, позволяющим своим владельцам успешно соревновать в борьбе за существование. Выход из создавшегося таким образом затруднения П. А. Кропоткин видел в ограничении числа изменений, в придании самой изменчивости некоторой правильности, что, по его мнению, и должно быть, если стать на точку зрения Ламарка, признав, что индивидуальная изменчивость есть результат прямого воздействия среды на организмы. При таком условии личные уклонения или личные особенности являются ответом организма на требования, пред'явленные ему со стороны окружающих его условий, или, иначе говоря, приспособлениями к ним организма. Следовательно, личная изменчивость носит приспособительный характер, и вместо длинного ряда безконечно разнообразных личных изменений, естественный подбор получает в свое распоряжение однообразно скомбинированный материал, который ему остается классифицировать дальше. Если к этому прибавить передачу таких приспособительных изменений от родителей к детям и вытекающее отсюда их усиление из поколения в поколение, роль естественного подбора окажется конечно еще более ограниченной. П. А. Кропоткин действительно ставит этот фактор эволюции органического мира на второе место, отводя ему, так сказать, роль регулятора в образовании видов путем прямого приспособления организмов к условиям среды. Из этих соображений о возникновении личных изменений и их характера вытекает еще одно следствие. Борьба за существование в том виде, в каком ее вывел Дарвин, всецело является борьбой между особями. Напротив, становясь на точку зрения П. А. Кропоткина, она перестает быть борьбой между особями, становясь борьбой между группами особей. В самом деле, если личная

изменчивость является в результате прямого воздействия среды на организмы, одни и те же условия, влияя на многие особи, естественно вызовут одинаковые уклонения не в одной, а в целом ряде особей. Но в одной группе особей более разовьются одни особенности, в другой другие: одна группа окажется более одаренной по сравнению с другой, и когда естественный подбор подчинит их своему влиянию, в качестве регулятора, или фактора сохраняющего в борьбе за жизнь наиболее благоприятные особенности организации, он подчинит своему влиянию не отдельные особи, а целый ряд групп их. Но отсюда вытекает еще одно важное следствие: если борятся между собою не отдельные особи, а группы особей, в пределах каждой группы ея члены могут быть так или иначе полезны друг другу. Таким образом в пределах каждой группы может создаться взаимная помощь--Mutual Aid—среди ея членов, что в свою очередь должно способствовать развитию общественности, общественных инстинктов.

Таковы вкратце главные основания во взглядах Кропоткина на роль естественного подбора в эволюционном развитии органического мира. Развивая эти взгляды, П. А. Кропоткин высказывается отрицательно относительно того положения Ламарка, что воля животного может вызвать появление какого либо органа. Тем более отрицательно относится он к дальнейшему развитию этого положения в учении неоламаркистов, характерным представителем коих является Паули. Все его внимание направлено на физиологическую сторону вопроса и потому он ждет наиболее крупных результатов в этом отношении от лабораторных опытов над изменяемостью животных и горячо приветствует экспериментальную биологию. Лучше всего можно ознакомиться с ходом мыслей Кропоткина, его начитанностью и его вдумчивостью, приведя, хотя вкратце, содержание ряда его этюдов по указанным здесь вопросам, последовательно появлявшихся на протяжении пяти лет, с 1910 г. по 1914 г., что мы и сделаем.

Первый этюд «the Theory of Evolution and mutual Aid (N. C. 1910) останавливается на взглядах Дарвина на факторы эволюции во время появления первого издания «Происхождение видов». П. А. Кропоткин указывает, что тогда Дарвин ставил естественный подбор на первое место и уделял минимальное внимание прямому влиянию окружающих условий на живые существа. Так как его взгляды приводили к заключениям о постепенном развитии органического мира сходным с тем, что вытекает из учения Ламарка, ему особенно важно было указать, что его взгляды на способ эволюции были совершенно отличны от метафизических взглядов Ламарка. Внимательно изучив последовательные издания «Происхождения видов» и переписку Дарвина, П. А. Кропоткин указывает как постепенно смягчалось отношение Дарвина к об'яснению происхождения личных изменений прямым влиянием окружающих условий.

В том же этюде П. А. Кропоткин отмечает, что постепенно изменялись взгляды Дарвина и на значение уединения в деле выработки новых форм. И этот фактор приводит к тому же, к чему приводит прямое влияние среды, т. е. к возникновению личных особенностей в качестве особенностей приспособления без участия естественного подбора. Указав еще на установленный Гальтоном закон для пределов изменений личных уклонений, П. А. Кропоткин заканчивает свой этюд утверждением, что раз прямое влияние окружающих условий является *реальной* причиной не только развития, но и усиления личных уклонений, нет никакой надобности об'яснять то же усиление личных уклонений такой гипотетической причиной. как естественный подбор.

Так как цитируемый этюд посвящен не столько доказательствам прямого воздействия окружающих условий на организм, сколько изменению некоторых взглядов на этот предмет самого Дарвина, П, А. Кропоткин останавливается на этом в своих других этюдах. Первый из них по времени: «The direct Action of Environment on Plants» появился в июле того же 1910 года. В нем П. А. Кропоткин отмечает прежде всего, что об'ясняя появление личных уклонений прямым воздействием окружающих условий, мы устраняем тем самым некоторые из очень больших затруднений, связанных с признанием за личными уклонениями исключительно случайного характера. Так случайные изменения, будучи безконечно малы, не могут стать предметом естественного подбора, п. ч. совершенно безполезны для организма. Напротив, если они появляются под влиянием окружающих условий, они естественно будут усиливаться, пока вызвавшие их условия будут в силе. С другой стороны непонятно, почему многие изменения, будучи случайными, являются в то же время связанными друг с другом, т. е. соотносительными, тогда как в случае их зависимости от одних и тех же причин, это затруднение устраняется.

Затем П. А. Кропоткин переходит к тщательному обсуждению опытов проф. Бонье над изменчивостью растений, произростающих на разных высотах, и не смотря на сомнение д-ра Плате в доказательности этих опытов, признает, что ими вполне доказано развитие характерных особенностей многих альпийских растений в зависимости от окружающих условий. Вместе с тем он подчеркивает то, что эти особенности передаются наследственно ближайшему поколению.

Далее в том же этюде говорится об опытах проф. Клебса над изменяемостью растений под влиянием разных температур, причем снова указывается на наследственную передачу благоприобретенных особенностей. Однако здесь может быть не лишнее заметить, что сам Клебс, будучи убежден в справедливости об'яснения многих личных особенностей прямым воздействием окружающих условий, вовсе не считал свои опыты в этом отношении вполне убедительными. Как

известно, Дарвин об'яснял существование на равнинах Африки многочисленных колючих растений влиянием естественного подбора, который сохранил такие растения в качестве найлучше защищенных от порчи многочисленными млекопитающими, которые населяют эти равнины. Позднее целый ряд лиц старался выяснить, при каких условиях листья развиваются в шипы, производя опыты с одной стороны с развитием шипов, с другой—с превращением шипов в листья. Среди таких экспериментаторов особенно заслуживают упоминания Лотелье, Ульни, Марло, Дефриз, Генслоу и др. Их опыты с влиянием на растения изменяющейся влажности дал много любопытных результатов и П. А. Кропоткин не упустил их в своем этюде. Особенное значение он придает опытам Генслоу, которые, по его мнению, в высокой степени важны в качестве доказательства, что приспособление вызывается прямым влиянием среды.

Во многих из опытов, как названных лиц, так и других, напр. Прейна, Хеглера, особенно важно то, что прямое влияние среды сказывается не только на внешнем виде растения, но и на его внутреннем строении. В этом отношении П. А. Кропоткин особенно останавливается над опытами Габерландта, выясняющими влияние света на некоторые ткани растений. Опыты показали, говорит он в заключение своего обзора, что все характерные особенности флоры на поверхности земного шара могут быть получены экспериментально путем помещения растений в условия развития характерные для арктической, альпийской, пустынной, морской и пресноводных флор. К аналогичным выводам П. А. Кропоткин приходит, разбирая опыты над приобретением новых особенностей под прямым влиянием окружающих условий в животном царстве. Этому посвящена его большая статья: «The Response of the Animals to their Environment», помещенная в ноябрьской и декабрьской книжке вышеназванного журнала за тот же 1910 г. П. А. Кропоткин начинает эту статью с замечания, что растения гораздо легче приспособляются к окружающим условиям нежели животные, и что потому опыты, произведенные над животными, не столь убедительны. Затем он подходит к обзору экспериментов с различными животными, как в их взрослом состоянии, так и в личиночном.

Он рассматривает опыты Вернона с яйцами и личинками морских ежей, установившие крайнюю чувствительность яиц к изменениям температуры, как в сторону повышения, так и в сторону понижения от нормы, опыты того же наблюдателя с влиянием загрязнения воды на величину личинок, наблюдения К. Семпера над увеличением роста болотных улиток в зависимости от жизни в малом или большом количестве воды, и подобные же эксперименты де-Вариньи, установившие, что на размер животных влияет не столько количество воды, сколько величина ее площади. Глава заканчивается обзором работ Уайтфильда над одним из видов болотных улиток, произведен-

ных в том же направлении. В следующем этюде П. А. Кропоткин занимается пещерными животными и начинает с критического обзора индуктивного метода исследования, принятого Дарвином, и дедуктивного, принятого Вейсманом. Потом он подробно разбирает опыты д-ра Вире, произведенные над разными животными парижских катакомб, и останавливается на чрезвычайной быстроте, с которой сказывается прямое влияние окружающих условий на животных.

Еще далее П. А. Кропоткина занимают многочисленные опыты и наблюдения над мексиканским аксолотлем. Остановившись на наблюдениях Дюмериля, Веласко, г-жи Шовен, Шефельдта и Уинтребрета он заканчивает свой обзор словами, что особенности, развитие которых об'ясняли медленным действием естественного подбора в течении продолжительного времени, на самом деле происходят очень быстро под прямым влиянием окружающих условий. Не остаются не использованными и опыты проф. Каммерера над саламандрами, в результате которых он приходит к заключению, что исскуственно вызванные изменения всегда передаются наследственно, что эти изменения, ослабевая, сохраняются во втором поколении даже при возвращении животного к прежним условиям жизни, и либо просто сохраняются, либо даже усиливаются при сохранении измененных условий. В конце этого отдела П. А. Кропоткин рассматривает по опытам того же Каммерера изменение привычек жабы-повитухи под влиянием изменения условий ее размножения.

Большое внимание уделяет П. А. Кропоткин опытам д-ра Пржибрама над изменением строения брюшка рака-отшельника, который нормально прячет его в пустую раковину слизняка, при освобождении его из последней, а также опытам Мунца над влиянием света на кроликов. В последних опытах особенное внимание уделяется изменению состава крови животного при жизни на различной высоте, причем зависимость состава крови от различных условий питания позволяет Кропоткину затронуть работы Ру и Шепельмана о влиянии разных видов пищи на кишечный канал птиц. В конце всего этюда коротко говорится о влиянии разных условий на окраску и раскраску животных. Не останавливаясь на частностях, П. А. Кропоткин особенно отмечает в экспериментальной биологии все усиливающееся стремление связать внешнее изменение животных и растений с их внутренними изменениями. По его мнению особенное внимание биологов, работающих в этом направлении, и должно быть направлено на выяснение физиологических и анатомических причин изменчивости. По его мнению, особенно важны работы тех биологов-экспериментаторов, которые, не боясь обвинений в ламаркизме, остаются истинными дарвинистами по методу своих исследований. Они находят, что последнее слово в выяснении причин изменчивости и наследственной передачи благоприятных особенностей принадлежит не теориям наследственности, а эмпирическим изучениям причин

изменчивости, что П. А. Кропоткин вполне разделяет. Он признает, что они уже установили один чрезвычайно важный факт, а именно: что помимо не поддающейся определению, загадочной изменчивости, причины которой остаются неизвестными, но вероятно заключаются в наследственности, имеется еще изменчивость вполне определимая и об'яснимая, являющаяся вместе с тем в значительной мере приспособительной. Эта изменчивость является результатом прямого влияния внешних условий, должна быть рассматриваема как физиологический факт и подчинена собственным законам. Задача экспериментальной биологии и заключается в раскрытии этих законов.

В двух своих последних этюдах, подлежащих нашему рассмотрению, «The Inheritance of acquired characters» (N. C., March 1912) и «Inherited Variation in Plants (ibidem Octob. 1914), П. А. Кропоткин останавливается на некоторых теориях наследственности. Напомнив, в чем состоит Дарвинова гипотеза пангенезиса, он тщательно останавливается на теории наследственности, предложенной Вейсманом, причем согласно своему обыкновению, идет историческим путем, следя за развитием, взглядов Вейсмана на этот вопрос с начала их возникновения в 1876 году и кончая тем временем, когда они окончательно вылились в его большой работе (1892 г.) Как известно, Вейсман настаивал на существовании основной разницы между зародыщевыми клетками и соматическими клетками, т. е. теми, из которых развивается новый организм, и всеми остальными, из которых построен материнский организм. Этот взгляд, очевидно, уже сам собою устраняет всякую возможность признания наследственной передачи благоприобретенных особенностей, если последняя и возникает под влиянием окружающих условий. Возражая на эти основные положеня теории Вейсмана, П. А. Кропоткин старается доказать на основании многочисленных исследований над клеткой и тканями, что зародышевая плазма не ограничена одними зародышевыми клетками, что, напротив, она содержится в ядрах всех клеток. По его мнению, основанному на работах Ферворна и О. Гертвига, в каждой воспроизводительной клетке протоплазма ее ядра тесно связана с протоплазмой ее тела, и чем ближе мы знакомимся с процессами оплодотворения, тем более нам выясняется тесная связь между веществом ядра и протоплазмой клеточного тела. Затем, ссылаясь на Мопа, который сравнивает зародышевые клетки с одноклеточными организмами, он считает что изменения, происходящие в протоплазме клетки, передаются наследственно. Говоря о тесной связи между всеми клетками сложного организма, П. А. Кропоткин указывает на огромное значение для животного организма желез внутренней секреции, а что касается растений, то прямо утверждает, что зародышевая плазма, способная воспроизводить полный организм, содержится в клетках растительного тела—стебля, ветвей и листьев. Впрочем, к тому же заключению относительно животных П. А. Кропоткин приходит на основании

явлений регенерации. Далее П. А. Кропоткин останавливается на попытке Вейсмана об'яснить передаваемые наследственно особенности, как такие, которые возникают в результате оплодотворения (amphimixis), и также приходит к ее отрицательной оценке. Главным аргументом в этом отношении Кропоткину послужило то соображение, что амфимиксис ничего нового создать не может, что создаваемые им изменения ограничены лишь новым распределением уже существующих особенностей.

Разобрав таким образом некоторые теории наследственности, Кропоткин приходит к заключению, что теоритические соображения в этом направлении совершенно бесплодны, что только опытные наблюдения могут решить вопрос, как о возникновении личных изменений, так и о их наследственной передаче из поколения в поколение. Это заставляет Кропоткина уже в 1914 г. в его последнем биологическом этюде, еще раз вернуться к унаследованию растениями благоприобретенных особенностей на основании более поздних работ.

Любопытно, что в этом этюде П. А. Кропоткин прямо называет гипотезу наследственности Вейсмана анти-дарвинистической по ее основной мысли. «Она родилась, пишет он, по его собственному признанию в 1876 году, из желания примирить в теории эволюции телеологический принцип с механическим, т. е. причиность и преднамеренность, и это желание привело к допущению существования «материи, обладающей душой», что нашло себе выражение в признании «бессмертной зародышевой плазмы». Позднее Вейсману пришлось настолько изменить свою гипотезу, что по словам Деляжа разногласие между им и его противниками свелось лишь к вопросу о способах передачи благоприобретенных особенностей из поколения в поколение при помощи воспроизводительных клеток, а не о их передаче вообще.

Возвращаясь еще раз к исследованиям Бонье над изменением растений под влиянием разных климатических условий, П. А. Кропоткин резко критикует первоначальные взгляды Вейсмана на разницу между вегетативным и половым размножением растений, от чего Вейсман позднее должен был отказаться.

Разобрав еще несколько наблюдений и опытов над изменяемостью растений Клебса, Цедербауера, Шюбелера и др., П. А. Кропоткин заканчивает свой этюд чрезвычайно важным указанием, что различные признаки организмов передаются в различной степени и в зависимости от продолжительности действия вызвавших их внешних условий. Вместе с проф. Клебсом он признает, что опыты над изменчивостью организмов под влиянием внешних условий и над передачей благоприобретенных особенностей наследственно, будучи даже признаны по своим результатам положительными, вовсе не решают вопроса, можно ли получить новый вид опытным путем.

Заканчивая этим обзор биологических этюдов покойного П. А. Кропоткина, я прежде всего должен отметить их строгую научность как по методу, так и по обилию собранного в них фактического материала. С его выводами можно соглашаться или не соглашаться. Признавая, напр., возникновение изменений под влиянием прямого воздействия внешних условий, можно считать недоказанным, что эти изменения должны обязательно носить приспособительный характер. Но возможность критики еще никогда не умаляла научного значения работы.

Для дарвинистов в высшей степени интересно отношение Кропоткина к взглядам Дарвина. Доказывая, что ультра-дарвинист Вейсман положил в основу своих гипотез наследственности анти-дарвинистическое положение, П. А. Кропоткин с чрезвычайной бережливостью относится к взглядам самого Дарвина, неоднократно подчеркивает его стремления найти истину хотя бы вопреки собственным взглядам, и как бы оправдывает свое расхождение с основными взглядами Дарвина на значение естественного подбора в качестве фактора эволюции уловленными им изменениями во взглядах Дарвина на этот вопрос.

Я бы сравнил биологические этюды П. А. Кропоткина по определенности проводимых в них взглядов по их цельности, по заложенной в их основе критике, с биологическими этюдами Спенсера.

М. Мензбир.

П. А. Кропоткин о великой французской революции.

I.

В 1909 году П. А. Кропоткин выпустил в свет на трех языках—английском, французском и немецком—книгу о французской революции, которая дождалась русского издания, в переводе с французского и под редакцией самого автора, только через пять лет, да и то не в России, а в Англии. Лишь после Русской революции 1917 г. эта книга могла появиться и в издании, сделанном в России. Я узнал о выходе нового общего труда о французских событиях конца 18 века, увидев немецкое его издание в витрине книжного магазина одного из немецких курортов летом же 1909 года, немедленно купил экземпляр и стал его читать, даже штудировать с карандашом в руках, а так как о французских делах приятнее и удобнее было иметь книгу на французском языке, то я приобрел также французское издание, по которому еще раз познакомился со взглядами автора.

В книге Кропоткина меня заинтересовало отношение к французской революции такого видного представителя анархизма, каким был автор книги. О событиях 1789 и следующего годов существует громадная литература, в которой представлены были теми или другими авторами разные точки зрения и оттенки политической мысли, но мне не было известно ни одного труда, в котором была бы проведена точка зрения последовательного анархизма, и это заставило меня как можно внимательнее отнестись к труду знаменитого соотечественника. В то же время мне хотелось познакомить русскую публику с произведением, которое ей по цензурным условиям не могло быть доступно. Таково было происхождение моей статьи «Новая книга по истории Французской революции», более, чем в три печатных листа, помещенной в сентябрской и октябрской книгах «Русского Богатства» за тот же 1909 год.

Скажу даже более. Книга Кропоткина направила мое внимание на одну сторону Французской революции, которою вообще до последнего времени мало занимались, да и я интересовался умеренно.

В своем труде Кропоткин выдвинул на первый план роль в революции парижских секций, приписав им такое значение, что у меня невольно родилось желание вплотную заняться этим предметом, притом не только по пособиям и печатным источникам, но и по архивным документам. С 1911 года появился в печати ряд моих работ о парижских секциях эпохи революции, которые здесь перечислять не буду, отметив только, что между ними есть два сборника архивного материала. Так книга Кропоткина дала направление моей собственной работе, как историка, хотя мои занятия секциями далеко не во всем подтверждают его взгляды на этот предмет.

Да и упомянутая статья моя о книге Кропоткина была не простым изложением его взглядов, но и анализом и критикой, критикой, конечно, не с точки зрения какого-либо миросозерцания, противопоставленного миросозерцанию автора, а с чисто научной, об,ективно-исторической стороны. Ведь это две вещи разные—воспроизводить то, что было, как оно было и это бывшее так или иначе оценивать. Можно совершенно одинаково понимать фактическую сторону дела, но давать ей далеко не одинаковую оценку, и можно, наоборот, будучи готовыми одинаково применять одну и ту же оценочную точку зрения, расходиться в понимании происхождения и причин факта. В критике взглядов Кропоткина я и имел в виду исключительно то, что признавал за об'ективную историческую истину, оправдываемую фактами и логикой. Вполне избежать оценочного разногласия, вероятно, не удалось, но во всяком случае пунктами несогласия отнюдь не были идеи Кропоткина, как теоретика анархизма.

Не разделяя миросозерцания Кропоткина, я, однако, понимал его генезис в том самом индивидуализме, который и мне самому был всегда дорог. Я понимал, что в этом миросозерцании индивидуализм отрешался от того эгоизма, или от общественного индифферентизма, каким отличался итальянский гуманизм, бывший первым индивидуалистическим течением в новой европейской культуре, как отрешился от классового характера, какой принимал столь часто в либерализме. Понятны мне и социальные стремления анархизма и его анти-этатизм. Очень часто в моих глазах теория, мною не разделяемая, была признаком величайшего идеализма тех людей, которые ее разделяют, лучшей аттестацией их сердца. Кропоткин для меня был именно таким идеалистом, верившим в доброту человеческой природы, в благодетельное значение свободы, в возможность рая на земле. Учение и жизнь, теория и практика в нем не разделялись, а были соединены в одно целое. Это был человек, которого нельзя было не уважать и которого можно было полюбить заглазно.

К такому отношению к нему с моей стороны присоединялось и то, что я немного знал его лично, хотя и очень недолго. В первый раз

я с ним встретится в 1878 году в Париже, куда он приезжал, кажется, на международный литературный конгресс. Познакомил меня с ним П. Л. Лавров, заинтересовавший Кропоткина моей, тогда только что бывшей в ходу работой над французскими крестьянами во время революции. Специально он хотел у меня узнать, какие вообще существуют источники для истории крестьянских бунтов во Франции конца 18 века, и я, насколько в состоянии был это сделать, удовлетворил его любознательность по этому вопросу. Помню, Кропоткин меня тогда очаровал своей искренностью, простотой, доброжелательностью. Я обещал ему прислать свою книгу, когда она будет готова, что, думаю, и исполнил. По крайней мере, я потом встретил ссылку на нее, кажется, в «Paroles d' un Révolté».

Из тогдашних разговоров с Кропоткиным я увидел, что он сам хотел бы поработать над теми же вопросами, которыми занимался я. Когда через тридцать лет я прочитал в предисловии к его книге о революции, что он начал еще с 1886 года, вернее с 1878 года несколько частных исследований первых шагов революции, крестьянских восстаний в 1789 году, борьбы за и против уничтожения феодальных прав и т. д. [1]), я вспомнил наши парижские разговоры лета 1878 г. Таким образом, первая мысль о самостоятельном изучении истории французской революции, зародилась у Кропоткина за тридцать лет до появления книги. Обстоятельства его жизни, к сожалению, осложнились так, что он был лишен возможности заняться работою во французских архивах и потому вынужден был ограничиться коллекциями печатных документов Британского музея, где, как известно, работал и Луи Блан над своим большим трудом.

После парижских свиданий 1878 года мне не приходилось встречаться с Кропоткиным в течение почти сорока лет. За этот долгий срок я много о нем слышал, конечно, и вообще читал то, что он сам писал. Знаменитые «Записки революционера» еще раз дали мне узнать его, как человека, как нравственную личность, привлекательную в своей человечности. Когда я прочитал его книгу о революции, я даже почувствовал нечто в роде долга перед ним, сделаться посредником между ним, как писателем, и русскими читателями, лишенными возможности познакомиться с его трудом, самое существование которого могло бы остаться на долгое время им неизвестным. И я был награжден за это Петром Алексеевичем, который прислал мне одну из своих книжек на французском языке, с любезною надписью. Весьма естественно, что когда он возвратился в 1917 году в Россию, я поспешил повидаться с ним на квартире его дочери и дать ему свои работы о секциях, вызванные чтением его книги. Еще раз я виделся с ним в Москве, на пресловутом августовском «государственном совещании» 1917 года, где только ему, да Плеханову и

[1]) Цитирую везде по русскому Лондонскому изданию. Стр. 6.

Брешковской, было предоставлено произнести по индивидуальной речи (остальные говорились представителями разных организаций). Я помню общий характер его речи. Тогда же я высказал свое от нее впечатление. «Знаете ли, говорил я многим, что Кропоткин напомнил мне любимого ученика Христа в глубокой старости, когда он постоянно говорил: дети, любите друг друга». И помню, как какой то наивный член совещания после этой речи сказал: «вот кого бы сделать президентом русской республики».

Так запечатлелся в моей памяти последний образ Кропоткина, когда он сказал свое слово собравшимся в Московском Большом театре представителям разных общественных организаций России. Когда после этого я еще был в Москве, Кропоткина там уже не было.

Теперь когда его уже не стало, когда возникла мысль посвятить его памяти сборник статей и когда и меня почтили приглашением принять в нем участие, я с великой радостью отозвался на это, получая возможность публично почтить память человека, бывшего мне симпатичным при жизни.

Мне не хочется однако просто воспроизвести свою прежнюю статью о книге Кропоткина, сократив ее до меньших размеров и кое чем дополнив на основании своих новых работ. Как ни тесно соединены между собою книга и ее автор, всегда можно, говоря об одном и том же, выдвигать на первый план ту или другую сторону предмета речи, т. е. в данном случае или книгу, или самого автора. Когда я писал о «Великой Французской революции» Кропоткина, в центре моего внимания была именно книга, все своеобразие которой заключалось в освещении в ней событий революции с такой точки зрения, на которую до ее автора никто не становился, теперь же мне хочется воспользоваться тем же материалом для характеристики не столько книги, сколько ее автора, по крайней мере, сократить то, что можно назвать исключительно научной критикой книги, и, наоборот, расширить анализ идей автора.

II.

Мне не приходится здесь распространяться на тему о Кропоткине, как об ученом, в смысле его эрудиции, как о человеке науки, в смысле проявления им тех высших способностей духа, без которых нет и идейного знания. И то и другое в Кропоткине не может подлежать, конечно, никакому сомнению. Он был притом человеком разносторонне образованным, о чем свидетельствуют его многочисленные печатные труды.

Я хочу только отметить здесь, что и обширная область истории не была ему чужда.

Взять хотя бы большую историческую часть книги «Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса»: стоит только просмотреть одни подстрочные примечания к главам о взаимной помощи в средние века и в новое время, чтобы увидеть с какой массой исторических книг пришлось Кропоткину иметь дело для написания этих глав. Понадобилось также историческое образование и для написания такой работы, как «Поля, фабрики и мастерские», хотя речь идет здесь больше о современности, нежели о прошлом. «Современная наука и анархия» прямо может быть названа историческим трудом, поскольку даже содержит в себе историю общественных идей и отчасти политических форм, заключая в себе еще, так сказать, философию истории своего автора. Первая и третья изназьанных книг все-таки, однако, относятся более к развитию теоретических взглядов Кропоткина, одна—имея ближайшее отношение к социологии, другая—к его философии общества. В обоих случаях история играет служебную роль, а не является чем-то самодовлеющим. Как говорит известный афоризм: «Scribitur historia ad narrandum, non ad probandum» (история пишется для рассказывания, а не для доказывания): в этом то рассказывании ради простого познания прошлого и заключается самая задача истории, какие бы практические применения мы ни стали делать из этого познания. Как чистый историк, если можно так выразиться, и выступает Кропоткин в своей «Великой французской революции».

На это указывает уже само коротенькое предисловие автора. «Чем больше, говорит он, мы изучаем французскую революцию, тем более мы узнаём, насколько еще не совершенна история этого громадного переворота, *сколько в ней пробелов, сколько фактов еще нераз'ясненных*». Далее он указывает на громадность предмета, на трудность «*разобраться в тысячах отдельных фактов и параллельных движениях*», отметить важность «*исследований*, обнародованных за последние тридцать лет французскою историческою школою», упоминает о малой разработанности экономической истории революции, в которой «возникает целый ряд *новых вопросов, обширных и сложных*», ждущих разрешения «*на основании сохранившихся архивных документов*». Все это—язык настоящего историка. Мы видели уже, что в конце семидесятых годов прошлого века Кропоткин предпринял, было исследования по некоторым вопросам французской революции, и мне помнится, что тогда он интересовался работою в Национальном архиве. В том же предисловии он соизмеряет «метод изучения революции путем исследования в отдельности различных частей выполненного ею». Наконец, в качестве же историка Кропоткин подводит в своей книге итоги «под новейшими исследованиями, чтобы осветить внутреннюю связь и причины различных событий, из которых сложился переворот». Одним словом, здесь Кропоткин интересуется историей, какою она была, не для построения

какой либо социологической теории, как во «Взаимной помощи», и не для оправдания своей социальной философии, как в «Современной науке», а ради познания прошлого, как оно собственно было (wie es eigentlich gevesen), пользуясь знаменитым определением задачи исторической науки у Ранке. Создавая, в сущности, синтетический труд, Кропоткин в то же время говорит о важности аналитических исследований отдельных сторон сложного события, каким была революция. Если бы мне дали прочитать такое предисловие, не сказав, кем оно написано, я, не задумываясь, приписал бы его человеку, знающему, в чем должна заключаться научная работа в области истории в нашу эпоху. Вспоминаются слова Фюстель-де-Куланжа о годах анализа, которые должны предшествовать краткому моменту синтеза.

Начавши изучать французскую революцию за много лет до выхода в свет книги о ней, Кропоткин написал об этом событии несколько этюдов, которые и были потом слиты в этой книге в одно целое. В юбилейном году революции в английском журнале («Nineteenth Century») (Девятнадцатое столетие) он поместил статью о «уроке» французской революции (The great french revolution and its lesson), в 1890 году издал брошюру на французском языке, в 1892—1893 г.г. в «La Révolte» (Бунт) напечатал ряд небольших статей, переизданных потом отдельно. Конечно, Кропоткину были известны все главные историки французской революции, начиная от Тьера и Минье, писавших в двадцатых годах прошлого столетия, кончая Оларом и Жоресом, издававшими свои труды в первые годы нынешнего, но кроме того он воспользовался целыми десятками сочинений по разным частным вопросам и, например, по истории провинциальной. Если среди авторов, которых Кропоткин не называет, есть такой видный, как Токвиль, то об‘ясняется это, конечно тем, что «Старый порядок и революция» последнего коснулся больше старого порядка, чем революции, но сколько, думается, нашел бы Кропоткин для него подходящего у Токвиля с его явным нерасположением к государственной централизации. Как сам он заявляет в предисловии, он не стал повторять, так часто уже рассказанную, драматическую сторону главных эпизодов того времени», но он ценил и ее, отдавая в этом отношении первенство перед другими историками Луи Блану. В политической стороне революции он был хорошо осведомлен относительно не только главного труда Олара, но и других его работ. В книге встречаются ссылки и на статьи в таком журнале, как «La Revolution Francaise». Ссылки на печатные источники, современные революции, встречаются у него рядом с новейшими изданиями документов тогдашнего времени. Среди источников первой категории он пользовался богатою коллекцией брошюр, имеющихся в Британском Музее, ссылаясь на них иногда по очень второстепенным вопросам. Редактируя русское издание, Кропоткин, наконец, не оставил без внимания новые труды, вышедшие в свет после появления его книги, о кото-

рых, между прочим, говорит в прибавлении. Одним словом, Кропоткин—историк революции, достаточно информированный для того, чтобы ему можно было предпринять новый общий труд об этой эпохе. о которой уже было писано так много.

Начав этюдами частного характера, он предпринял потом, говоря его же словами, «более или менее последовательный рассказ о событиях» в «освещении их внутренней связи и причин», поставив себе задачу запечатлеть в уме читателей «различные течения мыслей и деяний, столкнувшиеся во время французской революции». К такой постановке своей задачи он присоединяет еще одно соображение: «течения, о которых идет речь, говорит он, настолько обусловлены самою сущностью человеческой природы, что они неизбежно встретятся и в исторических событиях будущего». У Кропоткина была своя историческая теория, которая руководила им в понимании об'ективного хода революции, что составило философскую сторону его книги. Эту теорию он сам изложил коротко на первых страницах «Современной науки и анархии», где им различаются «два основных течения в обществе: народное и начальническое» [1]). «Во все времена, говорит он, в человеческих обществах сталкивались в борьбе два враждебных течения. С одной стороны, народ, народные массы вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной, и чтобы поддерживать мир, улаживать ссоры и оказывать друг другу помощь во всем, что требует соединенных усилий» (9), и об этой-то стороне он говорит в своей книге «Взаимная помощь». Другая сторона, это—существование жрецов и первых познавателей природы, знатоков преданий и старых обычаев, равно как начальников общих предприятий, т. е. трех категорий людей, «господствовавших над народом. державших его в повиновении, управлявших им и заставлявших его работать на них» (10). На одной стороне автор видит «творческую созидательную силу самого народа, вырабатывавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желавшего господствовать над ним меньшинства», на другой — возлагание «надежды на законодательство, выработанное правительством, состоящим из меньшинства и захватившим власть над народными массами при помощи суровой и жестокой дисциплины». Эта противоположность двух начал, двух течений существовала во все времена истории, и потому говорит Кропоткин, всегда «существовали анархисты и государственники». Во все же времена происходило еще то, что все, «даже самые лучшие учреждения, выработанные первоначально для поддерживания равенства, мира и взаимной помощи, со временем застывали,... теряли свой первоначальный смысл.... и кончали тем, что становились препятствием для дальнейшего развития общества» Тогда против этих

[1]) Стр. 9 по изд. 1920—1921 года.

учреждений восставали отдельные личности, но одни—в интересах всех, другие же исключительно ради собственной выгоды. К первой категории Кропоткин причисляет всех реформаторов и революционеров, различая между ними таких, которые, восставая против власти вовсе не стремились уничтожить ее, а только образовать новую власть в интересах народа, обещая ему пользоваться ею в этих интересах, хотя потом свои обещания забывая и нарушая (11), и таких людей, которые стремились не к замене одной власти другою, а к полному ее уничтожению во имя «верховных прав личности и народа» и дабы создать возможность полной свободы для «коллективного народного творчества». Поэтому Кропоткин и считает позволительным сказать, что между реформаторами и революционерами всегда существовали «якобинцы и анархисты». Многие народные движения в прошлом он прямо считает «запечатленными анархическим характером», когда многие тысячи людей поднимались против государственной власти, против законов, против судов и провозглашали верховные права человека. Отрицая все писаные законы, требуя, чтобы каждый повиновался голосу лишь собственной совести, они стремились создать «общество, основанное на принципах равенства, полной свободы и труда». Кропоткин видел много, как он выражается, серьезных анархических элементов «в первоначальном христианском движении» (12), «очень много анархического» в движении анабаптистов XVI века, в тогдашнем востании крестьян и городского «простонародья». Таков и генезис анархизма.

В той же книге, несколькими страницами ниже, Кропоткин проводит демаркационную линию и между двумя течениями в социализме, родоначальниками которых называет в последнем десятилетии XVIII века Годвина в Англии и Бабёфа во Франции: первый из них в своем «Исследовании политической справедливости» явился первым теоретиком социализма «без правительства, т. е. анархии», а второй выступил «в качестве первого теоретика централизованного социализма, т. е. государственного коммунизма, который, прибавляет Кропоткин, почему-то в Германии и России приписывают теперь Марксу» (19).

Вот в каком смысле Кропоткин различал в обществе и в истории «народное и начальническое течения», выдвигая при этом вперед «сродство анархизма с народно-созидательным течением» (9). Сюда же относится упомянутое уже противоположение «якобинизма и анархизма» во французской революции. Представительницами второго в той же «Современной науке и анархии» Кропоткин называет секции больших городов и многие муниципалитеты (коммуны) маленьких городов Франции во время революции (18), видя в их «независимой деятельности» начало применения до некоторой степени анархических мыслей Рабле в XVI веке, Фенелона в XVII, Дидро в XVIII (51), так как, кстати сказать, анархические мысли Кропоткин отме-

чал и в предыдущих веках, начиная в Европе с греческих философов.

Это у Кропоткина целая философия истории, вытекающая из его понимания «сущности человеческой природы», которая, как сказано в предисловии к «Великой французской революции», обусловила различные течения мысли и деяний времен революции и имеет так же и в будущем вызывать эти течения, как вызывала и в прошлом. Нужно было, конечно, прежде в себе самом слышать громкий голос собственной совести, ощущать потребность мира, полной свободы и труда, основанного на взаимопомощи, чтобы в этом видеть одну из основ человеческой природы вообще и всю суть чисто народных движений в обществе и в истории. Здесь был корень непобедимого идеализма Кропоткина и соответственно с этим идеализации тех явлений истории, в которых он видел проявления основного народного течения.

Другая общая историологическая мысль Кропоткина, высказанная в «Современной науке и Анархии», заключается в признании за «общий закон общественного развития» «смены революций эволюциями». После революции, провозгласившей великие принципы свободы, равенства и братства, началась медленная эволюция, т. е. медленное преобразование учреждений, «приложение в повседневной жизни общих принципов, провозглашенных в 1789—1793 годах». Вот это-то «осуществление эволюциею начал, выставленных предыдущей революционной бурею» и получает у него значение общего закона (18). Это—та самая мысль, которую Кропоткин развивает в «заключении» книги о французской революции. «В истории всякого народа, говорит он здесь, неизбежно наступает такое время, что глубокое, существенное изменение во всем строе его жизни становится неизбежным (688).....Всегда, продолжает он, в таких случаях бывает минута, когда реформа возможна. Но если этою минутою не воспользовались, тогда начинается революция, И раз началась *революция*, не простой политический переворот, а нечто более глубокое, революция неизбежно разовьется до своих крайних последствий, т. е. до такой точки, до которой она может достигнуть, хотя бы на короткое время при данном состоянии умов в данный исторический момент». Кропоткин сравнивает далее «медленный» прогресс, совершающийся в стране во время периода эволюции, т. е. мирного развития «с линиею, медленно поднимающеюся вверх, а революцию—с резким скачком этой линии кверху». «Но, продолжает он, на этой высоте, в эту историческую минуту прогресс не может удержаться; враждебные ему силы еще слишком значительны. Они соединяются между собою против намеченного прогресса и низводят жизнь с этой высоты... Наступает реакция, и наша линия быстро падает. При этом, по крайней мере, линия может упасть очень глубоко. Но мало-по-малу она опять поднимается, и когда снова наступают

мирные времена,.... линия оказывается уже на гораздо более высоком уровне, чем она была раньше до революции. Тогда снова наступает период медленного развития, эволюции; наша линия снова начинает постепенно, медленно подниматься и под'ем ее совершается уже на значительно высшем уровне, чем прежде, и почти всегда идет быстрее. Таков, заключает Кропоткин, закон прогресса в человечестве»; В этой исторической теории революциям отводится место, как главным моментам прогресса, как попыткам осуществить новые принципы жизни, которым принадлежит будущее. «Всякая реформа, читаем мы дальше, неизбежно является компромиссом с прошлым, тогда, как всякий прогресс, совершенный революционным путем, непременно содержит в себе задатки для будущего... Наследие, завещанное революцией, народы стараются воплотить в своих учреждениях. Все то, что ей не удалось провести в практическую жизнь (690),.. становится содержанием периода медленного развития, эволюции, следующего за революцией, причем к этому прибавятся еще те новые идеи, которые будут вызваны эволюцией, когда она будет проводить в жизнь программу унаследованную от предыдущего общественного переворота» (691).

Это изложение теории общего хода истории нужно дополнить во первых, указанием на то, что если реформаторы вообще являются людьми компромисса с прошлым для удержания из него всего, что дорого представителям «начальнического» течения, то настоящими революционерами Кропоткин считал только сторонников «общей и немедленной перестройки самых основ общества», как он определяет революцию «в точном и ясном смысле этого слова» в «Современной науке и анархии» (20). Нужно припомнить, что в революциях Кропоткин различал два течения; народное, анархическое и начальническое, якобинское, как об этом было сказано выше.

Кропоткин не разрабатывал свою теорию исторического процесса с такою тщательностью и в таких подробностях, как это делал его товарищ по изгнанию и во многих отношениях единомышленник, Лавров. Во всяком случае, в ней, этой теории, мы находим и выступление отдельных личностей, и действие идей, и роль критической мысли, и принятие в расчет требований совести и т. п. Эта теория была далека от простоты экономического материализма, как об'яснения исторического процесса из развития производственных отношений и только, но классовая борьба уже тем самым должна была составлять часть теории Кропоткина, что самое общество им рассматривалось с точки зрения существования в нем двух противоборствующих течений—народного и начальнического. В частности, для об'яснения генезиса французской революции Кропоткин обращается больше к идеологии, чем к экономике. Хотя он и находит, что главные пробелы в историографии революции относятся к ея экономической стороне («экономических аспектов», как сказано во фран-

цузском издании, и «экономического характера» в русском), однако читатель, в сущности, не найдет в его книге, как это было уже отмечено в моей статье о ней [1]), изображения собственно экономических отношений, являющихся главным предметом экономической истории. Говоря в предисловии о своей задаче, он различает между понятиями «экономических аспектов», с одной стороны, и «столкновений, происходивших на экономической почве», причем во французском издании говорится о проявлениях борьбы (ses luttes). Я даже категорически заявлял, что внимание автора сосредоточено именно на «борьбе в области экономических интересов», а не на самом «экономическом строе», что «автора интересует не экономика французской революции, а социальная сторона происходившей тогда борьбы классов на почве экономических интересов». В главе «Народ накануне революции» Кропоткин даже прямо говорил: излишне (во французском издании даже «бесполезно», inutile, стр, 21) было бы долго останавливаться здесь на описании положения крестьянства и бедных классов городского населения накануне 1789 года. Все историки великой революции посвятили этому предмету ряд красноречивых страниц» (18). Более детально Кропоткин интересуется в своей книге настроением, нежели положением народной массы. Вся книга, впрочем, как это тоже было мною отмечено проникнута бо́льшим интересом к событиям с порождавшими их настроениями, нежели к быту, к фактическим отношениям и к реальным соотношениям между отдельными классами. Впрочем, это замечание я отношу исключительно к книге, а не к ее автору, не делая, следовательно, никакого вывода об историческом его миросозерцании. «Если в чем-либо отмеченное обстоятельство в каком-либо общем смысле и характерно, то только для указания, насколько Кропоткин не был экономическим материалистом. Конечно, он превосходно знал, что французское крестьянство накануне революции далеко не было однородной массой, что и в городском населении были разные бедные классы, но если он в своей книге не занимается вопросом о социальном расслоении французского народа перед революцией, то у него это было более литературным приемом чем недостатком научного понимания.

Все предыдущее должно служить характеристикой Кропоткина, как ученого, в смысле его эрудиции, и как человека науки, в смысле исследователя, обладающего научным методом и имеющего свою теорию.

III.

Известные теоретические предпосылки, с которыми Кропоткин приступил к изучению французской революции, извлекаются легко и прямо из его книги, в которой они, эти предпосылки, из стадии

[1]) Русское Богатство, 1909 г., сентябрь стр. 134. 21. Там же стр. 139.

чисто абстрактной схемы перешли в стадию более конкретного обобщения. Его книга начинается таким местом:

«Два главных течения подготовили и совершили революцию. Одно из них, наплыв новых понятий относительно политического переустройства государства, исходило из буржуазии. Другое, элемент действия, исходило из народных масс: крестьянства и городского пролетариата, стремившихся к непосредственному и осязательному улучшению своего экономического положения. И когда эти два течения встретились и об'единились в виду одной, вначале общей им цели и на некоторое время оказали друг другу взаимную поддержку тогда наступила революция. Философы XVIII века давно уже подрывали основы современных им культурных государств» (1),.... и их «требования, связанные в одно целое, благодаря духу системы, методичности, свойственным французскому мышлению, несомненно, подготовили в умах падение старого строя. Но этого одного было бы недостаточно, чтобы вызвать революцию. От теории предстояло перейти к действию, от созданного в воображении идеала—к его осуществлению на практике, а потому обстоятельства, которые в известный момент дали французскому народу возможность сделать этот шаг,—приступить к осуществлению намеченного идеала,—приобретают особенную важность для истории» (2). Дальше Кропоткин говорит о предшествовавших началу революции народных восстаниях, но для революции было недостаточно одного этого, как недостаточно было проявления среди образованных классов известного идейного течения. «Нужно было, говорит он, чтобы революционное действие, исходящее из народа, совпало с движением революционной мысли, шедшим обыкновенно до тех пор от образованных классов» (4).

В этом дуализме народного действия и интелигентского мышления мы имеем, конечно, нечто отличное от известного нам различения между народным и начальническим течениями, если только не принимать в расчет, что средою, в которой возникли и развились и откуда вышли новые идеи, была буржуазия. Когда, однако, речь идет о «философах» и делается прямое различение между «буржуазией» и «интелигентным классом», тогда не приходится отожествлять «начальническую» позицию с умственным предводительством. Здесь Кропоткин противополагает не угнетение угнетенности, а мысль действию. В одном месте Кропоткин, в приведенных словах, противополагает народу буржуазию, т. е. социальный класс, имеющий экономическую основу, в другом—образованные классы. т. е. уже культурный слой, обязанный своим бытием, так сказать, особой психологической квалификации. Здесь антитеза не управляющих и управляемых, а мыслящих и действующих.

Тем не менее, по Кропоткину революционная мысль развивалась все-таки в буржуазной среде, а революционное действие исходило из среды народной. Другим осложняющим схему двух различных течений

является у него указание на то, что цели революции в обоих движениях были разные: одно из этих течений стремилось, как мы выше уже видели, к «политическому переустройству государства», другое—«к улучшению экономического положения». Итак у Кропоткина на одной стороне народ, действие, экономическая цель, на другой буржуазия, мысль, политическая цель. Это—и две разные социальные силы, и разный вклад каждой в революции, и устремление их не к одному и тому же.

Эту схему в свое время я уже подвергал некоторой критике [1]) которую повторять уже здесь не буду. Укажу только на главные возражения или вернее, поправки, оговорки.

Во первых, новые идеи философии воспринимались не только буржуазией, но и народом, и не об интересах одной буржуазии заботилась интеллегенция, которую сам Кропоткин не сливает с буржуазией. «Народ, говорит он, также испытал на себе до некоторой степени влияние философии XVIII века. Тысячами окольных путей великие принципы свободы и равенства проникали в деревни и в рабочие кварталы больших городов.... Идеи равенства доходили до самых темных углов... Надежда на близкую перемену заставляла биться сердца у самых забитых людей» (13). В народной среде продолжалась своя работа мысли, даже заставившая буржуазию страшиться ее результатов. С другой стороны, «было бы, говорит Кропоткин, несправедливо утверждать, что буржуазия 1789 года руководилась исключительно эгоистическими расчетами... Для больших преобразований всегда нужна известная доля идеализма. И действительно, лучшие представители третьего сословия воспитывались на философии XVIII века, этом глубоком источнике, носившем в зародыше все великие идеи позднейшего времени» (11). Самые недостатки, с народной точки зрения, философии XVIII века в ее практических последствиях Кропоткин об'ясняет не классовым своекорыстием, а чисто умственными ошибками, например, и искренней верой в то, что обогащение отдельных лиц—лучший путь к обогащению всего народа» (11). просто даже «незнакомством писателей, по большей частью горожан и людей кабинетной работы, с формами промышленной и крестьянской народной жизни» (15). Насколько, замечу кстати, такое об'яснение Кропоткиным некоторых неприемлемых для него идей XVIII века шире сваливания всего на классовую идеологию. Часть интеллигентных деятелей прямо, как говорит он, выходила за пределы буржуазной программы. Верно в общей схеме только то, что у буржуазии было больше умственных сил и больше сознательности в действии, чем у народа. «Отсутствие, у народа замечает он, ясного понятия о том, чего он может ждать от революции, наложило свой отпечаток на все движения». В то время как буржуазия знала, чего хотела.

[1]) В указанной статье «Р. Б.» за сент., стр. 142-148.

народ колебался» (16). Во вторых, если идейная сторона революции не может считаться исключительным достоянием буржуазии, то и сторона действенная не была, конечно, исключительным достоянием народа. Мысль и действие вообще разлучены быть не могут, а потому формулу Кропоткина следует истолковывать только в смысле бо́льшей сознательности и ясности мысли у одной стороны и бо́льшей напряженности и успешности у другой. Народ не только действовал, но и думал, как и буржуазия не только думала, но и действовала. Тут с обеих сторон была сложная сеть взаимодействий, содействий и противодействий. В третьих, нельзя оставить без оговорок и резкого противоположения тяготения буржуазии к политике, народа—к экономике. Буржуазия ставила революции, кроме политических, и экономические цели, среди которых были и общенациональные, и свои, т. е. классовые. Представители экономического материализма думают даже, что вся буржуазная политика основывалась на классовой экономии. Сам Кропоткин впрочем, так характеризирует эту сторону стремлений буржуазии. Рядом с переходом к ней политической власти, «говорила буржуазия, следует провозгласить полную свободу торговых сделок; промышленным предпринимателям следует предоставить полную возможность эксплуатировать все естественные богатства а вместе с тем и рабочих, целиком отдавая их на произвол тех, кому угодно будет дать им работу... Она мечтала о переходе земель в руки буржуазии, крупной и мелкой, и об эксплуатации естественных богатств, остававшихся до сих пор непроизводительными в руках дворянства и духовенства.... Наконец, французская буржуазия уже представляла себе быстрое развитие промышленности и крупного производства,... а затем ей уже рисовались богатые рынки Востока, крупные финансовые предприятия и быстрый рост огромных предприятий» (9-10). Все это чистейшая экономика. Быть может тут есть некоторые преувеличения даже, а относительно влияния идей Адама Смита (9) и стремления к крупному машинному производству (10) допущен некоторый анахронизм, а я еще привел не все, что говорит здесь Кропоткин об экономических вожделениях буржуазии. Значит, буржуазию интересовало не одно политическое устройство государства. Понятно, что, с другой стороны, народ интересовался более вопросами материального благосостояния, чем отвлеченными правами человека и гражданина, потому что он больше понимал первое, чем второе, но и сам Кропоткин всем своим изложением вовсе не хотел произвести на читателя такое впечатление, будто народ отличался аполитичностью, хотя, разумеется, у него было меньше, чем у буржуазии, политического понимания. Буржуазия и народ, конечно, вовсе не поделили между собою политику и экономику, но, в общем, все таки верно, что народу были ближе и понятнее простые экономические нужды, а буржуазия была более способна понимать и ценить политические гарантии.

Вот с этими ограничениями, основанными, между прочим, на мыслях самого Кропоткина, можно до известной степени, как сам он это фактически делает, различать в революции, с одной стороны, буржуазию—идейность—политику, с другой—народ—активность—экономику, по крайней мере, для понимания основной точки зрения Кропоткина, в ее наиболее резком выражении, равно как общего построения им французской революции. Он находит, что одно из двух течений революции, которое получает у него название парламентской истории, исследовано в достаточной мере, но, говорит он, «народная история революции еще не написана, роль народа—деревень и городов— в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, прибавляет он, течение умственное известно; но другое течение — народное действие—еще мало затронуто» (5). Центром тяжести всего исторического интереса Кропоткина была именно народно-действенная сторона революции. Этой стороной он был заинтересован больше всего за три десятка лет до выхода в свет его книги, когда он наводил у меня справки относительно имеющегося архивного материала о крестьянских восстаниях. Позднее, уже вплотную изучая эпоху, он нашел в революции 1789—1794 годов, и «анархистов», которым посвящает, ставя это слово в ковычках, особую главу (XII).

«Прежде всего, говорит он здесь, анархисты *не партия*.... Они находятся вне конвента... Это революционеры, рассеянные по всей Франции. Они отдались революции телом и душой. Они понимают необходимость ее; они любят ее, живут и работают для нее... Настоящее их место, это—*секция*, в особенности улица... Их способ действия, это—давление народного мнения, но не «общественного мнения» буржуазии. Их настоящее оружие—восстание. Посредством этого оружия они влияют на депутатов и на исполнительную власть. И когда нужно напрячь все силы, воспламенить народ и идти *вместе с ним* против Тюйлери, именно они подготовляют нападение и затем сражаются в рядах народа. В тот день, когда революционный порыв народа истощится, они вернутся в неизвестность... И их взгляды ясны и определенны. Республика—конечно!—Равенство перед законом—да, конечно. Но это еще не все, далеко не все. Добиваться путем политической свободы, свободы экономической, как советуют буржуа? Они знают, что это невозможно. Они хотят поэтому *самой экономической свободы*, земля для всех это, называлось тогда «аграрным законом». *Экономическое равенство*, это называлось на языке того времени «уравнением состояний» (422—423). В этих то революционерах Кропоткин, и видит настоящих вождей народного течения в революции. «Наше дело, говорит он в конце первой главы, дело потомков тех, кого современники называют «анархистами», изучить это народное движение или, по крайней мере, указать его главные черты» (5).

Так определяется подход Кропоткина к истории французской революции, составляющий его своеобразие, как ее историка. «Народную» историю революции желали писать все демократические историки, при том в трех различных смыслах: во первых, с сочувственной народу точки зрения; во вторых, обращая внимание на историю самого народа; в третьих, для читателей из народа, как это прямо сделал Жорес. Ни одна из существующих демократических историй, значит, Кропоткина не удовлетворяла, если он прямо утверждал, что такая история еще ненаписана что роль собственно народа никогда не изучалась в ее целом (5), что важным даже делом было бы просто указать на главные черты народной революции—верно. Конечно, и сам Кропоткин не смотрел на свой труд, как на полное исчерпывающее изучение предмета. Это видно из предисловия, где книге ставится более скромная задача общей ориентировки в ходе революции но, прибавим, ориентировки с народно-анархической точки зрения.

Отдавая пальму первенства Луи Блану в изображении драматической стороны революции, он не мог не ценить особенно Мишле, этого великого народолюбца. Есть нечто общее между Кропоткиным и Мишле. Этот французский историк применял к народу высокую моральную мерку и ставил его неизмеримо выше образованного общества. Он выводил революцию из глубин народной жизни с ее внутреннею правдою, и все хорошее, что она собою принесла, об'яснял как дело всех, относя все мрачное, кровавое, ненавистное на счет деятельности честолюбцев, вознесенных народным движением на гребни революционных волн. У Кропоткина нет только сантиментальности Мишле, его пафоса со всей лирикой и риторикой его изложения. В своей статье о книге Кропоткина я набрал более десятка отдельных мест, где он говорит о замечательно верном революционном инстинкте народа, о его коллективном уме, удивительно понимавшем то, чего не могли понять отдельные лица, о его верном чутье положения, о его удивительном духе революционной организации и проч.[1]) Нередко, по его представлению, народ собирался вступить на совершенно правильный путь, но его останавливали, мешали ему те, кого революция поставила во главе движения. Отдельные личности, кроме разных «неизвестностей» (l'inconnus), действовавших за одно с народом, целая партия и сами представительные собрания несут перед Кропоткиным ответственность за непонимание того, что в мыслях народа и его стремлениях было верного, спасительного, плодотворного. Особенно он упрекал представительные собрания за то, впрочем, как он говорит, «что всегда делали и всегда неизбежно будут делать все собрания» (78), или как поступает, и всякое подобное собрание пар-

---

[1]) Указ. ст. 149. Сделана ссылка ст. 110, 203, 234, 236, 293, 295, 330, 347 и 354 фран. издан.

ламентских политиков». (343). На этот счет у него была некоторая общая теория. «Революции, читаем мы в одном месте (311), революции—не нужно забывать этого — делаются всегда меньшинством, и даже тогда, когда революция уже началась и часть народа принимает ее со всеми ее последствиями, всегда только ничтожное меньшинство понимает, что остается еще сделать, чтобы обеспечить победу за сделанными уже изменениями, и обладает нужною для действия смелостью. Вот почему всякое собрание, всегда являясь представителем среднего уровня страны, или даже стоя ниже этого среднего уровня, было и будет тормазом революции и никогда не может сделаться ее орудием»,... стать средством, чтобы толкать революцию вперед по пути имущественных завоеваний народа. Народ *сам* должен действовать в этом направлении помимо собрания[1]).

От приведенного места остается одна неясность: средний уровень страны и есть народная масса, или же Кропоткин отожествлял понимание меньшинства, идущего впереди движения и им руководящего с народным инстинктом, приводимым к сознательности этим меньшинством. То, что Кропоткин говорит о роли «анархистов» в народных движениях позволяет сделать такое предположение.

Но нет никакой неясности и неопределенности в отношении Кропоткина к методу действенного участия народа в революции. Законодательству всех трех представительных собраний эпохи он не придавал большого значения: ведь их декреты оставались бы чисто бумажными законами без проведения этих мер в жизнь самим народом, такого рода взгляд он неоднократно высказал в своей книге. То, что Тэн называл стихийною анархией (anarchie spontanée). но в чем Олар усмотрел наоборот творческое муниципальное движение, Кропоткин взял под свою защиту, как действенное народное движение, направившееся по верному пути. «Тэн, возражает он этому историку, и другие почитатели административного порядка всяких министерств, конечно, с неудовольствием отмечают, что округа (дистрикты) Парижа опередили Национальное Собрание и своими решениями показали ему, чего хочет народ; но именно так и развиваются человеческие учреждения, когда они не продукт бюрократии; так, продолжает наш историк революции, построились все большие города, так строятся они и до сих пор. Таков же, по словам Кропоткина, анархический путь развития единственный, который мы видим в свободной природе. То же происходит, поясняет он, с учреждениями, когда они органически развиваются в жизни; потому-то революции и имеют такое громадное значение в жизни обществ, что они дают людям *возможность занятся органическою созидательною работою*, без вмешательства в их дело стеснительной власти, всегда неизбежно являющейся представи-

---

[1]) Стр. 311 русс. изд., а во франц. (стр. 335) последних слов от «стать средством» и т. д., нет.

тельницею прошлых веков и прошлого гнета» (121). В таком же действенном выступлении народа Кропоткин и усматривает одно из проявлений «свойственного ему чудесного духа революционной организации».[1]) В этом же народном движении Кропоткин видел источник теоретического анархизма. Это прямо у него и сказано в словах: «анархические начала» («анархические принципы» во франц. изд.), провозглашенные в Англии несколько лет спустя, Годвином, существовали уже в 1789 году», но «источником их были не теоретические измышления («умозрения»), а самые *факты* великой революции» (221).

Кропоткин, понятное дело, должен был отводить много места в своем изложении народным восстаниям эпохи. Некоторые главы прямо посвящены этому предмету, что иногда указано в их названии. Так глава V-я названа «Бунтовской дух восстания», VII «Крестьянское восстание» в первые месяцы революции», VIII «Бунты в Париже и его окрестностях», IX «Народные восстания», XVI «Крестьянское восстание и т. п., не говоря уже о таких главах, которые сообщают о взятии Бастилии, о 20-го июня и 10-го августа 1792 года, о 31 Мая—2 июня 1793 г. и т. п., т. е. опять таки о народных восстаниях. Положим все это—такие факты, которых не может миновать ни один историк французской революции, но дело в особом отношении к ним Кропоткина, в них то и видевшего настоящую, основную или коренную революцию. На заключительных страницах мы находим у него ряд мест, где выдвигается вперед роль и значение крестьянских восстаний 1789 и следующих годов: «Начатое французскими крестьянами, читаем мы здесь, в 1789 году дело освобождения крестьян от крепостного феодализма разносилось по Европе (691).... Крепостное право исчезло бы из Европы уже в первой половине 19-го века, если бы французская буржуазия.... не остановила революцию». Кропоткин находил, что исторически недостаточно оценивали этот громадный факт уничтожения крепостного права, начатое французскими крестьянами (692). «Крестьяне, говорит он несколько дальше, восставшие против своих помещиков, освободили крестьян всей Европы» (693). Или еще такое место: «Современный социализм ничего, еще решительно ничего не прибавил к тем идеям, которые обращались во французском народе в 1789-1794 годах и которые народ пытался осуществить во время второго года республики» (694). А пытался он осуществить новые идеи своими восстаниями.

Не одними, впрочем, восстаниями, но спонтанною организационною работою, которая шла снизу. Новейшие историки французской революции дали Кропоткину особенно обильный материал для установления его общего взгляда на организационное движение, шедшее паралельно с бунтовским, на созидательную работу, сопровождавшую

---

[1]) В рус. пер. (218) почему то пропущено слово «verveilleux», имеющееся во франц. изд. (236).

разгром старого порядка. Олар особенно подчеркнул важность коммунального движения, и Кропоткин получил здесь твердую опору фактов для своего исторического построения. Коммуны он называет «душою Великой революции, и ее очагами, рассеянными по всей стране», без которых у нее никогда не хватило бы силы низвергнуть старый порядок, отразить немецкое нашествие и возродить Францию. «Он отличал коммуны эпохи революции от теперешних муниципальных учреждений», которыми граждане интересуются всего втечение нескольких дней, во время выборов, «и хвалил их за то, что в них не было безумной веры в представительное правление. Коммуна, зародившаяся из народных движений, не отделялась от народа. Напротив, благодаря своим округам, отделам, секциям, составлявшим органы народного самоуправления, она оставалась народным учреждением, это-то, прибавляет Кропоткин и дало сельским и городским общинам их революционную силу» (218). В коммунах с их секциями зародилось и бывшее столь симпатичным ему федеративное движение. «снизу вверх» (219). Кропоткин не мог, равным образом, не отозваться сочувственно на проявившееся во Франции «стремление установить между ее городами и деревнями *прямую связь*, помимо общенационального парламента» (222). Это так соответствовало всему общественному миросозерцанию теоретика анархизма. Вот почему он должен был особенно заинтересоваться этим предметом и изучать его по «Актам парижской коммуны», изданным Сигизмундом Лакруа. То, что делалось в Париже, было для него важно не только по роли, которую столичная коммуна играла в революции, «пока оставалась независимою силою» (217), но и потому, как он говорит, что «жизнь любой из парижских секций дает уже представление о жизни тысячи коммун» (218).

Об участии 48 парижских секций в революции вообще более или менее говорили все историки, но до 1898 года не было монографии о их устройстве, о их внутренних распорядках, их местной жизни. Пробел этот в указанном году был восполнен книгой Меллье «Les sections de Paris pendant la révolution». Почему-то она в свое время не обратила на себя большого внимания, хотя, например ею пользовались, правда, очень мало, и Олар, и Жорес. Для Кропоткина, наоборот, она получила большое значение, потому что дала и материал, и некоторые выводы для его представления о чисто народной революции, органами которой в его глазах и были секции больших городов и маленькие коммуны во всей стране. В парижских секциях, «созданных, по его выражению, для индивидуализации, для проявления самобытности различных кварталов Парижа», он усмотрел также и то, что они стали «орудиями федеративного об‘единения всей Франции» (225). В секциях были для Кропоткина воплощены принципы непосредственной и непрерывной верховной власти народа, местной автономии, федерализма.

Говоря о том, как поступали предшествовавшие 48 секциям 60 дистриктов Парижа, и прибавляя, что, «так же поступили бы теперь анархисты» [1]), Кропоткин делает тот вывод, что «парижские округа положили начало новой общественной организации снизу вверх, основанной на началах свободы» (223). Благодаря этим учреждениям, «массы привыкали обходиться без представительных собраний и управлять делами сами» (219). Что особенно отличало Парижскую коммуну и ее секции, так это—глубокое недоверие к какой бы то ни было исполнительной власти. «Французский народ понял, по-видимому, в начале революции, что громадные задачи, стоящие перед ним, как насущные задачи, не могут быть выполнены ни парламентским путем, ни какою-либо другою силою, что они должны быть делом сил местных, а эти последние, чтобы проявиться вполне, должны пользоваться широкою свободою» (228—229). Мы уже видели, что эти-то секции и маленькие коммуны были, по словам Кропоткина, главной ареной деятельности тех, кого современники называют «анархистами».

В своем, прямо можно сказать, увлечении секционным движением французской революции Кропоткин допустил несомненное преувеличение некоторых сторон этого движения. Что развитие социальных идей, шедшее параллельно с общим ходом революции, совершалось именно в секциях, это не должно подлежать спору, но, конечно, нельзя не признать, мне кажется, преувеличением, будто «право на труд, которого требовало в 1848 году рабочее сословие больших городов, было ничем иным, как отголоском того, что уже вводилось в Париже во время великой революции, но вводилось, как нечто организованное снизу, а не сверху, как того хотели во времена революции 1848 года, Луи Блан, Видаль и другие заседавшие в Люксембурге государственники» (233), как переведено «les autoritaires» французского издания (251). В главе IX под названием «Мысли о социализации земли, фабрик и заводов, средств существования, торговли», всего на восьми страницах приводится ряд различных теоретических разсуждений на этот счет, но автору кажется, будто секции некоторыми своими мероприятиями начинают фактически осуществлять социализацию экономической жизни. Впрочем, автору критические замечания по этому вопросу я сделал в своей статье в «Русском Богатстве» [2]) и в своих «Парижских секциях».

IV.

Если народная сторона французской революции была заключена Кропоткиным в историю крестьянских и рабочих восстаний, коммун

[1]) Во франц. изд. «Les libertaires» (стр. 242).
[2]) Ноябрь, стр. 120.

и особенно секций, и агитации «анархистов», то общая тенденция народной революции связана была им еще с развитием коммунизма. Историю коммунистического движения во время революции он начинал здесь издалека, в соответственных идеях философии XVIII века, даже в наказах 1789 года, которых сам, впрочем, повидимому, специально не изучал. Открытая проповедь и распространение коммунистических идей им приурочивались ко времени после казни короля (580). Истинных проповедников коммунистического движениа он указал не в конвенте, а «в народной среде, в некоторых секциях Парижа, как напр. Гравилье, и в клубе кордельеров, но, конечно не в клубе якобинцев», прибавляет он. Была даже попытка свободной организации между теми, которых в то время называли *бешеными*, т. е. теми, кто стремился к революции в смысле социального равенства». Но, говорит далее Кропоткин, мы еще мало знаем эти смутные, не вполне определившиеся движения, бродившие среди народа в Париже и в других больших городах, в 1793 и 1794 г.г. Историки только теперь начинают их изучать, но несомненно то, что коммунистическое движение, представленное Жаком Ру, Варле, Доливэ, Шалье, Леклерком, Л'Анжем (или Ланге), Розою Лакомб, Буасселем и некоторыми другими, имело глубину, которой раньше не замечали, но которую уже угадал Мишле (583—584). Одним словом, сам Кропоткин признается, что для него (19) в этом предмете много остается неясным.

Однако основные линии своего понимания он высказал здесь очень определенно. «В 1793 году коммунистические идеи вырабатывались не в кабинетах ученых; они возникали в народе, из потребностей самой жизни. Вот почему во время великой революции социальный вопрос проявился в особенности в форме вопроса *о средствах существования* и вопроса *о земле*». В этом Кропоткин усматривал превосходство коммунизма французской революции перед социализмом сороковых годов и позднейших его последователей, ибо «шел прямо к цели, стремясь разрешить вопрос *о распределении продуктов*». Пусть даже, рассуждает он далее, этот коммунизм был отрывочным, не сведенным в стройную систему, допустил и личное овладение, и личное право на «избытки» (584), но все-таки наш историк революции находил его более широким, чем позднейший социализм. Именно, коммунисты 1793 года признавали все три вида коммунизма: земельный, промышленный и торгово-кредитный, а если отдельные революционеры налегали в особенности на тот или другой его вид, то не только не исключали других ради одного, но их взаимно один другим дополняли. В тоже время Кропоткин ставил в заслугу коммунистам 1793 г. что они «не были строителями отвлеченных систем, а вполне разумно стремились провести свои выводы *в жизнь* на помощь местных сил, на месте и на деле, стараясь в тоже время установить прямой союз между всеми 40.000 коммун во

Франции». Только после падения народной революции, по мнению Кропоткина, могла родиться мысль, что «до коммунизма можно дойти путем заговора и государственного переворота, при помощи тайного общества, которое захватит власть», и явились «заговорщики, мечтавшие водворить такой громадный общественный переворот, путем захвата власти и указов» (585). Кропоткин не мог сочувствовать «начальническому» методу Бабёфа. О названных выше коммунистах, впрочем, Кропоткин говорит чрезвычайно коротко, пользуясь повидимому, тем обильным материалом, который есть в «Социалистической Истории» Жореса [1]). Подробнее только останавливается он на мыслях о социализации в специально посвященной этому предмету главе, где есть кой-какие преувеличения, напр. на счет большой популярности мысли о производстве самою коммуною, т. е. социализации промышленности (593), о муниципализации торговли (596—597). В главе об «анархистах», о которой была речь выше, тоже говорится об экономических требованиях, об аграрном законе», об «уравнении состояний» (422), но здесь Кропоткин характеризует требования вождей народа словами о них одного из их врагов, Бриссо.

Многие заявления Кропоткина о тех или других фактах французской революции, так сказать, конкретизируют его общественный идеал. Нельзя не пожалеть, что о теориях коммунистов времен революции он говорит очень мало и не подвергает их разбору, как это делает Жорес, но, конечно, со своей марксистской точки зрения. Здесь тоже мы могли бы иметь своего рода комментарий к решению Кропоткиным теоретического вопроса о взаимных *отношениях анархизма и коммунизма*.

Конечно он по этому вопросу высказался достаточно определенно [2]). Мы знаем, что он не видел противоречия в понятии «анархического коммунизма», что считал возможным сочетание коммунизма и с полнейшим порабощением личности и с наибольшим ее освобождением, что даже находил коммунизм способным лучше всякой другой формы обеспечить экономическую свободу, но, конечно, коммунизм вольный, а не подначальный. В конце концов, отношение между коммунизмом и анархизмом французской революции осталось у Кропоткина не выясненным, вероятно, отчасти потому, что «о роли анархистов мы знаем лишь по желчным памфлетам их противников, по уцелевшим кое-где протоколам секций» (423), а коммунистические идеи были смутными, мало определившимися и остались, пока что, недостаточно исследованными (583).

[1]) Жак Ру сходит у него за коммуниста, каковым тот, как оказывается, не был. См. мою статью об этом в «Рус. Бог.» за 1919 г.

[2]) Современная наука и анархия (1921), стр. 115—144 (Коммунизм и Анархия).

Гораздо определеннее говорит Кропоткин в своей книге о революции о Бабёфе, с заговором которого «историки социализма всегда связывали коммунизм», тогда, как в сущности, это был, по выражению Кропоткина, «оппортунист коммунизма», а его «представления по этому вопросу, а также предлагавшиеся способы действия клонились к измельчанию идеи. Именно, читаем мы дальше, в то время, как уже многие умы понимали, что движение революции в коммунистическом духе было бы лучшим средством обеспечить победу демократии, Бабёф... старался *незаметно подмешать* коммунизм в демократизм. В то время как становилось уже ясным, что демократия утратит свою победу, если народ не вмешается в борьбу, Бабёф хотел *демократию сперва,* чтобы постепенно вводить в нее коммунизм. Вообще, заключает Кропоткин, его представление о коммунизме было так узко и так искусственно, что он мечтал дойти путем заговора нескольких человек, которые овладели бы правительством при помощи тайного общества. Он даже шел дальше и воображал, что единичная личность, лишь бы она обладала сильною волею, могла бы ввести коммунизм в общество и таким образом спасти мир» (588—589).

Известно, что к анархистам, к коммунистам, к «бешеным» монтаньяры относились терпимо и не старались отмежевываться от них, пока в борьбе с жирондистами нуждались в помощи секций, где бешеные были популярны. Кропоткин выражает свое сожаление, что «среди образованных людей того времени, не нашлось никого, кто бы мог изложить, в виде стройного целого, нарождавшиеся коммунистические стремления и заставить себя слушать». Эбера он считал «слишком большим сибаритом,.. слишком принадлежавшим к обществу любителей наслаждений Гольбаховской школы, чтобы стать защитником анархического коммунизма, пробивавшегося в народе» (599). Также и Бильо-Варен, повидимому, понимавший, по мнению Кропоткина, «необходимость глубоких перемен в коммунистическом направлении», казался ему непригодным, так как вместе с другими монтаньярами говорил:.. «сперва республика, социальные меры придут позже», что, думает наш историк, погубило и монтаньяров и республику (600). Марат был в представлении Кропоткина человеком, наиболее безошибочно оценивавшим общее положение дел и верно предсказывавшим, что из него должно было получиться, тогда как другие историки приписывали такое свойство только Мирабо и Дантону. В целом ряде мест Марат называется представителем чистой народной революции и верным другом народа, глубже, чем кто-либо другой понимавшим, что было самым важным в тот или другой из переживавшихся моментов [1]). Приводя отрывок из одной статьи

[1]) В своей статье о книге Кропоткина (ноябрь 121) я сослался здесь на стр. 304, 309, 339, 376, 415, 429, 505, 579, 580 и др. франц. издания.

Марата, Кропоткин называет его «золотыми словами, потому что они написаны точно сейчас, в двадцатом веке» (316). «Чем более мы изучаем революцию, сказано еще в одном месте, чем более мы знакомимся с деятельностью Марата и его пропагандою, тем более мы убеждаемся, насколько ложна была репутация мрачного истребителя, которую ему создали историки, преданные жирондистам» (470). И в другом месте в создании Марату плохой репутации обвиняются жирондистские историки, с чем, конечно, нельзя согласиться. «Правда, оговаривается Кропоткин, в самые темные времена революции... он действительно писал, что следовало бы отрубить несколько тысяч голов аристократов, чтобы дело революции пошло на лад, но в сущности он вовсе не был кровожаден. Он только любил народ... гораздо глубже, чем кто-либо из людей, одновременно с ним выдвинутых революцией» (539). Кропоткиным даже была брошена такая мысль, что, вероятно, будь он в живых в 1794 году, «террор не принял бы зверского характера, приданного ему членами Комитета общей безопасности» (471).

В этой реабилитации «друга народа», которая для многих остается неубедительной [1]), Марат является человеком «народной революции, а не какой-нибудь отвлеченной, теоретической революции». Однако, в нем Кропоткин отметил и то, что он «недостаточно оценил верность взглядов коммунистов», и «не сумел сам разработать план того глубокого коммунистического переворота, истинные формы которого искали первые его провозвестники», и что «не дали коммунистам поддержки своих ума и энергии и своего громадного влияния» (540).

Марат все-таки в качестве друга народа был еще способен, по мнению Кропоткина, явиться защитником его интересов, когда монтаньяры, победив жирондистов с помощью крайних, стали отделываться от анархистов и коммунистов. «С первых же своих шагов, говорит он, республика проявила столько личных интересов, что они не могли дать развиться коммунизму. Против воззрений коммунистов на земельную собственность, стояли все выгоды буржуазии» (600). Конвент, мантаньяры, комитет общественного спасения вступили в борьбу с коммунистами, начали их преследовать первым проявлением чего было гонение на Жака Ру. «Народ, особенно в центральных секциях Парижа понял тогда, что с надеждами на равенство на деле и на благосостояние для всех надо растаться» (603—604).

В революции вообще «народные массы хотели бы итти дальше, но те, кого революция вынесла во главу движения, либо не хотели этого, либо не смели итти так далеко. Они не хотели, чтобы революция наложила свою руку на имущества буржуазии, как это сде-

[1]) Особенно неубедительно будто бы отрицательное отношение Марата к террору (540).

лали с имуществом дворянства и духовенства, а потому, они стали пользоваться всем своим влиянием, чтобы затормозить и остановить, а затем раздавить более крайнее направление. Самые смелые и самые искренние из них, по мере того, как они приближались к власти, становились совсем снисходительными к буржуазии, даже тогда, когда ненавидели ее. Они заглушали свое стремление к равенству... и, в свою очередь становились «государственными людьми» (кличка жирондистов) и старались установить сильное, централизованное правительство, которому должны были слепо повиноваться все его органы» (571—572). Вот это «приближение к власти», это превращение в «государственных людей» и было в глазах Кропоткина их главным грехом, изменою народной революции ради революции начальнической, беря последнее определение из другой его книги. «Почему Бильо-Варенн не сделался коммунистом? Потому что не имел на то мужества и вошел в правительство» (599). И вот когда такие деятели, переступив через труп тех, кого они нашли слишком крайними, «установили сильное правительство», они узнали, когда им самим пришлось подниматься на ступени эшафота, что, *убивши крайнюю партию, они вместе с тем убили самую революцию*» (572). Люди, понимавшие, говорит далее Кропоткин, что для упрочения революции нужно было «выдвинуть требования коммунистического характера, зародившиеся в народных массах», могли быть только вне Конвента и клуба якобинцев, а только в Парижской коммуне, в секциях столицы и провинциальных городах, в клубе кордельеров, и только они могли дать «дальнейшее развитие зачаткам муниципального коммунизма», но «революционная буржуазия, дошедшая до власти», раздавила тех, кого называла «бешеными», и «анархистами» и в свою очередь была раздавлена, 9 термидора, контр-революционною буржуазией» (572—573).

Отсюда и видно, как отнесся Кропоткин к монтаньярам.

Покуда им предстояла борьба в конвенте с жирондистами, говорит он, они искали поддержки у народных революционеров,.. казалось, готовы были итти очень далеко рука об руку с пролетариями», но, очутившись у власти, думали только о создании «средней партии» и тогда уже смотрели на «представителей народных стремлений к равенству, как на врагов». Поэтому для Кропоткина монтаньяры, за весьма редкими исключениями, были людьми, «даже не понимавшими народа так, как это нужно было, чтобы стать партией народной революции». Человек из народа был для них чужим, и «гораздо более их интересовал отвлеченный индивидуум, член будущего демократического общества» (574). Конвентские комиссары «действовали, как чиновники демократии, для которых народ являлся об'ектом [1]) осуществления видов правительства» (575).

[1]) Рус. пер. здесь сделан не точно.

Последняя мысль Кропоткиным была и фактически обоснована. «Утверждение монтаньярского правительства, вот что больше всего интересовало членов конвента», которые «подобно членам всякого другого правительства... искали опоры не в установлении всеобщего благосостояния и довольства, а в ослаблении, и в случае надобности, в истреблении своих противников». Это и заставило их «со страстью ухватиться за террор» (578).

Террор отнесен у Кропоткина не к народной революции. Тому, что «сделал парижский народ революционно, открыто, в минуту паники и отчаяния», революционное правительство придало «личину законности» (667), но «парижский народ стал с ненавистью смотреть на эти телеги, подвозившие каждый день десятки приговоренных к подножию гильотины», и «симпатии парижских рабочих обращались уже к казнимым, тем более, что богатые эмигрировали или скрывались в самой Франции, и под гильотину попадали исключительно бедняки» (671).

Нельзя не отметить, что и в других местах Кропоткин защищает народную революцию, по крайней мере, от «страшных преувеличений» Тэна, прибегающего к такому средству, когда «ему нужно сказать что-нибудь против революции» (88). В главе о сентябрских убийствах», «возбуждающих протест человеческого чувства» (363), Кропоткин не скрыл правды, но если в данном случае проявилось «отчаяние, которое овладело парижским населением», то «настоящую причину последнего» он усмотрел в «колебаниях, в малодушии, в лицемерии государственных людей, стоявших у власти».

V.

Я уже сказал, что в настоящей статье имею в виду не книгу Кропоткина о французской революции, а его самого, то, что его в ее истории наиболее интересовало, чему он более всего сочувствовал, в чем видел ее настоящую сущность не с об'ективно-познавательной, а с суб'ективно-оценочной точки зрения. Эта сущность для него проявилась не в той монтаньярской республике, которая затем победила, но которая потом была низвергнута контр-революцией, а в анархо-коммунистических стремлениях, подавленных этою самою монтаньярскою республикою. Органами настоящей революции для Кропоткина были секции, но именно поэтому на них центральное правительство и направило свои меры. Деятельность секций не нравилась якобинцам, потому что они шли в революции дальше их (634). Это, говорит Кропоткин, была «враждебность всякого центрального правительства к народному самоуправлению», и вот «народная революционная организация секций была подрезана в самом корне», как только революционное правительство было утверждено декретом

14 фримера II года (635). Учредив в секциях революционные комитеты, центральная власть превращала секции в полицейские учреждения, получившие столь же «обширные права, как и управление тайной полицией в монархическом государстве» и сделавшиеся «второстепенными, всецело подчиненными комитету общей безопасности, органами полицейского надзора», т. е. простыми частями государственного, чиновничьего механизма (657).

Этим самым «государство, заключает Кропоткин, окончательно убило секции, революционные муниципалитеты и революционный дух... И их смерть была смертью революции» (638).

С такой точки зрения клуб якобинцев в глазах Кропоткина вовсе не обладал «тем революционным значением и тою революционною инициативою, какую ему, говорит он, приписывают современные политические писатели», будучи каждый данный момент «выражением течения, господствовавшего среди интелигентной умеренно-демократической буржуазии» (378). Марат мог еще быть в нем популярным лицом, но Кропоткин не находил возможным сказать то же о «бешеных» или, говоря современным языком, о коммунистах. Клуб выступил против них и вступил с ними в борьбу» (379). Мы видели, что в этом отношении Кропоткин смотрел одинаково и на конвентских монтаньяров.

Если другие историки, даже столь противоположные, как Луи Блан и Тэн, выдвигали вперед, как воплощающего якобинизм, Робеспьера в качестве народного вождя, то у Кропоткина было на этот счет свое особое, совершенно несогласное с таким взглядом мнение. Это для историка-анархиста был прежде всего человек «правительственного склада ума, но отнюдь не революционер» (663). «Усилия крайних партий подвинуть еще дальше революцию для Робеспьера были не что иное, как нападки на правительства, к которым он принадлежал,.. коммунистические попытки не что иное, как дезорганизация» (662). Успех Робеспьера Кропоткин об'ясняет его неподкупностью среди общей погони за легкой добычей и тем, что он был «один из немногих политических деятелей того времени, в котором ничто не ослабляло веры в революцию и привязанности к демократической республике. В этом отношении, говорит Кропоткин, Робеспьер представлял настоящую силу, и если бы коммунисты могли противопоставить ему равную силу ума и воли, они, несомненно, придали бы революции гораздо более сильный отпечаток своих стремлений» (659—660). Но и «помимо фанатизма, который давала ему честность его намерений, он и сам старался усиливать свою власть над общественным мнением, хотя бы ему приходилось переступать ради этого через трупы других честных деятелей, оказавшихся его противниками. Но самое главное в укреплении власти Робеспьера служило, по мнению Кропоткина, то, что в глазах буржуазии он был «человеком золотой середины», между крайними и

умеренными, в то же время внушавшим народу уважение к себе, а потому «наиболее способным организовать *твердое правительство* и таким образом положить конец революционному периоду» (660).

Такое представление создал себе Кропоткин о якобинцах и о Робеспьере. Дантон не особенно занял собою внимание Кропоткина. Кроме якобинцев, его очень интересовали жирондисты, на которых он сосредоточил все свое отрицательное отношение к не-народной стороне революции. Он нашел, что большая часть историков, сочувствующих революции, дошедши до трагической борьбы между Горою и Жирондою, слишком много останавливались на второстепенных причинах этой борьбы, придавая, например, «слишком много значения так называемому федерализму жирондистов» (436), хотя в последнем был главный пункт их обвинения со стороны монтаньяров после 31 мая 1793 года. На самом деле этот «федерализм» состоял вовсе не в политической теории, известной теперь под именем федерализма, говорит Кропоткин, а в их ненависти против Парижа, в их желании противопоставить реакционную провинцию революционной столице (437). Он смотрит на них, как не на меньших сравнительно с монтаньярами, «централистов и сторонников сильной центральной власти», если только не много еще бо́льших (438). В последнем, т. е. в том, что жирондисты были еще бо́льшими централистами, нежели монтаньяры, нельзя, однако согласиться [1]). Кропоткин вообще был склонен считать всякое различие между жирондистами и якобинцами, как одинаково врагами народной революции, в чем он сошелся с Тэном, тоже не видевшим большой разницы между теми и другими. Впрочем, можно даже сказать, что Кропоткину жирондисты представляются настроенными более реакционно, чем монтаньяры [2]), хотя за жирондистами, по крайней мере, сохранилась репутация защитников индивидуальной свободы. Все партии республики были одинаково не народными. В ту самую минуту, когда «народ начал искать новых путей в сторону социальных изменений», сама «революция, говорит Кропоткин, разбивалась на мелкую борьбу партий, споривших между собою из-за власти» (639). Он совершенно основательно мог назвать «скучным» [3]) делом распространяться об интригах политических партий, боровшихся за власть в конце 1793 года и в начале 1794 (641). Эберу, писавшему в коммунистическом духе, «террор и захват правительственной власти казались несравненно более важными, чем вопрос о хлебе, о земле или об организации труда». Эбертисты повлияли в своем смысле и на Шометта, который, в характеристике Кропоткина, «по своим симпа-

---

[1]) См. мою статью о книге Кропоткина (Ноябрь, стр. 107).

[2]) Многие ссылки на стр. фран. изд. в только что указан. месте (стр. 110 и след.).

[3]) Fastidieux во франц. изд. (688), что в русском напрасно переведено «излишне».

тиям к народу и по своему образу жизни должен был бы тяготеть к коммунизму и одно время даже был под его влиянием» (640). Эбертистам только нужно было усиление террора (641), в чем на их сторону стал клуб кордельеров, но, прибавляет Кропоткин, совершенно не было видно, что стали бы они делать, если бы добились своего (644). А между тем и кордельерам он высказывал известное сочувствие уже по одному тому, что их клуб был ареною, где выступали представители настоящей народной революции. «Эбертистский террор, слегка окрашенный социализмом, как выражается Кропоткин, проповедовался еще Сен-Жюстом», но и у этого революционера то были, говорит он, «скорее нравоучительные советы, чем конкректные мысли и проекты законодателя» (651). Когда террористы стали казнить друг друга, «в Париже и в провинциях народ понял, что эти казни обозначают конец революции. Да, пришел ее конец, прибавляет Кропоткин. Раз восходящее начало было остановлено, раз нашлась сила, способная сказать революции: «дальше этого ты не пойдешь», как-раз в ту минуту, когда новые народные стремления пытались найти свое выражение, и на этот раз сила могла снести головы именно тех, кто старался найти выражение, истиным революционерам стало ясно, что революции наступает конец... Теперь еще могут произойти несколько конвульсий, но революция закончена. Народ с тех пор потерял всякий к ней интерес» (657).

Восходящее время революции Кропоткин считал до августа или сентября 1793 года, когда она «вступила в свой нисходящий фазис» (672). Во время якобинского строя власти, т. е. при Робеспьере, произошло, по словам Кропоткина, обнаружение всего зла, происшедшего из того, что «революция в своей экономике основалась на *обогащении отдельных личностей*», тогда как должна была стремиться «к о благу всех» (673). Французскую революцию, как известно, много критиковали и при том с очень различных точек зрения. Кропоткин был тоже одним из критиков этой революции со своей особой анархо-коммунистической точки зрения, которая для него самого совпадала с наиболее народными стремлениями эпохи самой революции и с ее деятелями, слывшими в свое время за бешеных, анархистов и т. д. Мы уже знаем, что он видел в революции два течения: народное и буржуазное, из которых первое он считал анархо-коммунистическим, другое, так сказать государственно-собственническим. Острие его критики было направлено на второе, а что он думал о первом, это главным образом, я и старался изложить и об'яснить в этой статье. Конечно, она не дает полного понятия о книге, взятой в целом, но я и не ставил себе задачею рассматривать самую книгу со всем ее содержанием, где говорится, напр., и об аграрном законодательстве революции, об отмене феодальных прав, о распродаже национальных имуществ, об общинных землях и о многом другом.

Об этом, конечно, я писал в своей статье о книге, но не отметил там одной черты, для нее не характерной, но интересной по отношению к самому Кропоткину. Ставя в одном месте, но мимоходом вопрос о том, что помешало борьбе партий принять ожесточенный характер с самого начала революции, он высказывает предположение («вероятно»), что это «было интимное и братское общение, установившееся еще до начала революции в масонских ложах», где, говорит он, установились «*привычки взаимного уважения* помимо отношений, всегда узких в партиях, и интересов узко партийных», на почве «человеческих стремлений и чувства достоинства человека» (647—648).

В книге есть небольшое заключение об историческом значении революции, которое, однако, здесь обойдено молчанием быть не может. Это значение Кропоткин видел в «выполненном ею экономическом перевороте и в ее воспитательном значении» (685).

Экономическое преобразование Франции он называет очень великим и глубоким. За время революции «в деревнях народилась уже новая Франция. Крестьянин стал наедаться досыта, в первый раз за последние несколько сот лет. Он разгибал наконец свою спину. Он дерзал говорить... В несколько лет Франция сделалась страною зажиточных крестьян (687),.. страною самою богатою по своей производительности,.. самою богатою по распределению богатств между наибольшим числом жителей» (688). Другую категорию результатов революции составляют «основные начала политической жизни, завещанные ею всему 19 веку, ее заветы будущему для всех стран образованного мира» (690). Два главные факта имелись в виду у Кропоткина, когда он писал эти строки о влиянии французской революции на Европу: «уничтожение крепостного права и его пережитков и ограничение самодержавной королевской власти», иначе создание «личной политической свободы, о которой ни крепостные, ни подданные абсолютного короля не смели даже мечтать в XVIII веке» (691). Таким образом говорит еще Кропоткин, в этих двух направлениях революция выполнила свою программу. *Равенство всех граждан перед законом и представительное правление вошли уже более или менее* в своды законов всех европейских государств» (693). Но это, конечно, было наследием не чисто народной революции 1789—1793 годов, от которой началось другое движение—социальное (694), и которая потому может быть названа «источником всех коммунистических, анархических воззрений нашего времени» (696).

Свою книгу о французской революции Кропоткин кончил вопросом: «какой нации выпадет теперь на долю задача совершить следующую великую революцию»? Вместе с этим, его мысль обращалась к России, но он воздержался от какого либо пророчества. Через восемь лет, почти день в день, после того, как он поставил под

предисловием дату его написания (15 марта 1909 года) началась революция в России. Юношей Кропоткин еще видел крепостное право и радостно переживал момент его падения, уже в глубокой старости дожил и до падения самодержавия, сделавшего его на долгие годы изгнанником.

Ставя указанный выше вопрос о будущей революции, он исключительно имел в виду только одно: «отдаст ли эта революция землю обобществленную—тем, кто сам ее обрабатывает» (696), но другого вопроса он себе не задавал,—того, который вытекал из его анархизма [1]). Четырьмя годами позже «Великой французской революции» Кропоткин издал свою книгу «Современная наука и анархия», где в разных местах повторял некоторые положения, высказанные в первой книге. Внимательное чтение второй из них может дать ответ на вопрос, считал ли он свою мечту уже осуществленной.

Н. Кареев.

Март 1922 года.

---

[1]) См. статью П. А. Кропоткина «Идеал в революции» (Былое, 1922, № 17, стр. 40—41).

Место анархизма в левом народничестве [1]).

«Напрасно мнишь ты,
Что знаешь мысль и душу человека
Покуда власти не отведал он»...
(Антигона. Софокла Д. I. Сц. I).

Такая тема может показаться читателю искусственной. В самом деле. Не привыкли ли мы считать анархическую систему таким идейным материком, который охватывает, или *завершает* все другие прошлые, обреченные, подобно Атлантиде, исчезнуть под поверхностью исторического потока? Не есть ли лево-народничество только крыло оффициально-революционного народничества вообще, т. е. *государственного* социализма? Если оба они—*системы* организованного построения общества и мира, зиждущиеся на *разных* началах, то может ли быть между ними соотношение концентрических кругов, а не прямого, принципиального противопоставления. А между тем подход наш как будто об'являет одно долевой частью другого. Есть ли оправдание такому подходу? Левое ли народничество, или анархизм внутренно преображается в такой постановке?

Это—вопросы важные, на которые уже дают некоторые ответы и наша революция и П. А. Кропоткин. Присмотримся к этим ответам.

Основное содержание анархизма, внутренний пафос его горения—это вопросы о преодолении *власти* человека над человеком. Не только и не столько материального освобождения, сколько освобождения человека вообще ищет анархизм. В этом его коренное новое в сравнении с социализмом в обычном понимании этого слова. Он поэтому низвергает не только капиталистический, но и всякий государствен-

---

[1]) Помещая статью тов. Штейнберга редакция не может всецело согласиться с автором в его характеристике анархизма, но, тем не менее, считает эту статью в высшей степени интересной и ценной и видит в ней своеобразный подход к анализу левого народничества и попытку выявления элемента антигосударственности в нем. Следует отметить, что взгляды автора на роль государства и государственности во многом сходятся с взглядами П. Л. Лаврова.
Редакция.

нический и властнический порядок. Эту безмерную и стихийную, как океан тягу к абсолютной свободе учением и жизнью своею воплотил Бакунин. Но Бакунин не сумел еще наметить для нее реальные формы воплощения, а Прудоновские формы стоят в стороне от буйного развития нашей цивилизации. В лице *П. Кропоткина* анархизм впервые стал почвенным, стал крепко становиться на ноги. Его социальные построения стали *реальными* попытками сочетать материальное освобождение людей с безвластными формами общежития. В противовес марксизму, целиком заимствовавшему для себя всю архитектуру буржуазного мира и культуры, только переменив для них математический знак, П. Кропоткин стремился об'единить наиболее ценные достижения культуры с упроченным существованием свободы. И мы знаем: Кропоткин *отверг* целиком и совершенно общественную организацию, созданную нынешней полосой российской революции.

Левое народничество (партия левых с.-р., в первую очередь) пришло в революцию 17—18 г.г. в достаточной мере авторитарным. Оффициальная теоретическая мысль его старшего поколения закрыла от него живые источники мысли Лаврова, которого сегодня молодое революционное поколение как бы заново открывает. Оно с усердием разрушало, строило, разрушало вновь государственные органы революции все более преисполняясь разочарованиями. Чем дальше, тем больше оно как бы сбрасывало с себя одно за дргим теоретические одежды прошлого. Как бы оправляясь от какого-то искусственного сна, левое народничество, наконец, почувствовало, что в его жилах течет и кровь Бакунина.

Для возникновения этого самосознания было три источника. Не даром же, во-первых, проблема *личности* всегда стояла в центре народнического миросозерцания. Это ее центральное место тем самым противопоставляло ее, в самой плодотворной форме, тираническому понятию и фетишу *общественного* блага, общественного верховенства. Народническая культура—философия никогда не заменяла Птоломеевой системы Галилеевой в пределах социального творчества. Если в эпоху нароставшей революции человек—борец, шедший в наступающей фаланге, и отходит еще в тень перед первенствующим коллективом, то уже первая волна спада революции оживила всю остроту этого вопроса. И болезненно почувствовал себя человек вновь самостоятельной силой *на фоне* революционного общества, равной с ним самоценностью.—Тем же и вторым источником сближения с анархизмом стал для левого народничества *Лавров*. Боевым криком рабочего социализма об'являл он в «новооткрытой» книге две формулы: «Прекращение эксплуатации человека человеком и прекращение *управления* человека человеком» [1]). Подчеркивая, что слово «управление» должно быть понято не в смысле добровольного под-

[1]) «Государственный элемент в будущем обществе» 68, 70, 90, 99.

чинения, но в смысле *принудительной власти* одной *личности над другою*, Лавров добавляет, что «неосуществимость второй формулы влечет за собой неосуществимость и первой». И даже ведя свой спор с Цезарем де-Папом, он всячески доказывает, насколько полно в обществе осуществленного социализма место принудительной власти займет власть общественного мнения. И он делал окончательный свой вывод: «*обе* формулы, заключающиеся в боевом крике рабочего социализма, *одинаково достижимы*; общежитие, устроенное по началам рабочего социализма, может устранить управление человека человеком, может обойтись без специальной полиции, специального суда, специальной администрации... Государственный элемент в будущем обществе может не только дойти до известного минимума, *но может и совершенно исчезнуть*». Но у лево-народничества есть более убедительный аргумент, чем литературные: и это горючий опыт самой революции нашей. За многие годы ее развития происходили не только одни частые смены власти в коллективно-национальном масштабе ее («власть валялась в пыли»). Но власть находилась в пыли постоянно и в другом смысле, в лично-интимном смысле. Через испытание властью за эти годы прошли, быть может, миллионы людей, причем они испытывали существо ее на обоих полюсах ее: как властители и как подвластные—в разных степенях и с разным напряжением. Но трудящиеся, пройдя через это как бы всенародное священство, ближе познали и природу его. Призрачно-освободительный характер власти стал опытно-постигаем, когда революция жестоко споткнулась об эту проблему. Большевизм, в качестве государства обнаружил себя, как величайшая и, вероятно, последняя трагическая попытка человеколюбивого и доктринерски-гордого *тираннизма*. Власть всех над немногими превратилась во власть немногих над всеми, приведя к глубокому практическому и духовному безплодию революции. Но этого мало: в процессе самопознания стало становиться ясным, что опасны не одни только большевистски-государственные Советы, но и *всякие* монопольные органы государства. Советская Республика, в той наивно-свернутой форме, как ее родили октябрьские дни, неизбежно и себя включала в исторический ряд традиционных *государственных* образований.

И тогда левое народничество, держась за Советы, стало программно усиленно сокращать размах и направление их деятельности и планов. Мы не говорим уже о требовании широчайшей демократизации их (в выборе и деятельности), о требовании широчайшей децентрализации их: эти требования должны были в наибольшей степени приблизить момент выявления государственной воли к физическим носителям ее. Но оно же выставило и требование иное: разгрузку Советов от всех народно-хозяйственных и специально-культурных функций общества. Создание наряду с политическими советами союзов производителей (синдикатов) с одной стороны, и союзов

потребителей (кооперации), с другой—должно осуществить ту сложную организацию трудового общества, при которой все государственные органы сокращаются наиболее сильно и в отношении своих *функций*. Требование же мягких форм государственного воздействия (отказ от смертной казни, признание самостоятельных прав трудовой личности) и, наконец, признание роли все более растущей *внегосударственной*, строящейся на договоре, общественности—все это также должно прокладывать пути к реальному «отмиранию государства» [1]). На всех этих путях лево-народничество, как социалистическая система, явно вдвигает себя в сферу *анархизма*.

И все же: оно *не* становится анархической системой. Почему?

Здесь мы подходим к корню вопроса. Потому что все эти социальные построения—как и близкие им анархические построения—не составляют системы анархизма в его чистом, развернутом виде. Ибо—и это самое важное—во всех этих построениях неразложенным, хотя и раздробленным остается *кристалл власти*. Подобно тому, как дождевой червь, разрезанный на части, все же остается в каждой своей доле тем же червем, и власть, при любой системе ее организации, остается в своей социально и индивидуально-психологической природе равной сама себе. Власть, розданная по рукам и расщепленная в составе своем, все же остается такою же. Об этом, быть может не слишком наглядно, говорят *два* ряда фактов человеческой жизни.

Освобождение человечества мыслится всеми на фоне достижения величайшей производительности труда, на фоне мощного технического прогресса, роста крупного, фабрично-машинного производства. Не будем напоминать здесь о тех, поистине оргиях мысли, помощью которых марксизм строил представления о машинном социализме. Крупная, централизованная индустрия и всепоглощающая машинная техника—это были две находки, в которые марксизм с самого начала заковывает развитие будущего общества свободы. «Каковы классовые цели пролетариата? писал в 1919 г. Ленин. Это организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще» [2]). П. Кропоткину принадлежит величайшая заслуга в том, что он высоко поднял и раз'яснил значение *мелкого* хозяйства во всех его формах. В своей книге «Поля, фабрики и мастерские» он не только реабилитировал, но и воспел творческую силу малого крестьянского хозяйства, кустарного промысла, производственной артели, мелких видов промышленности. Но рядом с художественной изобразительностью личного труда, рядом с применением механического двигателя в мелком хозяйстве, он признает и *крупную машинную фабрику*. «Конечно—го-

[1]) Ср. № 7 (9) «Знамя»: тезисы о государстве.
[2]) № 7 8 «Коммунистич. Интернационал». Стр 959.

ворит он [1])—ошибочно было бы думать, что промышленность должна вернуться к первобытной ручной работе для того, чтобы соединиться с земледелием. Повсюду, где машина облегчает человеческий труд, она желательна и необходима; и нет почти ни одной отрасли промышленности, к которой нельзя было бы с выгодой применить машину, по крайней мере,—в некоторых стадиях производства». «Земледелие не может развиваться без помощи машины». «При обработке волокнистых веществ, где требуется произвести миллионы аршин и для этого нужны сложные машины, конкуренция ручных станков с механическими представляется, очевидно, анахронизмом который кое-где благодаря местным условиям, может еще продержаться некоторое время, но неминуемо обречен на погибель». П. Кропоткин здесь становится на позицию крупного машинного производства. Он это и говорит прямо. «Если мы рассмотрим современную промышленность, то увидим, что в некоторых отраслях организованная совместная работа ста или даже тысячи людей совершенно необходима, как например, в чугунно-литейной или горной промышленности. Ясно, также, что нельзя строить океанские пароходы в деревне». Высказываясь, наконец, о необходимости создания «фабрик среди полей», и перемещения промышленности в деревню, он заключает в своей книге: «Устраивайте фабрики и заводы возле ваших полей и работайте в них. Я не говорю—добавляет он—о гигантских зданиях, где перерабатываются громадные массы металлов, я говорю о бесконечно разнообразных мастерских.. Это будут не такие фабрики, в которых дети теряют свой детский облик в «адской атмосфере, но фабрики просторные, гигиенические»...

Итак, Кропоткин—сторонник крупно-машинного производства в освобожденном от эксплоатации обществе. Но там, где оно функционирует хотя бы частично, оно накладывает свою печать и на *весь* облик общества. А между тем существует один несомненный факт: на фабрике работник был, есть и будет *слугою* техники, *подданным* машины, *частичкой* системы. Этот факт остается в полной силе, несмотря на грядущее техническое и общекультурное развитие рабочего, когда он будет об'единять в себе разнообразные моменты труда, даже переходя от одного вида его к другому, даже вовлекаясь в творческие, изобретательские процессы его [2]). Ибо крупное производство это не что иное, как могуче разветвленная, зорко наблюдающая, скупо отмеривающая права, по Тэйлору «научно» нагромождающая обязанности *система управления*. Крупное производство—либо одно большое, либо система малых государств—фабрик, в которых людской материал неизменно делится на две касты: управляющих и

[1]) «Поля, фабрики и мастерские» 1921. Стр. 176, 186, 190, 220.

[2]) Ср. новейшие книги по гильд-социализму, напр. Стирлинга-Тейлора, глава «Философия жизни гильдеизма».

управляемых. Государство—фабрика может и будет относиться благожелательно, попечительно и даже свободолюбиво к своим сотрудникам, но оно сурово, взором василиска будет следить за каждым шагом и дыханием их. Работник здесь так же свободен, как «свободно» падает—в известном примере Спинозы—камень, мнящий себя таким [1]. «В крупном производстве—говорит Каутский в последней своей работе [2]) рабочий может быть только колесиком в большом механизме, или лучше сказать только отдельным органом большого организма. Он должен включить себя в план общего. Эта необходимость не устраняется тем, что крупное производство из капиталистического делается социалистическим». И это потому, что основной сущностью фабрики является *закон*, а не соглашение, *приказ*, а не сговор.

Но мало этого: крупное производство с неизбежностью вызывает (или сохраняет) к жизни и крупное *государственное* целое. Ибо такое производство означает нечто иное, как сочетание воедино отделенных хозяйственных областей (районов сырья, обработки, сбыта). А это значит, что в своем внешнем бытии фабрика предполагает разветвленную, многообразнейшую и сложнейшую систему *государственных* органов, которые надзирают, двигают, толкают, опекают, карают, награждают. Таким образом фабрика внутри своих стен создает хозяйственную аристократию, а вне их такую же, но еще более могущественную бюрократию. Такая машина создает систему «двойного подданства»: вольного работника превращая в «рабочего», а вольного гражданина—в подданного. Это natura rerum...

И пусть не кажется, что можно день человека делить на *две* различные доли: на чисто — трудовую и творческую, когда в первой царила бы «по необходимости» централизованная дисциплина, а в пределах второй человек был-бы свободен в творчестве жизни. Римлянин в производственном процессе, эллин — в остальных процессах жизни—такой идеал будущего человека противоречив и утопичен. Ибо труд — лишь частный вид проявления творчества и, только одинаковые нормы духа могут существовать для того, и другого. Если в хозяйстве царит фабрика, то фабричное клеймо лежит *на всех* без исключениях сферах жизни.

Мы видим, насколько сложен процесс перехода власти над людьми и «властью над вещами». И мы видим даже, что посольку

---

[1]) Лавров говорит: «каждый член общества может каждую минуту оставить копи, но пока он участвует в их разработке, он нравственно обязан (к. м.) безусловно подчиняться свободно избранным руководителям работ. Общественное мнение тяжело обрушилось бы на него и в том случае, если бы он легкомысленно бросил работу на себя взятую, и если бы вздумал не подчиниться руководству лиц, поставленных в управление работами тем самым союзом, к которому он добровольно приступил». (Гос. Эл. 97).

[2]) «Von der Demokratie zur Staatsklaverei». 1921. Стр. 111.

власть питается в огромной степени соками, идущими из крупно-производственных и, значит, крупно-территориальных условий жизни, проблема жизни упирается в другую: в вопрос об использовании благ *цивилизации*. Вероятнее всего, что действительное ущербление власти идет рядом с решимостью к некоторому примитивизму жизни, к согласию на добровольное опрощение ее. Этого нет еще в сознании революционного человека.

Точно также как нет еще и другого осознания у него: и в этом кроется *второй* источник власти и на будущее. Мы разумеем все те многочисленнейшие отношения людей между собой, в которых они выступают в вертикальной связи, в которых один *выше*, а другой *ниже* другого. Когда-то русский ученый юрист Б. Кистяковский написал «В отношениях господства и подчинения, как социально-психологического явления, есть в конце концов *какая-то загадка, нечто таинственное и как бы мистическое*. Каким образом воля одного человека подчиняет другую человеческую волю — очень трудно об'-яснить.[1]) Все равно, есть ли мистическая природа у власти или нет, но несомненно одно: тонкий яд власти многолик и проникает во все сферы людских взаимоотношений. Администратор, военачальник и общественный вождь, это — лишь наиболее яркие образчики власти человека над человеком. Но основные, подпочвенные ее корни в *бытие* и *интимных* отношениях людей: в отношениях семьи, построенной на дружбе и любви; в отношениях судьи, врача, священника, берущих хотя бы временно в плен человеческую душу; в отношениях таланта и гения, царственно владеющих духом потрясенного или восхищенного человека. Власть не как физическое или даже юридическое принуждение, а только лишь как духовное понуждение—полновластно царит в этих сокровеннейших покоях человеческой души. И последний бунт против всякой власти—хотя бы и маскирующейся в «законные» личины дружбы, доброты, любви, преклонения и величия, должен происходить именно в этих сферах. Ибо здесь-то — сверх-общественные или лучше сказать, дообщественные корни всякой политической или экономической власти.

Мы думаем, что сознание этого, как и осознание опасной природы фабрики *еще* не стало твердым убеждением бойцов за новый мир. А между тем борьба за этот мир, социалистическая революция, *уже* началась. Она пришла в человечество *раньше*, чем воспитание к безвластию проникло ею в основном. Есть в нем только могущественная *тяга* к этому безвластию, обнаруживающаяся в борьбе с государственными и хозяйственными органами прошлого, в борьбе за новые общественные органы управления. Но нет этого окончательного проникновения в природу последнего безвластья.

[1]) «Социальные науки и право». 1916, 471.

Отсюда и рождается у нас то понятие *переходного периода*, которого не хочет признавать анархизм и который целиком уродуется воинствующим марксизмом (большевизмом). Лавров определяет этот период так: «дело идет о той весьма трудной эпохе, которая наступит на другой день после успешной социальной революции в довольно обширной стране, когда рядом с победителями будут стоять побежденные, запуганные, бессильные, но враждебные элементы паразитов разрушенного строя; когда за границею социалистической страны будут государства с буржуазным строем; когда большинство самих борцов победителей, провозгласивших начала рабочего социализма, будет бессознательно хранить в себе привычки и влечения, унаследованные от *строя* (к. м.) в котором это большинство выросло, воспитывалось и развивалось».[1]) Для нас этот переходный период удлиняется больше, чем его очертал Лавров, ибо мы причины, препятствующие полному освобождению человека, видим не только в том, что отметил он: в гражданской войне и переживаниях собственнического строя. Для нас «переходный период»—это весь тот период, который предшествует осуществлению *анархизма* в его развернутом виде. И потому, он должен, и сохраняя элементы власти, в то же время вовлекать в свою программу максимальное количество анархических элементов. Здесь—коренное различие между левым народничеством, с одной стороны, большевизмом и анархизмом, с другой. Большевизм признает необходимость переходного периода, но, вместо того чтобы сделать его мощным источником воспитания нового человека, он превращает его в осколок со старого мира. Напитывая его государственным напряжением, он переходный период делает не авангардом нового, а только *арриергардом* буржуазно-властнического строя. Анархизм же целиком отрицающий этот период, попадает в плен к иллюзиям, ибо последний *существует*. Существует не только в полосе гражданской войны, но, как мы видим, и помимо и дальше ее: поскольку он сохраняет, пусть и в раздробленном виде, но несомненные элементы общественной власти. Левое же народничество принимает этот период, ставя при этом себе одно лишь условие: он не должен хранить в себе элементов, *принципиально отличных* и враждебных строю последней свободы людей. И приемля существование власти на этот период, оно зато раздробляет, пульверизирует, *анархизирует* ее. Этот период для нас ориентируется на анархизм.

Значит мы «минималисты» в отношении анархизма? — спросят нас.

И да и нет. *Нет:* ибо анархизм вовсе не есть какая либо определенная *система* органов общества, система организации жизни, которую нам нельзя было бы принять. Мы ему потому и не противостоим, как какая либо *иная* организация общества. Анархизм—это

---

[1]) Гос. эл. 74.

стихия, это—вольный дух человека, ищущий себе воплощения в системе, т. е. и в разных системах (но сами по себе асистематичные). Анархизм—это не социально-организационная или социально-техническая категория, а только категория социально-*психологическая*: он—принцип трансформации сознания и воли человека, последнее преображение души его [1]). Именно эту стихию лево-народничество в себя и вбирает.

Но и *да*: мы минималисты. Ибо все же левое народничество ниже расценивает сейчас души и зрелость людей, чем анархизм. Ибо оно видит суровые препятствия и в хозяйстве и в быте людей, которые в переходный период расчищают лишь исходные пути для анархического духа.—Это конечно, *минимализм*, но уже иной, чем тот, который мы видим в социалистических партиях. Тот минимализм в пределах *одной* сферы (социально-организационной) внутри одного типа организации общества отстаивает нисшую степень его. Наш минимализм, беря высшую степень этого типа, останавливается уже лишь перед совершенно новым (безвластным) типом человеческого общества. Иными словами, левое народничество—социально максималистично, беря эти организации общества наилучше выработанные человеческим сознанием формы, но оно минималистично, поскольку признает неизбежность существования в них элементов власти. Это сочетание социального максимализма с анархическим минимализмом мы считаем, однако, единственно возможным в настоящем периоде не только для левого народничества. Ибо и оффициально анархические построения в этом периоде все же лишены подлинного анархического духа и смысла. Вот почему левое народничество не может отделять себя принципиальной гранью от анархизма. Залегающая между ними межа в высшей степени относительная и скользящая. Ибо оба они связаны между собой внутренне, как система и дух. Поскольку дух проникает систему, анархизм пропитывает собою левое народничество; а поскольку всякая система об'емлет дух, *левое народничество включает в себя анархизм* [2]). Оно вовлекает его в свою идейную работу, как новое изнутри руководящее, животворящее начало. Ибо еще раз: для нас анархизм не есть какой либо социологический предел, какой либо внешне очерченный и замкнутый *берег*, к котороиу надо целиком пристать, чтобы стать на него ногой, а духовный *ветер*, надувающий паруса переходного периода, духовное

---

[1]) Конечно, всякое социальное явление — психологично по природе, но анархизм это, так сказать, п р и н ц и п, изнутри одушевляющий социальные отношения.

[2]) «Анархизм» во всей этой статье берется как понятие последней мыслимой среди людей с в о б о д ы (в этом смысле понятие с отрицательным содержанием). Но идеал левого народничества не исчерпывается целиком этим понятием; он включает в себя и ряд п о л о ж и т е л ь н ы х моментов (любви, жертвенности, активной человечности и др.), о которых здесь не место говорить

*

начало, изнутри насыщающее материю социализма. И потому анархизм стоит не столько впереди, сколько *внутри* левого народничества.

Но было бы ошибкой думать, что анархический дух может проникать социалистические отношения чисто-*пассивными* путями, без решительного и постояьного воздействия человека. Знаменитая формула об «отмирании государства», вся насквозь пропитанная марксистски-механистическим духом, должна быть заменена другою: творческое *умерщвление* государства. Марксисты исходят из мысли, что безвластие *стихийно,* в процессе развития, когда нибудь вростет в отношения людей, что оно когда либо станет новой «природой» человека, незаметно выросшей из напряженного законодательного воздействия сверху [1]). И в этом смысле марксизм, исходящий из «железных законов» стихии и государственных законов «ученых» верхушек, внутренне враждебен анархизму, все строящему только на самостоятельном и сознательном творчестве каждого отдельного человека. Анархическое стремление духа не выжидает эволюционного изменения природы извне, а требует нéпрерывного революционного *преображения* этой природы.

Необходимо для этого отрешаться сознанием от выгод крупного *фабричного* производства; необходимо стремиться к переплавке фабрик в мастерские. Иначе хозяйничанье людей над людьми не будет переходить в хозяйствование их над вещами. Необходимо уметь отрешаться от величественных образов крупных *территорий*—муравейников. Иначе география будет пожирать историю человечества. Необходимо развертывать все отношения жизни на *договорном* начале, перекрывая ими творимые законом социальные ткани. Мы говорим, конечно, не о том, «общественном договоре», который связан с именем Руссо и так справедливо в свое время был заклеймен Прудоном. «Социальный договор—говорит Прудон—должен быть свободно обсужден, индивидуально принят, подписан manu propria всеми, кто участвует в нем» [2]). О таком только сговоре, свободно создаваемом, неустанно контролируемом и легко отменяемом, учил нас П. Кропоткин,

---

[1]) Любопытный образчик таких ожиданий дает напр. Оливетти («Проблемы современного социализма», 1908, стр. 39). Потребовались целые века железной общественной дисциплины, чтобы приучить людей к таким действиям, которые в настоящую минуту кажутся нам самыми несложными и естественными, напр. чтобы их приучить ходить по улицам, не споря или не вспарывая животов из-за вопроса о том, кто кому должен уступить дорогу. Кто проходит теперь по какой нибудь улице, хотя бы сотню шагов, тот заключает многочисленные безмолвные договоры....

А между тем в течение целых веков понадобились особые регламентации, законодательные меры, увещевания и угрозы правителей, чтобы препятствовать возникновению споров.

[2]) P. Proudhon. Idée générale de la Révolution au XIX siècle. 117.

говорим здесь и мы. Но мы знаем: договорно возникающие отношения в процессе своего *осуществления* вновь создают власть.[1]) И потому необходимо—и это самое главное — выкорчевывать элементы власти из бытовых и личных отношений людей между собой. Величайшая трудность, но зато и прекраснейшая задача духа будет заключаться в том, чтобы, отбросив всякую тень и завязь властвования и подчинения людей, расцветить свободою сферы их любви и дружбы и преклонения и руководительства. Анархизация жизни здесь, в этих сокровенных ее сферах, быть может сможет тогда внутренне видоизменять и губительные влияния крупнохозяйственных, крупно-территориальных, законодательных форм социальной жизни. Поскольку последние будут под влиянием наших представлений о цивилизации—сохраняться и впредь и надолго.

Эта ни на миг не прекращающаяся активность человека необходима для достижения анархического идеала жизни. Но она не окажется излишней и по достижении его. Ибо анархизм не есть завоевание какого либо *строя,* а неустанное преодоление в себе «ветхого человека». Но понятие ветхого человека — динамическое понятие; и содержание его будет меняться с каждым под‘емом человечества на высшую ступень. И новые идеалы и новые борения будут рождаться в его груди в каждое утро его жизни.

Подобно тому, как буржуазная революция 89-го года была зачинательницей социализма, и наша социалистическая революция несет в себе зародыш анархизма. Левое народничество хочет сознательно помогать рождению его.

И. З. Штейнбеог.

Москва, Марта 1922 г.

---

[1]) Власть эта создается не только в федеративном строе жизни, где большинство подчиняет меньшинство уже в самом процессе законодательствования. Власть рождается и в конфедерации, в том периоде осуществления договора, который лежит между заключением и расторжением его.

П. А. Кропоткин [1]).

Смерть великого человека—есть начало его новой, углубленной, подлинной жизни.

Только со смертью многочисленные и многообразные творческие пучки, образующие наш жизненный процесс, слагаются в тот своеобразный законченный синтез, о котором только и возможна—в пределах неизбежной относительности наших суждений—наша полная человеческая мысль, наша полная, до конца идущая оценка.

Смерть подымает во весь рост—то, что в личности было действительно оригинальными не забываемым. Из смерти выростает «творение» нашей жизни и ему открывается историческое бытие, не ограниченное более узкими рамками человеческой жизни.

Так открывается суд и для дела того великого человека, почтить память которого мы сейчас собрались.

Среди великих натур, волновавших и потрясавших своих современников, Петр Алексеевич принадлежал к числу тех, и притом совершенно исключительных, которые силой внутреннего гения сумели подняться над тем, что принято называть творением мыслителя, в собственном смысле этого слова—его убеждениями, теориями, мечтаниями и обратить в творение самую свою жизнь.

И жизнь Петра Алексеевича, независимо от специфической насыщенности ее исключительными событиями, есть поистине непрестанное становление, непрестанное утверждение себя в духе своего внутреннего исповедания.

Петр Алексеевич был не только огромный мыслитель, не только авторитетнейший и проникновеннейший апостол анархического учения. В течение многих десятков лет он сам, всей своей жизнью—и в общих линиях ее и в подробностях отдельных актов—был живым воплощением своего учения, был живой неотразимой совестью для всех, так или иначе соприкасавшихся ему, даже далеко за пределами полного с ним единомыслия.

---

[1]) Фрагменты речи, произнесенной в Москве 8 февр. 1922 г. на вечере посвященном памяти П. А. Кропоткина. Восстановлены по памяти.

Потому он с полным правом—как это ни удивительно для человека его духовного роста, его масштабов—может быть назван одной из самых гармонических натур, которые когда-либо знало человечество.

Великость мысли, величие духа не даются даром.

Способность созерцать глубины, недоступные обычному человеческому духу, способность заглянуть в бездны, без того, чтобы кошмарное чудовище, сидящее в глуби колодца, не смутило вас своим неожиданным откровением, достаются на долю немногих вождей человечества.

Великий трагизм избранных—в том, что им ведомы такие искушения, такие соблазны, которые превосходят на много силы среднего человека.

Какое счастье открыть истину для себя! Подчинить ей все сомнения, все ищущее, все колеблющееся в себе и с этим, неодолимым в человеческих планах оружием, плыть по беспорядочному, пестрому, обильному загадками и падениями жизненному потоку.

Какая радость—еще несравненно высшая, несравненно более утоляющая—суметь сделать свою истину еще истиной других, видеть ее торжество над частными, конкретными условностями; прозревать ее будущую, в человеческих представлениях, быть может, бессмертную жизнь.

Но здесь и стерегут великого зачинателя—провозвестника истины—бездны.

В то время как у рядового человека начинается упокоение и радость сменяет—то томительно-монотонный, то лихорадочно-порывистый период исканий, к великому человеку приходит новое и последнее ли еще искушение?

Это—невольный скептицизм, даже не скептицизм—это не настоящее слово—но какое то из самых глубей человеческого существования идущее сомнение—истина-ли открыта? Та-ли истина, истина с большой буквы, истина всех истин, которой дано разом осветить весь путь, в которой смысл и предшествующего и последующего, истина, которой суждено, наконец, подлинное бессмертие; истина—источник высокой творческой радости?

Пусть с огромной силой, с неодолимой страстностью убеждения, с той художественной законченностью, которая уже одна свидетельствует о силе откровения, гении и вожди, учат мятущееся человечество своему открытию! В тайниках творческого духа таится уже ядовитый червь сомнения, который точит, гложет, родит беспокойные ночи и вновь бьет мыслителя несмиримой творческой дрожью.

Кто из вождей не знал—противоречий, встречающих каждое и самое гордое человеческое утверждение? Можно-ли было бы указать хотя одную великую творческую мысль, одну великую философскую

систему, за которыми не стояли бы смущающие человеческий ум условности?

Кто не знает, какие мучительные разрывы именно здесь, на этой почве возникали между учителями истин и их благоговейной паствой? Какое томительное чувство безнадежной пустоты овладевало вождем, когда «его» истина становилась достоянием других, делалась добычей педантов, учеников—послушных, кротких, благодарных, но столь далеких учителю, даже и не думающих о том, что для него встает уже новое небо, а достигнутое лежит перед ним не как полная истина, а лишь частная малая ступень к новому, дальнейшему, еще неведомому, но уже порабощающему своей предчувствуемой красотой и мозг, и сердце и волю искателя.

И сколько среди вождей было таких, которые или вовсе отказывались от своих ранних детищ или пали под тяжестью «своих» истин, облагодетельствовав других.

Да, великие люди должны испытывать на земле великую грусть и не только тогда, когда они остаются непонятыми современниками—это меньшая боль,—а тогда, когда истина их в усвоении и приятии других острием своим обращается против творца. И в то время как истину искателя жадно и пышно встречают, в его груди зреет катастрофа.

От этой страшной неисцелимой язвы был всегда свободен Кропоткин.

Никогда, нигде, во всем творении его жизни и в самой жизни—не услышите вы ни одной ноты разочарования или сомнения в той «вере»—слово, им особенно любимое—которая начала светить его путь с первых шагов его сознательной деятельности.

Между тем—он испытал в полной мере глубину и горечь трагического.

Это трагическое—целомудренно, согласно с представлениями его о нравственном долге—схоронено в тайниках его души.

Социальная революция пришла—вопреки всем научным формулировкам, теориям и схемам, вопреки трафаретным представлениям социалистической мысли из величайшей мировой катаклизмы.

Теперь, когда патентованные доктринеры революции сочинили кучи апостериорных законов, стало ясным, доказанным и необходимым то, что обычно и еще незадолго перед самой революцией, казалось невозможным и недоказуемым.

Однако, революционеру, и тем более одному из вождей революционной мысли, оставалось одно—принять революцию, сколь неподготовленными нас бы ни застала эта, столь долго ожидаемая и вместе столь нежданная гостья.

Но принять социальную революцию—значило принять также все, что было с ней—и, то, что было, ее органическим порожде-

нием и то, что было, быть может, ее уродливым придатком: и централизованное государство с деспотическими щупальцами на местах, и партийную указку, доктринерски выношенную в кабинете, подкрепленную санкциями, тюрьмами, террором. А... главное, главное ему — проницательному, изощренному наблюдателю, вооруженному глубоким и разносторонним социологическим и историческим знанием, огромным личным опытом, одаренному глубокой непогрешимой интуицией революционера — было ясно уже с самого начала, что величайший народный под'ем, вольнолюбивой стихией разлившийся по стране, сносивший до конца все, что столетиями гнело чувства, совесть, всю жизнь народа, усилиями самих же революционеров загонялся в искусственно надуманное, узкое, фальшивое русло законности, отдавшей все творчество в руки привилегированных просветителей.

Не в частичном улучшении положения трудящихся масс, не в освобождении их от искушающего гнета полицейского самодержавия, не в перераспределении по социалистическому катехизису их прав и обязанностей, но — в последнем освобождении человека от чуждых, извне приносимых и навязываемых ему санкций — видел Кропоткин великую цель революции.

Революция должна была покончить с убивающим человеческую свободу фетишизмом не для того, чтобы строить новые фетиши, как бы ни был высок или драгоценен материал, на это употребленный.

«...Социальная революция — писал он однажды — *должна быть созидательницей новых форм общественной жизни*, а эта созидательная сила может явиться только из самой среды народных масс — от тех, кто сам своими руками добывает, обрабатывает и изменяет продукты природы и образует в своей совокупности общество производителей.

Созидательная сила социальной революции не может явиться из книг и ученых трактатов. Книги — это прошлое, они могут, иногда, разбудить дух критики и возмущения. Но они совершенно не способны предсказать будущее и начертать план новой жизни. Для этого необходимо следовать внушениям *самой жизни*». (Курсив — П. А. К.).

Между тем с ростом и укреплением революции Кропоткин видел — нарождение и укрепление нового великого фетишизма, несравненно более соблазнительного, неотразимого и опасного, чем все его прежние ипостаси, ибо он шел под революционной маской и внешне, видимо для всех, нес высокий освобождающий смысл.

Кропоткину, в течение десятилетий возглавлявшему могучее течение революционной мысли, разумеется, не могли быть страшны ни кровь, ни творческое разрушение, которое должно было поколебать сверху до низу основания старого общества.

Он сам учил в вдохновенных словах, что революция, плод долгих подготовительных восстаний, бунтов, жакерий, должна быть бурной.

Как первоклассный историк, он знает, что были—жакерии, пожары замков, амбаров, урожаев, грабежи, «выборы при помощи дубин», убийства сеньоров. Для него—«кровь народа прольется не даром, если слово экспроприация вырвется в день революции из всех уст», если экспроприация «перейдет из теории в практику».

Он знает, наконец, что «народный инстинкт не ошибается».

Там, где народ, где трудящиеся массы творят новое дело и разбивают в дребезги недавно несокрушимый идол права—там не страшны никакие жертвы. В этом естественном, выношенном ценой долгих страданий, взрыве народной воли—не может быть имморализма, не может быть несправедливого. Великан, выпрямляя годами согнутую спину, может толкнуть пигмеев, державших его в цепях.

И потому постулаты революции—напоены всегда бесспорным нравственным смыслом, измеряемым не критериями суб'ективной совести, но всенародным, соборным сознанием правоты.

И, конечно, ни размеры, ни глубина революционного взрыва, никакие стихии разрушения не могли бы возмутить дух старого революционера. Его смутило другое.

Революция шла и вновь созидались пастыри и стадо, просвещенный и просветительный центр и дикий мятущийся хаос... Вновь, как прежде, над огромной разбушевавшейся стихией, горевшей революционным пламенем, простерлась рука—устрояющая, милующая, карающая. Вновь, как всегда, революционный пожар стал кошмаром патентованных революционеров. И лихорадочно стали возводить плотины против рвавших все волн народной воли, стали наспех водружать иконы на место свергнутых старых, чтобы научить нужному благоговению непослушные народные массы...

Кропоткину было ясно все это уже с тех первых шагов революции, когда закладывались первые камни партийных учреждений, долженствовавших учить народ, трудящиеся массы—как надо разрушать, как надо делать революцию.

Кропоткин чувствовал эту безсознательную, а иногда и сознательную мистификацию, от которой, по убеждению его, революция должна была пойти на ущерб и от которой пошли—для него—напрасные и долгие вереницы жертв.

Исполнилось то, о чем он пророчески писал: «...Одного разрушения недостаточно. Нужно также и уметь создавать. Народ всегда оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал об этом созидании».

Но там, где мрачный и внутренно противоречивый гений бросил бы проклятие цивилизации, не стоящей «слезинки ребенка», гармонический гений Кропоткина все же укрепил и сохранил в целости его веру.

Уже в последние дни свои—в мае 1920 г.—он пишет одному из младших товарищей своих письмо, полное безгранично-свежей, юношески-наивной, глубокой, увлекающей веры в будущее.

«...Я глубоко верю в будущее»—начинает он свой прогноз в этом письме. Он «верит», что в ближайшие пятьдесят лет синдикальное движение сумеет «приступить к созданию коммунистического и безгосударственного общества». Он «верит», что в эти же пятьдесят лет «русское крестьянское кооперативное движение» представит «живучее творческое ядро коммунистической жизни». Он «верит» и в то, что найдутся силы, которые сумеют «оформить, разработать, обосновать их, помочь им обратиться из орудий самозащиты в могучие орудия коммунистического преобразования общества». Он «верит», наконец, что народы «разбившись на малые государства, начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни»...

О! Скольким—и прежде всего «централизаторам»—письмо такое покажется неубедительным, наивным, утопическим. Скольким покажется достаточным для опровержения этой «веры»—пожав плечами, сослаться на «историческую необходимость», как будто, «исторических необходимостей» не столько, сколько имеется налицо в данный момент партийных мировоззрений, как будто «историческая необходимость»—не та же «вера», суб'ективная, недоказуемая...

Но сейчас—дело не в полемике с теми или другими воззрениями.

Я говорил об этом письме только потому, что так «верить», так безгранично надеяться на конечное и близкое торжество своих идеалов—почти накануне своего 80-летия—может только подлинный и великий революционер, не только верящий в свою правду, но еще и не уставший от борьбы за нее.

Так писать—мог только воистину гармонический человек, который мудро, достойно, любовно—без мелкого злопыхательства, политиканства, ненавистничества—сумел изжить в себе трагические противоречия великой эпохи.

Мог и сумел изжить потому, что он провидел уже те пути, которые для нас заволоклись колючей или плоской обыденщиной, на которые мы ступить не можем в силу нашего собственного несовершенства, но вместе не пускаем и других, опасаясь за их несовершенство.

И тогда, когда думали, что Кропоткин устал, отстал, ушел назад—он шел уже далее нас, впереди нас, пролагал ту тропу, на которую неминуемо вступим мы, когда окончательно прозреют наши глаза и совесть.

Когда я вспоминаю последние дни Кропоткина—невольно мне вспоминается образ, созданный глубоким гением безвременно угасшего поэта:

И за вьюгой невидим,
И от пулей невредим,
Тихой поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди Иисус Христос!

Да, подобно величайшему из человеколюбцев, молчаливо, любовно, не омоченный шалой человеческой кровью, над драмами, подвигами и гнусностями сегодняшнего дня, перед мятущимися, то парящими к облакам, то падающими в грязь, вождями революции— шел он своим путем, никого не насилуя, никого не оскорбляя, но ни в чем не уступая и увлекая за собой лишь силой своей незапятнанно-чистой, всех освобождающей правды [1]).

«Правда» его—известна всему миру. Но лучше всего, в немногих словах, может быть она выражена в формуле, бывшей задушевной заповедью великого русского мыслителя: «При полном реализме найти в человеке человека».

Здесь—вся его правда, весь его анархизм.

Понять в себе человеческое; определить свое человеческое назначение—внутренними, адекватными личным чувствованиям мотивами, а не извне навязанными принудительными санкциями и кодексами, мотивами солидарности, гуманности и затем это человеческое почувствовать не только в себе, но и в другом, стоящем рядом - вот анархическое credo Кропоткина.

Как определить—где «кончается одна личность и начинается другая?». Может-ли это сделать наука, политическое мировоззрение, партийная программа?

Нет! И потому и там, где Кропоткин выступает, как апостол анархизма, испытанный и непримиримый борец за анархические ценности, и там—и еще более там—где он выступает, как вдумчивый, критически настроенный и всесторонне вооруженный ученый - он выступает всегда на преодоление жесточайшей антиномии между «я» и «не я».

В наиболее научной и наиболее ученой из своих социологических работ—«Взаимопомощь»—этой бесконечной поэме любви, человеческой гармонии, он учит, как весь мир, мир людей и животных образует одну гигантскую федерацию взаимопомощи, как весь он проникнут чувством солидарности, как в этом чувстве и только в нем заключены возможности социального выживания, отбора и социального прогресса.

И в свете его всеочеловечивающего учения, человек перестает быть изолированным атомом, исторической пылью и вырастает в живого самоосвобождающегося радостного творца; общество перестает быть мертвой механической суммой отвлеченных, надорганических, бесплотных лиц, а становится живой, вечно движущейся, творческой реальностью.

---

[1]) Это чувствовали в нем и ранее другие люди, и в общественном смысле, быть может, его антиподы. В вдохновенной покаянной (De profundis) Уайльд, умиленный высокой красотой жизни Кропоткина, именует его вторым Христом.

Учение Петра Алексеевича—не романтическая вспышка, не надуманный энтузиазм, но действенный восторг пред кипучей, неодолимой творческой энергией природы, которая весь космос, все неисчерпаемое многообразие слагающих его бесконечно малых наполняет одним общим чувством—чувством солидарности.

И сам Петр Алексеевич и вся его жизнь были таким вечно кипящим, брызжущим родником этого чувства.

И потому приобщение и творчеству и жизненному примеру Петра Алексеевича останется навсегда для нас источником просветления, творческого сознания, радости!

Алексей Боровой.

Речь, произнесенная И. Гроссманом-Рощиным на могиле Петра Алексеевича Кропоткина в день годовщины смерти Петра Алексеевича, 8-го февраля 1922 года.

Товарищи! В день годовщины смерти нашего учителя, мыслителя борца, нам необходимо вспомнить основные черты миропонимания Петра Алексеевича, необходимо указать на ту работу, которую могут и обязаны выполнить все анархисты, без различия фракций и направлений.

Петр Алексеевич Кропоткин был бунтарем и его классовобунтарский призыв не должен и не может быть заглушен либеральными нотками соглашательства. Мы знаем, что многие пытаются толковать взаимопомощь в духе либерального прогрессизма, другие идут дальше и противополагают сантиментальную любовь суровой классовой борьбе.

Петр Алексеевич Кропоткин протестовал энергичнейшим образом, когда пытались дать такое толкование его бунтарско-революционной идеологии.

Петр Алексеевич Кропоткин призывал угнетенных к бунтарским восстаниям и разрушению во имя социальной революции. Петр Алексеевич Кропоткин, правда, строго соподчинял элемент разрушения элементу созидания. Разрушению основ старого мира должно соответствовать созидание *новых форм общежития.* Но если процесс разрушения подчинен моменту созидания *будущих* форм общежития, то надо подчеркнуть, что бунтовский дух имеет для Кропоткина и самодовлеющее значение, в настоящем, как психологический фактор в борьбе с гипнозом буржуазных идолов. Это означает, что пролетарская свобода не явится разультатом одних только стремлений к экономическому благополучию; пролетарская воля предполагает психологическую предпосылку—*жажду свободы, гордость* труда, *не желание быть рабом.* Этот-то внутренний момент играет колоссальную роль, и жажда свободы не есть «надстройка» над экономикой.

Правильная и глубокая оценка значения внутренняго духовного мятежа и дало Кропоткину возможность довести до конца центральную идею свободы—*антигосударственность.*

В отношении к вопросу о государстве Петр Алексеевич и его система занимают такое же место, как идея социализма по отно-

шению к идее частной собственности. Буржуазный социолог никак не поймет, как это то может существовать, крепнуть и развиваться строй, не основанный на конкуренции, взаимной грызни, купли-продажи. «Социалист» также недоумевает, как это-де возможно, чтобы существовал строй без принудительных норм, судей, тюремщиков и архи-либеральных прокуроров?. Аналогия идет дальше: буржуазный социолог прекрасно знает, что капиталистический способ производства и распределения—не вечная норма, не закон природы, не Богом данная на Синае заповедь, а есть лишь порождение определенных исторических условий; все же буржуазный социолог, любящий помечтать о грядущем царстве свободы, никак не может активно выйти из пределов данной исторической среды. Поразительно: буржуазный мыслитель не только релятивист, но релятивизм доводится до *нигилизма* и все же буржуазный ученый,—раб—фетишист данной исторической ситуации. Тоже происходит и с социалистом государственником: как бы он в теории не исповедывал и не проповедывал, что государство и право есть только порождение данных исторических условий, все же социалист органически, *в своих действиях*, не может выйти за пределы государственнического мировоззрения. Правда, коммунисты говорят о том, что, с исчезновением классов исчезнет и надстройка—Государство. Они даже обижаются, когда мы называем их государственниками. Но это учение коммунистов еще рельефнее подчеркивает внутреннее расхождение между коммунистами и системой анархизма, представителем которой является П. А. Кропоткин. Коммунисты до идеи безгосударственности чисто *логически «доходят»*; анархисты же, в своей *практической* деятельности, из безгосударственности *исходят*. Это накладывает своеобразный отпечаток на деятельность анархистов даже тогда, когда, чисто фактически и технически мы делаем тоже, что и коммунисты.

Среди нас, товарищи, нет единогласия по вопросу об оценке принудительных норм, практикуемых большевиками в борьбе за октябрьскую революцию. Некоторые из нас—к ним причисляю я и себя—предполагают, что широкое применение суровых принудительных норм, гипертрофия государственности, не есть результат государственности большевиков: все это вызывается об‘ективно тем, что всемирный империализм навязал нам логику *военщины*, сделав на долгое время почти невозможной логику *свободного производства*.

Допустим, что это так, хотя многие это отрицают. Значит ли что наша работа ни в чем внутренно не отличается от работы большевиков?. Нет, не означает. Нам, именно нам, необходимо озаботится о том, чтобы применяемые принудительные нормы остались *внешним фактом*, а не превратились во внутренний фактор. Ибо, если государственные правовые нормы проникнут в сознание рабочих масс, если произойдет *огосударствление душ*, то этим самым будет создана колоссальная преграда не только для осуществления идей

безгосударственности, но не менее грозное препятствие для экономического, коммунистического строительства. Ясно, что центром нашей работы должна явиться работа *культурная*; именно для того, подчеркиваю, чтобы принудительные нормы оставались внешним фактом и не сделались бы внутренним фактором: ведь нас Петр Алексеевич учит, что внутренний фактор—колоссальная и самостоятельная сила в деле освобождения труда.

А этой культурной работе в громадной степени может помочь пропаганда идей анархо-коммунизма. Этому может помочь тщательное, серьезное, строго-научное изучение мировоззрения нашего учителя, великого знамененосца безгосударственности — Петра Алексеевича Кропоткина.

Поэтому я полагаю, что наилучшим способом почитания памяти Петра Алексеевича Кропоткина явится *организация Института изучения идей П. А. Кропоткина*. Этот институт будет способствовать собиранию рассеянных, разбросанных сил анархизма. Этот институт может послужить центром идейного возрождения анархизма.

Хочется думать, что идея найдет живой отклик и реальное воплощение.

П. А. Кропоткин на смертном одре
(с фотографии 9-го Февр. 1921 г.).

Вместо венка[1]).

В лице П. А. Кропоткина угасла жизнь, полная и всесторонняя оценка которой принадлежит будущему. Нам современникам, трудно осознать и учесть все духовное величие этого огромного *человека.* Трудно теперь же,—да еще в буре революции,—подвести спокойные итоги этой, необыкновенно целостной и богатой вечными ценностями, жизни, этой удивительной деятельности. Кропоткин совмещал в себе и дал миру столько, что люди самых различных интересов, мировоззрений и вкусов могут найти в оставленной им духовной сокровищнице нечто для себя дорогое и близкое.

Специалист в целом ряде научных дисциплин, обогативший науку не одним блестящим исследованием; энциклопедист (в отношении научного знания вообще, охвативший современное знание во всем его об'еме—как вширь, так и вглубь); превосходный писатель, умевший, как никто, сочетать ясность, доступность и красоту стиля, художественность изложения с глубиной мысли и строгой научностью построения; человек бесконечно чуткого и любящего сердца, безупречной нравственной высоты и,—при изумительной внешней простоте, скромности и мягкости,—человек громадного характера и редкой энергии; революционер-анархист, теоретик, мыслитель и массовик-бунтарь, проповедник, учитель и творец,—он занимает среди гигантов XIX века совершенно особое место. И едва ли жизнь сумеет в ближайшее время наметить ему достойного преемника...

Одна за другой, гаснут, в наши великие и тяжкие дни,—драгоценнейшие жизни... Один за другим, покидают нас преданные, незаменимые люди и товарищи. За последние годы—уснул Михайловский, умолк Чехов, ушел Толстой, теперь угас Кропоткин... А сколько *безвестных* могил с останками скромных, незаметных, но тоже незаменимых, бесконечно ценных и дорогих товарищей разбросано по

---

[1]) Настоящая заметка была написана в феврале 1921 г. по случаю смерти П. А. Кропоткина и предназначалась для напечатания в однодневной газете, изданной анархическими организациями в день похорон П. А. Кропоткина, 13-го февраля 1921 г.; но за недостатком места эта заметка вместе с некоторыми другими статьями не была помещена. Примеч. Редакции.

равнинам и степям России!.. И из глубины сиротеющей души рвется мучительный стон: «Когда же, когда конец искупительным жертвам?»

Я видел Петра Алексеевича всего три месяца тому назад, в ноябре прошлого года, в его маленькой квартирке в Дмитрове. Он был бодр, оживлен, деятелен. В мышлении, в приемах речи—ничего дряхлого, старческого. Живо интересовался он текущими событиями, анархической работой вообще, украинским анархическим движением в особенности. С глубокой болью говорил он о том, что партийно-политический, государственнический путь нашей революции сделал и ее «типичной неудачной революцией», и высказывал опасение за возможность глубокой реакции. Но когда он, с необыкновенным вниманием и оживлением, выслушал рассказы мои и моих товарищей о положении на Украине,—он словно весь просиял и взволнованно несколько раз повторил: «Ну, ну, поезжайте, поезжайте туда, если там творится наше дело». И с грустью прибавил: «Ах, если бы я был молод,—я тоже поехал бы туда... работать...»

Как больно, что ему, всю жизнь грезившему обетованной землей и звавшему в нее всех обездоленных, не суждено было вступить в нее!

Волин.

Москва, Бутырская тюрьма.
февраль 1921.

П. А. Кропоткин [1]).

Ты пал гигант социальной борьбы—и я хочу сказать тебе свое надгробное слово.

Люблю я тех людей, которые среди социальных дебрей прокладывают новые дороги, которые ищут своих путей—они творцы новых ценностей. И ты был таким.

Твой анархо-коммунизм—дорога, широкая дорога, по которой теперь идут десятки тысяч людей—и ты один ее проложил.

Люблю я также тех людей, которые в своей жизни, по своей дороге идут прямым путем к цели—без компромиса, которые гордо умеют развевать наше черное революционное знамя, беспременно всегда идущих вперед.

Ты же любил бурно революции, от души презирая всякого рода «парламентский кретинизм».

Дух разрушающий и в тоже время созидающий был твоим духом.

А разве не шумом храбрых и мужественных идет новая жизнь?.

Люблю я, наконец и тех людей, которые умеют гореть на костре своих идей, для которых социальная правда- требование всего их внутреннего существа, и не только отвлеченный идеал, повелевающий с суровым лицом богов.

Для тебя же твой анархизм—это был ты сам.

Творчество, прямоту и искренность—вот что чтил, чту и буду чтить в тебе.

Лев Черный.
(П. Д. Турчанинов).

---

[1]) Настоящая заметка была написана в феврале 1921 г. по случаю смерти П. А. Кропоткина и предназначалась для напечатания в однодневной газете, изданной анархическими организациями в день похорон П. А. Кропоткина, 13-го февраля 1921 г.; но за недостатком места эта заметка вместе с некоторыми другими статьями не была помещена. Примеч. Редакции.

П. А. Кропоткин.

(Воспоминания).

В 1903—4 годах анархистское движение в России приняло широкие массовые размеры. Несмотря на наполнявшее всю российскую общественность стремление к демократии, парламентаризму и конституции; несмотря на то, что все политические партии, без исключения трубили на разные лады о спасении в демократии—большие массы рабочих боролись и против самодержавия и против демократии, не веря политиканам от демократии и от социал-демократии. Широким рабочим массам была ненавистна власть во всех ея видах.

Особенно на Юге и на Западе России не было городка, где бы не было значительных анархических организаций. Анархисты проводили стачки, устраивали демонстрации, проводили многолюдные митинги и массовки, читали Лекции и вели интенсивную пропаганду.

Преследования правительства принимали самыя бешенныя формы. Выкашивались организации одна за другой; но на место выкошенных вырастали новые свежие организации и становились настолько сильными, что от обороны и защиты переходили сами в нападение. Когда приходили с обысками или арестовывать, то сплошь и рядом их встречали вооруженным отпором; революционеры уходили из рук жандармов и шпиков; назойливых шпиков и рьяных охранников удаляли с пути раньше чем они могли провести в жизнь свои кошмарные затеи.

Террор стал значительным и весьма важным фактором общественности того времени.

Но террор оказался орудием обоюдоострым. Наряду с расцветом замечательных типов высокого и красивого героизма появились и уродливые отклонения:—мелкие убийства из удальства и «эксизм». Необходимо было привести в порядок наши ряды.

Этого рода явления, недостаток литературы, отсутствие достаточной организационной связи между движением в разных городах недостаточная согласованность выступлений вызвали необходимость в более частных встречах между собою, выявили необходимость конференций разных городов и областей. Назрела потребность в выяснении целого ряда вопросов нашей теории и практики.

Летом 1904 года в Одессе состоялась конференция товарищей южных городов,—Екатеринослава, Елисаветграда, Николаева и Херсона. Здесь было решено устроить с'езд заграницей, где в то время было много товарищей анархистов, откуда мы получали литературу, типографии и всякую иную помощь. Я был выбран делегатом на с'езд. Вскоре в Одессу из Белостока и Гродно приехали товарищи присоединившиеся к этому решению.

Все мы тогда устремили свои взоры на Петра Алексеевича Кропоткина. Мы учились и выросли на его произведениях. Усваивая его учение, мы любили и самого учителя и вопросы наши и сомнения мы должны были разрешить с ним.

Осенью я выехал из Одессы. По дороге посетил Вильно, Ковно и Белосток. В долгих ночных беседах с товарищами я выяснил в достаточной мере все происходившее на местах и отчетливо ознакомился с нуждами анархистского движения. Нужно было спешить. И в начале декабря 1904 года я был уже в Лондоне.

Тут я впервые встретился с Кропоткиным. Я помнил восхищенную характеристику П. А. в книге Кравчинского «Подпольная Россия». Но признаюсь,—первое заседание нашего с'езда говорило мне о П. А. совершенно иное. Никаких признаков мягкости и кротости, которой я ожидал встретить. Передо мною был человек резкий, жесткий, страстный, нетерпеливый. Мой доклад о положении рабочего движения в России и о деятельности анархических организаций несколько раз прерывался им самыми резкими замечаниями.

Когда речь шла о том, что наша коммунистическая позиция, с одной стороны, и борьба наша,—не только против самодержавия, но и против демократических стремлений всех политических партий,—с другой—ставит нас в исключительно изолированное и трудное положение—П. А. прервал меня, указывая, что мы гонимся за двумя зайцами, что главного врага надо бить вместе, а не распыляться по сторонам.

Когда я приводил факты из нашей практики, рассказывал как революционеры то здесь то там, отстреливались во время обысков и арестов,—П. А. страстно врывался своим—«и напрасно»—указывая, что это в первую голову ослабляет организации и ставит товарищей в чрезвычайно тяжелое положение.

Когда же я указывал, что террор в России принял разливной и местами уродливый характер—негодование П. А. была столь велико, что словами трудно дать о нем верное представление. Отмеченные мною уродства были для него логическим и неизбежным последствием нашей тактики. В подтверждения этого П. А. приводил нам факты из разных периодов террористической деятельности в России. Цитировал имена, разсказывал кошмарные факты из практики имевшие место во Франции, в эпоху Равашоля, в Испании и в Италии. Картина получилась ошеломляющая. Мы были потрясены. П. А. решительно и

страстно требовал самого вдумчивого, осторожного и внимательного отношения к террористическим методам борьбы. Он горячо призывал учесть опыт терроризма, строго взвешивать каждый шаг и считаться с возможными последствиями террора как для самих товарищей, так и для всего движения.

На молодых товарищей, прибывших из самого огня борьбы тогдашней мрачнейшей русской действительности, речь Кропоткина произвела глубочайшее впечатление. Всем памятна сгущенная атмосфера недовольства 1904—5 годов, все мы знаем, как велики были заряды революционности среди рабочих в то время; все мы знаем теперь, как политиканствующие и социалполитиканствующие партии азартно старались обмануть рабочих и на их костях и крови построить торжествующий демократический капитализм. Только наше течение верно отражало стремление масс к коммунизму и безвластью Но широкий размах анархистского движения жил на счет его глубины. Грозила большая опасность, что демократы всех видов используют эту революционность в своих интересах. Надо было спешно принять энергичные меры по углублению анархического сознания в движении; нужно было создавать кадры вдумчивых борцов за анархизм среди рабочих масс. Вот что подчеркивал П. А.

Роль и значение П. А. на этом с‘езде было огромно; момент этот для анархического движения является историческим. Это—веха на нашем пути. Вместо размашистости, широты и разлива—наступил момент углубления. В организациях весь молодой пыл наших товарищей, вся сила ненависти против самодержавия и эксплуатации вся жажда новых, высших форм общественности вылилась на работу среди масс рабочих фабрик и заводов, среди солдат и матросов. И этой работой в значительной мере был уготован октябрь 1905 года.

Работы с‘езда в Лондоне протекали при ближайшем и непосредственном участии П. А. Тут-то мы могли оценить всю силу, все значение нашего великого учителя. Здесь-то мы имели много случаев узнать и восхищаться глубоким знанием нашего учителя людей и вещей. Тогда я понял верность характеристики Кропоткина у Кравчинского.

После с‘езда мы посетили П. А. в его доме в Bromley'е, за Лондоном. Обычный тип рабочего котеджа с поразительно скромной обстановкой. В рабочей комнате П. А. белый стол, стул и самодельные полки с книгами. За ужином беседа, где рассказы о его путешествиях, о новейших открытиях, об истории промышленности и о земледелии в Америке – все говорило о неизмеримых силах человека, о могучей борьбе рабочих и крестьян за свое освобождение, о неминуемой победе анархизма.

Это было 17 лет тому назад. С тех пор наши думы были с ним. Мы порой расходились с ним во взглядах и в оценке различных моментов текущей жизни, но в главном и существенном мы были с ним—нашим учителем—анархистом.

В 1913 году больной Кропоткин должен был вернуться из Италии в Лондон. Но через Францию ему был запрещен проезд, как изгнанному оттуда в 1886 году. С большим трудом покойный Жорес добился для него права проезда через Париж. Тогда мы снова видимся с ним на собрании всей парижской анархической эмиграции. Старец 71-го года, больной, он блистает юношески гибким светлым умом и необычайной памятью. По отцовски нежно и кротко он вспоминает нашу первую бурную встречу в Лондоне в 1904 г. С необыкновенным тактом он делится с нами своим несравненным опытом, своим удивительным знанием общественных явлений мировой и русской действительности. Он рисует нам бездну между авторитарной системой господствующей в мире и могучим стремлением к свободе и хлебу для всех, среди трудящихся. Он поднимал нас своей пламенной верой в грядущую революцию в России.

Теперь его не стало. До последнего момента он был нашим учителем. Он был гордостью не только анархизма и анархистов, но и всего человечества. В основе социального переворота в России, в основе социальных чаяний всего мира трудящихся лежит учение Кропоткина.

Не далек уже тот день, когда семена, брошенные вдохновенной рукой П. А. взойдут пышным цветом, и тогда обновленное человечество не забудет своего предтечу, своего первого гражданина.

А. Таратута.

Кропоткин и Франция.

Проведший в изгнании несколько десятилетий,—до конца своих дней П. А. сохранил кровную связь с Россией. Из всех убеленных почетными сединами бойцов, возвратившихся в Россию, один Кропоткин на родине у себя не был эмигрантом. В Дмитрове-ли,—среди учителей и уездных кооператоров, крестьянских подростков, рабочих с ближайших фабрик,—в Москве-ли, в кругу товарищей или того разношерстного общества, которое всегда стучалось в двери его квартиры,—весь, без остатка, умел он слиться с подлинной русской действительностью, подслушать биение ее пульса. Россию любил он глубокой, но, сказал-бы я, затаенной любовью. Просвечивала любовь эта яркими блестками сквозь тот истинный, неприкрашенный интернационализм, который вытекал из самой сущности его мировоззрения и который так укрепили в нем десятки лет изгнания и общения с западным пролетариатом. Сантиментального общинника никогда не увидел бы и не услышал бы в нем собеседник. Но, несомненно, любил Россию и за безбрежные «социальные» возможности, за дух «взаимопомощи», вложенные в душу ее народа.

Чопорная, скучная, по существу своему трэд-юнионистская и нереволюционная Англия дала изгнаннику приют, покой для научной работы и огромное поле для изучения хитрой механики современного капитализма, приникновения в сложные и увлекательные тайны всех видов промышленности от лэндлорда до фермера, от манчестерских и бирмингэмских исполинов до крохотной мастерской одиночки—ремесленника.

Знаю из книг его и о нем, что и в Шо-де-Фоне и во Франции, и в других местах проникал П. А. в дымную лачугу кустаря и к местному быту присматривался. Но Францию не за это любил. Парижу отдал свое чудесное сердце П. А., потому что верил в прежнюю доблесть его,—верил во Францию, как в колыбель всех революций и в Париж, как лабораторию грядущих социальных опытов. Всю жизнь манил его к себе образ Великого Блузника, и, как Вальяну, старому коммунару, багровое солнце над Парижем казалось ему кровавым пятном на небосводе—огромной Голубой Блузе мира.

Много, бесконечно много различных людей,—подлинных французов и чужестранцев—от солидных и «об'ективных» ученых и до самых поверхностных романистов—то бурнопламенных буржуазных республиканцев, то восторженных идеологов крепостничества—посвятили свои досуги (а то и самое жизнь), изучению и описанию революции 89—93 гг. но написать такую книгу о ней, какую оставил нам П. А., без исключительно-нежной и глубокой любви к Франции нельзя было бы. Рассыпаны лепестки этой любви к ней на каждой странице книги,—и потому так воскрешает она благоухающий аромат той увлекательно живописной эпохи. И, заметьте, уже в ней, в этой книге, любовь не к одной Франции, а особенная любовь и нежность к тогдашним блузникам, коммунарам 93 г., тем «Бешенным», которые—помоги им тогда некоторые обстоятельства и бо́льшая сознательность окружающих,—хоть и не сделали бы социальной революции, однако, перетрясли бы Францию до *самого* основания, как это сделали наши большевики.

Как сейчас, помню незабываемую позднюю осень семнадцатого года в Москве,—ветер холодный и неприветливый на безлюдной в полночь Б. Никитской и впечатление первых бесед с П. А. Речь его всегда увлекательную, всегда пересыпанную блестками остроумия, мастерскую передачу личных наблюдений и переживаний отмечали уже многие,—не стану удлинять их списка собой. Помню только,—так велико обаяние было, произведенное словами его, что в тот ноябрьский вечер кощунственная в голове мысль родилась: не записать ли всего слышанного. Но быстро прогнал ее. Так велика была вера в то, что еще много столь же увлекательного услышу от вечно-юного рассказчика и всегда рьяного спорщика.

И в тот вечер страстно поспорил П. А. с одним из старых товарищей,—одним из тех, кого ошеломил и напугал октябрь. Так любопытно было услышать из уст П. А. его мнение об октябре, что участие в беседе я принял лишь в качестве молчаливого свидетеля.

И, конечно, в словах его была неизбежная параллель с Францией и ее революциями, которые П. А. знал лучше всяких других.

— Все разговоры о «громадных жертвах» в Москве,—говорил товарищу на прощание П. А., отчеканивая каждое слово и со строгостью в голосе,—пустая болтовня. Я не советую вам повторять и шаблонных, но непроверенных рассказов о «жестокостях». Сравните с Францией...

И полилась плавная речь,—нет, не речь, а стройная законченная лекция,—хотя давно уже мы стояли в пустынной передней старинного, некогда барского с колоннадой дома на Б. Никитской,—в передней, куда с улицы проникал холодный ветер,—о великой революции 89—93 г. г., посыпались бесчисленные цифры жертв в городах

и селах, яркие эпизоды гражданских войн, бесчисленные проявления беззаветного героизма и нечеловеческой жестокости.

Франция—ultima ratio, мера вещей... и революций; только с Парижем мог Петр Алексеевич сравнить Москву, сопротивлявшиеся Москве области—с Вандеей, Россию—с Францией.

В московском октябре не было проявлено жестокости, жертвы его ничтожны по сравнению с цифрами, оставленными историей революции 89—93 гг.,—таков был приговор П. А.

В этой же импровизированной лекции он горячо доказывал необходимость сравнить численность населения и учесть все другие обстоятельства.

К концу заспорили об исторической роли большевистской партии Недолго искал П. А. параллелей с французами.

— Большевики—nivelleur'ы,—сказал он,—и тут же перевел:

— *Уравнители*.—Их очень любили и ценили массы во Франции. Они будут иметь успех и у нас.

«Уравнители». Произнес П. А. это слово не только без иронии, но веско,—и с видимым одобрением. Прозвучало в споре как будто-бы:

— Ну, что-же, они, конечно, не анархисты, как мы с Вами,—но за то уравнители. Хорошо и это.

И уже в тот момент,—когда передо мной распахнулась дверь дома № 44-а, и холодный ветер прояснил разгоряченные беседой мозги,—точно понял я из этой характеристики, что *одобрил* П. А. октябрь и тогдашнюю роль большевиков. И никакие последующие кривотолки не могли сдвинуть с этой позиции. С затаенной любовью сказано было это красивое, звучное, французское слово, им оправдал П. А. сожженные и до основания развороченные, неподалеку, от старинного, барского особняка [1]), у Никитских ворот, многоэтажные дома.

В том, что глубокой пропастью Петра Алексеевича отделило во время мировой войны не только от его учеников, но и от старых друзей и соратников,—как, например, Энрико Малатеста или Домела Ньювенгейса, оставшихся верными идеями антимилитаризма и антипатриотизма—эта любовь к Франции сыграла исключительную роль. Я имею в виду его оборончество и антантофильство. Кто последовал за ним на этом пути? Небольшая кучка старых друзей из «Temps Nouveaux», оторванных от широких масс,—вроде Жана Грава, М. Корн, грузинский анархист—одиночка В. Черкезов, да сбившийся в сторону крайнего шовинизма в своей «Bataille Syndicaliste» Шарль Малато. Но даже, у таких неизменных друзей, как Ж. Грав, в оборонческих писаниях можно было найти ряд оговорочек, порой, довольно серьезных,—и только, со свойственной ему прямолинейностью, Петр Але-

[1]) Где отведены были ему старыми знакомыми две комнаты.

ксеевич в своей антантофильской пропаганде шел до логического конца.

Но в антантофильских писаниях своих, приведших его к тяжелому разрыву с подавляющим большинством единомышленников, почти никогда не болел душой Петр Алексеевич за Англию. Оттого—скажут,—что мировая война не угрожала ее территориальной безопасности. Нет, не поэтому только. Даже—России в оборонческих писаниях своих и речах уделял он меньше внимания, чем Франции,—потому, что больше всего и всех в свете любил он Францию, ждал, упорно, непоколебимо,—до последней минуты своей ждал, что она подаст сигнал к социальному переустройству мира, и блузники ее шагнут—через обломки опрокинутой государственности—дальше наших октябрских nivelleur'ов—большевиков.

И потому, что любил ее так и верил в провинденциальную миссию ее, П. А. мучительно волновался за территориальную ее неприкосновенность,—так тревожился, что незаметно принес ей в жертву многое из того, что было дорого ему до войны. Так мать, из любви к ребенку, которому угрожает смертельная опасность,—готова на преступление,—только бы спасти его. А Петру Алексеевичу нужно было спасти не только самое Францию, но и свою веру в ее революционную роль. Несомненно, из сложного комплекса различных идеологических факторов сложилось то, что мы называем оборончеством Кропоткина. Это был не только друг Франции, но и участник бакунинского крыла Международного Товарищества Рабочих, всегда с недоверием относившийся к марксистам и, особенно, к германской социалдемократии, в 1914—1918 г. г. шедшей в ногу с Вильгельмом. Но другие факторы мы оставим сейчас в стороне, как и, вообще, разбор его позиции в мировой войне, повлекшей отход от П. А. почти всех его единомышленников. Кто ближе знал в последние годы П. А. кто не избегал говорить с ним и переписываться на эту *больную* тему,—тем ясно, что определяющим фактором его оборонческой идеологии и была эта беззаветная любовь к Франции и ее блузникам.

До подписания Версальского мира и я избегал этой темы в беседах и речах своих с П. А. *Он*—то никогда не избегал ее, любил часто говорить о войне, немцах, реакционной роли Германии. Тяжело было ему на эту тему говорить с товарищами—ведь, он почти не встречал среди них единомышленников. Больно ему это было—и мое отмалчивание не проходило незаметным для него. Чуткой душой своей разумел П. А., что любопытно мне слушать его рассказы и замечания, пересыпанные всегда фактами, блестками неподдельного юмора, но не встречает во мне сочувствия его проповедь против Германии.

Не знаю, как это случилось,—но после подписания Версальского мира понял я, что и в переписке с таким дорогим человеком, каким

оставался для меня, несмотря на все разногласия, П. А., больше по этому вопросу *молчать нельзя*.

Жил тогда П. А. уже в Дмитрове,—и оттуда деятельную вел переписку с московскимм друзьями.

В моем письме к П. А. я указал на то, что с подписанием грабительского Версальского мира, как карточный домик, должны были рушиться иллюзии защитников Антанты (в том числе и его, П. А.), уверявших, что победа Антанты принесет торжество делу свободы. Люди, шедшие за ними, теперь потребуют от них отчета. Я спрашивал П. А., не является ли мир, навязанный версальскими дельцами и банкирами Европе,—могилой оборончески-патриотических идей?

У меня хранится письмо П. А. на 16 мелко-исписанных страницах, в котором он отвечает на мои вопросы. Оно помечено: «гор. Дмитров, Московск. губ. Советская, д. Олсуфьевых, 24-го мая 1919 г.» В нем П. А. сообщает что мое письмо от 16-го он получил 18-го, что он «сильно взволнован известием о положении Петрограда», но постарается ответить на мои вопросы. Из всего написанного П. А. о мировой войне, что пришлось мне читать, это письмо произвело на меня наиболее значительное впечатление.

И, конечно, в центре всех его переживаний, как всегда,—*Франция* и заботы о спасении колыбели революции от германского разгрома.

Из этого, нигде не опубликованного письма, я приведу только то, что выдает его сокровенные тревоги за нее.

Заявив, что нужно только радоваться территориальным уступкам со стороны Германии, П. А. спрашивает:

—«Неужели Эльзас и Лотарингия должны были оставаться в руках Германии, когда, после 47-летнего пребывания под немецкой ферулой, население безусловно этого не хочет. Франция уже *не может* (трижды подчеркнуто в письме) продолжать этой жизни под страхом, что при малейшей внутренней смуте во Франции или неуступчивости в колониальных вопросах 70-миллионная Германия набросится на Францию,—и *за неделю до мобилизации*, [1]) в силу *Kriegsgefahrzustand*'а [2]), Мец выбросит на беззащитную (на 150 верст, от границы, по Франкфуртскому договору, Францию), [1])—миллионную армию, снаряженную *всем*, вплоть до последней ручной гранаты, в укрепленном плацдарме, Меце.

«Конечно, вы, сидевший за замком в Сибири, не *переживали* этого состояния Франции; мы, т. е. французские товарищи и я, *пережили и выстрадали* (дважды подчеркнуто П. А.) это состояние.

Помнится, дважды мы говорили французским товарищам:—

---

[1]) Везде курсив П. А.

[2]) Осадное положение, об'являемое вследствие угрозы войны.

«*Eh bien, commençons*», [1]) и те, с грустью, чуть не со слезами в глазах говорили: «*Mais, Pierre, dans 15 jours—les allemands seront à Paris*» [2]) И мы, с такой же грустью отвечали: «*Oui, vous avez raison!*» [3]).

«Помнится, раз я упрекнул Рошфора и других националистов, говоря: «Вместо ваших писаний, вы (бы) лучше так укрепили бы границу полевыми укреплениями, чтобы собака не могла проскочить из Меца,—не то, что армия»—и мне ответили: «Кр. не знает, верно, что, по тайной статье Франкфуртского договора (1871 г.), мы не имеем права строить укреплений ближе 150 клм. от границы».

«Помнится также, что я раз написал для нашей газеты статью «*Démantelez Metz!*» [4]),—помня, как незадолго до войны 1870—71 г. г., Наполеон III потребовал от Германии разрушить укрепления Люксембурга, который тоже, (как потом Мец) был обращен в плацдарм и в крепость *для нападения*, не для защиты. Но я не решился отдать эту статью в печать, чувствуя, что такое разумное требование вызовет такую бурю в Германии, которая сделает войну неизбежной.

«Словом, *необходимость* для Франции избавиться от соседства немецких территорий,—следовательно, крепостей в 260 километров от Парижа, так ясна, что даже разговаривать не стоит.

«Не забывайте, что в 1914 г. немцы были уже в каких нибудь 30 клм. от Парижа, когда Париж спасло то, что народ назвал «чудом»,—штука, выкинутая с «армией» в 60.000 человек, из жандармов, полицейских и пр. сброда, переряженных в солдаты и подвезенных на автомобилях во фланг немцам. Какая бойня шла, когда реки немецких солдат, доведенных до совершенства, вливались во Францию, как лавина, которую *невозможно* (подчеркнуто П. А. трижды) было остановить иначе, как пролив реки крови защитников.

«Мне очень хотелось Вам послать брошюру (очень обстоятельную) Каутского «Elsass Lottringen», вышедщую в XI. 1917 г.; я перечитал ее, получив ваше письмо. Вы увидали-бы, как сами немцы в 1864 г. (Якоби и его партия, Либкнехт, Бебель и весь Совет Интернационала) отнеслись к захвату Э.-Л.—И вы увидали бы, на какие невероятные уступки шли французы—даже «шовинист» Эрве (ставший шовинистом, когда увидал, что война уже предрешена Германией)—, чтобы вернуть Э. Л. в обмен на колонии и т. п.

«Скажут, м. б: «Отчего же не пустить на плебисцит?». Что Эльзас громадным, подавляющим большинством выскажется за возврат к Франции,—никто из немцев не сомневается. Немецкое «иго» ненавидят в Эльзасе теперь, как ненавидели в 1872 г., когда я проез-

---

[1]) «Что-ж, начнем!»
[2]) Но, ведь, через 2 недели немцы будут в Париже, Петр!»
[3]) «Да, вы—правы.!»
[4]) «Обезоружьте Мец».

жал по Э. Но в Лотарингию германское правительство столько переселило *немцев из Германии* (как оно делало в пограничных областях Польши), это правительство так широко практиковало «колонизацию» Лотарингии, что в некоторых ее округах, именно горных, исход плебисцита ненадежен. *Может* случиться *небольшой* перевес немцев. Мне это подробно об'яснил один лотарингец: где-то сохранилась и его карта округов...»

Переходя, в другом месте письма к Саарской области, «с ее 300-тысячным населением,» П. А. говорит в защиту французов:

«Немцы, когда отступали, вы знаете, что они делали со страной, впрочем, я говорю вздор—вы *не* знаете. Откуда знать, когда наша русская пресса так жалела «бедненьких немцев», на которых набросился весь мир», что никто не говорил всей правды об их безобразиях при отступлении. Словом, французские угольные шахты, затоплены, разрушены. В Англии я спускался в шахты и *конкретно* знаю, что значит, если разрушить или просто затопить шахту, взорвав водокачку. Французы *правду* говорят, что 15 лет пойдет на исправление шахт. Но, *если* они врут, *если* шахты можно привести в прежнее состояние в 2—3 года,—зачем же дело стало? Отчего бы немцам не взяться за это самим,—только обеспечив Францию углем которого она не может *теперь* добывать у себя, пока шахты не будут исправлены?».

Тревога за любимую Францию довела, как с грустью мы усмотрим выше, до откровенной апологии Версальского мира. Но и в этой апологии прорываются дальше строки, свидетельствующие о том, что Кропоткину, по прежнему, дорога была Франция *блузников*.

«Я знаю»—отвечает он мне,—«что французские капиталисты—жадная свора. Знаю, что они рады лишнее сорвать. И тут—возможны разговоры. И они *будут*. Даже в «Известиях» прорывается,—нет-нет что в самой Германии благоразумные люди ничего «ужасного» не видят в условиях.»

И далее:

—«Не забывайте, родной мой», что Франция потеряла 1.600.000 *убитыми* (из 38.000.000 французов), следовательно, из 19.000.000 мужского населения, из которых 9½ миллионов детей и стариков... что Англия потеряла столько же (Россия—1.700.000) и т. д. и совершенно естественно, что люди хотят обеспечить себя от подобных приключений, на следующие, ну, хоть 50 лет.»

Посвятив страницу колониальным «проискам» Германии, П. А. возвращается все к тому-же:

«Повторяю, я убежден, что союзники заранее готовы торговаться,—и готовы будут на уступки,—лишь бы,—«*que ça ne se répète*

[1]) Французская буржуазия, сейчас, как известно, больше всех саботирует 8-ми часовой рабочий день. Г. С.

pas avant un demi-siècle,—et entre temps viendra quelque chose de nouveau, le socialisme, l'anarchie—так думаю я» [1]).

Отвечая на мое ироническое замечание о заботах на счет 8-ми часового рабочего дня, проявленных авторами Версальского мира, П. А. пишет: «Насчет «осчастливенных» рабочих скажу вам, что гораздо раньше, чем появились первые проблески возможной победы союзников, благодаря урокам *национализуемого хозяйства* во время войны,—еще когда мы были в Англии,—шла *громадная* работа,—в виде всевозможных комиссий, приходивших к заключениям,—одне—к чему-то вроде «guild socialism»; другие—«municipal socialism»; третьи—«state socialism»; заводских и фабричных комитетов; перехода заводов и фабрик в заведывание рабочих'—и т. д., и т. д.

Мне не исчерпать в короткой статье всего этого письма. Дело в том, что все 16 страниц исписаны не только мелким шрифтом, но почти все слова сокращены,—и не всякое из них легко расшифровать. Рассказав о том, как подорвано среди рабочих запада уважение к парламенту, П. А. говорит:

«Еще 3—4 страницы надо было бы писать»—, и заканчивает после сердечного приглашения в Дмитров, со свойственным ему юмором:—

«Не взыщите, аще не дописах или переписах».

На этом не кончилась наша переписка о последствиях мировой войны.

В другом письме П. А. писал мне:

«Одно утешает. Угроза миру—Германия—сломлена навсегда. Миру возможно свободное развитие. «Тигр» (Клемансо) процарствует года два, вернее, меньше, и Франция,—так же—как и Англия начнут ломку старого,—но не одну ломку, а ломку с перестройкой, вспахивая *новь* не легкой сохой, а трактором...»

Прошло полтора года. П. А., конечно, не терял своей светлой веры в любимую Францию,—но ничего не случилось за это время, что могло бы подкрепить эту веру. «Тигр», правда, ушел, на смену ему пришли «тигрята», выдвинутые «жадной сворой»,—профессиональные ренегаты,—вроде Мильерана, Бриана и др.

Блузник все ниже и ниже опускал некогда гордо поднятую голову.

Это—все, что он получил за кровь, пролитую на войне. Колыбель революции превратилась в цитадель мировой реакции. Версаль так и остался символом издевательства над трудящимися Франции. И дух европейского Кобленца воцарился в некогда свободолюбивом Париже, опозоренном его господами.

А, между тем, российская действительность, безбрежная новь, вспахиваемая не заграничным трактором, а отечественной сохой,

[1]) «Это не повторилось-бы, по крайней мере, в течение полувека, а там прийдет новое—социализм, анархия»...

управляемой науклюжими, мозолистыми, но твердыми руками не сэнтантуанских или монмартрских блузников, а российских «nivelleur'ов» все больше и больше захватывала вечно-юного П. А. в его уездном Дмитрове, из которого он держал прочную связь с друзьями. Мысли его все больше и больше отходили от войны...

И, вот, уже совсем не задолго до последнего приступа болезни, уложившей его на смертное ложе, П. А. пишет мне в *последнем* письме:

«Благодарю вас очень, дорогой Г. Б., за добрый привет. Да, конечно, люди, и здесь, и на Западе, выйдут друг другу на встречу, — но когда?. Боюсь, долго,—до тех пор, пока будет существовать возможность капиталу наживаться, чужим трудом, *этого не будет*. До тех пор, пока люди не поймут, что «капитал» не что иное, как оказываемый *кредит*, и вообще, пока капиталом будут финансироваться всякие предприятия,—не будет, не может быть желанной встречи людей. Вот и выростает вопрос,—как ускорить эту пору.»

И далее, поговорив о личных делах моих и переживаниях, П. А. заканчивает:

«....Нарождается новое,—и хоть между людьми приблизительно одинаковых взглядов будемте держаться,—не как чужие...»

«Нарождается новое»... С этой верой через 1½ месяца П. А. ушел в могилу. Даже, в уездном Дмитрове, мы, провожавшие его могли убедиться в этом. Сохой вспаханная новь уже взошла,—и дала обильную жатву. В Дмитрове,—ставшем российским Фернеем—тысячами, из других уездов, пришедшая, провожала молодежь неутомимого революционера. Я беседовал с детворой, приходивщей проститься с ним,—поразили меня эти светлоголовые мальчуганы. Все знали «дедушку» и его книжку («Записки революционера»), популярно излагавшиеся им сельскими учителями.

Зато, в местном Союзе молодежи, куда, накануне погребения, пригласили меня для беседы об ушедшем, те, кто постарше, поразили меня почти поголовным знакомством с его книгой о французской революции.

Если бы мог П. А. услышать с каким оживлением и пониманием юные дмитровские «nivelleur'ы» трактовали о разных течениях во французской революции,—каким бы огромным удовлетворением это было для него!

Поколебалась ли перед смертью его вера в любимую Францию и пылких блузников? Я не думаю этого. Он страстно ждал начала этой ломки во Франции,—быть может, еще более страстно, чем раньше ждал ее победы на поле брани,—ломки, после которой перепахали бы всю буржуазную Францию многосильным трактором.

Но верить надо и тому, что ушел он, всей светлой душой своей истинного революционера примирившись с доморощенной нашей сохой.

Г. Сандомирский.

Несколько слов старого друга о Петре Кропоткине.

Об отдельных эпизодах из жизни Кропоткина так часто писалось, что я не буду о них говорить. Я приведу только некоторые черты его характера, которые представляют интерес.

На с'езде революционеров 1881 г., в Лондоне, на котором я был секретарем и переводчиком, Кропоткин все время был на трибуне. С девяти часов утра и до полуночи, с перерывом на один час, в полдень, на обед, в спертом воздухе, насыщенном табачным дымом, Кропоткин горячо защищал свой идеал. Большинство членов с'езда, Малатеста, Луиза Мишель, Эмиль Готье, Викторина Руши, Шовьер, Мисс Леконт—из Бостона, Чайковский, Санц—из Мексики, и др. были против него. Никто не хотел признать определения революционной морали, которое так сильно занимало Кропоткина, что он забывал из за него даже организацию Интернационала, главную цель с'езда. Тем не менее, друг наш был так, красноречив, что после трехдневных дебатов с'езд единогласно принял идеи, которые вначале были отвергнуты.

Это напоминает мне латинскую пословицу, которая гласит, что капли воды долбят камень, не силою, но последовательностью ударов.

На всех с'ездах Кропоткин перетягивал на свою сторону своих противников, благодаря именно неутомимой настойчивости, с какой он постоянно брал слово и выдвигал все новые и новые аргументы.

Известно, что Кропоткин обладал удивительным лингвистическим талантом. Он кроме своего родного русского языка, прекрасно знал французский, английский, итальянский, немецкий и т. д.; он говорил на всех этих языках, не запинаясь, не ища слов. Человек поражался, когда видел, как он без всякаго затруднения переходил от одного языка к другому, отвечая своим оппонентам.

Однажды он должен был прочесть реферат в зале Tottenham Court Road, в Лондоне, услышав, что в аудитории говорят на всевозможных языках,—настоящее Вавилонское столпотворение, -он спросил, на каком языке он должен произносить свою речь. Там были французы, эмигрировавшие в Англию после 1848, 1851, 1871 г.г. немцы, русские, сербы, испанцы и т. д. Как секретарь митинга,

я заявил, что так как мы в Англии, где большинство из нас уже жило давно, то, по моему, оратор должен был говорить по английски, что он и сделал. Но я заметил, что французы и славяне мало по малу уходили. Я побежал за ними и спросил их, почему они уходят. Они сознались что не понимали английской речи (среди них был один булочник, бежавший из Франции после июньских дней). Тогда я должен был им обещать, что Кропоткин резюмирует свою речь на различных языках. Кропоткин охотно согласился это сделать.

Кропоткин часто был слишком добр. Он не хотел верить, что среди нас в Лондоне кишели шпионы. Во французском квартале был тогда один молодой еврей, по имени Мошкович, относительно котораго меня предупредили. Этот Мошкович был чародей, он говорил бегло по русски, по немецки, по английски и т. д. Мне говорили также, что он знал итальянский и испанский языки, но он утверждал, что совершенно не знал ни того ни другого. Я предупредил Кропоткина, что это шпион. Итальянцы, которых я предупредил немного поздно, открыто говорили в своих группах в его присутствии, так как он, якобы, не понимает по итальянски; но некоторые по приезде в свою страну были арестованы. Мое запоздавшее предупреждение, таким образом, оправдалось. Этот Мошкович, распустил разные клеветы против Малатесты, де Мартис и большинства итальянских товарищей, вскоре он был об'явлен шпионом; он бежал в Америку, где переменил имя и продолжал свое гнусное дело. Кропоткин, до этих событий, сдружился с ним и несколько раз приходил ко мне вместе с ним.

Кропоткин хотел преподавать философию своей жене и взял у меня книги по философии на русском языке. Спустя некоторое время ему пришла в голову несчастная мысль вернуть мне взятые книги через этого Мошковича, но я не увидел больше ни этого человека, ни своих книг. Он должен был принести мне также чрезвычайно редкое произведение изследование Скребинскаго в шести томах о положении крестьян в России, изданное царским правительством, которое потом заставило сжечь все тома, когда увидело, что революционеры использовали их в целях своей пропаганды. Этот труд, который нельзя нигде найти, котораго нет даже в Парижской и Лондонской национальных библиотеках, был потерян благодаря слишком большой доброте Кропоткина. Эти черты сами по себе не имеют большого значения, но они помогают понять истинный характер Кропоткина.

Во всяком случае Пьер, как мы его звали, был человеком мощного ума, предтеча и в то же время мученик дела революции.

Г. Б.

Из моих воспоминаний о Кропоткине.

Я встретил Кропоткина в первый раз в 1880 или 81-м году. Приехав в Париж, он зашел ко мне вместе со своей женой С. Г.

Мы уже раньше переписывались с ним. Я послал ему несколько статей для газеты Révolté, кроме того, каждые две недели я посылал ему корреспонденции о социальном движении во Франции.

Увы! это было давно, и я смутно помню подробности этого первого свидания. Ясно всплывают в моей памяти от этой первой встречи простота, сердечность и энтузиазм этого человека.

Должно быть, я тоже понравился ему, ибо это он некоторое время спустя подал мысль Реклю просить меня приехать в Женеву для работы в газете Rèvoltè. Когда Герциг, всецело отдававшийся до того времени газете, не мог больше справляться с этой работой и был вынужден заняться хлебным заработком, чтобы прокормить свою семью, Реклю явился ко мне с приглашением заместить Герцига.

Кропоткин оставался молодым всю свою жизнь. Всю жизнь он хранил пыл двадцатилетнего юноши. Несмотря на страдания и лишения, которые ему пришлось перенести в течение своей бурной жизни, он оставался молодым телом и духом.

Несмотря на свои обширные и глубокие знания, он умел слушать своих собеседников, считаться с выдвигаемым аргументом, если этот аргумент был достаточно обоснован. Многие, даже среди анархистов, не обладающие ни его познаниями ни его эрудицией, могли бы с пользой для себя поучиться у него его манере вести себя.

Я никогда не слышал, чтобы он хвастался, говорил о себе или о своем происхождении.

«Это вполне естественно» скажут мне «со стороны анархиста, в этом нет никакой заслуги». Конечно, но многие ли анархисты на его месте показали бы себя такими же анархистами, как он?

Хотя он очень молодым потерял свою мать, он сохранил в своем сердце сильную любовь к ней и счастлив был, что среди всех превратностей его судьбы у него уцелел ее портрет, который висел в одной из комнат его маленькой квартиры в Брайтоне.

После ареста во Франции Кропоткин был приговорен к пятилетнему тюремному заключению за «принадлежность к Интернационалу».

Он действительно входил в Интернационал, но, насколько я знаю, из всех приговоренных вместе с ним он один только и входил в него. А так как Интернационал в то время несколько лет уже не существовал фактически, то никакого преступления даже с юридической точки зрения тоже не было.

При обыске у меня забрали письмо, Кропоткина, в котором он писал мне о газете Révolté, намечая ряд вопросов для обсуждения на ее страницах и жаловался на то, что я плохо расставляю знаки препинания. Это, конечно, не могло служить серьезным доказательством его виновности, а более веских улих обвинение не имело в своем распоряжении. Но в политическом процессе нет необходимости быть слишком требовательным в выборе доказательств виновности подсудимого.

. . . .

Кропоткин рассказал мне однажды по поводу этого процесса один случай, показывающий насколько можно верить искренности ораторов.

Во время процесса Эмиль Готье произнес страстную защитительную речь,—впрочем, он был превосходным оратором. Посреди этой речи его резко перебил государственный прокурор Фабрегетт, который в награду за свою «независимость» был назначен потом членом Кассационного суда.

Готье, нисколько не смутившись тем, что его перебил прокурор, начал возражать ему еще с большим чувством и большей горячностью.

Когда обвиняемые были отведены обратно в камеру, Кропоткин сказал Готье: «Ты был великолепен, но что бы ты сделал, если бы прокурор не перебил тебя?».

«Разве ты не заметил, сказал Готье, что я остановился посредине фразы?—Я приготовил свою речь таким образом, чтобы вызвать реплику прокурора. Если бы этой реплики не было, я бы провалился с своей речью; надо было дать время прокурору найти возражение.

По утверждении приговора Готье был разлучен с своими товарищами по заключению. Ему милостиво разрешили отбыть свой срок в парижской тюрьме Сент-Пеляжи. Он покинул лионскую тюрьму, ни с кем не простившись.

Кропоткин и другие были переведены в Клерво. Здесь Кропоткин, помимо своих научных и литературных занятий, организовал ряд лекций, чтобы дать возможность своим товарищам пополнить свое образование. В своей переписке с волею он главным образом интересовался «Ребенком»—Ребенок был Le Révolté.

Здесь, в этой тюрьме, он собрал в один том свои лучшие статьи из газеты Révolté. Заглавие, *Речи бунтовщика*, было придумано Реклю.

Впрочем, нахождение заглавий было специальностью Реклю. Он придумал заглавия: La Conquête du Pain [1]), Autour d'une Vie для французского издания «Записок Революционера» и Entr' Aide [2]) для французского издания «Взаимопомощи».

Мне смутно помнится, что заглавие моей книги *Умирающее Общество и Анархия* было мне посоветовано также им.

Одиннадцать лет спустя, когда благодаря этой последней книге, —которая была моей первой книгой,—я тоже попал в Клерво, оффициальные лица тюрьмы, директор, инспектор и даже тюремные смотрителя так живо помнили Кропоткина, как будто он только что выписался из тюрьмы,—такое сильное впечатление произвел на их Кропоткин.

Мое общение с Кропоткиным поддерживалось, главным образом, при помощи переписки. Видались мы только изредка, когда или он приежал на короткое время в Париж или я в Англию.

Когда амнистия, об'явленная при занятии Феликсом Фором президентского поста, открыла мне двери тюрьмы, первой моей заботой было повидаться с уцелевшими товарищами.

Реклю написал мне, спрашивая меня, что я намерен был делать. Конечно продолжать нашу пропаганду и поставить на ноги газету.— И я поехал к Реклю в Брюссель (где он жил), купив билет туда и обратно.

Первые слова Реклю были: Вы виделись с Кропоткиным?—нет.— Тогда надо с'ездить к Кропоткину. Мы ничего не можем сделать без него.

На следующее утро я взял свой чемодан и сев в Остенде на пароход, поехал в Дувр, откуда по железной дороге отправился в Лондон. Нет надобности говорить о том радушии, с каким меня встретил Кропоткин. Он сказал, что он вполне разделяет все наши взгляды относительно издания газеты и что, конечно, мы можем расчитывать на его сотрудничество.

Я вышел из тюрьмы без копейки. У друзей, которые во время моего отсутствия спасли, что могли, из моей корреспонденции, которую конфисковали на почте, я нашел чек на 300 франков, высланый аргентинскими друзьями. На эти деньги,—по крайной мере, на часть их,—я напечатал несколько воззваний к товарищам о помощи.

[1]) В русском переводе эта книга вышла под названием Хлеб и Воля.

[2]) Относительно заглавия книги L'Entre-Aide Грав ошибается: название французскому переводу «Взаимной Помощи» было дано самим П. А-чем. Он просил только известного французского филолога академика Мишеля Бреаля сказать свое мнение относительно этого названия, так как во французском языке не было до этого времени имени существительного Entre' aide, а существовал только глагол entre' aider (помогать друг другу). Бреаль нашел новое слово П. А-ча очень удачным и теперь оно стало обычным словом во Франции.
Примеч. Н. Лебедева.

В общем результаты этих воззваний были неблестящи. Одному только Шарлю-Альберу удалось собрать пару сотен франков в Лионе. Суммы, собранные другими, были значительно меньше.

Это, однако, непомешало нам приняться за издание газеты.— Я вспомнил, что Кропоткин стал издавать Le Revolté когда в кассе было 27 франков, у нас же было значительно больше, значит был прогресс. Название газеты Les Temps Nouveaux (Новые Времена) было придумано Реклю, это—заглавие одной из брошюр Кропоткина, придуманное также Реклю.

. . . .

Кропоткин пользоваля большим влиянием в Англии, благодаря обаятельности своей выдающейся личности. В воскресные вечера гостинная его была полна народу; сюда собирались люди всех классов, чтобы потолковать о всевозможных предметах. У Кропоткина всегда было что нибудь интересное рассказать гостям.

В особенности у него бывало много молодых фабианцев, из которых многие стали теперь знаменитостями.

С несколькими англичанами он основал газету Freedom. (Свобода) которая в продолжение многих лет была хорошим пропагандистским органом.

. . . .

В последнюю зиму перед войной мы посетили Кропоткина в Бордигере. Швейцарское правительство не позволило ему приехать опять в Локарно,—где он провел предшествовавшую зиму и где был хорошо принят даже муниципалитетом. Для этого нужно было, чтобы Кропоткин обратился к правительству за особым разрешением. Конечно, Кропоткин этого не захотел сделать, он предпочел отказаться от местопребывания в Локарно, которое принесло ему большую пользу в прошлую зиму, чем покориться швейцарскому правительству.

И так, мы были у него в Бордигере. Мне вспоминается один вечер, когда Кропоткин играл нам на рояле, две служанки из соседнего дома подошли к окну, чтобы послушать музыку.

Увидав их Кропоткин вышел, позвал их, удобно усадил в гостинной и сыграл им лучшие вещи из своего репертуара. Все это было сделано просто, с обычным добродушием, без всякой аффектации.

В этом сказался весь Кропоткин.

Кропоткин всегда предвидел войну, он предвидел, что эта война будет отчаянной борьбой между авторитарным духом и реакцией с одной стороны и духом прогресса и свободы с другой.

Никогда он не менял своего мнения на этот счет. Если разразится война между Францией и Германией, говорил он, то у каждого революционера не должно быть ни малейшаго колебания. Долг революционеров оказать сопротивление Германии, победа которой была бы гибелью всякой идеи независимости.

И в продолжении многих лет, для Révolte, для Temps Nouveaux, я был уверен каждый год, что получу от Кропоткина статью: *Война весною.* Заглавие иногда менялось, но сюжет оставался тот же. Война была неизбежна!

Кропоткин интересовался войною не потому, чтобы он был за войну или считал ее желательной. О, нет! Но потому что он знал Германию, ее милитаризм и понимал, что к этой войне вела политика ее Главного Штаба, что он добьется того что будет эта война.

И в 1912 или 13-м году, в одно из своих посещений Парижа, в тесном собрании близких друзей, которые мы организовали по случаю его приезда, война опять была темой собеседования. Большинство товарищей были скандализованы некоторыми заявлениями Кропоткина. Сознаюсь, я также не разделял вполне его мнение относительно некоторых пунктов.

Я смотрел на дело так, что если необходимо будет защищаться против нападения немцев, то по возможности, это не должно происходить под контролем буржуазии, эта сторона вопроса к сожалению не обсуждалась.

У меня было лишь довольно смутное представление о том, как это должно быть, но я чувствовал, что надо рассмотреть эту сторону вопроса.

Но так много и часто говорили, что война неизбежна, столько раз она готова была разразится и в конце концов дело улаживалось, что я начал надеяться, что она останется пустой угрозой.

В той воинственной лихорадке, которая характеризовала министерство Мильерана при занятии Паункаре президентского поста, я видел главным образом заговор военных поставщиков, желавших облегчить казну на несколько лишних миллионов под предлогом патриотизма.

Ведь, когда были ассигнованы новые кредиты, первой заботой было построить массу казарм.

Чем дольше будет откладываться война, тем она станет невозможнее, думал я.

И, может быть, ее поспешили так быстро об'явить при столь плохих условиях для Германии только потому, что немецкий главный штаб думал тоже самое.

Вина тех, кто знал интенсивность милитаристской пропаганды в Германии, была в том, что они не познакомили нас со всем, что было пущено в ход, чтобы увлечь немецкий народ. Мы прекрасно знали, что война была целью юнкеров, что они готовили ее, но мы не имели никакого представления о тех усилиях, какие были на этот раз потрачены.

Поэтому, когда вспыхнула война, мы были все более или менее ошеломлены.

Анархисты, неорганизованное меньшинство, были не в счет. Социалисты и синдикалисты, представлявшие силу, раз правительство

считало себя вынужденными обратится к ним за помощью, не были на высоте положения и пошли на войну, не требуя гарантий, которые должны бы были помешать массе остаться в дураках.

С мобилизацией перестала выходить наша газета Temps Nouveaux. Уже больше года перед этим лишь ценою огромных усилий удавалось мне выпускать эту газету, и я должен был покориться необходимости закрыть ее.

Когда немцы подходили к Парижу и правительство, решив защищаться при помощи регулярной армии, не желавшее обратиться к населению и организовать нечто в роде национальной гвардии 71 г., переехало в Бордо, в Париже пока нечего было делать. Зачем было рисковать жизнью той, кого я люблю больше всех на свете? А это было бы так, если бы немцам удалось окружить Париж. Мы уехали в Англию к родным моей жены.

Но только в 1916 г. нам удалось провести несколько недель около Кропоткина в Брайтоне, когда он начал поправляться после перенесенной им операции.

Наши разговоры велись о войне и бессилии анархистов. Кропоткин всегда говорил, что если бы он был моложе, он был бы в рядах сражающихся, и так как он не мог участвовать в борьбе, то он и отказывался даже от моего предложения выпустить декларацию о нашем отношении к развертывавшейся перед нами драме.

И правда, всегда есть что то неприятное, когда сам спокойно сидишь у камина, казаться воинственным человеком.

Я говорю «казаться», ибо в сущности дело было не в том, чтобы побудить кого бы то ни было вступить в армию, прославлять войну, ни желать ее, ни ускорить ее, раз она уже была в полном разгаре.

. . . .

Когда революция 1917 г. позволила Кропоткину вернуться в Россию—после 40 летнего изгнания—Он собрался ехать с радостным сердцем и полный надежд.

Конечно, его мечты еще не осуществились, но это был конец деспотизму, произволу; открыт был путь к различным возможностям сделан первый шаг к освобождению, создана была атмосфера, в которой можно будет работать.

Я предполагал с‘ездить простится с ним в Брайтон, но он написал мне, что в той суматохе, какая происходила в данный момент у него в доме в связи с упаковкой мебели и библиотеки, у нас не будет возможности поговорить серьезно.

Он говорил мне, что несколько избранных товарищей составили маленькую группу, поставив себе задачей противиться отклонению движения от правильного пути, например в сторону индивидуализма. Необходимо было окончательно обсудить этот вопрос. Он назначил мне свидание в Лондоне, куда он должен был приехать, чтобы ждать там парохода.

К сожалению, пароход, на котором должен был ехать Кропоткин, отошел раньше назначенного срока, и он успел только послать мне через товарища Тернера, секретаря Союза служащих торговых предприятий, прощальное письмо западно-европейским рабочим и 50 франков, чтобы помочь напечатать его.

После него осталась дочь и жена, которая была его другом и преданной сотрудницей.

Быть может, они расскажут нам когда нибудь о пережитой Кропоткиным за последние годы его жизни драме.

Жан Грав.

Несколько предварительных материалов к библиографии Петра Кропоткина.

Творчество Петра Кропоткина, запечатленное в той или иной форме, требует самого тщательного учета и достойного описания и изучения. Однако нужно отчетливо представлять всю трудность этого задания [1]).

Для учета, например, рукописей и в частности, писем Кропоткина, очень многие из которых далеко не утратили своего интереса и для настоящего времени, нужно произвести исследование не только личных архивов Кропоткина в России и за-границей, не только архивов ему близких людей, но и архивов некоторых русских и заграничных учреждений, в том числе и «охранного» типа [2]).

Но даже то, что является, непосредственно, предметом библиографического исследования—учет всего появившегося в печати—по отношению к Петру Кропоткину встречает особые затруднения. И это нужно сказать не только о листовках-прокламациях, которые несомненно в немалом количестве должны были быть написаны Кропоткиным за долгие годы его революционной деятельности, и не только о литографированных изданиях некоторых его работ [3]), но и об обычных его журнальных, газетных и других статьях и заметках. Многие из последних даже не подписаны, встречаются подписанные и другим именем, а некоторые подписаны совместно с другими лицами [4]). Помимо всего этого нужно принять во внимание многочисленность статей Кропоткина, в особенности, перепечатку многих из них в органах анархистической печати, и не только в год написания, но и порой целые десятилетия спустя [5]). Но даже, если и не считать переводы и перепечатки статей Кропоткина в анархистических изданиях, то и тогда останется, не мало его статей и заметок, помещенных в самых разнообразных газетах и журналах разных частей света [6]).

Очень многое, что можно сказать в библиографическом отношении о трудностях учета печатных статей и заметок, за время шестидесятилетней писательской деятельности Кропоткина, прило-

---

[1]) Примечание 1, а также все последующие смотр. в конце: стр. 238—249.

жимо и по отношению к его брошюрам и книгам по социальным вопросам. Количество оригиналов здесь также велико хотя вообще нередко мы встречаемся с переработкой и изданием уже ранее напечатанных журнальных статей, но оно во много раз уступает числу повторных изданий и переводов брошюр и книг Кропоткина, появившихся не только на европейских языках [7]).

При таком положении дел задача исчерпывающей библиографии Кропоткина, не менее, а пожалуй более сложна, нежели, имеющая особое значение, задача полного собирания всех оригинальных произведений Кропоткина. При желании достичь полноты учета изданий Кропоткина, нельзя было бы во многих случаях ограничиться общими и специальными библиографическими материалами разных стран, а пришлось бы обследовать, непосредственно, крупнейшие национальные библиотеки мира, архивы старейших органов анархистической печати и т. п., не говоря уже о заграничной библиотеке самого Кропоткина.

Если для библиографии Кропоткина, в первую очередь, представляется необходимым учесть все написанное самим Кропоткиным, то не малый интерес для нее имеет и написанное о Кропоткине.

Достаточно принять во внимание личность автора, в частности, ея контраст с исторической средой, богатство ее духовной природы, всю широту постановки и глубину разработки самых основных проблем человеческого развития, наконец, многолетний, международный революционаризм Петра Кропоткина, как анархиста-коммуниста, чтобы понять, как много должно быть написано о Кропоткине и об отдельных его работах. Полно отметить не одни рецензии, а все написанное в общей и специальной литературе и периодической печати о Кропоткине, можно было бы лишь с помощью таких учреждений, как Международный Библиографический Институт, библиографических и иных научных обществ разных стран, отдельных ученых, разных специалистов, по ряду вопросов, а главное, планомерной, коллективной, работой тех единомышленников и друзей Кропоткина, которые могли бы в разных частях света взятся за такого рода работу в связи с увековечением памяти Петра Кропоткина. В результате подобных работ Кропоткинская библиография могла бы достичь желательной полноты за известный период времени.

Однако, говоря о полноте, не приходится конечно думать, чтобы все написанное о Кропоткине, как его друзьями, так и врагами и многими иными писателями по самым разнообразным вопросам, даже кое-что из написаннаго самим Кропоткиным,— имеет одинаковую ценность. Серьезная специальная библиография вообще, тем более достойная Кропоткина, не может ограничиться одной лишь исчерпывающей регистрацией всего печатного материала, классификацией и отбором его по чисто внешним признакам, а должна также, и, главным образом, исходить из изучения и описания всего написанного по су-

ществу. Если такой, хотя бы частичной, работы требует простой, толковый, предметный указатель к собранию сочинений Кропоткина, то тем более это нужно сказать о специальной библиографии, которая по существу своему должна иметь своей задачей не только самое подробное, яркое и отчетливое выявление всего того, что дано самим автором, но и всего того, что трактуется в печати в связи с его именем непосредственно, или в связи с поставленными им проблемами косвенно, хотя бы без упоминания того автора, который, главным образом, сосредоточивал свое внимание на той или иной, исследуемой проблеме. Такого рода Кропоткинская библиография может быть дана, конечно, лишь в результате длительных работ, после целого ряда специальных монографических исследований о Петре Кропоткине и об отдельных поставленных им проблемах. Но появление таких обстоятельных и ценных, специальных монографий,—многие из которых, заметим между прочим, должны сложиться тем же индуктивным путем, какого придерживался П. Кропоткин в своих работах, не только раннего времени (см., например, его «Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции» 1876), но и в позднейших (например в «Взаимная помощь», «Поля, фабрики и мастерские», «Великая французская Революция»), т. е. путем собирания и обработки массы фактического материала, таких монографий, говорю я—приходиться ожидать, на их появление можно даже надеяться, не только в связи с реализацией проекта организации особого Института изучения жизни и творчества Петра Кропоткина, но и в связи, уже отчасти заметным, повсеместно возрастающим общим интересом к тому, кто в очень многом далеко не достаточно был оценен своими современниками при жизни.

Эти задачи Кропоткинской библиографии, столь во многом общие со всем «Кропоткиноведением», необходимо отметить, в первую очередь, не только из простого долга уважения к человеку, мыслителю и борцу, личность и основные труды которого останутся для многих на долгие годы путеводной звездой, но и в частности, также для того чтобы стала ясна вся ограниченность теперь публикуемых о нем материалов.

За недостатком времени, за невозможностью использовать то многое из появившегося в печати, о чем говорилось выше, отчасти из-за простого недостатка места и т. п., пришлось ограничиться в нашей работе самым минимальным—простой хронологической регистрацией произведений самого автора, причем, главным образом, напечатанных на русском языке. Казалось в последнем отношении можно было бы быть исчерпывающим, однако даже это всецело нам не удалось; тем не менее, позволительно думать, что люди знающие, что значить добиться опубликовываемого минимума, отнесутся к нашей попытке снисходительно.

Из огромной массы работ Кропоткина, напечатанных на ино-

странных языках, в перечень соответствующего года, мы смогли, включить, к сожалению, очень немногое, в особенности за последние десятилетия; в первую очередь мы старались перечислить те работы, которые, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, на русском языке не появлялись, затем первые издания работ Кропоткина, на французском, английском, немецком и, в виде редкого исключения, на других языках, хотя бы эти работы и вышли в русском переводе. Все печатные работы Кропоткина, перечисленные ниже, в пределах соответствующего года, приводятся в простом алфавитном порядке их названий (точнее первого слова названий, в порядке русского алфавита); мы попытались лишь отметить особо оригинальные произведения автора (звездочкой), выделив при этом большие и особенно важные работы (в таких случаях порядковый № в перечне работ набран жирным шрифтом).

Что касается литературы о Кропоткине, то особого надлежащего перечня ее, по причинам указанным выше, здесь не дается; тем не менее мы не могли не затронуть ее, хотя бы отчасти в наших примечаниях; в связи с этим некоторые из последних разрослись в довольно обширные экскурсы, отказаться от которых мы совершенно не могли, как бы продолжительны они для нас не были. Мы сознаем все несовершенство многого из печатаемых в этих примечаниях материалов, их громоздкость и неполноту, разрозненность и отрывочность, наконец, то что в столь сыром и предварительном виде они возбудят интерес лишь у очень узкого круга читателей; тем не менее, если мы все же их опубликовываем, то потому, что полагаем, что и такие материалы, при надлежащем использовании, уже могут быть весьма полезны, для много того, что связано с именем Петра Кропоткина.

Несовершенство всей нашей первой библиографической попытки по отношению к Петру Кропоткину является в значительной степени об'ективно вынужденным. Все же позволительно надеяться, она вызовет у единомышленников, друзей и всех серьезно интересующихся жизнью и учением Кропоткина, не только простое пассивное сочувствие, но и побудит их посильно помочь в том, чтобы продолжить эту работу и поставить ее на должную высоту.

Впредь до организации особого коллектива по ведению такой работы, присылка всякого рода указаний, замечаний и дополнений связанных с этой работой, а порой может быть и предоставление, хотя бы в кратковременное пользование, самих материалов по поставленным здесь вопросам, пишущему эти строки (по адресу издательства «Голос Труда»: Москва, Моховая, 22) будут приняты с большой благодарностью.

Т. Пиро.

Москва, I—V, 1922 г.

Перечень напечатанных работ Петра Кропоткина и их изданий

(преимущественно на русском языке).

1861.

* 1. (Без подписи). Рецензия на статью „Рабочий пролетариат в Англии и Франции“. Н. В. Шелгунова „Современник“ № 9 и 10—„Книжный Вестник“: „Журнал книжно-литературной деятельности в России“. Ред.-изд. Н. Сеньковский. Год II, Спб. 1861, стр. 445, № 24 от 31 Дек. 1861 г.[15]).

1862.

* 2. П. Кропоткин. „На пути в Восточную Сибирь“— ряд корреспонденций в журнале „Русский Вестник. Современная Летопись“ (еженедельное приложение к журналу „Русский Вестник“). Изд.-ред. М. Н. Катков, Москва 1862 год; 1-я статья, помеченная вслед за вышеприведенным общим заголовком „Пермь 6-го Августа 1862 г., напечатана в № 34, Август 1862 г., стр. 30 и 31; 2-я— „Тюмень, 13 Августа 1862 г.“—в № 36, Сентябрь 1862 г., стр. 30 и 31; 3-я—„Томск, 25 Авг. 1862 г.“—в № 38, Сентябрь 1862 г., стр. 10—12; 4-я—„Иркутск, 16 Сентября 1862 г.“—в № 44, Ноябрь 1862 г., стр. 27—28 (подписана только инциалами „П. К.“); 5-я— „30 Сентября 1862 г.—в № 49, Декабрь 1862 г., стр. 25--27 (подписана только инциалами „П. К.“).

1863.

* 2-а. П. Кропоткин. „На пути в Восточную Сибирь“ в журнале „Современная Летопись“ (Воскресное приложение к газете „Московские Ведомости“), Москва, 1863 г., №№ 12, 18, 42—45.

1865.

* 3. **П. Кропоткин**. „Две поездки в Манджурию в 1864 г.

I. Описание пути из Старо-Цурухайтуевского караула через г. Мергэн на Айгун (стр. 1—57);

II. Сунгари от Гирина до Устья (стр. 58—111);

Приложение: (1) Метереологические наблюдения, сделанные во время плавания по Сунгари 1864 года 21 Июля по 20 Августа и с

23-го по 30 Августа в ст. Михайло-Семеновской (стр. 112—119); (2) Словарь солонских слов (стр. 120); (3) Маршрут от ст. Старо-Цурухайтуевской через г. Мергэнь до г. Айгуна снятый глазомерно сотн. Крапоткиным“—в журнале „Записки Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества“. Книжка VIII, изданная под редакциею действ. члена общества д-ра Н. И. Кашина. Иркутск. (В типографии Окружного Штаба) 1865.

* 4. П. Кропоткин. „Поездка из Забайкалья на Амур, через Манджурию“—„Русский Вестник“ „Журнал литературный и политический“. Изд.-ред. М. Н. Катков. Москва, 1865 г., № 6, стр. 585—681.

2-б. П. Кропоткин „Сибирь“ (корреспонденция [16]). „Современная Летопись“, 1865 г., № 23.

3-а. „Экспедиция по р. Сунгари“ (сведения из дневника Кропоткина). — „Известия Императорского Географического Общества. С.-Петербург, 1865 г. № 4.

1866.

* 5. П. Кропоткин. „Из восточной Сибири“. „О хлебопашестве на Уссури“.—„Современная Летопись“. 1866 г. № 26.

* 6. П. Кропоткин. „Письмо с пути в Витимскую экспедицию“—газета „Сибирский Вестник“. Иркутск. 1866 г. № 22.

* 7. (Без подписи). „Полевой Военный Суд, учрежденный в Иркутске по делу о возмущении преступников на Кругобайкальской дороге (Корреспонденция) — „Биржевые Ведомости“. С.-Петербург. 1866 г.; 1-я корреспонденция вслед за вышеуказанным общим заголовком датирована „Иркутск. 28 октября 1866“ и помещена в № 301 газеты от 2 Дек. 1866 г., 2-я—„Иркутск. 30 окт.“—в № 302, от 3 Дек. и продолж. в № 303, от 4 Дек., 3-я—„Иркутск. 2 Ноября 1866 г.“ в № 305, от 6-го Дек., 4-я—„Иркутск. 3 ноября 1866 г.“ в № 307 от 8 Дек., 5-ая—„Иркутск. 10 Ноября 1866 г.“ (окончание) в № 312, от 13 Дек. 1866 г.

1867.

* 8. П. Кропоткин. „Естествознание. Воздухоплавание. Изобретение Луврие“.—„С.-Пбургские Ведомости“. 1867 г. № 333.

* 9. П. Кропоткин. „Из восточной Сибири“.—„Современная Летопись“. 1867 г. № 10.

* 10. „Письмо кн. Кропоткина“. „Задонский прииск на р. Квейгри. Устье р. Муи“.—„Сибирский Вестник“. 1867 г., №№ 4 и 13.

* 6-а. „Письмо кн. Крапоткина. „Витим на у. р. Темника—Сибирский Вестник. 1867 г. № 10.

* 11. **П. Кропоткин**. „Поездка в Окинский Караул“.— „Записки Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества“. Книжки IX и X. Изданные под ред. действ. члена общества доктора Н. И. Кашина. Иркутск. (В типографии окружного штаба). 1867 г., стр. 1—94.

* 12. П. Кропоткин. „Путешествие по Лене“ (Витимская экспедиция).—„Записки для чтения“, издаваемые К. В. Трубниковым. Ежемесячное прибавление к „Биржевым Ведомостям“). 1867 г. № 1, стр. 1—17.

* 13. „Reise im Olekminsk — Witim'schen Gebiet Sommer 1866“ von Fürsten **P. Krapotkin**.—Mitteilungen aus I. Perthers Geograph. Anstalten, 1867, № 5. s 161—166.

* 14. „Философия геологии“. Краткий обзор цели, предмета и свойства геологических исследований. Д. Пэджа. Перевели с английского П. и А. Кропоткины. СПБ. 1867 г. 16⁰ IV + 149 стр.

1869.

* 15. П. Кропоткин. „Геологический очерк Херсонской губернии“.—„Изв. Имп. Русск. Геогр. Об-ва“. 1869 г., т. V, стр. 262—267.

* 16. П. Кропоткин. „Исследования об эрратических валунах и о дилювиальных образованиях“ — „Известия Императорского Русского Географического Общества“. 1869 г., т. V, стр. 259—261.

* 17. П. А. Кропоткин. „Несколько слов о происхождении валунов на острове Большой Тютере“—„Кронштадтский Вестник“. 1869 г. № 84.

* 18. П. Кропоткин. „Об исследованиях И. А. Лопатина на о. Сахалине“.—„Известия Имп. Русск. Геогр. Об-ва“ 1869 г., т. V, стр. 302—313.

1870.

* 19. П. Кропоткин. „Последние исследования в Тибете“—Известия Имп. Русск. Геогр. Об-ва, т. V, № 1, стр. 1—16.

* 20. П. Кропоткин. „Торговые пути между Индиею и Китаем“.—Известия Имп. Русск. Геогр. Об-ва. т. V, № 1, стр. 16—19.

1871.

* 21. „Поездка члена-сотрудника П. А. Кропоткина в Финляндию и Швецию“ (извлечение из письма **П. Кропоткина**).—Известия Имп. Русск. Геогр. Об-ва. т. V, 1871 г., № 5, стр. 261—262.

* 21-а. „Заметки об ученой деятельности в Финляндии“. Письмо кн. **Кропоткина** к секретарю Общества из Гельсингфорса от 4 (16) июля 1871 г.—там же, № 6, стр. 282—293.

* 21-б. „Письмо члена-сотрудника **П. А. Кропоткина** во время геологической поездки по Финляндии и Швеции“. Письмо третье „Або 23 Июля—3 Авг. 1871 г.“, там же, № 6, стр. 293—297.

* 21-в. Письмо члена-сотрудника **П. А. Кропоткина** во время геологической поездки по Финляндии и Швеции“. Письмо четвертое „Купио 5 Авг. 1871“,—там же, стр. 297—311.

* 21-г. Письмо члена-сотрудника **П. А. Кропоткина** во время геологической поездки по Финляндии и Швеции. Письмо пятое - там же, № 7, стр. 357—360.

* 22. „Сведения о полярной экспедиции Мака“. Сообщение П. Кропоткина.—„Изв. Имп. Русск. Геогр. Об-ва“. 1871 г. т. VII, стр. 402—406.

* 23. „Протокол доклада П. Кропоткина по поводу проекта Блюма о Куло-манычском канале“.—„Известия Имп. Русск. Геогр. Об-ва“, т. VII, стр. 407—410.

* 24. П. К. „Успехи сельского хозяйства в Финляндии в последнее время“—„Земледельческая Газета“. 1871 г. № 47.

* 25. „Экспедиция для исследования русских северных морей“.

Доклад комиссии, избранной Отделением Географии Физической для разработки плана снаряжения экспедиции. Составлен **П. А. Кропоткиным**, при содействии А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева, барона Н. Г. Шиллинга, Ф. Б. Шмидта и Ф. Ф. Яржинского. СПБ. 1871 г. (напечат. 500 экземпляров).

* 25-а. Тоже—в „Известиях Императорского Русского Географического Общества“ 1871 г., т. VII, № 3, стр. 29—117, № 9, стр. 3—4.

25-б. „Записки Императорского Русск. Геогр. Об-ва“, т. IV, издан под редакцией П. Кропоткина с 5-ю картами и 7-ю таблицами и рисунками. СПБ. 1871 год (фактич. вышел в 1872 г.).

1872

* 26. „Die bisher in Ost-Sibirien barometrisch bestimmten Höhen“ (Die Nordküste und die Halbinsel Kamtschatka ausgenommen). Von Fürst **P. Kropotkin**.—„Mitteilungen aus Justus Perthes Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem gesammt Gebiete der Geographie von D-r A. Petermann“. Gotha. Perthes 1872 (geschlossen 2 Semptember) 18 Band, Heft IX, текст стр. 341—345, таблицы стр. 346—333, 4° [вошло в № 27].

1873.

* 27. **П. Кропоткин**. „Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции“. С приложением сборника высот определенных барометрически в восточной Сибири.—„Записки Императорского Русского Географического Общества“ по общей географии (отделение географии математической и физической). Том III, издан под ред. П. Кропоткина. СПБ. 1873 г. (напечатано 700 экз.). Текст стр. 1—681 in 8⁰ + 4 карты и 13 рисунков и чертежей (в числе карт: „Лист 1: Карта части Олекминско-Витимской горной страны. Составлена при Строевом отделении Окружного Штаба Восточной Сибири под руководством есаула Кропоткина и подпоручика Вялова. Масштаб 40 верст в дюйме; „Лист 2: Карта золотых приисков Олекминской системы, с нанесением петрографических маршрутов г.г. Кропоткина и“... других. Масштаб 20 верст в дюйме. [ср. с. № 6, 6а, 13, 26 и др.].

* 28. П. Кропоткин. Рецензия на книгу „Реклю. „Земля“, т. I Суша. СПБ. 1872 г.“—„Знание“. Ежемесячный научный и критико-библиографический журнал. Изд.-ред. проф. П. А. Хлебников. СПБ. 1873 г., т. XI, № 3, стр. 8—14.

* 28-а. П. Кропоткин. Рецензия на книгу „Г. Траутшольд „Основы Геологии“ М. 1872 г., там же, стр. 1—8.

* 29. (Без подписи: Л. Тихомиров и П. Кропоткин). „Сказка о четырех братьях“.

1874.

* 30. (Без подписи: Л. Тихомиров и П. Кропоткин). „История Пугачевского бунта“.

* 31. Протокол доклада Кропоткина от 21 марта 1874 г. о геологических ледниковых исследованиях.— Записки Императорского Географического Общества. Петербург. 1874 г., том X, № 6, от 15 Авг. 1874 г., Журнал Заседания Отделения Географии физической, стр. 322 и след.

1876.

* 32. **П. Кропоткин**. „Исследования о ледниковом периоде“.

О ледниковых наносах в Финляндии (отчет о поездке в Финляндию и Швецию, сделанный в 1871 г. по поручению Императорского Русского Географического Общества). Об основаниях гипотезы ледникового периода. С картами, разрезами и рисунками в особой брошюре. Выпуск первый. СПБ. 1876 г., стр. XXXIX + 717 + приложение („Краткое изложение глав

о классификации наносов и об озах“) 70 стр. + IX + + особый атлас карт и чертежей.—„Записки Имп. Русск. Географического Общества“. По общей географии (отделение географии математической и физической). Том седьмой, изданный под редакциею А. Кропоткина и Ив. Полякова. С картами, разрезами и рисунками в особой брошюре. Выпуск первый. СПБ. 1876 (ср. с. № 21, 21а, 21б, 21в, 21г, 31).

* 33. О Норвежской экспедиции исследования глубин северной части Атлантического океана и друг. заметки (на английском языке) а также краткое изложение (на англ. языке) „Исследования о Ледн. периоде“ и работ по орографии Азии—журн. „Nature“ 1876 г.

* 33-а. О русских географических экспедициях—заметки (на английском языке)—газ. „Times“ 1876 г.

1877.

* 34. Статьи—в „Bulletin de la Fédération Jurassienne de l' Assotiation Internationale des Travailleurs“ 1877.

1878.

* 35. Статьи К.—в „L' Avant Garde“ 1878.

1879.

* 36. Idée anarchiste au point de vue de sa réalisation pratique. Conclusions d'un rapport sur ce sujet lu par Levachoff à la Réunion Jurassienne.—„Le Révolté, organe socialiste“, Genéve, 1-er novembre 1879.

* 37. „La Décomposition des Etats“, там же, 5 avril 1879 (вошло в № 85).

* 38. „La Situation“, там же, 8 mars 1879 (вошло в № 85).

* 39. (Без подписи). „Le Procés de Solovieff“ (La vie d'un socialiste russe) Genéve (июль) 1879 г., 24 стр.

40. L' Idee anarchiste au point de vue de sa rèalisation pratique. Conclusions du travail sur ce sujet lues par le Comp. Levachoff à la réunion de la Fédération Jurassienne du 12 octobere 1879 (á Chaux-de-Fonds) Genéve, Imprimerie Jurassienne, 4 стр., 4^0 (отд. издание отмеченной выше статьи в Révolté этого года).

41. (Без подписи). „Solovieff o nihilisti russi“. Milano-(Propaganda socialista № 13) 1879, стр. 15, 16^0 (итальянский перевод брошюра К. отмеченной выше см. № 39.

1880.

* 42. „Aux Jeunes Gens“—„Révolté“ 26 Июнь—21 Август 1880 (вошло в № 85).

* 43. „La Commune“, там же, 1—15 Мая 1880 г. вошло в № 85).

* 44. „La Commune de Paris“, там же, 20 Марта 1880 (вошло в № 85).

* 45. „La prochaine Révolution“, там же, 7 февр. 1880 (вошло в № 85).

* 46. „La question agraire“, там же, с 18 сент. 1880 и след. (вошло в № 85).

* 47. „Le gouvernement representatif“, там же, 6 Марта 1880 (вошло в № 85).

48. „Scrisorea unüĭ batran pandur catre studentii reuniti in „Asociatiunea generala“ studentilor universitari din România“ Bucarest 1880, стр. 26, 8⁰ (свободное изложение по-румынски статьи К. „К молодежи“).

1881.

49. „Aux Jeunes Gens“ Genéve 1881, стр. 32, 8⁰ (см. № 42).

* 50. Заметка К. в „Revolté“ о готовящемся на него покушении „Священ. Дружины“.

* 51. „La Vèrité sur les Exécutions en Russie, suivie d'une Esquisse biographique sur Sofhie Perovskaia“ Genève, Imp. jur., 1881 (Апрель), стр. 29, 16⁰.

* 52. „La Necessité de la Révolution“,—Révolté 5 Марта 1881 вошло в № 85).

* 53. „La question agraire“, там же, с 1881 г. до 19 февр. этого года (окончание статей начатых в прошлом году) (вошло в № 85).

* 54. „Les Minorités révolutionnaires“, там же. 26 XI 1881 (вошло в № 85).

* 55. „L' Esprit de Révolte“, там же, с 14 V—9 VII 1881 (вошло в № 85).

56. L' Esprit de Révolte Geneve (Октябрь) 1881, стр. 34, 16⁰ (см. № 55).

* 57. „L' Ordre“—„Révolté“ I. X. 1881 (вошло в № 85).

* 58. „Tous Socialistes“—там же, 17 VIII 1881 (вошло в № 85).

1882.

* 59. „La Guerre“—„Revolté“, 1882 (вошло в № 85).

* 60. „La Loi et l' Autorité“, там же 13 III—14 IV 1882 (вошло в № 85).

61. „La Loi et l' Autorité“ Genéve 1882 (Сентябрь) (Petite Bibliothèque socialiste) 31 стр. 16⁰ (см. № 60).

* 62. „Le Gouvernement pendant la Révolution, там же, 2 IX—14 X, 1882 (вошло в № 85).

* 63. „Les Droits politiques“ там же, 18 II 1882 (вошло в № 85).

* 64. „L' Expropriation“, там же, 25 XI — 23 XII 1882 (вошло в № 85).

* 65. Письмо в редакцию „Times“ 1882.

* 66. „Речь П. Кропоткина на митинге в Нью-кэстле“—„Общее Дело“, изд. М. К Элпидин, Женева, 1882, Август № 50 [32]).

* 67. Статьи в „The Encyclopedia Britanica“, 9-ое издание.

* 68. Статьи в „Newcastle Chronicle“.

* 69. P. Kropotkine „The Russian Revolutionary Party“—„Fortnightly Review“ 1882.

* 70. „Théorie et Pratique“—„Révolté“ 4 IV. 1882 (вошло в № 85).

1883.

* (?) 71. P. Kropotkine, E. Gautier и друг. „La déclaration des anarchistes de Lyon“—Révolté 1883, 20 I.

71-а. То же в переводе на английск. языке отдельной листовкой. London 1 стр. 4⁰.

72. Piotr Kropotkine „Do Mlodziezy“ Warsawa („Biblioteczka Proletariata“) II 1883, стр. 36, 8⁰ (подпольное издание по-польски статьи К. „К молодежи“, (см. № 42).

73. „К молодежи“ (1-ое гектографированное русское издание) 1883 (см. № 42).

74. „Outcast Russia I The Journey to Siberia“—„Nineteenth Century“ Lond. 1883, Декабрь (вошло в № 104).

* 75. „Письмо Кропоткина Рошфору“ — „Правда“, ред. И. Климов. Женева 1883, 10 Января, № 17.

* 76. „Russian Prisons“—„Nineteenth Century“ 1883, Январь (вошло в № 104).

* 77. „The Fortress Prison of St.-Petersburg“,—там же, 1883, Июнь (вошло в № 104).

1884.

75. „Ai Giovani“ пер. G. L. (azzari). Milano 1884, стр. 66, 16⁰, перевод по итальянски „К молодежи“ (см. № 42).

79. „An die jungen Leute“, перев. с французского J. Schultze Newjork, Mor. Bachmann, б. о. г. (1884), стр. 28, 8⁰ (перев. своб. по немецки «К молодежи», см. № 42).

80. Петр Кропоткин. „Возвание к молодежи“ (ср. с. № 73).

* 81. „The Exile in Siberia“—„Nineteenth Century“ 1884, Март.

1885.

82. „A los jovenes“ 1885, стр. 32 (по испански «К молодежи» см. № 42).

83. „An appeal to the joung“ Londres, Modern Press, 1885, стр. 16, 8⁰ (по-английски «К молодежи» см. № 42).

84. „Een woord aan de jongelieden“, La Haye, Liebers et C⁰, 1885, стр. 28, 8⁰ (по-голландски «К молодежи» см. № 42).

* 85. **Pierre Kropotkine**. Paroles d'un Révolté, ouvrage publié, annoté et accompagné d' une preface (du 1-e octobre 1885), par Elisée Reclus, Paris 1885 (Октябрь) стр. X + + 333, 18⁰ («Речи Бунтовщика», собранные Э. Реклю, заключают все вышеприведенные статьи К. в Révolté (за исключением доклада 1879 г., см. 36) глава I—№ 38, II—№ 37, III—52, IV—45, V—63, VI—42, VII—59, VIII—54, IX 57, X—43, XI—44, XII—46, 53, XIII—47, XIV 60, XV—62, XVI—58, XVII—55, XVIII—ср. содержание см. № 559).

1886.

86. „Catra Tinery“ Jassi 1886, стр. 24, 8⁰ (по-румынски «К молодежи» см. № 42).

* 87. „Comment on s'enrichit“—„Le Révolté“, organe communiste anarchiste II Série Paris, 1886, с 29 V—3 VII.

88. Ecclêsis eis tous neous kata metaphrasin Platonos E. Drakonli“. Athénai 1886, стр. 56 (по-гречески «К молодежи» см. № 42).

89. Expropriation Londres, H. Seymor 1886, стр. 8, 8⁰ (см. № 64).

90. „Gesetz und Autorität“ London, herausgeb v. der Gruppe „Autonomie“ 1886, стр. 31, 8⁰ (перевод статьи из «Révolté» 1882 г. см. № 61).

* 91. „L' Anarchie, dans l'Evolution socialiste“—„Le Révolté“ 1886, 28 III—9 V.

92. „La ley y la autoridad“ Biblioteca para el Proletariado, Barcelona, 1886, стр. 32 (по исп. перев. вышеуказ. статьи из Révolté за 1882 г. № 60).

93. „Law and Authority“—Londres 1886 (см. № 60).

* 94. „Les Denrées“—Le Révolté 1886, 2 X—27 XI (вошло в № 168).

* 95. „Le Logement“—там же, 1886, 24 VII—7 VIII (вошло в № 168).

* 96. „Les Prisons“—там же, 1886, 14—21 VIII (вошло в № 104 ?).

* 97. „Le Vêtement“—там же, 1886, 25 XII (вошло в № 168).

* 98. „L' Expropriation“—там же, 1886, 14 II (вошло в № 168).

* 99. Pratique de l' Expropriation—там же, 1886, 10—17 VII (вошло в № 168 ?).

100. „War“ Londres H. Seymour 1886, стр. 8. in 8° (перев. по англ. № 59).

1887.

101. „A Anarchia na evoluçâo socialista“ Bibliotheca dos trabalhadores, (Publicaçâo dos gropos communistas-anarchistas de Lisboa e Porto) 1887, стр. 16 in 8° (по-португальски статья из «Révolté» 1886, «Анархия и ее место в социалистической эволюции» см. № 91).

102. „Exelixis ton neoteristikon pneumatos ton enestôtos aiônos“ Bibliotheke „Arden“ Athénes 32 стр., 32° (тоже по-гречески).

103. Influence morale des Prisons sur les prisonniers, Conférence faite le 20 decembre 1887 a la Salle Rivoli“—„La Révolte, organe communiste-anarchiste“. Paris, 1887, 24 XII (вошло в № 104 ?).

* 104. **Peter Kropotkin** „In Russian and French Prisons“ London 1887, начало, стр. IV+387, 8°, III (ср. гл. III с № 77, IV—74, V—81, VII—76, IX и X с №№ 96, 103, 116; содержание см. № 331.

105. Pierre Kropotkine „L'Anarchie dans l'Evolution socialiste“ Paris 1887 (Март) стр. 31, 16° (статья Révolté 1886 г. см. № 91).

106. „La Expropriacion“ 1-a parte (Biblioteca del Trabajador) Cadiz 1887, стр. 31 (перев. по-испански, см. № 64).

* 107. „La libre Entente“ — Révolté 1877, 2 IV—23 VII (вошло в № 108).

* 108. „Les Besoins scientifiques“, там же, 1887, 29 I—12 II (вошло в № 168).

* 109. „Production et Consommation“, там же, 1887, 2 VII (вошло в № 168).

110. „Revolutionäre Regierungen“ (Anarchistisch—Communist Bibliothek № 1) London 1887 (Дек.) стр. 19 (по нем. статья Révolté 1882 г.? № 62).

* 111. „The Coming Anarchy“—„Nineteenth Century“, 1887, VIII, стр. 159—164 (вошло в № 151).

* 112. „The Paris Commune“ A speech delivered... at the Commeration at South Place (London) on the 17 th of March 1887—„Freedom“ London 1887, IV (ср. с. № 43 и 44).

113. „The Place of Anarchism in Socialist Evolution“ London, H. Seymour 1887, стр. 7 (статья из Révolté 1886 г., см. № 91).

* 114. „The Scientific Basis of Anarchy“—Nineteenth Century 1887, II, стр. 238—252 (вошло в № 151).

1888.

* 115. „Communist Anarchism“ A speech delivered... at the Freedom Group Meeting March 15 th 1888—Freedom. London 1888, IV.

* 116. „Influence morale des prisons sur les prisonniers“—„La Révolte“ с нач. 1888 года до 16 Июля 1888 года (продолж. № 103).

117. „Les Prisons“ Paris 1888, стр. 59, 16⁰ (это же отдельной брошюрой).

* 118. „Le Salariat“—La Révolte, 1888, 26 VIII—30 IX (вошло в № 168).

119. „Represantative Regierungen“, (Anarch.-Communistische Bibliothek № 2), London 1888, стр. 43 (статья из Révolté 1880, см. № 47).

120. Статьи Кропоткина из „Nineteenth Century“ за 1887 (см. №№ 114 и 111)—в сборнике Albert R. Parsons „Anarchist: its philosophie and scientific basis“ Chicago 1888.

121. Тоже („Die wissenschatliche Entwickelung des Anarchismus“ и „Die kommende Anarchie“)—Albert R. Parsons: Der Anarchismus, dessen Philosophie und wissenschaftliche Grundlage Chicago 1888.

* 122. „The breakdown of our industrial system“—„Nineteenth Century“ 1888, IV, стр. 497—516.

* 123. „The Coming Reign of Plenty“—там же, 1888, VI.

* 124. „The Industrial Village of the Future“,—там же, 1888, X.

1889.

125. „De Gefangenissen“ La Haye B. Liebers et C⁰, 1889, стр. 36, 8⁰ (статья из Révolté за 1886 или 1887—1888 г.—по-голландски).

126. „La Anarquia“ Biblioteca Anarquista Madrid, б. о. г. (1889?) (по испански статьи К. из Nineteenth Century за 1887 г.).

127. „La Anarchia nell'evoluzione socialista“ Turin, ind La Nuova Gazzetta Operaia 1889, стр. 30, 16⁰ (по-итальянски статьи из Révolté 1886, 28 III—9 V).

* 128. „La Division du Travail“—La Révolté 1889, 21 IV вошло в № 168).

129. „Law and Autority“—на еврейском языке в изд. The Peoples Library, United Groups „Knights of Liberty“ of England and America 1889, стр. 24 (статья из Révolté 1882 г.).

* 130. „Le Centenaire de la Révolution“,—La Révolte 1889, 30 VI—21 IX (вошло в № 183).

* 131. „Le Commerce extérieur et la Misère à l'Intérieur“—там же 1889, 25 V—15 VI (вошло в № 168).

132. „Le Salariat“ Paris 1889 (Авг.) стр. 35, 16⁰ (статья из Révolté 1888 г.).

* 133. „Le Vingtième Siécle“—„La Rèvolté 1889, 30 XI—28 XII (эту критику «Looking bakcword» Беллами M. Nettlau—считает принадлежащей П. К.).

* 134. „1789—1889“—La Révolte 1889, 13 I—24 III (вошло в № 190).

* 135. „Past and Future“ (беседы 1889 г.) „Freedom“ 1889, IV.

* 136. Письмо Кропоткина в приложении (Appendice Historico de 1882 á 1889) книги Garibaldi Historia liberal del siglo XIX, 1789 á 1889 (2396 стр. Barcelona). Это письмо перепечатано из журнала „El Productor“ (Barcelona) 1889, 10 V.

* 137. „The Great French Revolution and its Lessons“—„Nineteent Century“ 1889, VI, стр. 838—851 (ср. с. № 130).

138. „The Wag Systeme“ Freedom Pamphlets № 1, London 1889 (перевод статьи из «La Révolté» 1888, см. № 118).

1890.

* 139. „Brain Work and Manual Work“—„Nineteenth Century“ 1890, IV, стр. 456—476 (вошло в № 244).

140. „Das Lohnsystem“ Anarchistisch-Communistisch Bibliothek London 1890, стр. 18, 8⁰ (статья из Révolté 1888).

141. „Het Loonsystem“ Haage 1890 (тоже, на голландском языке).

* 142. „L'Agriculture“—Revolte 1890, 12 X и след. (продолж. в 1891 г., вошло в № 168).

* 143. „L' Aisance pour tous“, там же, 1890, 6—20 IX (вошло в № 168).

* 144. „La Morale anarchiste“—La Révolte, 1890, 1 III—16 IV (вошло в № 168).

145. „La Situazione“ Lo sfacelo degli Stati, Biblioteca per il Popolo № 1, Torino 1890 (статьи из Révolté 1879, 8 III и 5 IV—по-итальянски).

* 146. „Le Communisme anarchiste“—La Révolte 1890, 11 X—15 XI (ср. с № 115, вошло в № 168).

* 147. „Le Travail agréable“, там же, 1890, 1—8 II.

* 148. „Mutual Aid among Animals“—„Nineteenth Century“ 1890, IX и XI (вошло в № 267).

* 149. „Nos richesses“—La Révolte 1890, 26 VII—31 VIII (вошло в № 168).

150. Necessita di un mutamento social (стр. 6—13), (статья по-итальянски из Révolte 5 III 1881) продолжение Suo prossimo avolnimento (статья из Révolte 7 II 1880) стр. 15—21 и I Diritti politici (Политич. права, статья из Révolté 18 II 1880) стр. 23—30, „Biblioteca per il popolo“ № 1, (Torino) 1890.

1891.

151. Peter **Kropotkin**. „Anarchism Communism: its basis and principles“ (Freedom Pamphlets № 4) London 1891, стр. 35, 8⁰ (статьи из «Nineteenth Century» 1887, II и VIII, ср. с № 146).

152. „De Onafhankelijke Moraal“ Haage, B Liebers et C° Volksbiblioteek № 4, 1891, 63 стр., 8° (статья по-голландски из Révolté 1890 г.).

153. „El Salariado“ Biblioteca anarquico-communista del „Perseguedo“ Buenos Aires 1891, стр. 32, 16° (по-испански из Révolté 1888).

* 154. „Encore la Morale“—„La Révolte“ 1891, 5—19, XII.

* 155. „Etude sur la Revolution“,—там же, 1891, 10 VII—7 XI.

156. „Il Salariato“, Biblioteca della „Gasetta degli Operai“ № 1, Torino 1891, стр. 24, 16° (по-итальянски из Révolté 1888 г.).

157. „Intensive Agriculture“—„The Forum“ 1891, VI (ср. с № 158).

* 158. „L' Agriculture“,—La Révolte с нач. (1890 г.) 1891 по 14 II.

159. **Pierre Kropotkine**. „La Morale anarchiste“ Paris 1891, стр. 74, 16° (см. № 144 и 154).

* 160. Le Capital de la Révolution,—La Révolte 1891, 7 III.

* 161. „Mutual Aid among Savages“—„Nineteenth Century“ 1891, IV и XII (вошло в № 267).

162. Pedro Kropotkin. „Парижская Коммуна“ по испански (статья из Révolte 20 III 1886) совместно со статьей Elisée Reclus „Evolution y Révolucion“, Madrid 1891, стр. 31, 8°.

* 163. „The Commune of Paris“ (беседа 1891)—Freedom, 1891, IV.

164. „Til de Unge“ Kjobenhavn 1891, стр. 30, 8° (по-датски «К молодежи» из Révolte 1880).

1892.

165. „Anarchist Morality“—Freedom Pamphlets № 6, 1892. стр. 32 (из Révolte 1890 г.).

166. Тоже на еврейском языке изд. „Freie Arbeiterstimme“ New-Iork, „International Series, 1892, стр. 74, 8°.

167. „Бунтовской дух“—на армянском языке Paris, 1892, стр. 1—4 (статья из Révolte 1881, 14 V).

168. P. **Kropotkine**. „La Conquête du Pain“, préface par Elisée Reclus, Paris, Tresse et Stock, 1892, ср. p. XV+298. 18° (ср. отдельные очерки этого сборника с №№ 149, 143, 146, 99, 94, 95, 97, 147, 107, 118, 109, 128, 131, 142; помимо того здесь помещено «Les voies et Moyens», «Le besoin de luxe», «Objections»; содержание см. № 581).

* 169. „L' Utopie Gouvernementale“—La Révolte, с 11 XI до конца года прод. в 93 г.).

* 170. „Mutual Aid among the Barbarians“,—„Nineteenth Century“ 1892, I (вошло в № 267).

171. „Namezdui Sonstava“, Mezinarodni Knihovna, New Jork 1892, стр. 15 (по-чешски из «R» 1888 «La Salariat»).

172. „O Governo revolucionario“—Bibliotheca do grupo anarchista „Revolucão Social“ № 2, Porto 1892, стр. 18, 8° (статья из Révolté 1882—по-португ.).

* 173. **П. А. Кропоткин**. „Письмо к издателям „Анархической Библиотеки“—приложение к книге М. А. Бакунин „Парижская Коммуна и понятие о Государственности“ (Анархическая библиотека № 1) Нов. русск. типография 1892 Женева, стр. X — + 20, 8°.

174. „Политические права“—на армянском языке Paris 1892, 11 стр. 8° (из Révolte 18 II 1882).

175. Разложение государства — на армянском языке Paris 1892, стр. 10, 8° (перев. из Révolte 1879, 5 IV).

176. „Revolutionary governement“ London, Office of „The Commonwealt“ 1892, стр. 15 (статья из Révolté 1882).

177. „Revolutionary Studies“ London, Office of „The Commonwealt“ 1892, стр. 31, 8° (статья «Etude sur la Révolution» из Révolte 1891 г.).

* 178. P. Kropotkin. „Recent science“—„Nineteenth Century“ 1892, V.

1893.

179. „A lei la Autoridade“ Bibliotheca anarchista edit. de „A Revolta“, Lisboa 1893, стр. 48 (по-португ. «Закон и власть» Révolté 1882 г.).

180. Die Anarchististische Moral (Anarchistisch. Communist Bibliot. № 6, стр. 40. 8° б. о. г. 1893 (?) (из Révoltè 1890 г.).

181. „Een studie over de revolutie“ 1893 (по-голланпски из La Révolte 1891 10 VII 7 XI).

182. L'Anarchie—по-армянски Publications anarchistes 1893, стр. 15, 16° (из «Nineteenth Century» 1887 VIII).

183. **P. Kropotkine**. „La Grande Révolution“ Paris, au bureau de La Révolte 1893, стр. 39, 8° (статьи 1889 из «La Révolte» 30 VI—21 IX или из «Nin Cent». VI).

184. „L' Agriculture“ Paris au bureau de „La Révolte 1893, стр. 32, 8° (из Révolte 12 II 1880—14 II 1891).

185. „Lo Sfacelo degli Stati“ (Biblioteca dei lavoratori) Opusculi popolari socialisti № 4, Milano 1893, стр. 13 (по-итальянски «Разложение государства» из Révolte 1879 г.).

* 186. L' Utopie Gouvernementale—La Révolte (нач. в 1892) с 1893 до 21 I.

187. „O Salariado“ Bibliotheca anarchista № 3 изд. „A Revolta“ Lisboa 1893, стр. 32 (по-португ. Le Salariat Révolte 1888).

* 188. P. Kropotkin. „Recent science“—Nineteenth Century 1893, IV.

* 189. „Une Conférence, faite le 5 III 1893 sur l' Anarchie"—La Révolte 1893, 18 III—2 IX.

190. P. **Kropotkine.** „Un Siècle d' attente 1789—1889" Paris, an bureau de „La Révolte" 1893, стр. 32, 8⁰ (статьи из La Révolte 1889, 13 I—24 III).

1894.

191. (Без подписи). „A Utopia governemental", „Propaganda anarquista" № 1, Lisboa, Ediça do „Gruppo de Estudos socials" 1894 (XII) стр. 13, 16⁰ (Резюме статьи К. из Révolte 11 XI 1862—21 I 1893 попортугальски).

192. Das Menschliche Recht (unsere Reichtümer-Allgemeiner Wohlstand—Expropriation-Communistischer Anarchismus) Anarchistisch-Communist Bibliothek 1894 (?) (на еврейск. языке йз «La Conquête du Paines» 1892 г.).

193. „Les Temps Nouveaux" (Conférence faite à Londres) Paris, au bureau de „La Révolte" 1894, 63 стр., 8⁰ (см. № 169 и 186).

* 194. „Mutual Aid in the Medieval City"—Nineteenth Century 1894 VIII и IX (вошло в № 267).

195. „Революционное меньшинство" — (по-армянски) Publications anarchistes № 8, 1894, стр. 16, 16⁰ (из Révoltè 1881 г.).

196. „Revolucni Duch" (Mezinarodni Knihovna № 10) New Iork 1894 (I) стр. 15, 8⁰ (по-чешски «Бунтовской Дух» Révoltè 1881).

* 197. Статьи в „Geographical Journal", London, 1894.

198. „Zakon a autorita" Mezinarodni Knihovna № 9, New Iork 1893, стр. 16, 8⁰ (по-четски «Закон и Власть» из Révoltè 1882).

1895.

199. „A Conquista do Pâo" Porto 1895 (по-португальски „La Conquête du Pain" 1892 г., в 21 выпуск. изд. продолж. в 1896),

200. „Anarchiata vo socialisticheskata evolucia" Руссе 1895, 31 стр. 8⁰ (по-болгарски № 91).

201. „Expropriation" Freedom Pamphlets № 7, London 1895, стр. 39, 8⁰ (из Révoltè 1886, 14 II—10 VII см. № 98).

202. То-же по-итальянски изд. „l'Avenire" San Paolo Barsilia 1895.

203. „La Conquista del Pan" Buenos Aires 1895, стр. 215, 12⁰ (по-испански № 168).

204. „La Anarquia en la evolution sozialista" изд. гр. „Expropriation" Buenos Aires 1895 (VII) стр. 21, 8⁰ (по-испански № 91).

205. „La Prigioni (Conferenza tenuta a Parigi) Torino (Publi du „Grido del Popolo", social-democrate) 1895. стр. 45. 16⁰ (поитальянски № 117).

206. „Salariata i li segachnata forma na ocenjavanie truda“ (Anarchicheska Biblioteka № 2) Razgrad 1895, стр. 15, 8⁰ (по-болгарски № 118).

207. Письмо **П. А. Кропоткина**. (об анархо-коммунистических колониях от 16 II 1895 — „Newcastle Daily Chronicle“ 1895, 20 II.

207-а. La Faillifte du système industrial статья в журн. Société Nouvelle Juillet. 1895 Bruxelles.

* 208. Статьи в „Geographical Journal“ 1895.

* 209. Статья о 1-м Мае—журн. „Parti Ouvrier“ 1895.

* 210. „Un temps d'arrêt“—„Les Temps Nouveaux“. Paris, №№ 4—19, 1895, 25 V—7 IX.

1896.

211. „A Conquista do Pâo“ Porto 1896 (см. 1895 г.).

212. „Communismo anarchico“ изд. „L'Avenir sociale“ Messina 1896, стр. 15, 8⁰ (статьи из La Révolte 1890 г., по-итальянски).

* 213. „Coopération“ A Replay to Herbert Spenser.—Freedora, 1896, XII (продолж. в 1897 г.).

214. „De Anarchie, Philosophie en ideal“—Amsterdam, 1896 (см. эту брошюру в этом году).

215. Peter Kropotkin. „Der Wohlstand fur Alle“ Deutsch von B. K. Zürich 1896, стр. X + 320, 8⁰ (перев. по-нем. № 168).

216. „L'Agricultura“ Torino 1896, стр. 30, 16⁰ (статьи из „La Révolte“ см. № 142, 158).

* 217. **Pierre Kropotkine**. „L'Anarchie, sa philosophie, son Idéal“ Paris Stock 1896 (VI), стр. 59, 18⁰.

* 217-а. **P. Kropotkine** „Les Congrès internationaux et le Congrès de Londres“—„Temps Nouveaux“ 1896, 15 VIII—10 X.

* 218. „L'Etat: son rôle historique“—„Temps Nouveaux“ 1896, 19 XII и след.

219. **Pierre Kropotkine**. „L'Inévitable Anarchie“ (Bibliothèque des Temps Nouveaux № 6) Bruxelles 1896, стр. 35, 16⁰ (статья из „Nineteenrh Çentury“, см. № 111).

220. „Mravouka Anarchie“ New Iork 1896 (перев. по-чешски брошюры „La Morale Anarchiste“ 1891).

* 221. „Mutual Aid among Modern Men“—„Nineteenth Century“ 1896, I (вошло в № 267).

* 222. „Mutual Aid among ourselves“—там же. 1896, VI (вошло в № 267).

223. **П. Кропоткин**. „Распадение современного строя“ (Paroles d'un Révolté) Женева 1896 (VIII). Вып. 1-й. Изд. Е. Гельда тип. не указана, стр. IV + 68, 8⁰.

* 224. „Recent science“—Nineteenth Century 1896, VIII.

* 225. „Речь П. Кропоткина — Летучие листки, издаваемые Фондом Вольной Русской Прессы в Лондоне под ред. Ф. Волховского, 1896, листок 28.

* 226. P. Kropotkine. „Serge Stepniak“ — „Temps Nouveaux“ 1896, № 37.

227. „Un secolo d'aspettativa“ 1789—1889 Torino 1896, стр. 28, 16° (итальянск. перев. № 190).

* 227-a. „War or Peace? — „Labour Leader“ 1896, 25 VII, (перепечатано также в «Full Réport of the Proceedings of the International Workers Condress Glasgow a. London 1896; сравнить с № 217-a).

228. „Woorden van een Opstadeling“ Amsterdam 1896 (V) (голландский перев. «Речей Бунтовщика» 1885).

229. „Worte eines Rebellen“ London 1896, 8° (по-немецки № 85, в отдельных выпусках).

1897.

230. Peter Kropotkin. „Anarchy: its philosophy and ideal“ 1897 (по-англ. № 217).

* 231. „Coopération“. A Reply to Herbert Spencer (нач. 1896) „Freedom“ 1897, I.

* 232. Pierre Kropotkine. „L'etat: son róle historique“ 1897 (появилось также статьями в «Temps Nouveaux» и продолж. с 1896 г.).

* 233. P. Kropotkin. „Recent science“—Nineteenth Century 1897, том 42, стр. 22—43.

* 234. P. Kropotkin. „Recent science“—там же, 1897, том 42, стр. 799—820.

* 235. P. Kropotkin. „Recent science“—там же, 1897, том 41, стр. 250—269.

* 236. Статьи в „Geographical Journal“ 1897.

1898.

* 237. „Autobiography of a Revolutionist“—„Atlantic Montly“ 1898, и след. (прод. в 1899).

* 238. Письмо П. А. Кропоткина к Георгу Брандесу—Летучие Листки, издаваемые Фондом Вольн. Русск. Прессы, 1898 г. № 44.

* 239. P. Kropotkin. „Recent science“—„Ninenteenth Century“ 1898, том 44, стр. 259—280.

* 240. P. Kropotkin. „Some of the Resources of Canada“, там же, 1898, том 43, стр. 494—514.

* 241. Статьи в „Geographical Journal“ 1898.

242. P. Kropotkin. „The State its Part in History“ 1898 (см. № 232).

* 242-a. Статьи в „Temps Nouveaux“ 1898, в частности статья „Le Césarisme“ от 3 Dec. 1898 г.

1899.

* 243. „Autobiography of a Revolutionist"—„Atlantic Montly", продолжение (с 1898 г.) по Сентябрь 1899.

* 244. Fields, factories and workschops; or two sisters arts, industry and agriculture 8⁰ Boston, Houghton, Mifflin and Co 1899 (ср. с № 122, 139, а также с № 142 и 158).

* 245. „Memoirs of a Revolutionist" London и New Iork 1899 (в двух выпусках; предисловие датировано X 1899, в нем указывается о печатании отчасти в видоизмененном и дополненном виде «Автобиографии» из «Atlantic Montly» 1898—1899; содержание см. № 541).

* 246. Мнение П. Кропоткина о мирной конференции— Летучие листки, издаваемые Фондом Вольной русской прессы в Лондоне, 1899, листок № 45.

* 247. „Recent science"—„Nineteenth Century", 1899, том 45, стр. 404—423.

* 248. „Recent science"—там же, 1899, том 46, стр. 934—946.

* 248-а. Статьи в „Temps Nouveaux" 1899, в частности „L' Alliance franco-russe".

1900.

249. **П. Кропоткин**. „Анархия. Ее философия—ее идеал Публичная лекция (пер. с франц.) (L' Anarchie sa philosophie son ideal, par Kropotkine) Genève, E. Held edit., (тип. не указана) 1900 г. стр. 70, 16^0 (см. французский оригинал № 217).

250. „Бунтовской дух" на итальянск. языке, Paterson, New Iork 1900 (из Révolté 1881, 14 V—9 VII).

251. „Memoiren eines Revolutionärs" Autoris. Uebers. von M. Pannwitz 2 B-de Stuttgart' R Lutz, 1900 (нем. пер. с англ. ориг. № 245).

252. „Одна честная книга об анархии" на французск. языке в „Les Temps Nouveaux" 1900, IX 6—14 (отзыв о книге Эльцбахера).

252-а. **П. Кропоткин**. „Пропаганда среди петербургских рабочих в начале семидесятых годов"—„Былое" Историко-революц. сборник № 1, London 1900 (перевод из автобиографии К., печатавшейся также в L' Humanitè Nouvelle).

* 253. P. Kropotkin. „Recent Science"—Nineteenth Century 1900, XII, том 48, стр. 919—940.

* 254. Статьи в „Geographica Journal", 1900.

* 255. P. Kropotkin. „The Smell industries of Britain".— Nineteenth Century, VII, том 48, стр. 256—271.

* 256. Три доклада Кропоткина: „Мелкая промышленность в Англии", „Коммунизм и анархия", „Узаконенная месть именуемая правосудием" на франц. языке в „Rapports

du congrés antiperlementaire international de 1900“ (первонач. напеч. в литерат. прилож. Temps Nonveaux №№ 23—32; см. русское изд. 1902 г.).

1901.

257. P. Kropotkine. „L'organisation de la Vindicité, appelée Justice“ Edition „Les Temps Nouveaux“ Paris 1901 (см. № 256).

* 258. P. Kropotkin. „Recent Science“—Nineteenth Century, 1901, IX, том 50, стр. 417—438.

* 259. **П. Кропоткин**. „Современная наука и анархизм“. Изд. Группы Русских Коммунистов-Анархистов, Printed by the Russian Free Press Fund, Лондон 1901, (Сентябрь), стр. 64, 16⁰ (сравнить с № 114, 146, 151).

260. Произведения Кропоткина—на китайском языке в журнале Sin-Si-Ki („Les Temps nouveaux“) Paris 1901 (перевод ред. журнала J. Li).

1902.

261. P. Kropotkine. „Autour d'une vie“ (Memoires). Preface de G. Brandes. Paris. Stock, 1902. 16⁰ (ср. с № 245).

262. Gedenkenschriften von een revolutionair. Met inleedend woord van Georg Brandes Vertald door S. Domela-Nieuwenhuis, gr 8, Corinchen, P. M. Wink, 1902 (перев. на голландск. языке «Зап. Р.» ср. с оригиналом 1899 г.).

263. **П. А. Кропоткин**. „Записки революционера“. С предисловием Георга Брандеса. Перев. с англ. под ред. автора (с портретом автора). Историческая Библиотека. Изд. Фонда Вольной Русской Прессы. Лондон 1902, стр. XX + 447, 8⁰ (перев. с англ. ориг. 1902, с особым предисловием К. 1902 г. к этому изданию).

264. **П. Кропоткин**. „Коммунизм и анархия“—в „Доклады международному революционному конгрессу 1900 г.“. Лондон 1902. Изд. Группы Русских Коммунистов-Анархистов. Тип. Фонда Вольной Русской Прессы, стр. 119, 16⁰ (см. 1900 г., сравн. с письмом К. № 207).

265. Landlow en industrie Hoofden handenarbeit vereinigt Uif het Engelsch door J. Stoffel Amsterdam, S L Van Lovy, 1902, 8⁰ (голландский перев. № 244).

266. П. Кропоткин. „Мелкая промышленность в Англии“—в „Доклады междун. революц. конгр. 1900 г.. Лондон 1902 (см. № 255 и 256).

* 267. **P. Kropotkin**. „Mutual aid: a factor of evolution“ London, Heineman, 1902, 8⁰ (см. №№ 148, 170, 194, 221, 222 - приложени содерж. см. посл. русск. изд. № 563).

* 268. Статьи в „Les Temps Nouveaux“ 1902 (прод. см. 1903 г.).

* 269. Статьи в „The Encyclopedia Britannica“ Teuth Edition, 1902 (прод. в 1903).

270. **П. Кропоткин.** „Узаконенная месть именуемая правосудием“—в брош. „Доклады международн. революц. рабоч. конгрессу 1900“, Лондон 1902 (см. франц. ориг. № 256).

271. „Van veld, fabrieken werkplats of nijverheid vereinigt met handarbeid“ Ut het Eug, Amsterdam 1902, 8⁰ (голландск. перев. № 244).

272. **П. Кропоткин.** „Хлеб и воля“ (La Conquête du Pain par Pierre Kropotkin). С предисловием Элизе Реклю. Перев. с франц. Изд. Группы русских Коммунистов-Анархистов. Лондон 1902, XVI + + 295, 8⁰ (предисловие К. к первому русскому изданию этой книги от Января 1902 г. ср. с франц. оригиналом № 168).

1903.

273. (Без всякого указания автора). „Земледелие, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла“. С английского перевел А. Н. Коншин. Москва, изд. „Посредника“. 1903, 8⁰ (сравнить с оригин. № 244).

274. „Modern Science and Anarchism“ Philadelphia 1903 (ср. с. № 259).

275. **Петр Кропоткин.** „Письмо к устроителям Лондонского митинга в память Парижской Коммуны. Б. о. м. и. 18 Марта 1903 г. Изд. „Группы Русских Анархистов-Коммунистов“ № 1, тип. не указана, стр. 2.

276. П. Кропоткин и другие. „Почему мы анархисты?“. Заявление анархистов перед лионским исправительным судом—журн. „Хлеб и Воля“ 1903, Сентябрь, № 2 (см. французский оригинал № 71).

277. **П. Кропоткин.** „Распадение современного строя“. Вып. I. Б. о. м. и. (второе издание) Группа русских анархистов-коммунистов 1903, стр. IV + 68 (ср. с 1 изд. 1896 и с франц. ориг. 1885; предисловие К. 1896, приб. неск. слов «К товарищам анархистам от издателей»).

* 278. Статьи в „The Encyclopedia Britanica“ 10-ое изд. 1903 (нач. с 1902 г.).

* 279. Статьи о Великой Французской революции и друг. в „Temps Nouveaux“ 1903.

280. П. А. Кропоткин. „Честная книга об анархизме“ в приложении к Пауль Эльцбахеру „Анархизм“ (пер. с нем.). Собрание лучших русск. произвед. Изд. Гуго Штейница. Берлин. 1903 (см. франц. оригинал статьи К. в 1900 г.).

280-а. Из брошюры П. Кропоткина „Современная наука и анархизм“ (Лондон 1901) Сентябрь 1901—в сборнике Г. А. Куклин. „Итоги революционного движения в России за сорок лет 1862—1902 г.“ Женева 1903 г., стр. 159—160.

280-б. Из статьи П. Кропоткина „Коммунизм и анархия“ (Лондон 1902)—там же, стр. 160—161.

1904.

290. „Анархия, ее философия и идеал“ (подпольное гектографированое, русское издание.

291. Князь **Кр-ин**. „Взаимопомощь среди людей и животных. Пер. с английского А. Николаева. СПБ. Изд. М. Орехова. 1904 г., стр. 211 (ср. с англ. ориг. 1902 г., № 267).

* 292. „Война на дальнем востоке“. (Статья П. Кропоткина, напечатанная в английской газете „The Speaker“)—журн. „Хлеб и Воля“ 1904, Март 1904, № 8, стр. 4—6.

293. „Gegenseitige Hilfe in der Entwickelung“ Autoris. deutsche Ausgabe, besorgt von Gustav Landauer. Leipzig Th. Tomas, 1904, 8⁰ (нем. пер. № 267).

294. **Петр Кропоткин**. „Государство, его роль в истории“. Перев. под ред. автора. Изд. Группы „Хлеб и Воля“. Женева. Тип. не указ. стр. 75, 16⁰ (ср. с № 218).

295. „Der moderne weltenschap an het anarchisme“ Bewerkt door F. D. Niewenhuis Gravenhage Samson, 1904, 8⁰ (гол. перев. № 274).

296. (Без наименования автора). „Земледелие, промышленность и ремесла“. С английского перевел А. Н. Коншин. С 7 рисунками и чертежами. Изд. второе „Посредника“. М. 1904, стр. 220, 8⁰ (дозв. ценз. М. 18 I 1904) (ср. с ориг. № 244).

297. „Landwirtschaft, Industrie und Handwerker oder die Vereinigung von Industrie und Landwirtschaft, geistiger und körperlicher Arbeit“. Herausgeb. v. Gustav Landauer. Berlin. S. Salvary и Co. 1904. 8⁰ (ср. с англ. ориг. № 244).

298. „Die Moderne Wissenschaft und Anarchismus“. Berlin J. Bäde, 1904, 8⁰ (пер. № 274).

299. P. Kropotkine. „Orographie de la Sì bérie“. Изд. Географического Института. Brussel 1904 (тоже на англ. языке см. ниже в этом году № 305).

* 300. Письмо Кропоткина Международному Антимилитаристическому Конгрессу в Амстердаме.

* 301. Письмо **П. Кропоткина** о русско-японской войне в ответ на запрос одного из редакторов франц. газеты „Le Soir“, (датировано Бромлей 18 Февр. 1904)—„Хлеб и Воля“ 1904, № 7, Февраль, стр. 6 (см. поправку—опечаток в письме К.. там же в № 8, стр. 8).

* 302. П. Кропоткин. „По поводу якутской бойни“ (от 26 Июня 1904)—„Хлеб и Воля“ 1904. Июль. № 10, стр. 5.

* 303. **P. Kropotkin.** „The ethical need of the present day“—„Nineteenth Century and after“ 1904, Aug, том 56, стр. 207—226.

304. **P. Kropotkin.** „The Dessication of Asia“—„Geographical Journal, 1904, lune.

* 305. P. Kropotkin. „The Orography of Asia“—„Geographical Journal, 1904, February—March (ср. с отд. франц. изд. этого года).

306. Петр Кропоткин. „Экспроприация“. Изд. Группы „Хлеб и Воля“ 1904, Б. о. м. п., тип. не указана (глава из «Paroles d'un Révolté» 1885 г.).

1905.

* 307. **П. Кропоткин.** „Бакунин“ (датировано Июнь 1905 г.) в журн.—„Хлеб и Воля“ 1905, Июль, № 19—20.

308. П. Кропоткин. „Бунтовский дух“. Изд. Группы „Хлеб и Воля“. Б. о. м. п. и тип. 1905, стр. 32, 16^0 (ср. с франц. оригиналом № 55).

* (?) 309. **Peter Kropotkin.** „Der Anarchismus in Russland“ Berlin Freie Arbeiter Presse (N. Oestreich) 1905 (брошюра повидимому переводная).

* 310. **P. Kropotkin.** „Ideal and realities in Russian Literature“, London 1905. (Содерж. см. № 381).

311. Тоже, в немецком переводе Leipzig 1905.

* 312. Петр Кропоткин. „Письмо, адресованное председателю митинга от 3-го Ноября 1905 г. (о русской революции)—ж. „Хлеб и Воля“, 1905, Ноябрь, № 24, стр. 8—9.

* 313. Письмо Кропоткина в редакцию „Хлеб и Воля“ от II 1905 г. (о невозможности продолжать начатых статей в журнале вследствие болезни)—„Хлеб и Воля“, 1905 г., Февраль, № 15, стр. 8.

314. **П. Кропоткин.** „Распадение современнного строя“. Изд. Группы „Хлеб и Воля“. Без обозн. места и тип. 1905, стр. 56, 16^0 (сравнить с 1-м выпуском 1896 г. № 223).

* (?) 315. П. Кропоткин „Русская революция“. Изд. Группы „Хлеб и Воля“. Без обозначения места и типографии 1905, стр. 15, 16^0.

* 316. P. Kropotkin „The Constitutional Agitation in Russia“—Nineteenth Century 1905, January, том 57, стр. 27—45.

* 317. P. Kropotkin „The Revolution in Russia“ (датировано „November“ 21)—там же, 1905 December, том 58, стр. 865—883 (ср. с № 315).

* 318. **P. Kropotkin.** „The Morality of Nature“, там же, 1905, March, том 57, стр. 407—426.

1906.

319. П. Кропоткин. „Аграрный вопрос“. Перевод и примечания Н. Павловича СПБ. Изд. „Свободное Соглашение“ 1906, тип.

Михайловой (см. фр. ориг. № 46, и 53, а также 85). (В примеч. указывается что статья написана по французски в 1880 г.).

320. П. Кропоткин. „Анархия и ее место в социалистической эволюции“. Изд. „Волна“. СПБ. 1906 г. (ср. с франц. ориг. 1886 г. № 91).

321. П. Кропоткин. „Анархия и ее место в социалистической эволюции“. СПБ. Тип. „Грамотность“ (1906 г. ?).

322. П. Кропоткин. „Анархия, ее философия, ее идеал“. Публичная лекция (перев. с французского). Изд. Группы Русских Рабочих Анархистов-Коммунистов. Лондон. 1906, стр. 48 (ср. с русск. изд. 1904 г., № 290).

323. П. Кропоткин. „Анархия, ее философия и идеал“ (стр. 3—58) в приложении „Воспоминания о Бакунине“. стр. 59—64. Москва, Книгоиздательство „Свобода“, 1906, стр. 64.

324. П. Кропоткин. „Анархия, ее философия и идеал“. Пер. с франц. СПБ., изд. А. Миллера. Книгоиздательство „Мысль“. 1906.

325. (Без подписи). „Бакунин“ — Сборник „Хлеб и Воля“— статьи П. Кропоткина, В. Черкезова. Э. Реклю, Л. Бертони и других. СПБ. Издат. „Священный Огонь“ Ал. Морского, 1906 г., стр. 289—293 (см. № 307).

326. П. Кропоткин. „Безначальный коммунизм и экспроприация“. Издательство „Свобода“. М. 1906 г. (две главы из № 223).

* (?) 327. П. Кропоткин. „Элизе Реклю“. (Дата „15 Июля 1905 г.“)—„Союз Равных“. Сборник статей П. Кропоткина. М. Бакунина, Элизе Реклю и др. Изд. „Равенства“. Москва 1906 г., тип. „Сокол“.

328. То же—„Биография Элизе Реклю“ (13—31)—в приложении к Элизе Реклю „Речь о русской революции“ (стр. 4—12). Изд. „Равенства“. Москва 1906 г.

329. П. Кропоткин. „Великая Революция“. Перев. с франц. Н. М. Изд. „Мысль“ СПБ. 1906 г. (ср. с франц. изд. № 183).

* (?) 330. **П. К.** „Всеобщая стачка“ (датировано 1 (14) Января 1904 г.) перев. с франц. Н. Шишло—в П. Кропоткин и Дж. Бернс: „Всеобщая стачка“. Книгоиздательство „Друг Народа“. Петербург 1906 г., стр. 5—9.

331. **П. Кропоткин.** „В русских и французских тюрьмах“. С английского перевод Батуринского, под редакцией автора. Единственное издание, разрешенное для России автором. СПБ. 1906. Изд. товарищества „Знание“, стр. 242, 8 (том 4-й).

[Содержание: Предисловие автора к русскому изданию (Бромлей, Англия. Февраль 1906 г.). Введение. Глава I, глава II Русские тюрьмы (стр. 23- 59), III Петропавловская Крепость (стр. 59—85), IV Отверженная Россия (стр. 85 –104), V Ссыльные в Сибири (стр. 104—134), VI Ссылка в Сахалин (стр. 134- 151), VII Иностранцы о русских тюрьмах (стр. 151 160), VIII Во французских тюрьмах (стр. 160- 187), IX О нравственном влиянии тюрем на заключенных (стр. 187 213). X Нужны ли тюрьмы (стр 213—237). Приложения А. В, С, D (стр 213—242); ср. с англ. изданием 1887, № 104].

332. П. Кропоткин. „Воспоминания о Бакунине“ (стр. 59—64) в. П. Кропоткин. „Анархия, ее философия и идеал“. Книгоизд. „Свобода“ 1906 г. (см. № 307).

333. Петр Кропоткин. „Государство и его роль в Истории“—„Анархизм“. Сборник Книгоиздательства „Земля“. СПБ. без указ. года (1906 ?), стр. 65—130 (ср. с русск. изданием 1904 г., № 294).

334. П. Кропоткин. „Государство, его роль в истории“. Перевод под редакцией автора—„Черное Знамя“ (сборник). Издательство „Священный огонь“ Ал. Морского. СПБ. 1906 г. стр. 45—105, 8⁰ (ср. с русск. изданием 1904 г.).

335. П. А. Кропоткин. „Завоевание хлеба“. Перевод с французского А. Тверитинова. С предисловием переводчика („Несколько слов о П. А. Кропоткине“ I—X) (Социалистическая Библиотека № 2). СПБ. (Издатель-редактор В. Яковенко) 1906, стр. X + + 210, 8⁰ (ср. с фр. изд. 1892 г. № 168; опущено предисловие К. и Реклю, ср. с русск. изд. 1902 г. № 272).

* 336. П. Кропоткин. „Записки революционера“. С предисловием Георга Брандеса. С английского. Перевод Дионео, под редакцией автора. Изд. товарищества „Знание“. Единственное издание, разрешенное для России автором, пересмотренное и дополненное. СПБ. 1906 г., стр. XVI + 471 (предисловие Кропоткина к настоящему изданию «Декабрь 1905 г.» сравнить с русск. изд. 1902 г. № 263).

337. П. Кропоткин. „Записки революционера“ с предисловием Георга Брандеса. Изд. „Свободная мысль“. СПБ., 1906, стр. VIII + 442, 8⁰.

338. П. Кропоткин. „Коммунизм и анархия“. Книгоизд. „Свободный Договор“ 1906 г. (СПБ.) тип. Левенштейна. стр. 23 (ср. с русск. изд. 1902 г. № 264).

339. П. Кропоткин. „Мои воспоминания о Петербурге“. СПБ. 1906 г. (из «Записок Революционера»).

* 340. **П. Кропоткин**. „Наше отношение к крестьянским и рабочим союзам“—журнал „Листки „Хлеб и Воля“ Орган Анархистов-Коммунистов, 1906 г., Ноябрь, № 2, стр. 3—5, 4⁰.

341. П. Кропоткин. „Организация возмездия именуемого правосудием“ Изд. П. Кохманского. СПБ. 1906 г., стр. 19 (ср. с фр. ориг. № 256).

342. П. А. Кропоткин. Парижская коммуна. (Перевод Т. Брона), (стр. 3—32) издано совместно с В. Симкович. „Последние годы борьбы России с самодержавием“ (стр. 33—83), (Освободительная библиотека). Изд. В. Д. Корчагина. Москва, 1906 г., 8⁰ (из «Речей Бунтовщика», глава XI).

343. П. Кропоткин. „Петропавловская крепость и мой побег“. СПБ. 1906 г. (из «Зап. Рев.»).

? * 344. Письмо Кропоткина о Мине—сборник „З. В. Коноплянниковой“.

345. Письмо П. Кропоткина о русско-японской войне— сборник „Хлеб и Воля". СПБ. 1906, стр. 243—245 (см. 1904 г.).

346. П. А. Кропоткин. „Представительное правительство". Изд. „Свободная Коммуна", стр. 15 (1906) (сокращено из главы XIII «Paroles dun Révolté 1885, ср. со статьей 1880 г.).

346-а. П. Кропоткин. „Пропаганда среди петербургских рабочих в начале 70-х годов"—„Русская Историческая Библиотека" № 4, „Былое", журнал издаваш. заграницею под ред. В. Л. Бурцева. Вып. I. С пред. В. Богучарского. Рост.-Дон. 1906 г. (см. № 252-а).

347. П. А. Кропоткин. „Речи Бунтовщика" „Paroles d'un Révolté. Перевод с французского Н. и С. Тамамшевых („Освобожденная мысль" журнал, выпуск первый. СПБ. 1906 г., стр. 177, 8⁰ (ср. с русским изданием 1896 и 1903 г).

348. „Речи Бунтовщика" на еврейском языке London 1906 г.

349. П. Кропоткин. „Революция в России". Перевод Л. Комина. Книгоиздательство „Эхо", СПБ. 1906 г., стр. 32 (ср. со статьею этого года в Nineteenth Century).

* 350. **П. Кропоткин**. „Революция политическая и экономическая"—Листки „Хлеб и Воля". Орган анархистов-коммунистов, 1906 г., 30 Октября 1906 г., № 1, стр. 3—6 (ср. с № 173), (в этом же № 1 этого журнала помещена передовая заметка подписанная «За группу П. Кропоткин»).

* 351. П. К. „Русская конституция и петергофская диктатура"—там же, 1906 г., 13 Дек., № 4, стр. 1—3.

352. (Без подписи). „Русский рабочий союз". Книгоиздательство „Свобода". Без обознач. места, типографии и года изд., стр. 15 (см. с № 353).

* 353. (Без подписи). „Русский рабочий союз"—сборник „Хлеб и Воля". Статьи П. Кропоткина, В. Черкезова и др. СПБ. 1905, стр. 181—198, 8⁰ (ср. стр. 181—190 с предыд. изданием).

* 354. P. Kropotkin. „Rural home industries" Speaker. 1906, № 336.

* 355. „Синдикализм и парламентаризм"—на французском языке статья в „Temps Nouveaux" 1906 г., Октябрь.

356. П. Кропоткин. „Современная наука и анархизм". Книгоиздательство „Свободный договор", тип. Левенштейн. СПБ. 1906 г. (ср. с русск. изд. 1901 г.).

357. П. А. Кропоткин. „Современная наука и анархизм". С биографическим очерком и библиографическим указателем произведений Кропоткина. Книгоиздательство П. Д. Иванова. Москва 1906, стр. 96, 16⁰.

[Ф. Рындин. Биогр. очерк К. (по «З. Р.» и Степняку) (стр. 3—20) и указатель некоторых работ К. по Nettlau (стр. 20–22). Содержание: Современная наука и анархизм I. Два основных течения в обществе: народное и начальническое. Сродство анархизма с народно-созидательным течением (стр. 23–28) II Умственное движение XVIII-го века; его основные черты: исследование всех

явлений научным методом. Застой научной мысли в начале XIX века. Пробуждение социализма; его влияние на развитие науки. Пятидесятые годы (28—39) III Попытка Огюста Конта построить синтетическую философию. Причина его неудачи: религиозное об'яснение нравственного начала в человеке (стр. 39—42). IV Расцвет точных наук в 1856—62 годах. Выработка механического миросозерцания, охватывающего развитие человеческих понятий и учреждений. Теория развития (42—49). V Возможность новой синтетической философии. Попытка Спенсера. Почему она не удалась. Метод не выдержан. Ложное понимание «борьбы за существование» (49—54). VI Причины этой ошибки. Церковное учение: «мир во зле лежит». Государственное учение того же взгляда на «коренную испорченность человека». Взгляды современной антропологии на этот предмет. Выработка форм жизни «массами» и закон. Его двойственный характер (54—59). VII Положение анархизма в науке. Его стремление выработать синтетическое понимание мира Его цель (54—64). VIII Его происхождение. Как вырабатывается идеал естественно-научным методом (стр. 64—67). IX Краткий обзор выводов, к которым пришел анархизм: Закон. Нравственность. Экономические понятия. Государство (67—78). X Продолжение: Способы действий, понимание революций и их зарождения. Творчество народа. Заключение (стр. 78—90). (Сравнить с русским изданием 1901 г.) амер. № 274].

358. (Л. Тихомиров и П. Кропоткин). „Сказка о четырех братьях“. Изд. „Народная Воля“ № 7, типогр. Собко. СПБ. 1906 г. (см. 1873 г.).

359. Собрание сочинений кн. П. Кропоткина № 2. Ссылка в Сибирь. Перевод с английского Вл. Кауфмана. СПБ. 1906 г., стр. 39, 8⁰ (ср. с «В русских и франц. тюрьмах») гл. V).

360. Собрание сочинений кн. П. Кропоткина № 1. „Тюрьма, ссылка и каторга в России“. СПБ. 1906 (ср. с «В русск. и франц. тюрьмах» глава II и друг.).

361. П. Кропоткин. „Узаконенная месть, именуемая правосудием“. Книгоиздательство „Свобода“. Москва 1906 г., стр. 16, 8⁰ (см. франц. ориг. 1900 г. и на русском языке 1902 г.).

362. П. Кропоткин. „Узаконенная месть, называемая правосудием“. Книгоиздательство „Свободное соглашение“. СПБ. 1906 г., стр. 16.

363. П. Кропоткин. „Хлеб и Воля“. („Conquête du pain“). С предисловием Э. Реклю и портретом автора. Изд. „Свободная Мысль“ Лондон. СПБ., 1906 г., стр. XIV + 256, 8⁰ (ср. с русск. изд. 1902 г.).

* 364. „Хлеб и Воля“ (сборник) статьи П. Кропоткина, В. Черкезова, Э. Реклю, Л. Бертони и других. Издат. „Священный Огонь“. СПБ. 1906 г., стр. 294 (статьи из журнала «Хлеб и Воля» 1903—1905 г.; подписанные К. в настоящем сборн. см. выше).

* (?) 365. П. Кропоткин. „Чему нас учит Лондонская стачка? перев. с франц. Н. Шишло (стр. 27—32)—в П. Кропоткин и Дж. Бернс „Всеобщая стачка“. Книгоизд. „Друг Народа“. СПБ. 1906 г., 8⁰.

366. П. Кропоткин. Что делать (к молодежи) пер. с франц. Н. Павловича. Изд. Парамонова. Ростов на Дону 1906 г. (?) (глава VI из «Речей Бунтовщика», фр. ориг. статьи см. 1880, см. русское изд. 1883 и 1884 г.).

367. **П. Кропоткин**. „Этика анархизма“. стр. 107—158. „Черное Знамя“, сборник статей Малатеста, П. Кропоткина, Д. Ньювенгуиса, Э. Пуже и д-ра Фридберга. Издательство „Священный Огонь“ Ал. Морского. СПБ. 1906, стр. 272, 8⁰ (ср. с франц. оригиналом 1891 г.).

1907.

368. Petr Kropotkin. „Anarchistacka Moralka“ New Iork 1907 (перев. по-чешски «Этики анархизма», см. фр. оригинал 1891 г.).

369. „Анархия, ее философия и идеал“ по болгарски Razgrad 1907 (см. франц. ориг. 1896 г.).

370. **П. Кропоткин**. „Век ожидания 1789—1899“. (стр. 5—32 в сборнике статей—„Век ожидания“. Книгоиздательство „Зеленый Луг“. М. 1907, типография „Сокол“, стр. 143 (сравнить с франц. ориг. «Un siècle d'attente» 1893 г.).

* 371. **П. Кропоткин**. „Взаимная помощь, как фактор эволюции“. (Собрание сочинений т. VII) перевод с английского В. Батуринского под ред. автора. Единственное издание, разрешенное им для России, пересмотренное и дополненное. Изд. „Знание“, СПБ. 1907, стр. VI + 351 стр., 8⁰ (Предисловие автора к русскому изданию «Бромлей—Кент. Май 1907»; ср. с англ. изд. 1902 и русск. № 291).

* 372. П. Кропоткин. „Государственная Дума“,—Листки „Хлеб и Воля“, 1907, 15 Марта, № 10, стр. 1—2 (передовая статья).

* (?) 373. „Die Verwirklichung des Socialismus“—„Freie Generation“ Berlin, 1907, Juni, Verlag M. Lehmann.

* 374. П. Кропоткин. „Довольно иллюзий!“. — „Листки „Хлеб и Воля“ 1907, 5 VII, № 18, стр. 1—3, 4⁰ (передовая статья).

* 375. П. К. „Еще об анархизме и сионизме“—там же, № 16, стр. 5—6.

376. П. Кропоткин. „Записки революционера“ с предисловием Г. Брандеса. Изд. „Освобождение“. СПБ. 1907 г. (ср. с русск. изд. 1906 г.).

377. Петр Кропоткин. „Записки революционера“. С предисловием Георга Брандеса. Перевод с английского. Лист 1—4 (стр. 1—64)—„Всеобщая Библиотека“. Двухнедельный, иллюстриров., литерат., полит. журнал. Ред.-изд. В. Врублевский. Петербург, год второй 1907 г., 15 янв. № 1 (предисловие автора «П. К. Октябрь 1899 г.» ср. с англ. изд. 1899 г.).

* 378. Заметки в „Листках „Хлеб и Воля“ 1907 г., в № 8, стр. 7 (в несколько строк о материалах к межд. анарх. конгрессу за подписью П. К.) в № 15, стр. 12 (об участии К. будто бы в с'езде с.-д.), в № 18, стр. 8 (о приостановке издания „Листков „Хлеб и Воля“).

* 379. П. Кропоткин. „Затишье перед бурей“—„Листки „Хл. и Воля“, 1907, 24 Мая № 15, стр. 1—2 (передовая статья).

* 380. П. Кропоткин. „Земельный вопрос в думе“, там же, 1907, 26 Апр., № 13, стр. 1—2.

381. **П. Кропоткин**. „Идеалы и действительность в русской литературе“. С английского, перевод В. Батуринского под ред. автора. Единственное издание, разрешенное для России автором, пересмотренное и дополненное им (Собр. сочин. т. V). Изд. Т-ва „Знание“, СПБ. 1907, стр. 367, 8⁰ (стр. 355—367 алфавитный указатель; предисловие к перев. с англ. изд. «Бромлей—Кент. Январь 1905 г., см. англ. ориг. 1905 г. № 310).

* 382. П. Кропоткин. „Истинные защитники самодержавия“—„Листки Хлеб и Воля“ 1907, 15 Февр., № 8, стр. 1—2 (передовая статья).

383. Petro Kropotkine. La anarquia, su filosophia, su ideal. Buenos Aires. 1907 (по-испански «Анархия, ее философия, идеал», ср. с оригиналом 1896 г.).

* (?) 384. **P. Kropotkine**. „La tattica anarchista.

* 385. Les Sections de Paris pendant la grande Révolution—„Les Temps Nouveaux“ 1907 г., № 10.

386. Petro Kropotkine „Memorial de un revolucionario“ Version espanola por Adrián Valverde 2 vol 8⁰ Barcelona typ. „E. Annuario de la Exportacion“ 1907 («Зап. Рев.» по-испански, ср. с англ. оригиналом 1899).

* 387. **П. Кропоткин**. „Наказание смертной казнью“. (Дата: «18—31 Марта 1906 г., Лондон»), стр. 126—129—„Против смертной казни“. Сборник статей под ред. М. Н. Гернета, О. Е. Гольдовского и И. П. Сахарова. Изд. второе, дополненное, Москва 1907.

388. П. Кропоткин. „Наше отношение к крестьянским и рабочим союзам“ (стр. 33—39)—„Русская Революция и Анархизм“—Доклады, читанные на с'езде Коммунистов-Анархистов, в Октябре 1906 года, под редакциею **П. Кропоткина**. Лондон 1907 г., стр. 86, 8⁰ (см. 1906 г.).

* 389. П. Кропоткин. „Национальный вопрос“—„Листки Хлеб и Воля“ 1907, Июнь, № 16, стр. 2—4.

390. П. Кропоткин. „Нравственные начала анархизма“. Изд. „Листков Хлеб и Воля“. Лондон 1907, стр. 66, 8⁰ (см. «Этика анархизма» 1906 г.).

* (?) 391. „11 Ноября“—(письмо П. А. Кропоткина, прочитанное на митинге в Лондоне в день годовщины, казни анархистов в Чикаго)—„Буревестник“. Орган русских анархистов-коммунистов 1907, Ноябрь № 8, стр. 12—13, 4⁰.

* 392. **П. К**. „Ответ товарищу“ (о социал-демократии и социализме). — „Листки Хлеб и Воля“, 1907 г., 5 Июля, № 18, стр. 4—5, 4⁰.

* 393. **П. Кропоткин**. „Парижская коммуна“—„Листки Хлеб и Воля“. 1907 г., 15 III № 10 (I стр. 2—4 без подписи); 29 III № 11 (II, стр. 2—4); 26 IV № 13 (III, стр. 2—4).

* 394. **П. Кропоткин**. „Парижская коммуна“ Изд. „Листков „Хлеб и Воля“ № 2, Лондон 1907, стр. 32, 8⁰ (статьи, напечатан. в этом году в «Листках Хлеб и Воля» с дополнениями); ср. с русск. изданием 1906 г.).

* 395. П. Кропоткин.—Передовые статьи в „Листках Хлеб и Воля“:

„Лондон, 28 Февраля 1907 г.“—1907 г., 1 Марта № 9, стр. 1—2.

„Лондон, 28 Марта 1907 г.“—1907 г., 29 Марта, № 11 стр. 1—2.

„Лондон, 12 Апреля 1907 г.“—1907 г., 12 Апреля, № 12. стр. 1—2.

„Лондон, 20 Июня 1907 г.“—1907 г., 21 Июня, № 17, стр. 1—2.

* 396. Письмо социально-революционной группе студентов, от 1898 г. (на фр. яз.)—Les Temps Nouveaux. 1907, Mai, № 4.

397. Раскол в Интернационале (из „Записок революционера“ П. А. Кропоткина) стр. 52—55—в книжке Б. Малон „Интернационал, его история и принципы“. Перев. с франц., с предисловием В. А. Поссе („Библиотека Рабочего“ № 14) (Пет.) 1907.

398. П. Кропоткин. Предисловие. (Дата: «Бромлей—Кент 1907 г.») в С. М. Кравчинский—Собрание сочинений, часть I, с предисловием П. А. Кропоткина. Изд. „Светоч“. Петерб. 1907 г. (воспоминания о С. М. Степняке-Кравчинском); (сравнить с «Речью Кропоткина» и статьей «Serge Stepniak» 1896 г.).

* 399. **P. Kropotkine** Полемика с Лагарделем (на франц. языке),—в журн. Les Temps Nouveaux.

399-а. П. Кропоткин. „Революция политическая и экономическая“, стр. 15—25—„Русская Революция и Анархизм“. Доклады, читанные на с'езде Ком.-Анарх в Октябре 1906 г. под редакц. П. Кропоткина. Лондон 1907 (см. 1906 г.).

* 400. П. К. „Синдикальное движение в Италии“—„Листки Хлеб и Воля“, 1907 г., № 9, стр. 6—8.

* 401. П. К. „Сочинения М. А. Бакунина“ (библиограф. заметка),—там же, 1907, 15 Марта, № 10, и 12 Апреля, № 12.

* 402. Предисловие **Кропоткина** в Epifane „Verso l' Anarchia—La Protesta Humana“ Milano 1907.

1908.

* 403. **П. Кропоткин**. Письмо к издателю журнала „Лиги рационального воспитания детей“ с франц. В. Кошевич.—Журнал „Свободное Воспитание“, ред. П. Горбунов-Посадов. Год I 1907—1908, Москва (1908), № 10, стр. 105—110 (из № 1 журнала «Ecole Rennoveé» издаваемого Франциско Феррером 1907 г. (3)

404. П. Кропоткин. „Поля, фабрики и мастерские". (Земледелие, промышленность и ремесла) пер. с англ. А. Коншина 3. Изд. „Посредника". М. 1908 г. (ср. со 2-ым изд. 1904 г.).

* 405. П. Кропоткин. (Предисловие к роману «Андрей Кожухов»: Дата: Бромлей—Кент Август 1907 г.) в С. М. Степняк-Кравчинский. Собрание сочинений, часть IV с предисловием П. А. Кропоткина. Изд. Светоч Петербург. 1907 г.

406. „Речи Бунтовщика"——на японском языке в журнале „Nippon Heiminschimbusa, Osaka" 1908.

407. П. Кропоткин. „Социализм и социал-демократия"—Буревестник, орган Русских Анархистов-Коммунистов, 1908, Октябрь, № 13, стр. 6—8, 4° (сокращенный перевод статей П. А. Кропоткина в Les Temps Nouveaux год ?; сравнить с «Ответ товарищу» 1907 г.).

408. П. А. Кропоткин. „Умственный и ручной труд"—журнал „Свободное Воспитание". Год I 1907—1908, ред. И. Горбунов-Посадов, Москва, (1908) № 5 (ср. с англ. ориг. 1890 № 139 и изд «Поля фабрики и мастерския» последн. глава).

409. „Этика анархизма" на болгарском языке. Philipopoli 1908 (ср. с франц. ориг. 1891 г.).

1909.

* 410. **П. Кропоткин**. „Анархизм и его приемы борьбы"— Хлеб и Воля, орган Группы Анархистов-Коммунистов „Хлеб и Воля". Год I, Лондон 1909 г., Июль, № 2, стр. 38—42, 8° (не окончено) (ср. с № 384).

411. П. Кропоткин. „Анархисты и великая революция"—Буревестник, орган русских Анархистов-Коммунистов, 1909, Март, № 15, стр. 11—12, 4° (сокращенное изложение ряда статей К. из Temps Nouveaux за 1903 (?) год).

* 412. **P. Kropotkine**. „La grande Révolution" (1789—1793) P. V. Stock, Paris, pp. 750, 8° (Предисловие К. подписано «15-го Марта 1909 г.» - К. ссылается на следующие свои прежние работы на брошюру La Grande Révolution 1890. The Great Revolution 1899 и статьи в Révoltè).

413. Peter Kropotkin. „Die französische Revolution" (Zwei Bände) Verlag W. Schouteten, Leipzig.

413-а. Тоже по-английски.

* 414. П. Кропоткин. „Наши задачи"—„Хлеб и Воля", год I. Лондон 1909, Июль, № 2, стр. 1—6, 8°.

* 414-а. **П. Кропоткин**. „Предисловие" (датировано: Август, 1907 г.; стр. 1—9) в книге К. Оргеіани. „Как и из чего развился революционный синдикализм". Издание Группы Анархистов-Коммунистов, (Лондон) 1909 г., стр. 104, 8°.

* 415. **P. Kropotkin**. „The Terror in Russia". Брошюра на англ. яз. London.

1910.

* 416. **P. A. K.** (Peter Alexeivitch Kropotkin) „Anarchism“,—The Encyclopedia Britanica, Eleventh Edition, Cambrige, at the University Press, 1910, том I, стр. 914—919, 4⁰.

417. Pietro Kropotkin. „Communismo e Anarchia“ Carrara 1910 (по-итальянски «Коммунизм и Анархия» ср. с русск. изд. 1902 или с фр. ориг. в докладах 1900 г.).

418. П. Кропоткин. Д'ржавата, нейната историческа роля (втора хиляда). Издание на „Безвластие“. Разград 1910 г. (по-болгарски Государство и его роль в истории, см. французский оригинал 1897 г.).

* 419. **P. A. K.** — статьи в Британской энциклопедии:

т. I—Altai; Amur District (стр. 899—910);

т. II—Aral; Astrakan; том III Caspian Sea (in part),

Caucasus (in part) (стр. 550—554); т. IV—Bokhara (in part);

Bulgarea Eastern; т. V—Baikal; Baku; Bessarabia (in part);

т. VII—Cossacks, Cremea (in part); Daghestan (in part);

т. VIII—Dnieper (in part) Dniestr (in p.), Don (in p.) Don Cossacks, Territory of tho (in p.), Dvina (in p.) Echmiadzin (in p.); IX—Estonia (in p.), Ferghana (in p.), Finland (in p.); XIV—Irkutsk (in p.) district—

„The Encyclopedia Britanica“ Eleventh Edition 1910 Vol I—V, VII—IX, XIV (сравнить с 10-ым изданием 1902—1903 г.).

* 420. **P. Kropotkin.** „The Theory of Evolution and Mutual aid“. „The Nineteenth Century and After“ 1910, January. том 67, стр. 86—107 (сравн. с книгой К. «Взаимопомощь как факт. эволюции»).

* 421. **P. Kropotkin.** „The Direct Action of Environment on Plants“, там же, 1910, July, том 68, стр. 58—77.

* 422. **P. Kropotkin.** „The Response of the Animals to their Environment“, там же, 1910 November, стр. 856—867; там же 1910, December, стр. 1047—1059.

423. **P. Kropotkine.** „Le Terror en Russie“ (ср. с № 415).

* 424. **П. Кропоткин.** „Толстой“ (дата «Лондон 12 Ноября 1910 г.») — газета „Утро России“. Москва, 1910 г., 21 Ноября № 306.

425. П. А. Кропоткин. „Умственный и ручной труд“. С английского перев. А. Н. Коншин. „Библиотека Свободного воспитания и образования и защиты детей“ под редакцией И. Горбунова-Посадова, выпуск XXXIII) Москва 1910, стр. 24 (ср. с № 408).

1911.

* 426. Предисловие Кропоткина на французском языке (Дата: 27 Февр. 1911 г.) к книге Э. Пато и Эмиль Пуже „Как мы совершим революцию“ Paris 1911.

419-а. **Р. А. К.**—статьи в Британской энциклопедии: Том XV—Kalmuck, Kaluga, Kamchatka, Kata-Kuin, Kazan, Kerch, Khingan, Khokand, Kiev, Kronstadt, Kuban, Kuen-Lun, Kursk, Kutais; т. XVII—Maritime Provinc (in part); т. XVIII—Minsk (in p.) Mongolia; Moscow (стр. 891—894); т. XIX—New Siberias Archipelago; Nikolajev (in part) Nishny-Novgorod (in part) Novgorod (in p.), XX—Odessa; Onega: Orel; Orenburg XXI—Perm (in part) Podolia (i. p.) Poland, Russian (in part) XXIII—Russia: Geography and Statistics (in part) (стр. 869—891); т. XXIV—St.-Petersburg (in parts) (стр. 37—40), Sakhalin (i. p.) Samara, Governement (i. p.) Samarkand: Sity (i. p.), Saratov: Governement (i. p.) XXV—Siberia (in part) (стр. 10—18), Simbirsk (i. p.) SmolensK (i. p.) Stavropol (i. p.); XXVI—Syr-Dar ya River (in part). Syr-Darya Province (i. p.), Tambow (i. p.) Tatars (i. p.) Tiflis Town (i. p.) Tobolsk Governement (i. p.) Tomsk Governement (i. p.); XXVII—Transbaikalia (i. p.) Trancaspian Region (i. p.) Turgai (i. p.) Turkestan (i. p.) (ст sp. 419—426); Ufa. governement (i. p.), Ural Montains (i. p.); XXVIII—Viadimir governement (i. p.). Volga (i. p.) Vologda governement (i. p.) Vyatka: governement (i. p.) Warsaw (i. p.), Jakutsk (i. p.), Jeniseisk (i. p.).—„The Encyclopedia Britanica“, Eleventh Edition. Cambriges at the University Press. 1911, vol. XV и следующие. 4° (сравнить с Британской Энциклопедией 10-е издание 1902—1903 года).

1912.

* 427. П. Кропоткин. „Анархия“ (Anarchy, by P. Kropotkin). Издание Листков „Хлеб и Воля“ № 6. Лондон 1912 г., стр. 67, 8° (сравнить со статьей Anarchism 1910 г. № 416).

* 428. **P. Kropotkin.** „Inheritance of Acquired Characters. Theoretical Difficulties“—„Nineteenth Century and After“, 1912, том 71, March, стр. 510—531 (продолжение статей 1910 г. см. №№ 420—422).

* ? 429. P. Kropotkine. „La Guerre“. Edit. Les Temps Nouveaux. Paris 1912 (ср. со статьей 1882 г.).

* 430. **П. Кропоткин.** Письмо в редакцию газеты „Утро России“—(напечатано под заголовком „Отказ П. А. Кропоткина от возвращения в Россию датировано: Брайтон 25 Ноября—8 Декабря 1912 г.“)—„Утро России“. Москва, 1912 г., 1 Декабря № 277, стр. 4.

431. Тоже перепечатано—„Бюллетени Литературы и жизни“ Москва, 1912, Декабрь, № 8, стр. 370.

* 432. „Развитие анархистических идей“—на французском языке—см. „Encyclopédie du Mouvement Syndikaliste“ 1912, Mai (ср. с № 427).

* 433. П. Кропоткин. „Священная Дружина“ (Письмо в редакцию) от 24 Октября (6 Ноября) 1912 г.—„Русские Ведомости“ Москва 1912, 31 Октября № 251, стр. 3.

1913.

434. Peter Kropotkin. „Die Entwicklung der anarchistischen Ideen“ (стр. 81—100)—„Jahrbuch der Freien Generation fur 1913“, redigiert von Pierre Ramus Verl. „Die Freie Generation“ Rainer Trindler Zürich (1913) (перев. с франц. оригинала 1912 г. см. № 432).

* 435. **Pierre Kropotkine**. „La Science Moderne et l' Anarchie“—(Bibliotheque sociologique № 49) Paris 1913, Ed. Stock et C-ie стр. XI + 391 (предисловие датировано «Брайтон, Февраль, 1913 г.», содер см. в русск. изд. 1921 г. № 561).

* 436. „Открытое письмо П. А. Кропоткина“—Голос Труда (The Voice of Labour) New Iork 1913, February, № 24, стр. 5 (К. благодарит за приветствия по случаю исполнившегося 70-летия со дня рождения).

* 437. „Письмо П. А. Кропоткина“, там же 1913, March, № 25 (тоже специально «Голосу Труда»).

* 438. Петр Кропоткин. „Письмо к испанским анархистам“. Брайтон 16 Января 1913 г.—„В помощь“. Издание Федерации Анархических Красных Крестов Европы и Америки. London Апрель 1913 г., № 5, стр. 8 (о передаче присланных К-ну (по случаю дня рождения денег испанскими анархистами в кассу помощи русским анархистам).

1914.

* 439. **P. Kropotkine**. „Анархическая работа во время революции“ на французском языке (печаталось также статьями в «Temps Nouveaux». Предисловие к отдельному изданию датировано Май 1914; см. русское изд. ниже 1920 г.).

440. П. Кропоткин. „Бакунин“—Голос Труда. New Iork 1914, Июнь, № 40 (перепечатано с 1905 г., см. № 307 и др.).

441. **П. Кропоткин**. „Великая французская революция 1789—1793“. Перевод с французского под редакцией автора, Лондон, 1914. стр. 707, 8⁰ (предисловие К. к этому русскому изданию датировано «5 Июля 1914»; Приложение стр. 688—703; ср. с французским издан. 1909 г. № 412).

* 442. Pierre Kropotkine. „Джемс Гильом“—(на франц. языке) (к семидесятилетию рождения Гильома) „La Vie Ouvrière“ revue Syndicaliste, изд. P. Monat. 1914, Февраль.

443. П. **Кропоткин**. „К новой жизни“—„Рабочий мир“, Орган Федерации Анархических Групп Русских Анархистов-Коммунистов, серия II, год II, (Париж) 1914 Февраль, стр. 2—3, 4⁰.

* 444. „Как надо понимать антимилитаризм“—(по-английски). „Freedom“. London, 1914, November.

* 445. „Коммунистические кухни“ — (по-английски)—„Freedom“ 1914, September.

446. Тоже, в русском переводе—„Голос Труда“ New Iork 1914, 16 octobre, № 7.

* ? 447. П. Кропоткин. „Несколько мыслейо сущности анархизма“—„Голос Труда“, New Iork, год III, 1914, January, № 35.

* 448. Письмо П. А. Кропоткина от 14 Мая 1914 г. (к празднованию дня рождения Бакунина)—Рабочий Мир, Серия II, год II, 1914 г., 21 Мая, № 4, стр. 2, 4⁰.

* 449. П. Кропоткин. „Письма о современных событиях“ (Датировано „Брайтон 23 Августа (5 Сент.)“—„Русския Ведомости“—Москва 1914, Сентября 7-го Воскресенье, № 206.

* 450. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“, Письмо второе („Брайтон 21 Сентября“) там же, 1914 г., Октября 5, Воскресенье, № 229.

451. Тоже на французскнм языке—„La Bataille“ 1914, Novemb. 18 и 19.

* 452. Письмо Кропоткина о войне „Брайтон 2 Сентября 1914“ на испанск. языке в „Tierra y Libertad“ 1914 г., № 23.

* 453. Письмо П. А. Кропоткина в ответ Стефену (о войне) на англ. языке—Freedom, 1914, October.

454. Тоже,—на шведском языке в газете „Dagens Nyheter“, 1914, Сентября 23-го.

455. Тоже в выдержках под заголовком „Взгляд П. А. Кропоткина на Европейскую Войну“—Голос Труда 1914, October № 9.

* 456. Статья К.—в „Nineteenth Century and After, 1914, October (продолжение статей 1912 г. № 428, см. также статью К. в «N. C.» в 1915 г.).

1915.

* 457. **P. Kropotkin**. „Inherited variafion in animals“—The Nineteenth Century and After“, 1915, Nn. 78, November, стр. 1124—1144, 8⁰ (продолжение статей 1910 и 1912 и 1914 года см. № 456).

458. Письмо Кропоткина о войне „Брайтон 2 Сентября 1914 г.“—„Набат“, Орган Анархистов-Коммунистов 1915, Май—Июнь, № 2—3, стр. 13 (см. это письмо в 1914 г.; здесь приводятся выдержки из него).

1916.

* 459. П. Кропоткин, Ж. Грав, и другие „Декларация о войне“—на франц. языке в газете „La Bataille“ Paris 1916.

460. Тоже—отдельным изданием „Temps Nouveaux“ Paris 1916 (Май).

460-а. П. Кропоткин. Два письма о войне (от 23 Авг. (5 Сент.) и от 21 Сент. (4 Окт.) 1914 г.)—в брошюре „П. А. Кропоткин о войне“. С послесловием Вл. Л. Бурцева. Москва 1916 (стр. 1—25 Перепечатка № 449 и 450).

460-б. П. Кропоткин. „К молодому поколению 2-ое изд. 1916 г. (изд. в Америке).

* 461. Pierre Kropotkine. „Новый Интернационал“—статья К. на фр. языке в „Bataille“ Paris 1916.

462. П. Кропоткин. „Новый Интернационал“—„Рабочая Мысль“. Орган Вольных Рабочих Америки. New Iork. год I. 1916 г. (начало прод. см. 1917 г.).

463. Петр Кропоткин. Письмо к профессору Стефену (стр. 44—53)- в брошюре „В. Л. Бурцев о войне“. С приложением двух писем П. А. Кропоткина. Издательство „Книга“. Петр. 1916 г.

464. П. Кропоткин. Письмо о войне; Брайтон 2 Сентября 1914 г.—там же, стр. 54—56 (см. 1915 и 1914 г.).

* 465. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“. Письмо третье „Брайтон. 15 (28) Сентября 1916 г.“—„Русские Ведомости“. Москва 1916 г.

* 466. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“. Письмо четвертое „Брайтон. 16 (29) Октября 1916 г.—там же.

* 467. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“. Письмо пятое „Брайтон. 17-го (30) Декабря 1916 г.“—там же.

467-а. П. Кропоткин. „Политические права“ 1916 г. (изд. в Америке).

1917.

468. П. Кропоткин. „Аграрный вопрос“. Перевод (стр. 1—14) и примечания (стр. 14—20) Н. Павловича. Издание Группы „Равенство“. Без обозначения места и года издания (Харьков. 1917?) (см. 1906 г.), стр. 20, 8^{0}.

469. П. Кропоткин. „Анархия и ее место в социалистической эволюции“. (Библиотека „Анархиста“ № 5). Издание Московской Федерации Анархических Групп. М. 1917. стр. 31. 16^{0} (20.000 экземпл.) (см. 1906 г.).

470. П. Кропоткин. „Анархия и ее место в социалистической эволюции“. Изд. Харьковской Федерации Анархистов-Коммунистов. Харьков, 1917 (см. 1906 г.).

471. **П. Кропоткин.** „Анархия, ее философия и идеал". Публичная лекция (перевод с французского). Издание Кронштадтской Организации Анархистов. Кронштадт 1917 г., стр. 64, 16⁰ (см. 1906 г.).

472. П. Кропоткин. „Анархия, ее философия и идеал". Изд. Моск. Фед. Анарх. Групп, Москва 1917 г.

473. П. Кропоткин. Предисловие к роману „Андрей Кожухов" (Предисловие; Дата: Бромлей — Кент Август 1907 г.) (стр. 14—19) — в книге С. М. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов. Роман перев. с англ. Ф. М. Степняк, под ред. и с предисловием П. А. Кропоткина (собр. соч. т. IV). Изд. „Светоч" Петр. 1917, стр. 281, 8⁰ (см. 1908 г.).

474. П. Кропоткин. „Безначальный Коммунизм и экспроприация". (Библиотека „Анархиста" № 9). Изд. Моск. Фед. Ан. Гр. М. 1917, стр. 32 (см. изд. 1906 г.).

475. П. Кропоткин. Биография Элизе Реклю—Реклю „Анархия" (Библиотека "Анархиста" № 2). Изд. Московской Федерации Анархических Групп. М. 1917, стр. 32, 16⁰ (20.000 экземп.) (см. 1906 г.).

476. П. Кропоткин. „Войны и капитализм" пер. Вл. Забрежнева—„Голос Труда" орган Союза Анархо-Синдикалист. Пропаганды, Петербург 1917, Сентябрь №№ 5 и 6 (из главы IV «La Science Moderne et l Anarchie» см. 1913 г.).

477. **П. Кропоткин.** „Великая революция". Перев. с фр. Н. М. (Библиотека „Анархиста" № 9). Изд. Моск. Фед. Ан. Гр., М. 1917, стр. 32 (см. 1906 г.).

478. П. Кропоткин. „Все социалисты!" (стр. 43—47) в брошюре Энрико Малатеста „Крестьянские речи" (стр. 9—42). С предисл. А. А. Борового (стр. 5—7). Изд. Моск. Фед. Анарх. Групп. Москва, стр. 47, 8⁰ (из «Речей Бунтовщика», гл. XVI, см. также Révolté 1881 г.).

479. П. Кропоткин. „Все социалисты". Изд. „Буревестник" Екатеринослав 1917 г.

480. **П. Кропоткин.** „Государство и его историческая роль". Москва 1917 г. (см. 1906 г.).

481. П. Кропоткин. „Коммунизм и анархия". Изд. Группы Освобожденных Политических. Москва 1917 (ср. с главами I—IV, II части «La Science Moderne et L' Anarhie» 1913 г. см. отд. русск. изд. 1906 г.).

482. Петр Кропоткин. „К молодому поколению". Издание Одесской Группы Анархистов 1917 (Май) (см. «Что делать» 1906).

* 483. П. Кропоткин. „К русским гражданам" (воззвание). Издание издательства „Свободная Совесть". Москва, 1917, 1 стр., 4⁰ (50.000 экз.) (о войне).

* 484. Мнение П. А. Кропоткина об условиях мира—в „Enquête sur les conditions d'une paix durable", изд. ред. „Temps Nouveaux", Paris 1917).

485. П. Кропоткин. "Наши богатства". Изд. Союза Русск. Раб. в Бруклине 1917 г.

485-а. П. Кропоткин. „Наши богатства и довольство для всех“. Москва 1917 г. (из «Хлеб и Воля» гл. I и II см. 1906 г.).

486. П. А. Кропоткин. „Наши богатства и довольство для всех“, стр. 63—80—„Жизненный календарь на 1918 год“. Составил П. Г. Черкасов. Изд. Всеросс. Кооператива Просветительной Самопомощи „Жизнь для всех“. Петр. 1917 г.

487. **П. Кропоткин**. „Нравственные начала анархизма“. Москва 1917 г. (ср. с изд. 1907 г.).

488. П. Кропоткин. „Новый Интернационал“ (перев. с фр.)—„Рабочая Мысль“, Орган Вольных Рабочих Америки New Iork, год II, 1917 г. (№ 2, Февраль, 1917 г., стр. 12—15 (окончание), см. 1916 г.).

489. П. А. Кропоткин. „Новый Интернационал“. Пер. Вл. Забрежнев—„Голос Труда“ Издание Союза Анархо-Синдикалистской пропаганды. Петр. 1917 г., 11 (24) Августа, № 1.

490. П. А. Кропоткин. „Новый Интернационал“. Перев. Вл. Забрежнева—„Анархист“, Орган Донской Федерации Анархистов-Коммунистов. Ростов-Дон 1917 г. 27 Авг., № 6.

491. **П. А. Кропоткин**. „Новый Интернационал“. Издание Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды. Петроград, 1917 г., стр. 8, 16° (см. № 461).

* 492. Открытое письмо Кропоткина к западно-европейским рабочим—на франц. языке. Изд. „Temps Nouveaux“ Paris 1917 г. (см. русск. изд. в 1918 г.).

* ? 493. П. А. Кропоткин. „Парижская коммуна“ с предисловием о русской революции. Издание Федеративной Группы Анархистов-Коммунистов. Иркутск 1917 г., стр. 33, тип. „Коммерческая“ (10.000 экз.) (ср. с № 372).

* 494. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“. Письмо шестое „Брайтон 4 (17) Февраля 1917,—“Русские Ведомости“, 1917 г.

* 495. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“. Письмо седьмое „Брайтон, Февраль, 1917“—там же.

* 496. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“. Письмо восьмое „Петроград, 19 Июля 1917“—там же.

* 497. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях“. Письмо девятое „Петроград, 19 Июля 1917“—там же.

* 498. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях. Письмо десятое „Москва, 6 Октября 1917“—там же.

* 499. П. Кропоткин. „Победа Германии—смерть русской свободе“ (стр. 13—15)—„Нужна ли война?“. (Статьи В. Короленко. П. Кропоткина, Г. Плеханова, Бернарда Шоу). Москва, 1917 г. Изд. „Народоправство“, 16°.

490. П. А. Кропоткин. „Политические права“. Библиотека „Коммуны“ № 1. Изд. Петроградской Федерации Анархистов.

Петроград, 1917, стр. 8, 8⁰ (15.000 экз.) из «Речей Бунтовщика» гл. V, ср. фр. ориг. в Révoltè 1882).

491. П. А. Кропоткин. „Политические права". Издание Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды. Петроград 1917, стр. 8, 16⁰ (10.000 экз.) (тоже).

492. П. Кропоткин. „Порядок. Политические права" Изд. Самарской Гр. Рев. Анарх.-Коммунистов. Самара 1917 (из «Речей Бунтовщика» гл. IX и V).

493. П. Кропоткин. „Порядок". Изд. Союза Русск. Раб. в Бруклине 1917.

493-а. П. А. Кропоткин. „Порядок". Библиотека „Коммуны" № 2. Изд. Петр. Федер. Анархистов, Петроград, 1917, стр. 8, 8⁰ (из «Речей Бунтовщика» гл. IX ср. с франц. ориг. в Révoltè 1880 г.).

* 494. П. Кропоткин. „Последствия германского вторжения" (издание, разрешенное и дополненное автором) (Дата: „Москва 12 Ноября 1917"). Изд. Сов. Всер. Кооп. С'ездов. Москва, 1917, стр. 12, 8⁰.

495. П. А. Кропоткин. „Почему день 29 Окт. (11 Ноября) должен быть «рабочим днем» „Голос Труда", Петроград, 1917, № 12, Пятница, 27 Окт. (9 Ноября) (см. «11 Ноября»— 1907 г.).

496. П. Кропоткин. „Почему каждый человек должен быть социалистом". (К молодежи). Перев. с фр. Н. Павловича. Изд. Коалиционного Совета Киевского Студенчества. Киев, 1917, стр. 28, 8⁰ (см. «Что делать» 1906 г.).

497. П. Кропоткин. „Правление народных представителей", стр. 94—96—„Жизненный календарь" на 1918 год. Сост. Н. Г. Черкасов. Изд. Всер. Кооператива Просветит. Самопомощи „Жизнь для всех". Петроград, 1917 (из «Анархия и ее место в социалистической эволюции» (М. 1917 г. стр. 15—18).

498. П. Кропоткин. „Революционное правительство". Изд. „Вольный Труд". Елисаветград, 1917 (гл. XV из «Речей Бунтовщ.» ср. фр. ориг. в Révoltè 1882).

499. П. Кропоткин. „Речи Бунтовщика". (Библиотека „Анархиста"). Изд. Моск. Фед. Анарх. Групп. М. 1917 г.

500. П. Кропоткин. „Речи Бунтовщика", Библиотека Анархиста. 2-ое изд. Московск. Федер. Анарх. Групп. М. 1917 (?) г.

* 501. П. Кропоткин. „Речь к отправившимся на фронт инвалидам". Изд. Издательства „Демократическая Россия". Петроград, 1917 г., стр. 1, 8⁰ (500.000 экз.).

502. П. Кропоткин. „Узаконенная месть, именуемая правосудием". Изд. „Вольное Братство" Харьковской Федерации Анархистов-Коммунистов. Харьков, 1917 г. (см. 1906 г.).

503. П. Кропоткин. „Хлеб и Воля" (La Conquète du Pain). Изд. Московской Федерации анархистских групп, (Библиотека „Анархиста" № 14) М. 1917 г. XIV — 269 (предисловие 1902 г., ср. с изд. 1906 и 1902 г.).

1918.

504. P. Kropotkin. „Anarkistiskais Kommunismus" Москва (1918 ?) (на латышском языке).

505. P. Kropotkin. „Anarkija winas filosofija winas ideals". M. 1918 (?) (по-латышски «Анархия, ее философия и идеал», см. русск. изд. 1917 г.).

506. П. Кропоткин. „Безначальный коммунизм и экспроприация" Казань 1918, стр. 32, 16⁰ (типогр. Волжско-Камская печатня (см. 1917 г.).

507. P. Kropotkin. „Walsts, winas loma wehsturè". Москва 1918 г., 63 стр., 8⁰, (5.000 экз.).

508. П. Кропоткин. „Взаимная помощь, как фактор эволюции" (научно-анархистская библиотека). Москва 1918, стр. II + 214, 8⁰ (ср. с изд. 1907 г.).

* 509. П. Кропоткин. „Великая французская революция 1789—1793". Перевод с французского под редакцией автора Издание, пересмотренное автором и разрешенное для России. (Собрание сочинений том II). М. 1918, стр. VII—608, 8⁰ (5.000 экз.)- (Предисловие к настоящему изданию (Дата: «Москва, Февраль 1918 г.); стр. 584--606—алфавитный указатель; ср. с русск. изд. 1914; ср. с брошюрами «Великая революция» 1917 или 1906 г. и «Век ожидания» 1907 г.).

510. П. Кропоткин. „Довольство для Всех". Изд. Моск. Федер. Ан. Груп., М. 1918, стр. 15 (30.000 экз.) (из «Хлеб и Воля», гл. II; ср. с изд. «Наши Богатства и Довольство для Всех. 1907).

* 511. П. Кропоткин. "Записки революционера". С предисловием Георга Брандеса и четырьмя портретами. С английского. Перевод Дионео. Издание третье, разрешенное и пересмотренное автором. М. 1918, стр. XVII + 399, изд. Сытина. (Предисловие к настоящему изданию датировано: «Москва, Апрель, 1918 г.»; ср. с изд. 1907, 1906, 1902 г.).

512. П. Кропоткин. "К молодому поколению". Петрогр., 1918 (?). Изд. „Голос Труда" (ср. с изд. 1917 г.).

513. (Без подписи). „К молодым людям"—„Вестник Анархии" Орган Брянской Федер. Анархистов. Брянск 1918. № 10, 11, 12, 13 (не окончено).

* 514. П. Кропоткин. „Линев, Александр Логинович" (Некрологическая заметка, прочитанная в экстренном заседании общества электротехн. 14-го Июня, посвященном памяти А. Л. Линева)—газета „Свобода России". Москва, 1918, 16 Июня. № 48.

* 515. П. Кропоткин. „О современной Англии" (стр. 2 6)—„Вестник Общества Сближения с Англией" под редакцией П. А. Кропоткина, М. 1918, Февраль, стр. 34, 8⁰ (там же на стр. 21 и 22 примечания П. К., а на стр. 27—28 заметка П. К. «Англичане о России и русской революции», заключающая выдержки из английских газет).

* 516. П. Кропоткин. „Открытое письмо к западноевропейским рабочим" (Дата 4 Июня (н. с. 1917 г.) Москва, 1918.

Издательство „Почин", стр. 7 (перев. с французск. прощального письма К. перед от'ездом в Россию, см. 1917 г.).

517. P. A. Kropotkin. „Ordnung". Изд. Культ.-Просвет. Отд. при Губ. Исп. Ком. Вятск. Сов. Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов. Вятка 1918, стр. 15, 8⁰, тип. Губернская (гл. IX из «Речей Бунтовщика»; отдельн. русск. изд. см. 1917 г.; ср. с фр. ориг.—1881 г.).

* 518. П. А. Кропоткин. „Письма о текущих событиях" изд. т-ва „Задруга" М. 1917 г. (на обложке 1918 г.) стр. 126, 16⁰ (10.000 экз.) (Предисловие Датировано «Октябрь 1917 г.»; см. №№ 449, 450, 465—467, 494—498).

* 519. П. Кропоткин. „Письма о текущих событиях„. Письмо одиннадцатое (Дата: Москва, 15 Июня)—газета „Свобода России" 1918 г., Четверг, 20 Июня № 51 (последнее опубликованное письмо; в конце его между прочим указывается о предполагаемом содержании следующего письма: об об'единении всех производителей в промышленности, о земле и об оргаиизации потребления).

* 520. П. Кропоткин. Письмо в редакцию (Дата: 19 (6) Марта 1918 г. „По поводу ареста кн. Г. Е. Львова)—„Русские Ведомости" 1918 г., № 40, Среда, 20 Марта.

521. Побег из Петропавловской крепости революционера Кн. Кропоткина (Библ. изд. „Центропечать" № 3). Изд. изд-ства „Центропечать" Петроград (1918), стр. 16, 8⁰ (7,000 экз.) (из «Зап. Рев.», см. отд. изд. «Петроп. крепость и мой побег» 1906 г.).

522. Петро Кропоткін. „Політічні право" переклав Андрій Бузун, Харьковь (1918), стр. 9, 16⁰ (по-украински; см. отд. русск. изд. 1917 г., ср. с фр. ориг. 1882).

* 523. П. А. Кропоткин. „Поля, фабрики и мастерские". Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным", Перевод с английского А. Н. Коншина под редакцией автора. С 7 рисунками и чертежами. Издание четвертое, пересмотренное и значительно дополненное. М. 1918 г., стр. 272, 8⁰, тип. Т-ва И. Д. Сытина (новое предисловие датировано: «Москва, Май 1918 г.» в нем указывается об исправлениях и дополнениях, сделанных по новому значительно расширенному английскому изданию 1912 г., а также даны новые данные в приложениях к этому русскому изданию; предисловие к англ. изд. Дата: «Брайтон, Октябрь 1912 г.», ср. с 3-им русск. изд. 1908 г.).

* 524. **П. А. Кропоткин**. „Приветствие с'езду учащих". Издание Дмитровского Союза Кооперативов, Дмитров. 1918, стр. 11 (сказано в заседании с'езда Дмитровского уезда 30 Августа 1918 года; подпись «П. К.»).

* 525. П. Кропоткин. „Развитие федеративного строя" (Вступительное слово при открытии Московскою Лигою Федералистов ряда лекций по вопросу о федерации)—"Русские Ведомости" 1918 г., № 33, Воскресенье 10 Марта (25 февр.) 1918 г.

526. Петро Кропоткін, „Революционный уряд" переробив А. Бузун. Харьков (1918), стр. 15, 16⁰.

* 527. П. Кропоткин. „Речь на митинге Общества Потребителей «Кооперация» в Москве" 14 Января 1918 г. М. 1918, стр. 7, 8⁰.

* 528. **П. Кропоткин.** „Ручной труд в школе". (Дата: Москва, Май 1918 г.)—„Свободное Воспитание и Свободная Трудовая Школа" ред. И. Горбунов-Посадов. Год XI, Москва 1918, № 8-9, стр. 25—34 (Речь, произнесенная на утре, устроенном, по случаю десятилетия существования журнала, редакцией «Свободн. Воспитания» в унив. Шанявского 28 Марта 1918 г.; ср. с 1910 г. с письмом к Фереру 1907 г.).

529. П. Кропоткин. „Русский рабочий союз"—„Вольный Голос Труда", Орган Анархо-Синдикалистов, М. 1918, № 1—26 Авг. 1918 г., № 2—2 Сентября 1918 (перепечатано из сборника статей «Хлеб и Воля» П. Кропоткина, В. Черкезова и др. 1906 г., стр. 181—198).

530. П. Кропоткин. „Хлеб и Воля" 2-е издание Московской Федерации Анархистских Групп, Москва 1918 г. (см. 1917 г.).

1919.

531. **П. Кропоткин.** „Анархия". Издательство „Голос Труда" Петербург, 1919 г., стр. 71, 8⁰.

[Из предисловия (Лондон, Апрель, 1912 г.): «Из других моих работ о том же укажу на «Речи мятежника» (Paroles d'un Révolté) и «Хлеб и Воля» (La Conquête du Pain) а также: «Анархия, ее философия и идеал», «Анархический коммунизм, его положения и начала» (по-французски названа «Temps Nouveaux») и «Анархия, ее положение в развитии Социализма». Они пояснят то, что здесь высказано может быть, в слишком краткой форме»). Сравнить с русск. изд. 1912 г., а также с «Развитие анархич. идей» на франц. языке 1912 г., на немецк. 1913 г., ср. с главами X—XIII части I «La Science Moderne et L' Anarchie» 1913 года «Современная Наука и Анархия» на русск. языке 1921 года].

532. П. Кропоткин. „Взаимная помощь, как фактор эволюции". Харьков 1919 г., стр. 231 (ср. с русск. изд. 1907 и с изд. 1918 г.).

533. **П. Кропоткин.** „Коммунизм и анархия". Книгоиздательство „Голос Труда". Петроград 1919 г. (см. русск. изд. 1917 г.).

* 534. **П. Кропоткин.** „К чему и как прилагать труд ручной и умственный". Сокращенное изложение книги „Поля, Фабрики и Мастерские". Книгоиздательство „Голос Труда", Петроград-Москва 1919, стр. 64, 16⁰ (20.000 экз.).

(Предисловие: «Заглавие, под которым настоящая книжка была выпущена И. Д. Сытиным—Труд ручной и умственный: к чему и как его прилагать—не вполне соответствовало содержанию этой книжки, отвечающей на вопрос: Куда направить народный труд, чтобы доставить возможно больше довольства—всем? Соответственно этому я теперь слегка изменяю заглавие. «П. К. Август 1919 г.».

Содержание: Вступление (о современной бедности и поднятии производительности труда) (стр. 1—7); I—Хозяйственное развитие различных стран (стр. 7—15); II—Земледелие и промышленность (стр. 15—24); III—Возможности земледелия (стр. 24—33); IV—Мелкое производство в промышленности (стр. 33—49); V—Соединение умственного труда с ручным (стр. 49—61); VI—Заключение (стр. 61—64; сравнить с книгой «Поля, фабрики и мастерские» 1918 г.].

535. Кропоткин. „Об анархическом обществе“ — „Набат“, Орган Конфедерации Анархистских Организаций Украины 1919 год, 10 Февраля, № 10 (из «Анархия, ее философия и идеал», см. изд. Кронштадтской Организации Анархистов 1917 г., стр. 52—54).

536. П. Кропоткин. Предисловие (стр. 8—12, Дата: Бромлей-Кент 1907 г.) в С. М. Степняк-Кравчинский ч. I Штундист Павел Руденко“. Дополнено по рукописи с написанными для настоящего издания воспоминаниями П. А. Кропоткина. Изд. „Светоч“ Петр. 1919 г. (см. изд. 1907 г.).

537. П. Кропоткин. „Речи Бунтовщика“. Изд. третье Московской Федерации Анархистских Групп, Москва 1919 г. (см. изд. 1907 г.).

538. П. Кропоткин. „Труд ручной и умственный. К чему и как его прилагать“. Сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерские“. Изд. Сытина. Москва 1919 г. (см. «К чему и как прилагать труд ручной и умственный», 1919 г.).

539. Произведения Кропоткина — на китайском языке в журнале именуемом по-китайски „Новая Жизнь“, Пекин, 1919 г.

1920.

* 540. **П. Кропоткин**. „Анархическая работа во время революции“. Книгоиздательство „Голос Труда“. Петербург—Москва 1919 г. (на обложке 1920) стр. 32, 16⁰ (новое предисловие: Дата «Август 1919», см. 1914 г., № 439).

541. **П. Кропоткин**. „Записки революционера“. Перевод Діонео, с английского под редакцией автора и с предисловием Георга Брандеса. Книгоиздательство „Голос Труда“. Петербург—Москва 1920 г., стр. XVI + 399, 8⁰.

[Стереотипное изд. с изд. 1918 г.; Содержание: Предисловие автора к первому русск. изданию (1902 г.), предисловие к русск. изд. 1918 г., предисловие Георга Брандеса, часть I- Детство, часть II Пажеский Корпус, часть III — Сибирь, часть IV Петербург—Первая поездка заграницу, часть V—Крепость—Побег, часть VI—«Западная Европа»].

* 542. П. Кропоткин. „О мелких промыслах и кустарных артелях“ — „Вестник Промысловой Кооперации“, издание Артель—Союза, Артель—Банка и др., Москва, 1920 г., Март—Апрель, № 3—4, (вторая часть номера), стр. 17—20 (Дата: «Дмитров, Март 1920 г.).

* 543. **П. Кропоткин**. „Письмо в Артель — Союз“ (Дата: Дмитров. 12 Июня 1920 г.)—там же 1920, Июль—Август, № 6—7, стр. 58—59.

* 544. Письмо Георгу Брандесу—на французском языке).

* 545. Kropotkin's Message. Письмо К. к английским рабочим о положении России, написанное К. 10 Июня 1920 г. и посланное в Англию с английской делегацией, посетившей Россию. Письмо напе-

чатано в книге: British Labour Delegation to Russia 1920. Report. London 1920.

* 546. **Петр Кропоткин**. „Письмо 8 Всероссийскому С'езду Советов" (Дата: „Дмитров, 23 Декабря 1920 г.) (по поводу предполагаемого закрытия всех вольных кооперативных и товарищеских издательств) — напечатано в приложении брошюры П. Витязев—„Частные издательства в России" Петр. 1920 г.

* 547. П. Кропоткин. „Письмо Комитету друзей Л. Н. Толстого (в связи с приглашением принять участие на заседании памяти Л. Н. Толстого 20 (7) ноября 1920 г. по случаю 10-летия со дня смерти)— Соединенный выпуск журналов „Голос Толстого и Единение" и „Истинная Свобода", посвященный 10-летию со дня смерти Толстого, М. 1920 г., стр. 25.

* 548. П. Кропоткин. „Хлеб и Воля". Перевод с французского под редакцией автора, издание просмотренное автором и разрешенное им для России. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург—Москва 1919 (на обложке 1920 г.), стр. 288, 8° (с портретом Кропоткина, рис. Рошковский) (Новое предисловие к настоящему изданию — Дата: «Дмитров, Июнь 1919 г.»; ср. с изд. 1918).

1921

549. П. Кропоткин. Письмо в Артель-Союз (напечатано под заголовком „Ветеран революции об артельном движении")—„Артельное Дело". Издание Союза Союзов промысловой и производительно-трудовой кооперации Северного Района, Петр. 1921, № 1—4, стр. 32—33 (перепечатка письма К. опубликованного в 1920 г.).

550. П. Кропоткин. Письмо 8 Всерос. С'езду Советов—„Вестник Литературы". Петроград, год III, 1921 г., № 3 (27), стр. 11 (перепечатка письма К. опубликованного в 1920 г.).

* 551. **П. Кропоткин**. Письмо П. А. Кропоткина (к А. Атабекяну) (Дата: „Г. Дмитров, Московской губ., 22 Апреля 1919") («О Государстве и его роли в истории)—„Почин" 2 серия, 1921, Август, № 1, стр. 2.

* 553. **П. Кропоткин**. Письмо П. А. Кропоткина (к А. Атабекяну от 7 Февраля 1919 г.) (о своей работе над «Этикой» и Революции в Германии)—там же, стр. 2—3.

* 554. П. А. Кропоткин. Письма к П. Витязеву—(три письма (1) от 7 Июня 1919 г., 2) 19 Сентября 1919 г., 3) 26 Января 1920 г. в связи с приглашением принять участие в сборнике статей посвященных П. Лаврову) стр. 5—11—в брошюре „Письма П. А. Кропоткина П. Витязеву. Издание П. Витязева (в продажу не поступало). Петербург 1921, стр. 15 (сто экземпляров).

555. Тоже—под заголовком „П. А. Кропоткин и П. Л. Лавров"—„Вестник Литературы", Петербург, 1921, № 4—5, стр. 14.

556. **П. А. Кропоткин**. „Поля, фабрики и мастерские".

Промышленность соединенная с земледелием и умственный труд с ручным". Перевод с английского А. Н. Коншина, под редакцией автора (Издание стереотипное с 4-го пересмотренного и дополненного автором) Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург — Москва, 1921 г.

(Содержание: Предисловие к русск. изд. 1918 г., предисловие к первому изданию, предисловие к английск. изданию 1912 г. Гл. I—II—Децентрализация промышленности, гл. III—V «Возможности земледелия», гл. VI—VII—Мелкое производство и промышленные поселения, гл. VIII—Умственный труд и ручной, гл. IX—Заключения. Приложения I—XXIX; ср. с русск. изд. 1918 г. и перв. изд. на англ. языке 1899 г.; сокращенное изложение см. «К чему и как прилагать труд ручной и умственный 1919).

* 557. **П. Кропоткин**. Предисловие (стр. 191) и примечания (о кооперации стр. 197, 198, 201, 202) к русск. переводу статьи Э. Реклю „Законное развитие и Анархия" (стр. 191—203) —Элизе Реклю „Избранные сочинения" „Голос Труда". Петербур—Москва 1921.

* 558. **П. Кропоткин**. Предисловие (1) Дата 27 Февраля 1911 (стр. 1—10); 2) к русскому изданию: дата «Дмитров, Июнь 1920 г.» (стр. 10—13)—к книге Эмиль Пато и Эмиль Пуже „Как мы совершим революцию". С предисловием П. А. Кропоткина. Перевод с французск. Л. Гогелия. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург—Москва 1921 г., стр. 237 (ср. с франц. изд. 1911 г.).

* 559. **П. Кропоткин**. „Речи Бунтовщика". Перевод с французского под редакцией автора. С предисловием и послесловием к новому русскому изданию. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург—Москва 1921 г., стр. VIII + 349.

[Содержание: Предисловие Элизе Реклю от 1 Октября 1885, предисловие П. Кропоткина к этому изданию: «Дмитров, 5 Декабря 1919 г.». I—Общее положение дел, II—Разложение государства, III—Необходимость революции, IV—Будущая революция, V—Политические права, VI—К молодым людям, VII—Война, VIII—Революционное меньшинство, IX—Порядок, X—Что такое Коммуна, XI—Парижская Коммуна, XII—Земельный вопрос, XIII—Представительный образ правления, XIV—Закон и власть, XVI—Кто теперь не социалист, XVII—Бунтовский дух, XVIII—Теория и практика, XIX—Экспроприация. Послесловие (стр. 336—348) от 5 Декабря 1919 г.; тут же ряд новых примечаний, ср. с русск. изд. 1909 г. и 1-м изд. 1885 г. № 85).

* ? 560. P. Kropotkin. „Syndikalismus und Anarchismus". Verl. Fr. Kater Berlin 1921 (?).

* 561. **П. Кропоткин**. „Современная наука и анархия". Перевод с французского под редакцией автора. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург—Москва 1920 (на обложке 1921), стр. 316, 8⁰.

[Содержание: предисловие к французскому изданию 1913 г.

I—Современная наука и анархия: 1. Происхождение анархии. 2. Умственное движение 18 века. 3. Реакция в начале 19 века. 4. Позитивная философия Конта. 5. Пробуждение 1856—1862 годов. 6. Синтетическая философия Спенсера. 7. О роли закона в обществе. 8. Положение учения об анархии в современной науке. 9. Анархический идеал. 10. Анархия.—Принципы.—Понятие об анархизме—в средние века.—Прудон. Штирнер. 11. Анархия (продолжение) Со-

циалистические идеи в Интернационале. Коммунисты государственники и мютюэлисты—Сенсимонизм. 12. Анархия (продолжение) Фурьеризм Толчек данный Коммуной—Бакунин. 13. Анархия (продолжение) Анархическое учение в современном виде. Отрицание государства. Индивидуалистическое течение. 14. Некоторые выводы анархизма. 15. Способы действия. 16. Заключение.

II—Коммунизм и анархия: 1. Анархический коммунизм. 2. Государственный коммунизм—Коммунистические Общины. 3. Маленькие коммунистические общины. Причины их неуспеха. 4. Ведет ли коммунизм к умалению личности.

III—Государство и его роль в истории.

IV—Современное государство: 1. Главный принцип современных обществ. 2. Рабы государства. 3. Налог, средство создания могущества государства. 4. Налог, средство обогащения богатых. 5. Монополии. 6. Монополии в 19 веке. 7. Монополии в конституционной Англии—в Германии—Короли эпохи. 8. Война. Промышленное соперничество. Высшие финансы. 9. Война и промышленность. Промышленные кризисы, происходящие вследствие предвидения войн. 10. Существенные характерные черты государства. 11. Может ли государство служить освобождению рабочих? 12. Современное конституционное государство. 13. Разумно ли усиливать современное государство. 14. Заключения.

V. Приложения. 1. Об'яснительные заметки (несколько биографий авторов и некоторые технич. термины). 2. Герберт Спенсер, его философия.

Части I—III этой книги состоят из вышедших ранее и отчасти измененных и дополненных: «Современная наука и анархизм» (см. посл. русск. изд. 1906 г.) «Коммунизм и анархия» (см. 1917 г.) «Анархия и ее место в социалистической эволюции» (см. 1917 г.) «Анархия» (см. русск. изд. 1919 г.), Государство и его роль в истории (см. посл. русск. изд. 1917 г.); К настоящему изданию по сравнению с французским 1914 сделано несколько новых небольших примечаний; ср. с фр. ориг. № 435].

* 562. **П. Кропоткин.** „Справедливость и нравственность". Публичная лекция. Книгоиздательство „Голос Труда" Петербург—Москва 1921, стр. 55, 16⁰ (стр. 1—5 предисловие редакционной комиссии «Дмитров, 1 Сентября 1921 г.», стр. 6—7—предисловие автора—Дмитров, Январь 1920; ср. со статьями К. в «Ninetcenth Century» за 1904 и 1905).

1922.

* 563. **П. Кропоткин.** „Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса". Перевод с английского В. П. Батуринского под редакцией автора. Издание вновь пересмотренное и дополненное, с предисловием автора к настоящему изданию. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург—Москва. 1922 г., стр. VIII + 342, 8⁰.

[Содержание: Предисловие к первому русскому изданию (Дата: «Бромлей—Кент, Май 1907»). Предисловие к настоящему изданию: «Дмитров, Март 1920». Введение глава I, II—Взаимопомощь у животных; гл. III—Взаимопомощь среди дикарей, гл. IV—Взаимопомощь среди варваров, гл. V—VI—Взаимная помощь в средневековом городе, гл. VII—VIII—Взаимная помощь в современном обществе; Заключение; Приложения I—XIX; (1—2 новых) Алфавитный указатель; ср. с русск. изданием 1907 г. и первым англ. изд. 1902 г., а также с № 420).

564. **П. Кропоткин.** „Великая французская революция 1789—1793." Книгоизд. „Голос Труда", Петроград 1922, стр. 608, 8⁰.

[Содержание: Предисловие. 1) Лондон, 15 Марта 1909 г. 2) Москва, Февраль 1918 г.). I Два главных течения в революции. II—Идейное течение. III—Народное действие. IV Народ накануне революции. V—Бунтовской дух—Восстание. VI—Необходимость созыва Генеральных штатов. VII—Крестьянское восстание в первые месяца 1789 года. VIII—Бунты в Париже и его окрестностях. IX—Генеральные Штаты. X—Приготовление к перевороту. XI—Париж накануне 14 Июля. XII—Взятие Бастилии. XIII—Последствия 14 Июля в Версале. XIV—Народные восстания. XV—Города. XVI—Крестьянское восстание. XVII—4-е Августа и его последствия. XVIII Феодальные права остаются. XIX—Декларация прав человека. XX—Дни 5 и 6 Октября 1789. XXI—Страх буржуазии- Новая городская организация. XXII Финансовыя затруднения. -Продажа имуществ духовенства. XXIII—Праздник Федерации. XXIV Округа и секции Парижа. XXV—Парижские секции при новом муниципальном законе. XXVI Задержка в уничтожении феодальных прав. XXVII - Феодальное законодательство 1790. XXVIII Приостановка Революции в 1790. XXIX—Бегство Короля-Реакция—Конец Учредительного Собрания. XXX—Законодательное собрание—Реакция 1791 - 1792 годов. XXXI—Контр-революция на Юге. XXXII - 10 Августа. Его непосредственные результаты. XXXIV—Междуцарствие Измена. XXXV—Сентябрьские дни. XXXVI—Конвент—Коммуна— Якобинцы. XXXVII Правительство—Борьба партий в Конвенте- Война. XXXVIII—Процесс Короля. XXXIX—Гора и Жиронда. XL—Усилия Жирондистов остановить революцию. XLI—«Анархисты» XLII Причины движения 31 Мая. XLIII Требования социального характера—Состояние умов в Париже—Лион. XLIV Война- Вандея—Измена Дюмурье. XLV—Неизбежность нового восстания. XLVI—Восстания 31 Мая и 2 Июня. XLII Народная революция—Принудительный заем. XLVIII—Общинные земли—Решения Законодательного Собрания. XLIX—Возврат общинам их мирских земель. L—Окончательное уничтожение феодальных прав. LI- Национальные имущества. LII—Борьба с голодом.—Закон о максимуме.—Ассигнации. LIII—Контр-революция в Бретани.—Убийство Марата. LIV—Восстания в Вандее,—в Лионе—на Юге. LV Война.-Иностранное нашествие отражено. LVI Республиканская конституция.—Революционное правительство. LVII—Истощение революционного духа. LVIII—Коммунистическое движение. LIX—Мысли о социализации земли, фабрик и заводов, средств существования и торговли LX—Конец коммунистического движения. LXI- Организация центрального правительства.—Казни. LXII Народное образование.—Метрическая система. Новый календарь.—Противорелигиозное движение. LXIII—Разложение секции LXIV—Борьба против Эбертистов.- Схватка между различными партиями. Роль масонства. LXV—Падение Эбертистов.—Казнь Дантона. LXVI Робеспьер и его группа. LXVII- Террор. LXVIII Девятое термидора.—Торжество реакции. Заключение. Приложение. Алфавитный указатель. Оглавление; изд. стереотипное издание с издания 1918 года].

* ? 565. Peter Kropotkin. „Worte eines Rebellen". Verlag Erkenntniss und Befreiung" Wien (Klosterneuburg) 1922 (первое полное немецкое издание; с «Письмом Кропоткина от Августа мес. 1920 г. ср. с изд. отдельными выпусками на нем. языке 1896 г.).

566. Петр Кропоткин. „Джемс Гильом" (воспоминания П. А. Кропоткина) (стр, 9—13)—в книге Джемс Гильом „Интернационал". (Воспоминания и материалы 1864—1878 г.г. С биографическими заметками о Гильоме П. Кропоткина и Ф. Брупбахера. Том I—II. Перев. с франц. Н. А. Критской под редакц. и с дополн. Н. К. Лебедева. Книгоизд. „Голос Труда". Петр.—М. 1922. стр. 322 (ср. с франц. ориг. К.—1914 г.).

? * 567. (Без подписи). „Должны ли мы заняться рас-

смотрением идеала будущего строя". (записка 1873 г.), а также „Программа революционной пропаганды" (1873 г.).—Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина „Памяти Петра Алексеевича Кропоткина". Сборник. Петроград—Москва 1921 г., (на обложке 1922), стр. 21—56 сборника. 8⁰ (напечатанная записка опубликована лишь частично и целиком вряд ли принадлежит Кропоткину).

568. Тоже—журнал „Былое". Петроград, 1922 г., № 17.

* 569. **П. А. Кропоткин**. „Идеал в революции". (Из неоконченной рукописи 1918 г.). Всер. Общ. Ком. по увеков. па А. Кропоткина „Памяти Петра Алексеевича Кропоткина". Сборник. Петр.—М. 1921 (на обложке 1922), стр. 57—59 сборника. 8⁰.

570. Тоже—журнал „Былое". П., 1922 г., № 17.

* 571. (Без подписи). „Новая орфография". (Записка корректора)—Почин, Москва, 1922 г., 2 серия. Февраль, № 3, стр. 3 (заметка К. в несколько строк).

* 572. **П. Кропоткин**. „Письмо А. Атабекяну от 4 Апреля 1919—„Почин", Москва, 1922 г., 2 серия. Январь, № 2, стр. 2—3 (о защите от завоевателей, федерализме и антигосударственности. За приведенным письмом в «Почине» напечатаны «Примечания П. А. Кропоткина на полях корректуры статьи по поводу которой написано письмо).

* 573. **П. Кропоткин**. Письмо А. Атабекяну от 2 Мая 1920 г.—„Почин", Москва 1922 г., 2 серия, Февраль 1922, стр. 4—6 (напечатано полностью письмо, указанное выше в 1921 г.).

* 574. П. Кропоткин. „Письмо А. Атабекяну от 29 VI 19—(печатается в ж. «Почин», Москва 1922 г., Май—Июнь, № 6—7; содерж. указание о заимствованиях Маркса у Фурьериста Пеккера).

* 575. **П. Кропоткин**. Письмо-записка А. Атабекяну (без даты, относится к концу 1918 г.)—„Почин" 1922. Март—Апрель, стр. 2 и др. (об империализме и др. замечания К.).

* 576. П. Кропоткин. Письмо к Дмитровским кооператорам от 14 Ноября 1920—Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина „П. А. Кропоткин" Однодневная газета, Москва 8 Февраля 1922 г.

* 577. П. Кропоткин. Письмо К. С. Шохору—Троцкому от 26 Июня 1919—Вестник Литературы. Петрогр. 1922 г., № 2—3. стр. 11 (о дневнике Л. Н. Толстого, о заключенном мирном договоре и его условиях для Германии).

578. П. Кропоткин. Полевой военный суд, учрежденный в Иркутске по делу о возмущении преступников на Кругобайкальской дороге. Корреспонденции „Биржевых Ведомостей".—Всерос. Общ. Комитет по увеков. памяти П. А. Кропоткина „Памяти Петра Алексеевича Кропоткина". Петр.—М. 1921 (на обл. 1922), стр. 131—172, 8⁰ (ср. с № 7).

579. Тоже—„Былое". Петр. 1922, № 17.

* 580. П. Кропоткин. „Рабочая солидарность". Перевод

с французской рукописи (Дата Лондон, 22 Сентября, 1913 г.)—„Почин“ Москва, 1922, Февраль, № 3, стр. 3—4.

581. **П. Кропоткин.** „Хлеб и Воля“. Перевод с французского под редакцией автора 2-ое издание. Книгоизд. “Голос Труда“. Петр.—Москва, 1922 г., стр. 218, 8°.

(Содержание: Предисловие автора к новому изданию (Июнь 1919 г.). Предисловие к первому русскому изданию (1902). Предисловие Элизе Реклю к первому франц. изданию (1892) Наши богатства. Довольство для всех. Анархический Коммунизм. Экспроприация. Жизненные припасы. Жилища. Одежда. Пути и средства. Потребности, составляющие роскошь. Привлекательный труд. Свободное соглашение. Некоторые возражения. Наемный труд в коллективистическом обществе. Потребление и производство. Разделение труда. Децентрализация промышленности. Сельское хозяйство.

* 582. **П. А Кропоткин. Этика.** т. I. Происхождение и развитие нравственности. Изд. Книгоиздательства „Голос Труда“. Петербург—Москва 1922 (печатается) (ср. со статьями К. в Nineteenth Century 1904 и 1905 г.г. «Справедливость и нравственность»—1921 г., «Этика анархизма» на русск. яз. 1906 г. и др.; «Этика», т. II, «Основы» (Материалы) подготовляется к печати).

P. S. За время набора настоящей работы том I „Этики“ П. Кропоткина успел выйти в свет; краткое оглавление этого посмертного труда Кропоткина таково: I—Современная потребность в выработке основ нравственности. II—Намечающиеся основы новой этики. III—Нравственное начало в природе. IV—Нравственные понятия у первобытных народов. V—Развитие нравственных учений—Древняя Греция. VI—Христианство. Средние века.—Эпоха возрождения. VII, VIII, IX—Развитие учений о нравственности в новое время. X, XI, XII, XIII—Развитие учений о нравственности.—Девятнадцатый век. Заключение. Послесловие Н. К. Лебедева (в котором между прочим упоминается об оставленном К. „наставлении как распорядиться с моими бумагами“ и наброске его „A un continuateur“. Алфавитный указатель (всего 263 стр.+IV, 8° с портретом автора).

Опубликованы также: статья П. Кропоткина „Воспоминания о Лаврове“ в сборнике “П. Л. Лавров“. Изд. „Колос“ Петр. 1922, и краткое письмо Кропоткина к А. Атабекяну от 7 Апр. 1920 г.—в журн. „Почин“ 2 серия № 8—9 Авг.—Сент. 1922 г., стр. 3; в журн. „Почин“ № 9, 1922, печатается новое неопубликованное письмо К. выяснилось также, что письмо Кропоткина от 29 VI 19, предназначенное к печати (см. № 574) не могло быть опубликовано.

Наконец, как нам сообщили небольшая статья П Кропоткина „Фурье“, имеющаяся в рукописи для 7-го издания „Нов. Энциклопедич. Словаря“ изд. „Граната“ передана к печати по назначению и должна появиться в соответствующем томе этого издания.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1.

По самому характеру нашей темы нам приходится говорить, главным образом, о литературной деятельности К. Необходимо однако особенно подчеркнуть, что **творчество Петра К.** отнюдь не ограничивается его деятельностью, как писателя. Вот, как характеризует К., от части критически относящийся к нему, итальянский анархист Луиджи Фабри: «Личному влиянию К. нужно приписать большую часть анархистического учения и движения, повсеместно воспринятые теперь международным анархизмом идеи, и их развитие; ему мы обязаны прежде всего их активным выявлением. В дни своей молодости и годы зрелости он был человеком дела, но вместе с тем всегда, вплоть до своей старости и человеком мысли. Он принимал сначала участие в русском революционном движении, затем в социалистическом Интернационале в Европе, а после распадения его — непосредственно в анархическом движении Швейцарии, Франции и Англии. Своей неустанной работой, уже с первых лет, он имел огромное влияние на зарождение и видоизменение социалистических и анархических идей. На собраниях Юрской Федерации, Международного Товарищества Рабочих, в нëдрах которой была формулирована теория коммунистического анархизма, К. явился ее интеллектуальным представителем. Изучая социальные воззрения других выдающихся анархистов, можно заметить, что их взгляды не всегда и не во всем совпадают с идеями К., но К., именно, удалось, больше чем всем другим, на все анархическое движение, наложить свою печать» (*Luigi Fabri*) Der soziale gedanke KropotkinsArchiv f. Sozialwissenschaft vere. v. Mohr, Tübingen 1913, B. 37, H. 3, S. 906, 907). Эта печать К., о которой говорит Фабри, в своих основных чертах, думается нам, никогда не изгладится из международного анархистического движения, поскольку вообще революционное движение будет развиваться.

2.

Что касается **рукописей К.**, то они могут относиться к сравнительно, очень отдаленному времени. Не думая конечно, чтобы все они в особенности ранние из них могли сохраниться, приведем некоторые указания на них: «Николай Павлович рано приохотил меня писать»—сообщает К. про своего учителя русского языка студента Смирнова (П. Кропоткин «Записки революционера» 1920 г. Книгоизд. «Голос Труда» стр. 51, из него).

«При его помощи продолжает К—» я написал длинную «*Историю гривенника*» Мы придумывали различные характеры людей, в руки которых попал гривенник «....я даже тогда пробовал стать журналистом. На двенадцатом году я начал издавать *ежедневную газету*....» «В 1855 году я стал издавать *ежемесячный журнал «Временник»* (там же). В этом журнале К. помещал свои повести. Журнал прекратился в августе 1857 г, просуществовав два с половиной года....» сообщает далее К. (стр. 52).

«В 1859 году или в начале 1860 года я стал издавать мою *первую революционную газету*» «В том возрасте я мог быть конечно только конституционалистом» добавляет К.

Приблизительно к этому времени относится и то, о чем сообщает К. в следующих строках: «В четвертом классе я заинтересовался историей. По заметкам составленным во время уроков и при помощи книг (Саша, конечно прислал мне—замечает К. про брата—«Всеобщую Историю» Лоренца) я написал для себя целый *[illegible]*» (стр. 86). Несколько раньше этого времени К. был сделан «первый опыт исследования народной жизни»: «Саша которого увлечение политической экономией стояло тогда в зените посоветывал мне сделать *статистическое описание* нашей *ярмарки* с целью определить оборот ее. Я последовал совету, и к великому изумлению, выполнил работу довольно успешно» сообщает К. о своем исследовании ярмарки в имении Николь-

ском, (стр. 78) Из аналогичных работ в позднейшие годы (1862 г.) К. упоминает о своем *описании экономического положения Забайкальской области*, (стр. 132), а также пишет: «как чиновник особых поручений при генерал—губернаторе по казачьим делам, я сделал тщательное *исследование хозяйственного положения Уссурийских казаков*, терпевших недород каждый год.... Когда я возвратился с Уссури с моим докладом, то получил поздравления со всех сторон»... (стр. 164) Возможно, что этот доклад, хранится где нибудь в Иркутске, если не был отослан в столицу.

Из других работ К. во время его пребывания в Сибири, могли сохраниться *материалы о работе К., как секретаря двух комитетов: для реформы тюрем* и всей системы ссылки *и для выработки проекта городского самоуправления*. В результате этих работ К. были составлены два проекта.

Насчет своего проекта о реформе тюрем К. упоминает и в другом месте (П. Кропоткин «В русских и французских тюрьмах» СПБ. 1906. Изд. т-ва «Знание» стр. 20 и 21) и спрашивает «Какова была его судьба? Вероятно,»— сообщает К.—«он до сих пор мирно покоится на полках министерских архивов» (там же, стр. 21). В архивах бывш. военного министерства вероятно где нибудь хранится и *доклад К. военному министру Милютину о большом крушении в 1863 году на Амуре* сорока барж, груженных продовольствием, для поселенцев, (З. Р часть III, глава 4-я, стр. 153 и друг.)

Из своих работ позднейшего времени К. между прочим упоминает о своей *«записке о ледниковых отложениях в Финляндии и в России»* («З. Р.» стр. 258), читанную им в Географическом обществе накануне его ареста. В Архиве И. Р. Г. О. в Петрограде, вероятно можно разыскать некоторые и другие рукописи К., написанные им в качестве секретаря отделения физической географии общества. Первоначальная записка К. о ледниковом периоде, с течением времени вылилась в большой труд. О нем мы читаем у К. (В русских и французских тюрьмах, «Глава III, Петропа́вловская Крепость,» стр. 64—65).

Об этой же работе К. в «З. Р.,» мы читаем следующее: «Моя книга в крепости разрослась в два больших тома. Первый из них был напечатан братом и моим другом Поляковым (в Записках Географичеекого Общества), *второй же не совсем оконченный, остался* в третьем отделении после моего побега. Рукопись нашли только в 1895 году и передали Русскому Географическому Обществу, которое и переслало ее мне в Лондон» (стр. 273). Содержание второго тома этой работы указано в предисловии вышедшего тома (см. этот том стр. XVIII и XIX) впрочем, резюме второго тома приложено к первому (ср. также З. Р. стр. 285). Иной интерес имеют ряд других рукописей К., как например: «У Ивана Гауэнштейна были найдены.. писанные рукою кн. Кропоткина сочинения *«Пугачевщина» и «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя»* с поправками, сделанными рукой Гауэнштейна (см. «Государственные преступления в России в 19 в.» Сборник под редакцией Богучарского, приложение «Процесс 193-х» Ростов Дон 1907 г., стр. 34) Что касается первой из упомянутых рукописей, то повидимому К. ее имеет в виду, когда пишет по поводу агитационной брошюры по истории Пугачевского бунта, упоминаемой Л. Шишко, следующее: «Конец брошюры -анархический идеал безначальной России действительно написан мною. Моя рукопись была арестована у кого то и хранится в III отделении. Когда брошюра была отпечатана, Новицкий (жандармский полковник, ныне генерал) читал мне ее с большим жаром, а я следил по рукописи «(А. Э. Шишко Собрание сочинений т. IV, Изд. т-ва «Революционная мысль» 1918 г. стр. 150, примечание: приписки К, сделанные кажется в 1903 г.).

Что касается другой из упоминаемых в процессе 193-х рукописей К., то она появилась в печати только после смерти К. (см. Сборник памяти Петра Алексеевича Кропоткина» 1922 г., а также журн. Былое № 17, за 1922 г.); и то напечатана не вся

«Записка», и, насколько мы слышали не все из напечатанного принадлежит К. (Дополненное издание этой «Записки», как нам передавали подготовляет к печати А. А. Шилов.

Из рукописей К. позднейшего времени мы встречаем в «Записках Революционера» указание на следующее: «Когда зашла речь о напечатании группою русских товарищей за границею русского издания «Записок Революционера», то возник вопрос что печатать: русский ли текст более подробный, особенно по русским делам, чем английский, или перевод с английского?... «мы остановились на переводе с английского» («Предисловие» стр. V) Переводчик же, Дионео, на этот счет сообщает «Русский перевод—полнее английского оригинала, т. к. является результатом сличения французского и немецкого переводов, переработанных автором, но и *русский перевод не полон* в том смысле, что *у автора есть еще главы* (написанные по русски);» т. к. я имел возможность ознакомиться с этими главами»—указывает Дионео—«то могу сказать, что они составили бы украшение «Записок» (Дионео «Заметка,» «Русское Богатство» 1912 г; № 11, стр. 348) Что касается других рукописей К., то необходимо указать на «*Этику*» К., первый том которой теперь уже вышел из печати, а материалы для второго тома подготовляются к печати.

Приведенных нескольких случайных указаний достаточно лишь отчасти для того, чтобы судить как велико и разнообразно должно быть количество рукописей К., а также рукописных вариантов многих из его опубликованных работ, если обратиться непосредственно к исследованию разного рода архивных материалов (см. также примеч. 96) и в первую очередь личных архивов К.

Особую трудность представит собрать **письма К.** Они написаны на разных языках, на протяжении стольких десятилетий и в разные концы земли Установить даже перечень тех лиц и коллективов, которым писал К. представит не малые затруднения. Так о своей переписке *с Степняком-Кравчинским* К. указывает следующее: «мы зашифровывали умышленно длинною болтовнею, конспиративное содержание нашей переписки» (Степняк—Кравчинский «Андрей Кожухов» предисловие К., стр. 14).

Подробнее об этом можно прочесть «З. Р.» (стр. 249).

Но в некоторых письмах К., не отличающихся «многословием» и написанных как будто обычным языком отдельные слова могут иметь совершенно иной смысл, чем это может показаться неосведомленному читателю, в руки которых они могут случайно попасть. Смотри, напр., курьезный случай рассказанный К. из своей переписки *с женою* (З. Р.» стр. 380, 379).

Далее у самого К. находим следующие указания относительно некоторых его писем: «Когда я высадился в Гулле и поехал в Эдинбург, я известил лишь некоторых друзей в России и в Юрской Федерации. о том что благополучно прибыл в Англию» (стр. 296). «Первое мое письмо, которое я написал, когда я прибыл в Англию после моего. побега из России было письмо *Гильому*» указывает позднее К. в другом месте (см. заметку К. в книге Гильома «Интернационал» Изд. «Голос Труда» т. I, стр. 11) я находился в живой переписке с моим другом Джемсом Гильомом из Юрской Федерации» пишет также К. в «З. Р.» (стр. 299).

Два письма К. (см. «З. Р.» стр. 356 373) фигурировали в Лионском процессе и по всей вероятности хранятся во Франции в судебных архивных делах этого процесса. Одно из них относилось в то время к другу К. *Жану Граву*, а другое к неизвестному нам лицу.

О своей переписке с любимым братом Александром П. И. сообщает между прочим: «Крайне жаль, что некоторые из этих писем, которые я хранил, как святыню исчезли. Жандармы забрали их у брата во время обыска» (стр. 71, 387). К. имеет в виду арест брата, происшедший приблизительно в конце 1874 года (см. «З. Р.» стр. 276) за переписку последнего С. П. Лавровым (стр. 277). При обыске думается нам были взяты и письма самого П. К., которые должны быть

в архивах III отделения и представляют не малый интерес для выяснения развития мировоззрения К. (ср. стр. 74).

К. вел большую переписку с Элизе Реклю и среди бумаг, оставшихся после смерти Э. Реклю вероятно можно найти много писем К.

О некоторых письмах К., упоминает, *Дионео* (см. «Русское Богатство» 1912 г., № 11, стр. 349). В частности, он пишет: «Когда в английских газетах появился манифест 17 октября, я получил такую телеграмму от П. А. К. «Felicite avec première victoire du peuple russe. Les autres suivront». Таким образом, не только письма но и **телеграммы К.** могут представить не малый интерес.

К сожалению, многих лиц и в особенности друзей К., с которыми он подолгу переписывался нет уже в живых и письма К., если они только сохранялись придется разыскивать с большим трудом. Это также нужно сказать *о переписке К., с родными*; хотя сам К. помимо вышеуказанной своей переписки, косвенно упоминает о своей переписке лишь *с сестрою*: Еленой А. Кравченко—«З. Р. стр. 119), но и не у всех живущих эти письма могли сохраниться. Нам известно, что ряд крайне интересных писем К. к *т. О.*, относящихся приблизительно к 1904—1909 годам находятся, где то в Париже. Мы знаем также о совершенно исключительном случае—утери одной переписки с Кропоткиным более чем за двадцать лет.

Ряд писем П. К., в частности в России относящихся к последним годам, не мог сохраниться у лиц, которым они были адресованы по независящим обстоятельствам». Так, например, из № 3, журнала «Почин» за февраль 1922, (см. стр. 8) мы узнаем об одном важном, с исторической точки зрения, письме К. последнего времени из'ятом комиссаром одного из Московских учреждений, во время обыска и не возвращенном»; аналогичный случай как мы слышали имел место в Петрограде относительно шести писем К. 1918—1920 гг. Из писем последнего времени отметим между прочим, на основании того, что пишет Б. Лебедев, (см. газету «Анархические организации памяти П. А. Кропоткина» 8—13 февр. 1921 г.) должны быть *письма К. к Ленину и в В. Ц. И. К.*

К сожалению, по всей вероятности далеко не все письма К. даже последних лет могли сохраниться в *копиях* в личных архивах К. (см. упоминание о такой копии одного из писем К. «Почин», 1922 г., стр. 4, примеч.).

3.

К сожалению мы лишены были возможности тщательно исследовать даже русские **прокламации** 70-ых годов, среди которых полагаем могут быть написаные П. К. Что же касается заграничных листовок позднейшего времени, среди которых несомненно должны быть принадлежащие перу К., то на этот счет мы также не встретили никаких указаний в литературе.

Из **литографированных изданий** К. мы нашли лишь следующее указание M. Nettlau: «trad. russe litographiée K molodeje (édit. clandestine, en Russie, 188»)) (M. Nettlau «Bibliographie de L'Anarchie» Préface d'Élisée Reclus. Année 1897 Bruxelles p. 238), а также «trad. polonaise: Do Mlodziezy «Biblioteczka Proletariata» II. Warsawa 1883, 36 pp. in 8⁰, edition clandestine» (там же стр. 75). В другом же издании при перечне литературы вышедшей в 1883 г. мы встречаем указание на «К молодежи» брошюру, изданную в Варшаве («Do mlodziez'y»), в 1887 г.» (явная опечатка в отчете за 1883 г., где должно быть именно *1883* г.), «переведенную на русский язык и гектографированную» (см. Хроника социалистического движения в России 1878-1887 гг. Официальный отчет М. 1906 (на обложке 1907) Изд. Саблина, стр. 252).

Можно думать также что литографированное издание «Aux jeunes gens» подписанное Les anarchistes parisiens» (без обозначения года), которое упоминает M. Nettlau (там же стр. 63) принадлежит К.

Других же указаний на литографированные издания К. за исключением № 290 (см. примеч. 44) нам не встречалось.

Сведения о листовках и литографированных изданиях К. пожалуй можно было бы получить при опросе соучастников К. в революционном движении разных стран.

4.

Вообще К. чаще всего **подписывался** так: «П. Кропоткин» или «Петр Кропоткин», или сокращенно «П. К.», в Британской же энциклопедии «Р. А. К.» (см. некоторые из автографов К.: на иностранном языке, напр., на портрете 1904 г., воспроизведенном в журнале «Всеобщая Библиотека» ред. изд. В. Врублевский СПБ., 1907 г., № 3; на русском языке.—на портрете 1910 г. воспроизведенном в газете «Утро России» 1912 г., № 272 и др.).

При этом заметим во 1-х, что, хотя другие уже очень давно начинают неправильно писать и опубликовывать его фамилию через «а», т. е. Кр*а*поткин («в официальных бумагах его фамилия писалась через «а», —сборник «Памяти П. А. К.» 1922 г. стр. 62), тем не менее сам К. этого кажется никогда не делал.

Дело в том, что фамилия К. происходит от прозвища «Кропотка», которое получил очевидно за склонность к кропотливости родоначальник К. князь Дмитрий Васильевич Смоленский (см. «Новый Энциклопедический Словарь» Брокгауза, т. 23 стр. 453); и фамилия родоначальников К. официально также писалась через *о* см. напр., упоминание о князе «Дмитрий Кропоткин» в 1598 г. («Летопись Историко-Родословн. Об-ва в Москве» М. 1907 г. выпуск I, публикация Н. Мятлева и другие выпуски) во 2-х) хотя некоторые до последних лет жизни К., и даже иногда после смерти, считали своим долгом при всяком упоминании фамилии: К.— приставлять «князь» и за К. против его воли приписывали ему в подписи по своему усмотрению сей титул, сам П. К. этого никогда не делал: «когда я начал писать повести—что было на двенадцатом году—я стал подписываться просто «П. Кропоткин» тоже делал я и впоследствии»... («З. Р» стр. 35).

Из работ К, **подписанных совместно с другими** можно указать на «Философию геологии Д. Пэджа (СПБ. 1867), которую, как значится на обложке «перевели с английского П. и А. Кропоткины», на: «Экспедицию для исследования Русских Северных Морей». Доклад комиссии избранной Отделением Географ. Физич. для разработки плана снаряжения экспедиции», который как значится далее: «Составлен П. А. Кропоткиным при содействии А. И. Воейкова, М. А. Рыкачова, Барона Н. Г. Шиллинга, Н. Г. Шиллинга, Θ. Б. Шмидта и Θ. Θ. Яршинского» (СПБ. 1871 г.).

Впрочем насчет этой работы К. сообщает: «Назначен был комитет, чтобы выработать план русской полярной экспедиции и наметить те научные работы, которые такая экспедиция могла бы выполнить. Специалисты взялись составить каждый свою часть доклада, но как это часто случается к сроку готовы были только несколько отделов: по ботанике, зоологии и метереологии. Все остальное пришлось составить секретарю комитета, то-есть мне» («З.Р.» стр. 180).

Довольно трудно установить какую долю не только работы, но и авторства вложил К. в известный труд Элизе Реклю «Земля и Люди», в части касающейся России. В то время как Реклю, напр., пишет «К. в особенности может по праву приписывать себе многие страницы этой книги» (см. предисловие в книге *Элизе Реклю* «Всеобщая география» том VI «Азиатская Россия» СПБ. 1883 изд. Картогр. завед. А. Ильина») и делает прямые ссылки на рукопись К., сам К. пишет про это об Э. Реклю: «нет ни одной строчки в этом громадном труде, которая как в первоначальной рукописи, намечавшей основные мысли труда, там и в бесчисленных корректурных поправках не была написана им собственноручно» (см. *П. Кропоткин* «Биография Реклю» в приложении к Элизе Реклю. «Речь о русской революции»—Сборник «Союз Равных» изд. Равенства 1906, стр. 23. Отметим также что в ряду 47 подписей под известной декларацией анархистов по поводу Лионского процесса во Франции в 1881 г. литера-

туру о нем смотреть ниже прим. 9 стр.) имеется и подпись К. (см. «Почему мы анархисты», Хлеб и Воля, 1903 г., № 2).

Из своих **литературных псевдонимов** К. упоминает лишь об одном «Левашов» («З. Р» стр. 298). Этим именем («Levachoff»), как упоминает между прочим M. Nettlau в своей библиографии (стр. 73), К. обозначил одну свою коротенькую, но весьма важную для истории анархического движения работу, напечатанную 1 ноября 1879 года в «Révolte» (а также отдельным изданием; о ней см. «Перечень работ К.»). Других работ за подписью «Левашов» у Nettlau не указано.

Наконец, что касается **работ К.** появившихся **без подписи**, так называемых анонимных, то таковых не мало и розыскать их представляет величайшие затруднения. Так, например, вряд ли кто-либо мог бы когда-нибудь разыскать ту небольшую, но любопытную для своего времени, заметку К., которая приведена первой в нашем предварительном перечне работ К., если бы о ней случайно не сообщил сам К. г. В. В. Святловскому. Аналогичное нужно сказать, напр., о больших корреспонденциях К. из Иркутска в «Биржевых Ведомостях» за 1866 год (редакция «Сборник Памяти П. А. К.» 1922 г. воспроизводит их с добавлением подписи «П. Кропоткин», почему то не указывая, что эти корреспонденции печатались без всякой подписи), если бы сам К. не упомянул бы о них в «З. Р.» (ошибочно указав лишь дату «1865» вместо 1866 г. см. «З. Р.» стр. 186, и, напр., ту же книгу в изд. «Знание» 1906 г. стр. 196 или вернее до К. не упомянул В. Бурцев в своей работе «За сто лет» Лондон 1897 г. (г. Петр.) год напечатания этой статьи указан здесь тем правильно, но неправильно указано назв. органа).

Многое осталось до сего времени не разысканным не только в русских периодических изданиях старого времени, но и в заграничных напр. в «Bulletin de la Fédération jurassienne»; в «Le Révolté» и ее сменивших органах. Если относительно Révolte, напр., редактор ее указывает: Большинство статей мне приходилось писать самому» («З. Р.» стр, 427), то естественно, что здесь должно быть не мало материала К., хотя бы без всякой подписи. Не даром Nettlau сообщает в своей библиографии: П. К. написал множество статей и заметок без подписи, помещенных в «Le Révolté», «La Révolte», «Freedom...» (стр. 86 вышеуказан. работа) Из них, к сожалению сам Nettlau определенно указывает лишь только на одну работу без подписи, которую он считает принадлежащей П. К., а именно «Le Vingtième Siècle» (La Révolte с 30 ноября по 28 дек. 1889), являющейся критикой одной из первых работ Беллами: «Через сто лет» (см. M. Nettlau там же, стр. 83 и 214). Впрочем, Nettlau возможно приводит ряд работ К. без указания относительно их анонимности. По крайней мере это нам определенно стало известно относительно брошюры «Le Procès de Solovieff» 1879 г., вышедшей в том же году на итальянском языке, которая хотя и принадлежит перу К., но издана анонимно (ср. Nettlau стр. 73 и Цоколли «Анархизм» Изд. Н. Глаголева СПБ. стр. 313) Выше мы высказали предположение (см. примеч. 3) что французское литографированное издание «К молодежи», подписанное «анархисты Юры» принадлежит К., хотя сам Nettlau это почему то не отмечает. По всей вероятности без подписи появилась и та заметка К. в Révolté, в которой он сообщает о «Священной лиге» и подготовляющемся на него покушении (см. «З. Р.» стр. 345).

Nettlau сообщает, между прочим также, что во время пребывания К. в Швейцарии им помещалась русская хроника в юрских и женевских органах (там же стр. 86) Но в частности не давал ли чего-либо К. в это время (1877—1881) в выходившие тогда русские издания? Прав ли Л. Дейч, отмечающий, что К. вместе с Реклю «основан был в Женеве небольшой листок на французском языке, под заглавием «Лавангард», посвященный пропаганде анархических взглядов сообщающий что между К. и руководителями «Общины» существовали

наилучшие отношения» и вместе с тем несколькими строками после этого пишущий о К. «Другому досадно было, что он за все время своего пребывания тогда в эмиграции более двух с половиной лет—не написал ничего для соотечественников и в частности, ни в «Общине», ни в «Земле и Воле» не поместил ни одной статьи (Л. Г. Дейч «Русская революционная эмиграция 70-х годов» Гос. Изд. Пет. 1920, стр. 11 и 15)? Ответить на наш вопрос вполне утвердительно, в особенности если принять во внимание возможность позволения материала без подписи К., здесь мы не беремся. (Возможно что это и так на что тогда нужно привести более определенные пояснения, чем это делает Л. Дейч в своей довольно поверхностной книжке).

Из журнальных работ К. в русских изданиях более позднего времени не мало не подписанных статей К., например, в журналах «Хлеб и Воля» (1903—1905 г.), и листки «Хлеб и Воля» (1906=1907 г.).

Что касается первого журнала, то К. пометил в ряде вышедших №№ подписанными лишь несколько отдельных писем и одну лишь вполне законченную статью; как вдруг редакция журнала в одном из последующих № (№ 15 от февраля 1905 г.), опубликовывает письмо К., в котором последний извиняется за то, что он не продолжает «начатых статей» и обещает их продолжить по выздоровлении. Это может служить, между прочим, доказательством того, что неподписанные статьи К. в этом журнале имелися. Да это могут пожалуй подтвердить некоторые из сотрудников этих журналов, здравствующие и поныне. К сожалению, даже в сборнике «Хлеб и Воля», вышедшей в России в 1906 г. где собраны многие статьи из журнала под таким же наименованием, статьи К. перепечатана в ряду других без обособленного указания кому они принадлежат.

Попадаются и отдельные издания напр. брошюра «Русский Рабочий Союз» изд. Свобода 1906 г., без указания автора (что упомянутая брошюра—К., между прочим, видно из об'явления в «Листки Хлеб и Воля» от 13 Дек. 1906, № 4, стр. 7). Мы не говорим уже о множестве таких неподписанных заметок К., как напр., в журн. «Natuіe» и друг., энциклопедических словарях и т. п., а также сделанных К. переводов чужих произведений (см. насчет последних напр. Л. Дейч «С. М. Кравчинский Петр, 1919 г. стр. 11)

Возможно неопубликованная часть «Записок Революционера», о которой нами упоминалось выше (см. примеч. 2, стр. 239), может дать ценный материал и в частности, и о литературных работах, принадлежность которых К. до сего времени остается неизвестной.

5.

Периодическая печать анархистов, судя по количеству названий, не так уже малочисленна, как это может показаться читателю, живущему в русских условиях. Так например указатель периодических изданий, цитированных M. Nettlau, занимает в его замечательной книге «Bibliographie de L' Anarchie» 23 страницы (стр. 255—277) и содержит около *700* повременных изданий выпущенных анархистами за ряд лет; при этом нужно принять во внимание что работа Nettlau закончена более *четверти века* тому назад (31 Дек. 1896 г.). Но не нужно думать, что количество анархистических повременных изданий, несмотря на все препятствия для их развития, сократилось. Для примера приведем, хотя и длинную, но тем не менее не безинтересную выдержку которую нам случайно удалось встретить в скудной литературе по этому вопросу; перечислив целый ряд полицейских мероприятий, предпринятых для подавления анархистического движения, анонимный автор статьи «Anarchismus» в одной из немецких энциклопедий пишет: «Что, впрочем, анархизм ни в коем случае не может считаться ликвидированным доказывает число анархистических повременных изданий, которых теперь около сотни или даже более. Так, в конце *1901 года*

выходили: (изменяю цитированные издания по русскому алфавиту стран) *Австрия»* Der freie Sozialist (Грау) «Novy Kult» (по чешски Прага); а также «Matice Svobody» (Брюн), «Hornik» (Brug); *Англия* «Freedom» (Лондон), «Arbeiterfreund» (по еврейски Лондон), «La greve genèrale» (по французски и итальянски, Лондон), *Аргентина* «Lo Protesta Umana», «El Rebelde», «El Obrero», «El Sol,» «El Obrero Punadero,» «El Obrero albanie,» е. t. с. (по испански) L' Avenire, La Nuova Civilita (по итальянски, Буинос Айрес) *Бельгия:* L' Emancipation (Брюссель) Le Reveil des Travailleurs (Лютих): «Out waking» (по фламандски Антверпен) *Бразилия:* «Le Dirito» (по итальянски, Curitiba) «Palesta social» (по испански, итальянски, португальски, Сан Паоло) *Германия:* «Neues Leben» (Берлин,) «Freiheit» (близь Штуттгардта); «Der arme Teufel» (Фридрихсхафен близ Берлина); *Голландия:* Anarchie», De Frije Socialist» (Амстердам) «De tockomst» (Gorinchem), «De Arbeider» (Groniuger), «Recht voor Allen (Deventer), «De Zweep» (Гаага); *Египет* «La tribuna Libera» (Александрия); *Испания:* «Revista Blanca»; «Fierray Lubertad» (Мадрид), «El Productor»; «La Nuelga general» (Барцелона,) «El Cosmopolista» (Balludolid), «La Alarma (Reus); «Humanidad libre» (Валенсия) «El Proletario» (Кадикс), Aladante (Santander); *Италия* L' Agitazione» (Рим), «L' Era Nuova» (Неаполь), «L' Avenire sociol» (Мексика); *Куба:* «El Nuevo Ideal» (Гавана) *Норвегия:* «Fie Frihet» (Христиания) *Португалия* «AObra» (Лиссабон), «Proletario» (Опорто); *Румыния:* «Revista Ideei» (Бухарест), *Северная Америка: по английски:* «Free Society» (Чикаго), «Discontent» (Nome, Lane, Lav, Вашингтон), «Liberty» (Ньюiорк); *по немецки:* «Freiheit», «Der Tramp» (Ньюиорк), Chicagoer Arbeiterzeitung», Vorbote (Чикаго); *по французски:* «Germinal» (Патерсон, Ньюиорк),, *по итальянски:* «Aurora» (Spring, Ualley Illinois), Question social» (Патерсон, Ньиорк); *по испански:* «El Despertor» (Бруклин); «La Voz del Esclavo»; La Voce dello Sihivoha; по испански и итальянски «Tampa» (Флорида), «El Resistense», «Key West» (Флорида); *по чешски* —«Volne Listy» (Бруклин); *по еврейски:* «Freie Arbeiter stimme» (Ньюиорк); *Уругвай:* «El Deecho a la Vida; La Tribuna Libertaria; El Trabajo (ежедневное издание! Montevideo); *Франция:* «Le Temps Nouveaux», Le Libertaire; L'Education Libertaire, Le Flamelau (Bienne Isère); *Чили:* La Agitacion; La Rebelion (Сант-Яго; *Швейцария:* Le Réveil; le Risveglio (по французски итальянски Женева)».

Помимо вышеназванных изданий— упомянем свободно - коммунистические издания Голландии и Бельгии (La Batalle—Namur), антипарламентаристические органы профессиональных союзов (La Voix du Peuple, Le Potà Colle) в Голландии, Испании, Аргентине; журналы молодых литературных направлений, как Revue Blanche,, популярные издания, как L'Universita Populare (Mantua), Brand (Mulmö в Швеции): журналы «толстовцев»: «The Nev Order» (London), «Свободное Слово» (Женева) и друг. направлений «Die Neue gemeinschaft» (Берлин), Luziter, the Sex Question (Чикаго), «Regénaration» (Paul Robin, Париж), сатирические журналы, как «L'Assiete au Beurre» (Париж), даже журнал для детей Iean Pierre (Париж)».

(«Meyers grosess Konversations Lexikon» Sechste Auflage Leipzig Wien, Bibliographisches Institut, 1902, B I, S. 484).

Однако автор только что цитируемых сведений об анархической современной печати, выходившей 5 лет спустя после окончания библиографической работы M. Nettlau, не исчерпывает своими указаниями всех наличных изданий. Так, например, мы можем назвать два из таких пропушенных изданий за указываемый год, а именно: начавший выходить с 21 июня 1901 года в Париже журнал «Sin-Si-Ki» («Новые Времена» по-китайски), редактор которого Y. Zi, между прочим, помещал в нем свои переводы произведений П. К. и журнал «der Zeitgeist», издававшийся в 1901 г. в Нью-Iорке П. Рамусом (см. упоминание о последн. издании в книге «Die Irrlehre und Wissenschaftslosigkeit des Marxismus

im Bereich des Socialismus V. Pierre Ramus Wien 1919 г. стр. 215).

Для несколько более позднего времени, можно встретить указания относительно анархической прессы в «Almanach de la Question Sociale» за 13 лет его выхода, о котором упоминает, между прочим, А. Аммон (Аммон «Социализм и Анархизм» Москва 1906 г. стр. 75).

Боргиус в своей брошюре «Теоретические основы анархизма» (русск. пер. Одесса 1906 г. стр. 69) *для 1904 г.* приводит след. цифры одних анархистских период. изданий, выходящих на разных языках: на английском языке—5, на голландском—8, испанском и португальском—33, итальянском—15, немецком—7, польском и чешском—7, румынском—1, скандинавских—2, французском языке—7 конечно эта статистика не полна. Для *1908*, *1909*, отчасти *1910* года указания на периодические издания анархистов можно найти в «*Bulletin de L'Internationale Anarchiste*» London за эти годы,—для *1910* и *1911* года см. Internationales Adressverzeichniss der Anarchistischer Presse I lahrbuch der freien generation издаваемом под редакцией Pierre Ramus'a, 3 I, II за эти годы (Zûrich).

Стремясь дать, по возможности полно, сведения об анархической прессе, мы не можем здесь входить в оценку вышеупомянутых журналов. Сам К. помещал свои статьи и заметки, сравнительно, в очень ограниченном числе органов анархистов; тем не менее статьи П. К. перепечатывались в подавляющем большинстве выходящих повременных анархистических изданиях, так что гораздо труднее определенно указать на издание где бы какой-нибудь статьи К. не было, нежели просто перечислить все выходившие издания за время почти полувековой писательской деятельности П. К., как анархиста; помимо того все эти издания почти без исключения приводят мысли или упоминают имя П. К. в той или иной связи и таким образом представляют специальный интерес.

Что касается **русских анархистических повременных изданий**, то сведения о них в литературе вообще крайне скудны. Попытаемся дать самый предварительный и крайне неполный перечень их; сюда можно отнести *из журналов 60-х, 70-х и отчасти последних годов «Народное Дело»* (№ 1 1868 г.), «Народная расправа» (1869), «Община» (1870), «Колокол» (1870 г.) «Свобода» (1872) Работник (1875-1876), Община (1878), «Земля и Воля» (1878-1879), «Черный Передел» (1879-1890 г.), (?) «Правда» (1882-1883, хотя в этом издании принимали участие такие анархисты, как В. Черкезов, к последнему изданию, нужно быть очень осторожным: «Правда» издавалась агентом русского правительства Климовым, как это впоследствии выяснилось, отчего и издание прекратилось (см. об этих журналах: «A Century of polit-life in Russia (1800-1896)—«За сто лет» Сборник по истории политич. и обществ. движения (в двух частях) Составил *Вл. Бурцев* при ред. участии С. И. Кравчинского 1897 Лондон, «*Г. А. Куклин* Итоги революц. движения в России за сорок лет 1862—1902 Женева 1903 г. «Catalogue Bibliographique Библиографический Каталог. Профили редакторов и сотрудников Carouge (Genéve) *M. Elpidin.* Libraire-editeur 1906. *Рубакин* «Среди Книг» т. I, а также издание под редакцией *В. Базилевского* (В. Я. Богучарского) приложение первое и второе к его Сборникам «Государственные преступления в России».

К журналам 900-ых годов и позднейшего времени относятся: «Хлеб и Воля» (1903-1905), «К оружию» (1904) и «Листок группы» «Безначалие» (1905) «Черное Знамя» (1905) «Набат» (1905), Листки «Хлеб и Воля» (1906-1907), «Буревестник» (1906-1910) «Бунтарь» (1906-1909), «Вольный Рабочий» (1906), «Мятежник» (1907), «Анархист» (1907 г.) «Листок Бунтаря» (1908 г.) «Без руля» (1908 г.), «Хлеб и Воля» (1909 г.) «Молот» (1913 г.) «В Помощь» (1913), «Рабочий мир» (1912-14), «Вольная община» (1914), «Хлеб и Воля» (1914) «Набат» (1915) «Рабочая мысль» (1916-1917) «Рабочее Знамя» (1907), «Путь к свободе» (1917).

Из периодических изданий анар-

хистов на иностранных языках за это время мы можем назвать: на польском языке—«Голос Революционера» (1906), ряд легальных газет на грузинском языке: «Нобати», «Хма», «Муши» (1906 г.), «Буря» 1907 г. (см. Альманах Сборник по истории анархич. движен. в России том I Париж 1906 стр. 99, 100, 103 и наконец на латышском языке Zihnas Blass (1916-1917 г.).

С развитием революции выходят *в 1917 году в России:*

«Анархист» (Ростов Дон), «Анархия» (Москва), «Безначалие» (Пет.), «Бунтовщик» (Томск), «Буревестник» (Петроград), «Буревестник» (Одесса), «Бюллетень Временного Осведомит. Бюро Анархистов» (Харьков), «Вольный Кронштадт» (Кронштадт), «Голос Анархии» (Саратов), «Голос Анархиста» (Одесса), «Голос Труда« (Петроград), «Коммуна» (Петроград), «Рабочая мысль» (Харьков), «Свободная Коммуна» (Петроград), «Труд и Воля» (Петроград), «Хлеб и Воля» (Харьков); помимо этого в этом году начинают выходить или продолжают издаваться такие издания как: «Голос Толстого и Единение» (Москва), «Свободное Воспитание» (Москва), «Жизнь для Всех» (Петроград), и «Думы и Воля железнодорожника»;

В 1918 году выходят вновь или продолжают издаваться: Мысли и речи «Анархист» (Москва), «Анархист (Ярославль), «Анархист» (Архангельск), «Астраханский Анархист» (Астрахань), «Анархия» (Москва), «Безвластие» (Харьков), «Буревестник» (Петроград); Бюллетень исполн. бюро Леф. организации (Москва), «Вестник Анархии» (Брянск), «Волна» (Екатеринбург), «Вольный Голос Труда» (Москва), «Вольный Труд» (Петербург), «Вятская Свободная Коммуна» (Вятка), «Голос Анархии» (Саратов), «Голос Анархиста» (Екатеринослав), «Голос Труда» (Петербург—Москва), «Грядущее» (Вологда) «Заря Анархии» (Вологда), «Знамя Анархии» (Курск), «Путь к анархии» (Саранск), «Революционное творчество» (Москва) «Рабочее Знамя» (Петр.), «Рабочая мысль» (Харьков), «Свободная Коммуна» (Москва), «Свободная мысль» (Воронеж), «Слово Анархиста» (Смоленск), «Набат» (Курск), «Прикамская Анархия» (Вятка) «Уральский Набат» (Екатериненбург), «Черное Знамя» (Москва), «Черное Знамя» (Самара), «Черное Знамя» (Петроград), помимо этого на украинском языке вышл «Буревестник« (Харьков), на Латышском «Britiba Kommuna» (Харьков), «Leesma» (Москва), и начали издавать или продолжали выходить такие издания как «Белен» (по татарски в Казани), «Телеграф» (Петроград), «Рабочая Жизнь» (Москва) «Жизнь» (Москва) «Голос Толстого», «Свободное Воспитание»; В Южной Америке с 1918 г. на русском языке начинает выходить «Голос Труда» (Буйнос Айрес).

В 1919 году, выходят в России «Анархия» (?), «Бюллетень к созыву с'езда анархистов» (Харьков), «Бунтарь» (Иваново-Вознесенск), «Буревестник» (Бердянск), «Вольный Бердянск» (Бердянск), «Вольная Жизнь» (Москва), «Вольный Труд» (Петр.) «Голос Труда» (Москва), «Голос Трудящихся» (Клинцы), «Гуляйпольский Набат» (Гуляй Поле), «Жизнь и творчество русской молодежи» (Москва), «Екатеринославский Набат» (Екатеринославль), «К свету» (Харьков), «Москвский Набат» (Москва), «Набат» (Харьков), «Набат» (Елисаветград), «Одесский Набат» (Одесса), «Периодический листок Елисаветградской федерации анархистов» (Елисаветград), «Подпольный Коммунар» «Почин» (Москва), «Харьковский Набат» (Харьков), «Труд и Воля» (Москва), помимо того выходит: «Путь к свободе» «Шлях до воли» (Екатеринослав), «Голос Толстого»; За границей продолжают выходить иди издаваться вновь: «Голос Труда» (в Южной Америке); «Голос Труда» (Чикаго), «Хлеб и Воля» (Ньюорк), «Рабочий и Крестьянин» (Ньюiорк), «Голос Труженника» «Свободное Общество» а на украинском языке «Вольная Правия».

1920 г. «Алтайский Набат» (?), «Бюллетень союза анархистов (?). «Набат» (Харьков), «Почин» (Москва), «Путь к анархии» (Благовещенск), «Черное Знамя» (Владивосток), и такие издания как: «Голос Махновца» «Вольный Повстанец» (?). Истинная

Свобода» (Москва). За границей (в листах) продолжают выходить: «Голос Труда» (Южн. Америка) «Голос Труженника» (наш перечень изданий подчеркиваем самый предварительный и неполный. Несколько сведений относительно анархистической печати 900-х годов именно встретить верным вполне «Альманах» «Сборник по истории анархического движения в России» т. I, Париж 1909 г., для изданий 1917—1918 г. см. *Н. Хархардин* «Русская анархическая пресса» «Вестник Литературы» 1921, сб. 10, стр. 12, в последней заметке приведенные статистические данные во многом совершенно недостаточны). Относительно периодических *изданий последующего времени* смотреть ниже примеч. 9, стр.

6.

Из таких **заграничных периодических изданий, в которых помещались работы К. разнообразного содержания** можно назвать: для *Америки:* напр. «Atlantic Montlv»; *для Англии:* «Fortnightly Rewiew», «The geographical journal», «Natur» «Newcastle chronicle» «Nineteenth Century», «Speaker», «Times»; *для Германии:* «Mitteilungen aus Justus Peters geographischer Anstalt... von Dr A. Petermann, *для Франции:*— «Temps»; а из русских газет и журналов в алфавитном порядке: «Биржевые Ведомости» «Вестник Промысловой Кооперации», «Записки для чтения»—приложение к газ. «Бирж. Вед.», «Записки Императорского Русского Географического Общества», «Записки Сибирского отдела Импер. Русского Географич, Общества», «Земледельческая Газета», «Знание», «Известия Имп. Русск. Геогр. Об-ва», «Книжный Вестник», «Кронштадский Вестник», «Русские Ведомости», «Русский Вестник», «Русский Вестник—Современная Летопись», «СПБургские Ведомости», «Свобода России», «Сибирский Вестник», «Современная летопись» воскресное прилож. к газ. «Московские Ведомости», «Утро России». для общих справок о времени и месте выхода большинства из перечисленных русских изданий может служить *Лисовский Н.* «Библиография русск. периодической печати 1703—1900 гг.» П. 1915 г.)

Приводимые сведения, в особенности относительно заграничных газет и журналов, в которых можно встретить работы К. ни в коем случае не могут считаться исчерпывающим (Ряд статей К. и заметок К., напечатанных в вышеперечисленных изданиях см. в нашем предварительном перечне работ К.)

7.

«Я написал... между прочим, обращение **«К молодежи»**, сотни тысяч которого разошлись на различных языках - указывает К. относительно одной из своих статей в Révolte («З. Р.» стр. 334). Мы позволим себе привести страничку из «Bibliograbhie de L'Anarchie» par M. Nettlau, относительно этой небольшой работы К., чтобы показать, как велико **количество изданий К.** «*Aux jeunes gens*» («Revolte» 26 juin—21 août 1880: *Paroles d'un Revolté* 1885 pp. 48—75); en brochure: jenève, 1881, 32 pp., in 8⁰; 2-e edit, 1884, 32 pp., 3-e et 4-e edit, Paris, 1889; trad. italienne: *Ai giovani* trad. de g. L' Cazzoni et *Alle fanciulle* (de A. M. Mozzoni). Milano, 1884, 66 pp., in 16⁰; Cremona, 1887, 58 pp. in 8⁰; *Ai giovani*. Niee, 1889, 30 pp.; Naples, 1890, 31 pp.; Milano (Bibl der Lavoratori, u ⁰10), 1893, 47 pp, in 16⁰; daus «La Lotta» (Mantone). 13 snars 1887 sq; dans «La Nuova gioventù» (Florence) 1891;—trad. espagnole: *A los joveng* 1885, 32 pp., Cádiz. s. a. 1888 (Biblieteca die trbajador), 32 pp., in 16⁰; Madrid, 1895 (Bill. de la «Idee Libre»; «Idea Libre» n-os 41—45, 32 pp., in 8⁰; trad. d. Alvarez) dans la «Federacion de trabafadores» (Montevideo), 1885 (inachevé); dans «El Socialismo» (cadiz), 1886; dans «Le Sociallsmo» (italien de Buenos—Aires, 1887, en espagnol; trad. portugaise: A Mocidade, dans «A Revolucao social» (Porto) 1889—90; trad roumaine: *Se-risorea unui* [illegible] *studentii* [illegible] *in «Asociatiunea generala»* studentilor universitari cin Romania (Bucarest, 1880, 26 pp., in 8⁰, adaptinı libre de: *Aux jeunes gens*; [illegible]

(trad de I. Nadejde) dans «Revista Social» (Iasiy), n-os 8—11; ed brochure Jassy, 1886, 24 pp., gr. in 8°; Braila 1888; trad allemande: *An die jungen Leute* (trad. de I. Schultze), New Iork s. a—1884, 28 pp., in 8⁰; *An die jungen Leute* (et *An die Proletarier der Kopfarbeit*), Internationale Bibliothek, № 7 (New Iork, 1887 in 18⁰) Anarchistische Bibliothek, № 2, (Berem, 1893, 15 pp. in 8⁰); dans le «Socialist» (Berlin) du 15 au 29 juin 1893; dane «Freie Wacht» (Philadelphia), 1895. trad. anglaise: *An appeal to the young* (dans «To day» et dans «justice», Londres, 23 aout au 11 octobre 1884, trad. de H. M. Nyndman en brochure: Londres, Modern Press, 1885, 16 pp. in 8⁰; nouvelles edit: justice Prinssry, 1889; Twentieth Century Press, 189?, 15 pp. in 8⁰; nouvelle traduction «The torch Library» № 3, Londres 1895, 19 pp., in 8⁰, dans «The People» (San Francisco, 1887): «*Letters to young People*» dans «The Labour Eguirer» (Denver, Col. 1887, en mai; dans «The Alarm» 1888; -trad flamande dans le «Werker»—(Anvers), 1888,—trad. hollandaise: *Elon woord aan de jongelieden*. La Haye, Liebers et C⁰, 1885, 27 pp. in 8⁰; Frad da noise: *Til de Unge* (traduit pour Arbejderen, et en broschure Capenhague, 1891, 30pp. in 8⁰) —trad. norvegienne: *Til de Unge* (Fedrahelmen, 1890, № 22—23, 32 pp, in 8⁰) trad. tcheque: Nasi mladezi (New Iork? 189?) trad polonaise: *Do Mlodziezy* (Biblioteczka Proletariat. II Warsawa 1883, 36 pp., in 8⁰, editio.. clandestine; trad. bulgare: *Uoi mlad lye*. 2-me edit. Selvlievo, 1892, 39 p. in 16⁰; trad. greeque: Ecclésis li1 to... aedus kata metaphrasin Platou: E. Drakonli (Ashènes, 1886, 51 pp.)

«Этот перечень содержащий около сорока изданий далеко не полон», пишет Nettlay (стр. 74—75) и в добавление дает еще перечень следующих изданий: *A los jovenes*, dans la «A... guia» (La Plata, 1896); *A os jovens* (Bibliotheca, Porto, 1896 и то... русского издания, о котором нам говорилось выше см. примеч. (Nettlau стр. 238). При этом нужно принять во внимание, что Nettlau указывает издания К. вышедшие более 25 лет тому назад, а с тех пор число их увеличилось по крайней мере вдвое и вазвание «К молодежи» как и целый ряд других работ К. появилось не только вновь на самых разнообразных европейских языках, но и на армянском, грузинском, китайском, японском, индусском и других языках.

Примечание редакции. По первоначальному плану редакции библиография трудов П. А. Кропоткина, составленная тов. Пиро должна была сопровождаться его-же комментариями и детальными примечаниями.

Ввиду обширности этих примечаний, а также желательности выпустить сборник к юбилейному сроку восьмидесятилетия со дня рождения П. А. Кропоткина, редакция, к своему сожалению, сочла себя вынужденной напечатать лишь первые семь примечаний, отложив печатание остальных примечаний тов. Пиро до более благоприятного времени.

РЕДАКЦИЯ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
От редакции	1
Н. К. Лебедев. П. А. Кропоткин (Человек.—Мыслитель.—Революционер)	3
И. Гроссман-Рощин. Мысли о творчестве П. А. Кропоткина	13
Алексей Боровой. Проблема личности в учении П. А. Кропоткина	30
Б. Стоянов. Закон и Право	52
Христиан Корнелиссен. П. А. Кропоткин	63
Ш. Малато. Кропоткин и Бакунин	67
Н. А. Критская. Педагогические идеи П. А. Кропоткина	71
Б. С-в. К развитию революционного мировоззрения П. А. Кропоткина	76
Н. К. Лебедев. П. А. Кропоткин—как геолог и географ	82
М. А. Мензбир. П. А. Кропоткин—как биолог	99
Н. И. Кареев. П. А. Кропоткин о великой французской революции	108
И. З. Штейнберг. Место анархизма в левом народничестве	139
А. Боровой. П. А. Кропоткин (речь)	150
Речь, произнесенная И. Гроссманом-Рощиным на могиле Кропоткина	158
Волин. Вместо венка	161
Лев Черный (П. Д. Турчанинов). П. А. Кропоткин	163
А. Таратута. П. А. Кропоткин	164
Г. Б. Сандомирский. Кропоткин и Франция	168
Г. Б. Несколько слов старого друга о Петре Кропоткине	177
Жан Грав. Из моих воспоминаний о Кропоткине	179
Т. Пиро. Несколько предварительных материалов к библиографии Петра Кропоткина	18[illegible]

П. Кропоткин—Поля, Фабрики и Мастерские.
Его-же.—Взаимная Помощь (вновь пересмотренное и дополненное с предисловием автора к этому изданию).
Его-же.—Этика.
Его-же.—Великая Французская Революция.
Его-же.—Справедливость и Нравственность.
Его-же.—К чему и как прилагать труд ручной и умственный (сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерские).
Его-же.—Анархия.
Его-же.—Анархическая работа во время Революции.
Его-же.—Коммунизм и Анархия.
Его-же.—К молодому поколению (разошлось).
Его-же.—Политические права.
Его-же.—Новый Интернационал.
Н. К. Лебедев.—Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель.
Его-же.—К истории Интернационала. Этапы международного об'единения трудящихся.
Э. Малатеста.—Избранные сочинения.
Его-же.—Анархизм.
Его-же.—Краткая Система Анархизма.
Его-же.—Крестьянские речи.
М. Неттлау.—Жизнь и деятельность Михаила Бакунина.
Его-же.—Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.
Э. Пато и Э. Пуже.—Как мы совершим революцию, с предисловием П. А. Кропоткина.
Э. Пуже.—Избранные сочинения по вопросам Синдикализма.
Ф. Пеллутье.—История Бирж Труда.
М. Р—ский.—Франциско Феррер и его Новая Школа.
Элизе Реклю.—Избранные сочинения (с предисловием П. А. Кропоткина).
Сборник памяти П. А. Кропоткина под редакцией Н. К. Лебедева и А. А. Борового.
Свободное Трудовое Воспитание. Сборник статей под редакцией Н. К. Лебедева.
В. Траутман, Дж. Эттор и В. Сэнт-Джон.—Производственный Синдикализм (Сборник статей об индустриализме, с предисловием А. Шапиро).
С Фор.—Преступления Бога (второе изд.)
В. Черкезов. — Предтечи Интернационала; Доктрины Марксизма; Распад среди социалистов государственников; Наконец-то сознались (ответ Каутскому).
Ф. Эртер.—Чего хотят синдикалисты.

Печатаются и в скором будущем выйдут в свет:

М. Бакунин.—Исповедь.
А. Боровой.—Достоевский.
Дж. Гильом.—Интернационал (Воспоминания и Материалы). Том III и IV.
Проф. Н. Кареев.—Годвин и его политическая справедливость.
Эли Реклю.—Парижская Коммуна изо дня в день. (Дневник событий 1871 года).
